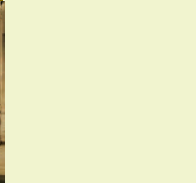


ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛЮДИ И СУДЬБЫ XX ВЕК





БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
им. Ю. Г. Слепухина
„ЛУЧШИЕ КНИГИ –
БИБЛИОТЕКАМ“

www.yslepukhin.ru
e-mail: slepuhin@mail.ru



1946 год, Брюссель

Сергей Кудряков



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ –
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ
2020

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

СЛЕПУХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ–2020

**«Великая Отечественная война и судьбы
соотечественников:
оккупация, эмиграция и реэмиграция»**

прошла в режиме онлайн,
16–18 ноября 2020 года

в ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

**Организаторы конференции искренне благодарят
коллектив библиотеки за поддержку и творческое участие,
техническое обеспечение проведения заседаний.**

**Редколлегия сборника Трудов конференции выражает
признательность коллективу Всеволожской межпоселенческой
библиотеки за квалифицированную помощь в подготовке
текстов к печати**

ФОНД ЮРИЯ СЛЕПУХИНА «ЛУЧШИЕ КНИГИ — БИБЛИОТЕКАМ»
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

при поддержке
КОМИТЕТА ПО КУЛЬТУРЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ.
XX век.
ЛЮДИ И СУДЬБЫ:
СЛЕПУХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2020**

*Труды Международной научной
Конференции*



Санкт-Петербург
Фонд Слепухина
ООО ИПП «Ладога»
2022

УДК 94(47+57)"1941/1945"(082)

ББК 63.3(2)622я43

В27

Издано при поддержке комитета по культуре Ленинградской области

Великая Отечественная. XX век. Люди и судьбы: Слепухинские чтения–2020 : труды Международной научной конференции / Фонд Юрия Слепухина "Лучшие книги — библиотекам" [и др.] ; составители: П. Н. Базанов, д-р ист. наук, Н. А. Слепухина ; редакционная коллегия: ... Н. А. Слепухина (отв. ред.) [и др.] . – Санкт-Петербург : Фонд Слепухина : ИПП "Ладога", 2022. – 450 с.

Текст (визуальный) : непосредственный.

И. Базанов, Петр Николаевич, сост. П. Слепухина, Наталья Александровна, ред. III. «Слепухинские чтения–2020», международная научная конференция (Санкт-Петербург) IV. «Лучшие книги — библиотекам», благотворительный фонд им. Ю. Г. Слепухина (Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-986-35-130-8

«Каталогизация перед публикацией», РНБ

В сборнике представлены 26 докладов в области истории, философии, филологии, объединенных задачей исследования судеб соотечественников на родине и за рубежом в период Великой Отечественной войны. Статьи и материалы систематизированы по проблемному и хроногенетическому принципу. Сборник состоит из шести тематических разделов, два из которых традиционно посвящены судьбе и творчеству Ю. Г. Слепухина, известного писателя-репатрианта; а также именного указателя и вкладок с оригинальными фотографиями. Издание адресовано специалистам, преподавателям и широкому кругу читателей, интересующихся историей России в XX веке, Русским Зарубежьем.

Составители: *П. Н. Базанов*, д-р ист. н.; *Н. А. Слепухина*

Редакционная коллегия: *П. Н. Базанов* (гл. ред.), *Н. А. Слепухина* (отв. ред.),

М. Н. Толстой (консультант), *В. Ю. Черняев* (консультант)

Научно-библиографическая редакция примечаний: *А. Г. Тимофеев*

Перевод на английский язык и редакция иностранных текстов: *А. Г. Тимофеев*

Дизайн и верстка: *Г. Ю. Слепухин*, *А. В. Александрова*

© Фонд Слепухина, 2022

© Г. Ю. Слепухин, художественное оформление, 2022

© Ю. Г. Слепухин, наследники

Все авторские права защищены

При использовании материалов издания ссылка на издание, авторов и издателя обязательна

Редколлегия сборника
и Совет Фонда Юрия Слепухина «Лучшие книги — библиотекам»
искренне благодарят

Сергея Михайловича НЕКРАСОВА
директора Всероссийского музея А. С. Пушкина

Дмитрия Анатольевича ШУМИЛИНА
директора Российского института истории искусств

Николая Ивановича ПУСТОТИНА
депутата Законодательного собрания Ленинградской области
седьмого созыва

Ирину Викторовну СЕМЁНОВУ
директора Ленинградской областной универсальной
научной библиотеки

Якова Александровича ПЕСИНА
заместителя директора Ленинградской областной универсальной
научной библиотеки

за научное и организационное участие
и добрую помощь в проведении Конференции



ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. Г. СЛЕПУХИНА	15
<i>А. В. Антошин.</i> «Социализм перестает быть синонимом прогресса»: Юрий Слепухин о судьбе международной социал-демократии в XX веке	16
<i>Ю. Слепухин.</i> О проблеме социализма	26
Юрий Слепухин в кругу соотечественников в Аргентине (по материалам интервью <i>Н. А. Слепухиной</i> с <i>И. Н. Андрушкевичем</i>)	35
<i>Н. А. Слепухина.</i> Несколько слов вначале	35
РАЗДЕЛ II. ПЕРВАЯ ВОЛНА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	51
<i>З. С. Бочарова, В. Ю. Волошина.</i> Российская эмиграция в начальные периоды Второй мировой войны	52
<i>И. В. Петров.</i> Семья диакона Иоанна Гонестова в контексте советской политики в Латвии в «первый советский год» 1940–1941	72
<i>А. М. Ипатов.</i> Коллаборационизм в среде российских эмигрантов в Китае в годы Второй мировой войны	85
<i>В. И. Косик.</i> Русские в профашистской Хорватии в годы войны	100
<i>Н. В. Турыгина.</i> Повседневная жизнь русской эмиграции в оккупированной Сербии	109
<i>М. Н. Толстой, М. В. Петрова.</i> Василий Фёдорович Кибальчич на театральной и политической сцене	124
<i>А. Н. Кравцов.</i> Русские переводчики на Восточном фронте	157
РАЗДЕЛ III. ПОД НЕМЦАМИ: ЖИЗНЬ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ	167
<i>М. Е. Бабичева.</i> Картина «жизни под немцами» в прозе Второй волны русской эмиграции (смысловые акценты, ракурс изображения)	168

<i>Б. Н. Ковалев.</i> Внутренние эмигранты? Обманувшие надежды Геббельса: Анна Ахматова и Михаил Зощенко	188
<i>В. О. Терентьев.</i> Украинские коллаборационисты на защите интересов нацистской Германии (на примере деятельности 281-го кавалерийского батальона во Франции в 1943–1945)	202
<i>Л. В. Климович.</i> Роль новых исследований и материалов в раскрытии темы отечественного коллаборационизма	220

РАЗДЕЛ IV. ВТОРАЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ И РЕЭМИГРАЦИЯ

229

<i>Н. А. Родионова.</i> Сломанные судьбы: война в жизни женщин Второй волны эмиграции	230
<i>М. Г. Талалай.</i> Советские партизаны-«невозвращенцы» в Италии	248
<i>В. Л. Телицын.</i> Михаил Михайлович Штранге: нетипичная судьба «типичного реэмигранта»	263
<i>М. В. Шкаровский.</i> Судьба епископа Иннокентия (Сокаля): сложное возвращение на Родину	278
<i>Э. Иоффе.</i> На гребне Второй волны. «Огонек во мраке», или долгий путь финской художницы Инги Доннер-Солоневич	291
<i>П. Н. Базанов.</i> Воспоминания Л. А. Львова о пропагандистской деятельности НТС	315
<i>Л. А. Львов.</i> Воспоминания	319

РАЗДЕЛ V. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

323

<i>Е. П. Щеглова.</i> Военная проза Ю. Слепухина как новая ступень в познании истории Великой Отечественной войны	324
<i>Я. В. Погребная.</i> Бомбардировка Дрездена как кульминация романов Ю. Слепухина «Сладостно и почетно»	
<i>К. Воннегута</i> «Бойня № 5, или Крестовый поход детей»	337
<i>Л. П. Егорова.</i> Авторская лирико-публицистическая тональность в оценке военных событий на Кавказе и в Сталинграде (роман Юрия Слепухина «Тьма в полдень»)	353

РАЗДЕЛ VI. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ.	
СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ	367
<i>Е. Н. Андреева.</i> Разборка архива Н. Е. Андреева (1908–1982). Представление архива	368
<i>С. Е. Арро.</i> Презентация книги «Точка опоры. “Дети” русской эмиграции. Судьбы и трагедии»	376
<i>П. Ю. Мажара.</i> Новые материалы по истории эмиграции в фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота	384
ПРИЛОЖЕНИЯ	395
СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	396
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ РОМАНОВ И ПОВЕСТЕЙ Ю. Г. СЛЕПУХИНА	397
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	398
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МИХАИЛА СЕРГЕЕВИЧА ГЛИНКИ	413
ИЛЛЮСТРАЦИИ	417

CONTENTS

SECTION I. THE GREAT PATRIOTIC WAR AND POST-WAR POLITICAL DISCUSSIONS IN THE WORKS OF YU. G. SLEPUKHIN	15
<i>A. V. Antoshin.</i> “Socialism Ceases to Be Synonymous with Progress”: Yuri Slepukhin on the Fate of International Social Democracy in the XXth Century	16
<i>Yu. Slepukhin.</i> On the Problem of Socialism	26
Yuri Slepukhin among His Compatriots in Argentina (Based on the Interview of <i>N. A. Slepukhina</i> with <i>I. N. Andrushkevich</i>)	35
<i>N. A. Slepukhina.</i> A Few Words at the Beginning	35
SECTION II. THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION DURING WORLD WAR II	51
<i>Z. S. Bocharova, V. Yu. Voloshina.</i> Russian Emigration in the Initial Periods of World War II	52
<i>I. V. Petrov.</i> The Family of Deacon Ioann Gonestov in the Context of Soviet Policy in Latvia in the “First Soviet Year” 1940–1941	72
<i>A. M. Ipatov.</i> Collaborationism among Russian Emigrants in China during World War II	85
<i>V. I. Kosik.</i> Russians in Pro-fascist Croatia during the War	100
<i>N. V. Turygina.</i> Everyday Life of Russian Emigration in Occupied Serbia	109
<i>M. N. Tolstoy, M. V. Petrova.</i> Vasily Fiodorovich Kibalchich on the Theater and Political Stage	124
<i>A. N. Kravtsov.</i> Russian Interpreters on the Eastern Front	157
SECTION III. UNDER THE GERMANS: LIFE IN THE OCCUPIED TERRITORY	167
<i>M. Ye. Babicheva.</i> The Picture of “Life under the Germans” in the Prose of the Second Wave of Russian Emigration (Semantic Accents, Image Angle)	168

<i>B. N. Kovalev. Internal emigrants? Those who Deceived Hopes of Goebbels: Anna Akhmatova and Mikhail Zoshchenko</i>	188
<i>V. O. Terent'iev. Ukrainian Collaborators in Defense of the Interests of Nazi Germany (on the Example of the Activities of the 281st Cavalry Battalion in France in 1943–1945)</i>	202
<i>L. V. Klimovich. The Role of New Research and Materials in Revealing the Topic of Russian Collaborationism</i>	220
SECTION IV. SECOND WAVE OF EMIGRATION AND RE-EMIGRATION	229
<i>Rodionova N. A. Broken Fates: War in the Lives of Women of the Second Wave of Emigration</i>	230
<i>M. G. Talalay. Soviet Partisans-“Defectors” in Italy</i>	248
<i>Telitsyn V. L. Mikhail Mikhailovich Strange: the Atypical Fate of the “Typical Re-emigrant”</i>	263
<i>M. V. Shkarovskiy. The Fate of Bishop Innokentiy (Sokal’): a Difficult Return to His Homeland</i>	278
<i>E. Ioffe. On the Crest of the Second Wave. “A Light in the Darkness”, or the Long Way of the Finnish Artist Inga Donner-Solonevich</i>	291
<i>P. N. Bazanov. Memoirs of L. A. L’vov about the Propaganda Activities of the National Labor Union (NTS)</i>	315
<i>L. A. L’vov. Memoirs</i>	319
SECTION V. THE GREAT PATRIOTIC WAR IN FICTION	323
<i>Ye. P. Shcheglova. Military Prose of Yu. G. Slepukhin as a New Stage in the Knowledge of the History of the Great Patriotic War</i>	324
<i>Ia. V. Pogrebnaya. The Bombing of Dresden as the Culmination of the Novels “Sweetly and Honorably” (“Sladostno i Pochetno”) by Yu. Slepukhin and «Slaughterhouse-Five, or, The Children’s Crusade» by K. Vonnegut</i>	337

<i>L. P. Yegorova. The Author's Lyrical and Journalistic Tone in Assessing the Military Events in the Caucasus and Stalingrad (Yuri Slepukhin's Novel "Darkness at Noon")</i>	353
SECTION VI. HISTORY OF RUSSIAN EMIGRATION, CERTIFICATES AND DOCUMENTS	367
<i>Ye. N. Andreeva. Dismantling and Presentation of the Archive of N. Ye. Andreev (1908–1982)</i>	368
<i>S. Ye. Arro. Presentation of the Book "Fulcrum. "Children" of the Russian Emigration. Fates and Tragedies"</i>	376
<i>P. Yu. Mazhara. New Materials on the History of Emigration in the Funds of the Russian State Naval Archive</i>	384
SUPPLEMENTS	395
MAIN ABBREVIATIONS	396
CHRONOLOGICAL LIST OF PUBLICATIONS OF NOVELS AND STORIES BY YU. G. SLEPUKHIN	397
INDEX	398
IN LOVING MEMORY OF MIKHAIL SERGEEVICH GLINKA	413
ILLUSTRATIONS	417



Раздел I
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
И ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. Г. СЛЕПУХИНА



АНТОШИН Алексей Валерьевич,
профессор кафедры востоковедения
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доцент, доктор исторических наук
(Россия, Екатеринбург)

**«СОЦИАЛИЗМ ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ
СИНОНИМОМ ПРОГРЕССА»:
ЮРИЙ СЛЕПУХИН О СУДЬБЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В XX ВЕКЕ**

Аннотация: Публикация посвящена восприятию Ю. Г. Слепухиным процесса развития международной социал-демократии в середине XX в. Она основана на материалах его статьи, опубликованной в еженедельнике «Посев» в 1950. Доказано, что Ю. Г. Слепухин одним из первых обратил внимание на кризисные тенденции в развитии идеи демократического социализма, которые наиболее ярко проявятся во второй половине XX — начале XXI вв.

Ключевые слова: Юрий Слепухин, история политической мысли, социал-демократия, меньшевики, эсеры.

Abstract: The publication is devoted to Yu. G. Slepukhin's perception of the development of international social democracy in the middle of the XXth century. It is based on materials from Yu. G. Slepukhin's article published in the weekly «Possev» in 1950. The author and publicator proves that Yu. G. Slepukhin was one of the first to draw attention to the crisis tendencies in the development of the idea of democratic socialism, which will be most clearly manifested in the second half of the XXth — early XXIst centuries.

Keywords: Yuri Slepukhin, history of political thought, social democracy, Mensheviks, Socialist-Revolutionaries.

Кризис международной социал-демократии — это явление, о котором в последние десятилетия говорят почти все исследователи¹.

¹ См., напр.: Грудкова Е. А. Социалистический Интернационал и проблемы глобализации // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М.: Собрание, 2006. С. 575–582; Любин В. П. Социалисты в истории Италии: ИСП и

Ведущая партия Социнтерна, стоявшая у истоков международного рабочего движения, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), давно не может вернуться к власти в своей стране. Многолетний кризис переживают британские лейбористы. Во многом потеряли свою идентичность, свое лицо социалисты в других странах Европы, где они когда-то были весьма сильны. Влиятельный в прошлом Социнтерн сейчас почти забыт, фактически он перестал являться значимым фактором европейской и мировой политики.

Однако главное состоит даже не в этих видимых явлениях, не в тех процентах голосов, которые набирают социал-демократы и социалисты на выборах в странах Европы, в том числе в Европарламент. Самый серьезный фактор — это падение популярности социал-демократов среди левых интеллектуалов стран Запада. Современные левые тяготеют к иным политическим группировкам, не считают социал-демократию «своей» партией. Фактически социал-демократия воспринимается ныне как политическая сила, скорее принадлежащая прошлому.

Когда же начался этот процесс? Когда и в связи с чем произошло это падение с пьедестала идеи социализма, в прежние времена столь популярной среди европейской и русской интеллигенции?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к духовно-нравственной атмосфере в странах Запада середины XX в. Период после Второй мировой войны, казалось, был благоприятным временем для сторонников социалистического идеала. Победа СССР в Великой Отечественной войне неизмеримо подняла моральный авторитет и популярность советской модели социализма во всем мире. На Западе стали весьма популярными концепции «социального государства», «общества всеобщего благоденствия» и т. д., во многом базировавшиеся на идеалах социал-демократии. Социалистические силы возникли и пришли к власти не только в Европе, но и в Азии, Африке, Новой Зеландии, по всему миру. Казалось, что именно идеи социаль-

ее наследники, 1892–2006. М.: Наука, 2007. С. 459; *Гуселетов Б. П.* Социалистический Интернационал как международная политическая организация: соврем. состояние и перспектива // *Международные отношения в XX–XXI вв.: IV Чемпаловские чтения, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечеств. войне и 75-летию окончания Второй мировой войны.* Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. С. 17–23; и др.

ного партнерства, проведение разумной социальной политики при соблюдении демократических принципов управления являются наиболее прогрессивным вариантом развития человечества.

В этой ситуации для многих как гром среди ясного неба прозвучали слова проживавшего в Аргентине молодого эмигранта Второй волны Юрия Слепухина, опубликованные на страницах знаменитого еженедельника «общественной и политической мысли» «Посев» — органа Национально-трудового союза (с 1957 — Народно-трудового союза, НТС), ведущей русской антикоммунистической организации эпохи Холодной войны: «Пора понять, что эта эпоха (время, когда социализм был синонимом прогресса. — А. А.) кончена... Сегодняшний социализм потерял монополию на капитальный ремонт общества, ту самую монополию, которая создала его колоссальную популярность на рубеже двух столетий»².

Были ли эти слова Юрия Слепухина «гласом вопиющего в пустыне»? Как эта оценка коррелировала с настроениями социалистов тех лет?

В российской политической эмиграции идеи демократического социализма ассоциировались с меньшевиками и эсерами. Общим местом в литературе является тезис о малочисленности этих группировок³. Безусловно, с этим трудно спорить, однако даже оппоненты социалистов признавали: их идейное влияние (особенно на западное общественное мнение, взгляды американских и европейских историков второй половины XX в.) намного превышало численность самих меньшевиков и эсеров. Именно их оценки ситуации в Советском Союзе оказали во многом ключевое влияние на западную советологию, а знаменитый журнал «Социалистический вестник», выходивший почти полвека последовательно в Берлине, Париже и Нью-Йорке, был настоящей «лабораторией» социалистической мысли.

В 1940-е в трудах лидера эсеров В. М. Чернова можно увидеть процесс формирования той концепции демократического социализма,

² Слепухин Ю. О проблеме социализма // Посев (Лимбург). 1950. 23 апр. № 16. С. 7–9.

³ См., напр.: Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПбГУКИ, 2008. С. 49 и др.

которой будет суждена долгая история. Она будет одним из символов антисталинского протеста в странах Восточной Европы 1950–1960-х и станет особенно широко известна миру в эпоху «Пражской весны», когда ее возьмет на вооружение лидер чехословацких коммунистов-реформаторов А. Дубчек. На закате советской эпохи именно под ее лозунгами будет пытаться перестроить Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС) М. С. Горбачев, взяв эти идеи за основу при разработке программного документа XXVIII съезда правящей партии.

Эта концепция формировалась В. М. Черновым на основе осознания того, что «старый» социализм, главными врагами которого были либералы и анархисты, по окончании Первой мировой войны ушел в прошлое. «Мы добрались до какого-то перевала»⁴, — писал он. Новыми опаснейшими противниками социалистов стали нацисты и большевики.

В этих условиях социалистическая идея должна была неизбежно подвергнуться серьезной трансформации. Социализм, по мысли В. М. Чернова, должен был быть, в первую очередь, «гуманным», ибо «душа» социализма — это свобода. Приоритет общечеловеческих ценностей — вот о чем уже в первые послевоенные годы писал старый лидер эсеров. При этом он замечал: «У социализма нет проблемы более сложной и глубокой и в то же время менее разработанной, чем проблема личности в социалистическом обществе»⁵.

Постепенно именно ценности демократии и свободы становятся центральными в социалистической доктрине. «Если не демократия, то какая иная возможна альтернатива в наше время?»⁶ — задавал риторический вопрос старый эсер М. В. Вишняк, бывший секретарь Учредительного собрания. Симптоматично и то, что опубликованная в нью-йоркском «Новом журнале» статья М. В. Вишняка называлась «Социализм и свобода». Именно ценность свободы обрела принципиальную значимость для старых русских социалистов. Эту мысль высказывал и меньшевик Ю. П. Денике, полагавший, что

⁴ Чернов В. Истоки // За свободу (Нью-Йорк). 1947. № 18. С. 22.

⁵ Там же.

⁶ Вишняк М. Свобода и социализм // Новый журнал (Нью-Йорк). 1950. [Кн.] 23. С. 176.

«прежде всего социалистическое движение должно быть верно своему идеалу — идеалу свободы»⁷.

Возможно, наиболее четко эта тенденция была заметна в статье М. В. Вишняка «О “философии эпохи”», опубликованной в 1948. Само название данной статьи отражало ее концептуальный характер, претензию на то, чтобы отразить ценностные установки российских социалистов середины XX в. Поэтому особенно значимо то, что бывший секретарь Учредительного собрания подчеркивал: «Идея свободы — извечна, постоянная величина в истории человеческого сознания. По отношению к ней демократия (в политической области) и социализм (в области социально-экономической) являются служебными»⁸.

На наш взгляд, все это было неслучайным: данные утверждения отражали постепенную эволюцию не только российской, но и международной социал-демократии, ее сближение с леволиберальными группировками. Уже в середине XX в. начался тот процесс превращения социал-демократии в социальный неолиберализм, смыкания этих двух идейных течений, который завершится к началу XXI в.

С этой эволюцией связано и весьма осторожное отношение социалистов середины XX в. к марксизму. Конечно, неслучайно то обстоятельство, что старый эсер М. В. Вишняк заявлял: «Марксизм не только устарел и неверен, не соответствует реальностям как доктрина — он и вреден в своих практических выводах»⁹. Однако даже полемизировавший с ним, взявший марксизм под защиту известный социал-демократ П. А. Берлин прямо на страницах «Социалистического вестника» вынужден был признавать неактуальность некоторых положений марксистской теории в новых исторических условиях¹⁰.

Таким образом, нужно понимать, что статья Ю. Г. Слепухина (как и другие публикации молодого эмигранта тех лет) находилась в русле

⁷ Денике Ю. В поисках программы // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1947. № 12. С. 243.

⁸ Вишняк М. О «философии эпохи» // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1948. 21 марта.

⁹ Он же. Песнь песней марксизма // Там же. 22 февр.

¹⁰ См.: Берлин П. О марксизме и диктатуре пролетариата // Социалистический вестник. 1951. № 2. С. 34.

тех идейных поисков и дискуссий, которые происходили в эмигрантской среде. Однако возникает вопрос: чувствовали ли сами эсеры и меньшевики приближение того кризиса идеала демократического социализма, о котором писал Ю. Г. Слепухин?

Как показывает анализ источников, некоторые старые российские социалисты уже в конце 1940-х фиксировали идейный кризис международной социал-демократии. Его содержание, по мнению, например, старого народовольца Ю. Делевского, распадалось на три элемента: сокращение «объема исторического понимания социалистического идеала», уменьшение «широты понимания» этого идеала, сужение этической сферы, регулирующей политику¹¹. Фактически Ю. Делевский уже в середине XX в. обратил внимание на кризисные моменты, которые станут предвестниками постепенного заката международной социал-демократии.

Как реагировали на эти процессы оппоненты социалистов в кругах русской политической эмиграции? Парадокс состоит в том, что почти вся чрезвычайно обширная эмигрантская литература, посвященная критике социализма, имеет один общий недостаток — заданность оценок, статичность самого образа социализма, формируемого эмигрантской историографией. Для большинства эмигрантских авторов консервативного толка социализм — это враждебная России политическая идеология, «дьявольское изобретение» двух немецких политологов и экономистов, которая нашла свое окончательное воплощение в советской модели. Тезис об «изначальной неправде» социалистов не предполагает полутонов, попыток разобраться в эволюции социалистического идеала. Критика сторонников демократии велась русскими консерваторами, прежде всего, с опорой на труды отечественных классиков, мыслителей XIX — начала XX вв. Точку зрения многих русских консерваторов выразил, например, товарищ (заместитель) председателя Пушкинского общества в Америке Г. В. Голохвастов, который подчеркивал, что А. С. Пушкин противопоставлял «высокую свободу» «демократическому ярму с гремучками». Указывая на необходимость использования этого тезиса в деятельности Пушкинского общества,

¹¹ Делевский Ю. Вопросы доктрины социализма // Новое русское слово. 1948. 8 авг.

Голохвастов заявлял, что эти слова великого поэта — «верный путь в печень наших ретроградных либералов»¹².

На наш взгляд, совершенно иной подход к феномену демократического социализма был представлен в статье Ю. Г. Слепухина «О проблеме социализма». В ней автор раскрывается не только как талантливый публицист, но и как аналитик, глубоко разбиравшийся в проблемах развития политической мысли в России, и в мире. Ю. Г. Слепухин был настроен критически по отношению к перспективам реализации социалистического идеала в России и в других странах, однако его статья отличалась глубоким, непредвзятым анализом проблемы и в отличие от сочинений большинства эмигрантских оппонентов социализма не страдала заданностью оценок и выводов.

Ю. Г. Слепухин подчеркивает: было время, когда «социальный прогресс действительно шел по путям исторического развития социализма»¹³. Он отмечает, что «в те времена, когда требование для трудящихся самых элементарных прав рассматривалось как “подрыв устоев” и почти государственное преступление, социализм первым поднял голос в защиту бессловесных рабов Его Величества Капитала»¹⁴.

Безусловно, в консервативных эмигрантских кругах этот тезис недавнего гражданина СССР был воспринят весьма критически. Однако Ю. Г. Слепухин совершенно справедливо подчеркивал главное: отнюдь не случаен тот факт, что стремившаяся двигаться вперед, жаждавшая нового европейская и русская молодежь в конце XIX–начале XX вв. связывала свои стремления именно с идеей социализма. В этой идее действительно были заложены принципы социальной справедливости, и дух прогресса, которые привлекали многих людей в ряды социалистов.

Однако, как уже отмечалось, в середине XX в., по мнению Ю. Г. Слепухина, ситуация принципиально изменилась. Удивительно со-

¹² Письмо Г. В. Голохвастова к Б. Л. Бразолю от 09 февр. 1944 // Library of Congress. Manuscript Division. Poushkin Society in America Records. Box 2. Folder 'General correspondence, 1939–1944'.

¹³ *Слепухин Ю.* Указ. соч. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 9.

временно звучат его слова, написанные в далеком 1950: «Социалистам не мешало бы подумать об одном явлении <...>. Мы имеем в виду то инстинктивное чувство отталкивания, которое испытывают по отношению к социализму почти все новые общественно-прогрессивные течения»¹⁵.

При этом совершенно очевидно, что в данном случае Ю. Г. Слепухин имеет в виду даже не советскую модель социализма. Тот факт, что консервативный, бюрократический дух позднего советского социализма вызывал отторжение у левых интеллектуалов Запада, давно известен. Полемизируя в своей статье, прежде всего, с лидером эмигрантского меньшевизма Р. А. Абрамовичем, Ю. Г. Слепухин полагал, что развитие левых политических идеологий во второй половине XX в. происходило в рамках иных идеологических установок, чем те, которые были характерны для социал-демократии.

И здесь чрезвычайно удивительно, как Ю. Г. Слепухину уже в 1950 удалось предвосхитить многие тенденции развития общественно-политической мысли второй половины XX–начале XXI вв. У многих современных левых интеллектуалов Запада слова о социал-демократии ныне зачастую вызывают именно ту реакцию, о которой писал Юрий Слепухин в далеком 1950, — отталкивание.

Как объяснял этот психологический феномен молодой русский эмигрант? По его мнению, дело было в «глубоко материалистической сущности социализма»¹⁶. «В то время, — писал Ю. Г. Слепухин, — как центр тяжести почти всех прогрессивных политических доктрин сегодняшнего дня лежит именно в “революции духа” — социализм по-прежнему пытается строить грандиозное здание общественной справедливости на зыбком фундаменте голой экономики»¹⁷.

Бесспорно, в этих словах явственно чувствуется отголосок полемики «духовиков» и «деловиков», которая шла в те годы в рядах НТС. Ю. Г. Слепухин был близко знаком с некоторыми видными

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Там же.

лидерами «духовиков». Как уже было отмечено ранее, вполне возможно, именно эти события стали важным фактором, который в итоге привел к уходу Слепухина из НТС¹⁸. Однако, на наш взгляд, дело не только в этом. Ю. Г. Слепухин верно уловил те глубокие сдвиги, которые происходили в сознании людей в XX в. Формирование принципиально новых идейных систем, чрезвычайная популярность на Западе в те годы экзистенциализма Ж.-П. Сартра и А. Камю — все это и означало ту самую «революцию духа», о которой он писал.

Ценность статьи Ю. Г. Слепухина и в том, что она является интересным (и довольно редким в тогдашней эмигрантской прессе) примером последовательной критики социализма с позиции отстаивания идеи свободы личности. «Идеология социализма не дает нам гарантий этой свободы»¹⁹, — произносит горькую для сторонников социализма правду Юрий Слепухин. Те проблемы, с которыми сталкиваются современные Франция, США и другие страны, где весьма влиятельны идеи неолибералов, показывают нам, каким даром политического предвидения обладал автор анализируемой статьи.

«Мы глубоко убеждены, что социализм обречен на медленное умирание, — писал Юрий Слепухин в 1950. — Все это не значит, конечно, что социалистические партии всего мира прекратят свое существование в течение ближайшего времени. Они проживут еще не один десяток лет, привлекут не одну тысячу новых последователей. Но они никогда уже не смогут оказывать на общество своего бывшего влияния. Историческая роль социализма сыграна»²⁰.

Пожалуй, лучше, чем Ю. Г. Слепухин, трудно описать тот процесс, который произошел с международной социал-демократией во второй половине XX–начале XXI вв. Тезисы, которые одним из пер-

¹⁸ См.: Антошин А. В., Базанов П. Н. «Нельзя бороться с тоталитарным строем, не искоренив тоталитаризма в собственной среде»: публицистика Ю. Г. Слепухина 1950-х гг. на страницах нью-йорк. газ. «Новое русское слово» // Русское зарубежье. XX век. Мировые войны: Слепухинские чтения–2018. Труды Международ. науч. конф. СПб.: Фонд Слепухина; ООО ИПП «Ладога», 2020. С. 15–28.

¹⁹ Слепухин Ю. Указ. соч. С. 8.

²⁰ Там же. С. 9.

вых выдвинул молодой эмигрант, ныне вошли в учебники и обобщающие труды по истории политических учений. Мы хорошо знаем Ю. Г. Слепухина как писателя, а теперь еще и как общественного деятеля русской послевоенной эмиграции. Думается, пора осознать, что его талант был многограннее, чем мы думали.



Ю. Слепухин

О ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛИЗМА

Недавно на страницах журнала марксистов, меньшевиков, «Социалистический Вестник», издающегося в Нью-Йорке, появились две статьи: В. Литвинского и Р. Абрамовича, касающиеся сегодняшнего положения социализма и его будущего. Нам кажется, что затронутый вопрос заслуживает внимания.

Основные тезисы статьи Литвинского сводятся к следующему своеобразному силлогизму: престиж и популярность социализма в современном мире понижаются с каждым днем; а так как социализм является учением глубоко этиатическим, то мы присутствуем при отмирании этиатизма вообще. Современное человечество, утверждает автор, стремится к такому строю, где личность предельно свободна, государство же проявляет минимум активности, и роль его сведена к механической охране граждан от внешних и внутренних опасностей (государство-сторож).

Мысль, как мы видим, оригинальна и смела. Говорить о падении значения государства в современном обществе, основываясь на частичной утрате социализмом своей популярности — рискнет не всякий: для этого, действительно, нужно быть человеком, не боящимся фактов. Совершенно непонятно, — в чем увидел Литвинский признаки стремления «свободных духом» людей к урезыванию функций государства? До сих пор мы, наоборот, наблюдаем вокруг нас совершенно определенные тенденции к усилению государственного начала. Об этом подробно говорит в своей статье Абрамович, наглядно, с фактами и цифрами, опровергая утверждение Литвинского о грядущей якобы эре «государства-сторожа».

Мы видим, таким образом, что В. Литвинский, правильно подметив некоторое падение акций социализма, путем неправильной ассоциации явлений пришел к совершенно ложному выводу, явно противоречащему действительности.

Увы, его оппонент повторил, правда в обратном порядке, ту же ошибку. Установив неоспоримый факт роста значения государства и расширения круга его служебных функций, Абрамович, путем той

же непонятной нам ассоциации чуждых друг друга явлений, кончил утверждением о грядущей эре социализма.

Противники очутились в заколдованном кругу переплетающихся заблуждений или, точнее, не самих заблуждений, а их последствий. Само же заблуждение — основное — остается общим и для Литвинского и для Абрамовича. Оно состоит в смешении двух совершенно различных понятий: социализма и социального прогресса.

* * *

Что, в сущности, представляет собой социализм? Абрамович говорит, что социализм — это национализация крупной промышленности, транспорта, обеспечение всех желающих работой, бесплатное строительство жилищ и т. п. Можем ли мы принять такое определение? Нет, потому что оно ровно ничего не определяет.

Разумеется, и национализация, и направляемая экономика, и бесплатное лечение — свойственны социализму, но не выражают собой его сущности по той простой причине, что в наше время все это свойственно также целому ряду не социалистических или прямо антисоциалистических систем.

Надеемся, что социализм меньшевиков имеет мало общего с национал-социализмом Адольфа Гитлера; между тем в Третьем Рейхе были, как всем известно, и национализация, и государственный контроль над капиталом, и проведение прогрессивных — в полном смысле слова — социальных мероприятий. Носящее ярко выраженный антисоциалистический характер правительство Перона в Аргентине уже четвертый год довольно успешно борется с денежной олигархией и своими пятилетними планами перекраивает хозяйство республики, имея в качестве реакционной оппозиции... социалистов. Национально-Трудовой Союз российских солидаристов, который меньшевики упрекают в реакционности, более десяти лет тому назад в своих программных положениях провозгласил все то, что сегодня частично осуществляет социалистическое правительство Великобритании.

Не хочу загромождать статью перечнем всех появившихся за последние годы католических партий и движений, которые в своих

социальных требованиях нередко идут дальше самих социалистов. В Бельгии перед парламентскими выборами 1946 года католическая социально-христианская партия потребовала избирательных прав для женщин: дело было сорвано соединенными усилиями социалистов и коммунистов, боявшихся участия женщин в разрешении королевского вопроса. Кстати, другой характерный случай — в Аргентине партия Перона встретила сопротивление социалистов при проведении закона об ежегодной выплате рабочим тринадцатого жалования.

Все это мелочи, могут мне возразить. Да, это мелочи, но мелочи, — говорящие о многом. Два частных случая, произошедших почти одновременно в двух разных полушариях, свидетельствует о том, что социализм перестает быть синонимом прогресса, каким он считался в свое время и каким продолжает считать себя до сих пор. Абрамович глубоко ошибается, думая, что каждый успех, достигнутый человечеством на пути к лучшим формам общественных взаимоотношений, автоматически укрепляет позиции социализма. Впрочем, так думает не один он: это — общее заблуждение очень многих социалистов, пережиток той эпохи, когда социальный прогресс действительно шел по путям исторического развития социализма.

Пора понять, что эта эпоха кончена. На наших глазах возникают, и чем дальше, тем чаще будут возникать новые течения, имеющие не менее веские, чем у социализма, основания считаться носителями прогресса. Сегодняшний социализм потерял монополию на капитальный ремонт общества, ту самую монополию, которая создала его колоссальную популярность на рубеже двух столетий. В этой потере и следует искать одну из причин сегодняшнего охлаждения масс к социализму. Вторая причина лежит гораздо глубже. Чтобы понять ее, нам нужно вернуться к вопросу о глубинной сущности социализма, которая, как мы увидели, совершенно не разделяется его экономической программой.

* * *

Социалистам не мешало бы серьезно подумать об одном явлении, уже замеченном — без придания ему должного значения — ими

самими. Мы имеем в виду то инстинктивное чувство отталкивания, которое испытывают по отношению к социализму почти все новые общественно-прогрессивные течения.

Вот, что пишет об этом сам Абрамович: «Я еще не встретил до сих пор ни одного мыслящего советского Ди-Пи и не видел ни одной сколько-нибудь серьезной политической группировки, которая не воспринимала бы вышеизложенную (социалистическую) программу, оговариваясь, конечно, при этом, что никакого социализма им не надо. Как тут не вспомнить старый анекдот о тирольском проповеднике трезвости, который громил алкоголь, восклицая “К чему нам алкоголь, когда у нас в Тироле такие чудесные вина!”»

Странно, что Абрамович — старый политический деятель и публицист — коснувшись этого явления, не почувствовал всей тяжести заключенной в нем проблемы, проблемы, от которой не отделаешься тирольскими анекдотами. Это, во всяком случае, не делает чести его политической прозорливости. Если факт отталкивания от социализма существует — нужно пытаться выяснить его причины. Абрамович видит их в компрометации теории социализма советской практикой. «Под социализмом, — пишет он, — бывшие советские люди будут понимать диктатуру, НКВД, пытки и насилие». Это не объяснение. Смешение социализма с большевизмом может иметь место только внутри СССР как заблуждение, вызванное отсутствием сведений о внешнем мире; оно не может не рассеяться немедленно при знакомстве с этим миром. Те «мыслящие советские Ди-Пи», о которых говорит Абрамович, покинули родину семь-восемь лет тому назад, — срок вполне достаточный, чтобы увидеть разницу между социализмом и тем, что подразумевается под этим словом в Советском Союзе.

Где же, в конце концов, кроется причина взаимной антипатии между социализмом и другими политическими течениями, имеющими общую с ним экономическую программу и, казалось бы, одну общую цель — построение лучшего мира?

Нам думается, что она заключена в г л у б о к о м а т е р и а л и с т и ч е с к о й с у щ н о с т и с о ц и а л и з м а. Водораздел проходит именно здесь. В то время, как центр тяжести почти всех

прогрессивных политических доктрин сегодняшнего дня лежит именно в «революции духа» — социализм по-прежнему (так. — Н. С.) пытается строить грандиозное здание общественной справедливости на зыбком фундаменте голой экономики. То, что социальный прогресс от решения сравнительно мелких материальных вопросов перешел к проблеме духовного обновления общества, социализм до сих пор не понял и вряд ли в состоянии понять, не сойдя с позиции марксистского исторического материализма, иначе говоря — перестав быть самим собой. Если, как мы видим, даже в чисто социальных вопросах социализм не может уже претендовать на звание чемпиона демократии, — в области единственно-подлинного прогресса, прогресса духа, социализм явно начинает играть печальную роль реакции. Естественно, что у многих это отбивает всякую охоту идти вместе с социализмом к построению лучшего мира.

Больше того. «Лучший мир» в сегодняшней обстановке является, может быть, слишком уж отдаленной мечтой; прежде, чем думать о нем, у нас есть другая, более актуальная задача — разгром коммунизма. Увы, и в этом вопросе, где, казалось бы, можно отставить в сторону принципиальные разногласия, социализм не может найти общего языка с другими группировками. Никакого «единого фронта» создать до сих пор не удалось и никогда не удастся. Здесь опять сказывается первородный грех социализма — его материалистическая сущность. Люди, понявшие, что борьба против коммунизма — это — прежде всего — борьба против духовного растрепания, не могут считать социализм своим надежным союзником уже по одному тому, что социализм в этой борьбе преследует совершенно иные цели. Мы боремся с коммунизмом во имя уничтожения духа Зла, — социализм борется за более высокий коэффициент покупательной способности населения, за повышение заработной платы, за большее количество квадратных метров жилплощади. Никто не оспаривает необходимости всего этого; но такая постановка вопроса никогда не даст человеку того незыблемого убеждения в необходимости борьбы с коммунизмом, какое дает осознание коммунизма как самой страшной духовной опасности из всех, нависавших когда-либо над миром. Пример налицо: если наши русские социалисты, в общем, пока твердо

стоят на определенных антикоммунистических позициях, этого, к сожалению, никак нельзя сказать про их иностранных коллег. До сих пор почти повсюду, где социалистам приходилось работать вместе с коммунистами, будь то в коалиционных кабинетах, в парламентах или в синдикатах, — всегда находились большие и маленькие социалистические вожди, готовые не за страх, а за совесть поддерживать коммунистов в их «борьбе против мировой реакции». Это, несомненно, свидетельствует о шаткости антикоммунистических позиций международного социализма. В конце концов, очень трудно сказать — не рухнула ли бы эта позиция окончательно в случае какого-нибудь нового грандиозного НЭП-а (так. — *Н. С.*), со смягчением режима террора, с поднятием жизненного уровня населения, с введением некоторых свобод, но с сохранением духовного рабства? Такая возможность всегда существует, и забывать о ней не следует. К сожалению, есть основания думать, что в этом случае многие, очень многие социалисты сочли бы свою историческую миссию выполненной.

* * *

Итак, мы рассмотрели две причины утраты социализмом своей популярности. Первая из них — потеря им ведущей роли в социальном прогрессе, вторая — выяснившаяся ненадежность его антикоммунистических позиций. Существует, помимо этих двух, и третья — самая важная, которая, в частности, отталкивает от социализма нас, российских солидаристов. Мы, как я уже сказал, боремся с большевизмом в плане духа, за внутреннюю духовную свободу человеческой личности. И де о л о г и я с о ц и а л и з м а н е д а е т н а м г а р а н т и й э т о й с в о б о д ы. Мы не можем закрывать глаза на тоталитарно-нивелирующее начало, живущее в социализме. Это, разумеется, не тот внешний тоталитаризм, в котором некоторые обвиняют социалистов, усматривая его проявление в национализации заводов, а — тоталитаризм скрытый и несравненно более опасный: посягательство на человеческую душу. Мы далеки от мысли утверждать, что «социализм есть разбавленный коммунизм», но мы помним, что нечто общее связывает социализм с самыми анти-

гуманитарными доктринами современности, с фашизмом, с национал-социализмом, с коммунизмом. Этим общим для всех четырех является отрицание права личности на духовную свободу; скрытое в социализме, оно более ясно проявлено в фашизме, а в национал-социализме и коммунизме достигает своего логического завершения, дополняясь отрицанием свободы вообще.

Любопытно отметить следующее. Если коммунизм (как в свое время и нацизм) борется против свободы духа сознательно, видя в ней смертельную угрозу для своего существования, социалист просто не понимает потребности свободы, свойственной человеческой душе. Не происходит ли это потому, что сам он не пользуется этой свободой? Самое страшное рабство наступает тогда, когда человек перестает сознавать, что он — раб. Привыкнув к своим цепям, он больше не стремится к освобождению, и свобода — как своя, так и чужая — теряет для него всякую ценность. Если такого раба сделать правителем, он со спокойной совестью превратит целый край в привычную ему тюрьму, искренне считая себя благодетелем подданных.

Раз навсегда сунув голову в узкие шоры избранной доктрины, социалист перестает видеть окружающее. Постепенно инакомыслие начинает представляться ему необъяснимым кретинизмом. Отсюда — общеизвестная социалистическая нетерпимость к чужому мнению: стоит ли принимать всерьез мысли идиота, до сих пор не сумевшего понять и оценить прелести социализма? Нетерпимость эта проглядывает во всем — в отношениях социалистов к другим политическим группировкам, в их выступлениях, в их манере вести полемику. Кстати, эта нетерпимость была замечена еще Лебоном и дала ему повод сказать известную фразу (цитирую по памяти): «Если когда-нибудь на земле будет осуществлен социализм — это будет тирания, невиданная еще миром». Это звучит почти пророчески. Социализм, конечно, не будет бороться со свободной мыслью по-большевистски путем физического уничтожения ее носителей, он просто создаст такие условия, такую духовную атмосферу, в которой свободная мысль не возникает. Это медленное, незаметное порабощение, опасное тем, что в отличие от грубого насилия оно не вызывает реакции, не подымает против себя открытого протеста.

Человек слишком поздно замечает, что он потерял свободу, замечает тогда, когда уже теряет смысл всякое сопротивление, всякая попытка освободиться становится безнадежной. Остается одно — смириться и жить, не выделяясь из окружающей среды, не поднимая головы выше принятого уровня. Этот уровень и есть то, к чему стремится социализм. Нивелированное человечество, «масса» Ортеги-и-Гассета — многомиллионное стадо сытых животных, имеющих каждое одинаково комфортабельный хлев с холодильником и электрической кухней, вот идеал социализма!

Вот почему не принимаем его мы, люди, желающие видеть вокруг себя таких же людей.

* * *

Подведем итоги. В высшей степени ошибочно связывать сегодняшнее состояние социализма с грандиозным процессом эволюции понятий о государстве, на наших глазах вызывающем к жизни новый, не вполне еще определившийся, государственный тип. Немногие смогут сегодня утверждать, вместе с Литвинским, что этого процесса вообще не существует, — факты говорят обратное. Между тем, мы глубоко убеждены, что социализм обречен на медленное умирание. Основными причинами его гибели следует считать три:

1. Рост не-материалистических (так. — *Н. С.*) элементов общественно-политической мысли.

2. Перенесение центра тяжести социальной борьбы в совершенно закрытую для социализма область духа.

3. Возникновение новых социальных доктрин, опередивших социализм на пути прогресса и тем самым лишивших это учение его притягательности для трудовых масс.

Все это не значит, конечно, что социалистические партии всего мира прекратят свое существование в течение ближайшего времени. Они проживут еще не один десяток лет, привлекут не одну тысячу новых последователей. Но они никогда уже не смогут оказывать на общество своего бывшего влияния. Историческая роль социализма сыграна.

Не будем сейчас спорить об этой роли, — о ее отрицательных или положительных последствиях, — все это может послужить темой для отдельной статьи. Пока хочу лишь указать на несколько совершенно бесспорных фактов.

Не вызывает никакого сомнения право социализма на звание застрельщика социального прогресса. В те времена, когда требование для трудящихся самых элементарных прав рассматривалось как «подрыв устоев» и почти государственное преступление, социализм первым поднял голос в защиту бессловесных рабов Его Величества Капитала, дав миру сотни своих героев и мучеников. Можно допустить, что без огромной подготовительной работы, проделанной социализмом, человечество не имело бы еще теперешних, пусть скромных, социальных достижений. Это социализм может записать в свой актив.

Но есть, к сожалению, и пассив. Если социализм и не является законным отцом коммунизма, как думают многие, то нельзя забывать, что утилитарно-материалистические идеи, в свое время привитые обществу социалистами — известный духовный нигилизм, проповедь социальной справедливости через насилие — явились превосходной питательной средой для коммунистического вируса и психологически подготовили восприятие его человечеством. Нельзя забывать, что социалисты, и никто другой, бросили в мир страшное семя тоталитаризма, давшее сегодня столь горькие всходы.

Мне могут возразить, что не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Так утешают себя сегодня сами социалисты. Трудно сказать — утешит ли их эта фраза в тот день, когда девятый вал коммунизма, захлестнув Азию и Европу, ринется на Америку. До сих пор, во всяком случае, ни одну из миллионов жертв социалистической ошибки она не утешила.

В политике есть ошибки, которые хуже преступлений. Помня это, мы считаем, что влияние социализма на ход исторического процесса было скорее отрицательным, чем положительным. Это — общий вывод. Разбирать же вопрос более детально — задача, лежащая как мы уже сказали, вне пределов этой статьи.

**ЮРИЙ СЛЕПУХИН В АРГЕНТИНЕ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ
Н. А. СЛЕПУХИНОЙ с И. Н. АНДРУШКЕВИЧЕМ)**

*Запись сделана 30 сентября 2014 года в Москве,
в Доме русского зарубежья*

Аннотация: В интервью, взятом Н. А. Слепухиной в 2014, И. Н. Андрушкевич (1927–2021) рассказывает о жизни и деятельности будущего писателя Юрия Слепухина в Аргентине, в том числе — об участии в НТС.

Ключевые слова: Русская послевоенная эмиграция, Юрий Слепухин, И. Н. Андрушкевич, Аргентина, НТС, интервью.

Abstract: In an interview, taken by N. A. Slepukhina in 2014, I. N. Andrushkevich (1927–2021) tells about the life and work of the future writer Yuri Slepukhin in Argentina, including Slepukhin's participation in the National Labor Union (NTS).

Keywords: Russian post-war emigration, Yuri Slepukhin, I. N. Andrushkevich, Argentina, National Labor Union (NTS), interview.

НЕСКОЛЬКО СТРОК ВНАЧАЛЕ

Практически ни один наш разговор с Юрием Григорьевичем о жизни в эмиграции не обходился без упоминания имени Игоря Андрушкевича. Говорил он о нем всегда тепло и с какой-то затаенной тоской... Наверное, так вспоминают молодость и оставшиеся в прошлом родные лица.

И в романе «Южный крест», в котором Слепухин очень подробно описывает жизнь эмигрантской колонии в Аргентине, он часто вспоминает некоего Андрущенко, с которым главный герой ведет полемику по многим вопросам. Потом я узнала, что этот литературный персонаж наделен многими чертами реально существовавшего друга молодости Юрия Слепухина — Игоря Андрушкевича, с которым он едва не породнился — некоторое время у Юрия был нежный роман с одной из сестер Игоря, но их браку помешало возвращение Слепухина на Родину, к чему не были готовы Андрушкевичи.

Потом, уже в 90-е годы, Слепухин получил от Андрушкевича письмо, в котором тот извещал о своем приезде в Россию на какой-то международный форум и предлагал встретиться в Москве, Юрий Григорьевич написал о своей готовности, но его письмо до Игоря Николаевича почему-то не дошло... Встреча так и не состоялась.

И вот уже в 2000-е один из коллег написал мне, что у него есть контакты И. Н. Андрушкевича — видного журналиста, активного общественного и политического деятеля Русского Зарубежья в Аргентине — и спросил: «Не тот ли это Андрушкевич, о котором писал Слепухин?» Я написала в Аргентину и вплоть до его кончины (И. Н. Андрушкевич ушел из жизни 22 августа 2021) мы переписывались, на сайте Фонда имени Ю. Г. Слепухина постоянно выставлялись его статьи, а в сборники трудов «Слепухинских чтений» включены его исторические исследования¹.

Публикуемые ниже воспоминания И. Н. Андрушкевича представлены на основе записи нашей беседы, которая по счастливому стечению обстоятельств все же состоялась в Москве. Я старалась сохранить особенности прекрасной речи Игоря Николаевича, но сам текст значительно сокращен и адаптирован к печати. Полностью интервью можно посмотреть и послушать по ссылке: https://www.youtube.com/watch?v=GxyHP_tAFmw

Наталья Слепухина

Слепухина Н. А.: Завершается день, о котором я буду вспоминать всю свою оставшуюся жизнь. Потому, что этот день для меня настолько значимый, настолько счастливый и настолько многоплановый... я как-то переживаю вот за этот день огромную жизнь — и Вашу, и моего дорогого мужа — Юрия Григорьевича Слепухина. Я вспоминаю его рассказы, вспоминаю его романы, вспоминаю фотографии и как будто бы переношусь в то время далекое, послевоен-

¹ *Андрушкевич И. Н.* Вся жизнь в эмиграции. (Свидетельские показания и воспоминания через призму восьми десятилетий) // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения–2014: тр. международ. науч. конф. СПб., 2015. С. 90–149; *Он же.* Во вторичной послевоенной эмиграции // Зарубежная Россия XX век: Слепухинские чтения–2016: тр. международ. науч. конф. СПб., 2018. С. 190–242.

ное — в Аргентину, в Буэнос-Айрес, когда вы все были вместе и когда вы потрясали основы и делали массу интересных, важных, нужных дел — при этом скрепленных вашей дружбой. Игорь Николаевич, так хочется услышать от Вас, как это было.

Андрушкевич И. Н.: Я и моя семья приехали в Аргентину на одном итальянском пароходе, на котором было 500 человек эмигрантов русских, которые ехали из Германии и частично из Австрии. И мы приехали утром в порт. После 30 дней плавания из Генуи через Канарские острова и через Бразилию, Сан-Паулу прибыли в Аргентину, в порт Буэнос-Айреса, рано утром, часов в 8–9, причалил пароход. Нас осматривали несколько раз, потом спустили на берег. Мы не имели денег, не имели работы, не имели жилья, ничего не имели. Нам сказали: «10 дней будете жить в каком-то государственном здании, а потом должны уходить и делать, что хотим». У многих были адреса в Аргентине каких-то знакомых заводов, учреждений. У меня был единственный адрес — представительства журнала «Посев», который выходил в Германии, во Франкфурте, и у него было представительство в Буэнос-Айресе, и вот я имел этот адрес. До сих пор помню: улица Катамарка, номер 325, пригород Вилла Баллестер.

Около 9 часов мы спустились на землю, потом нас осматривали — есть ли у нас трахома, потом выписывали документы какие-то. После обеда нам сказали: «Можете 5–6 часов разъезжать куда хотите». Я начал расспрашивать — где Вилла Баллестер, и мне сказали, что нужно ехать поездом. Гостиница в порту, где мы остановились — государственная, она была против станции железнодорожной. До Виллы Баллестер приблизительно 35 минут поездки. Я по-испански говорить учился на корабле — по 100 слов в день, выучил за 10 дней 800 слов. Приехал в Виллу Баллестер и спрашиваю — где улица Катамарка. Мне сказали 5 кварталов так, 5 кварталов так. Я прошел эти кварталы и пришел — там был представитель Денисенко, которого я знал еще по Югославии, он был лет на 15–20 старше меня. И я говорю, что ищу представительство «Посева». Он говорит, что никакого представительства тут нет, что тут я живу на квартире — 2 комнаты и все...

Но что мне делать? Где связь и все такое? Он мне говорит: «Нужно искать работу, покупайте газету немецкую или английскую и так

дальше, а контакт держите с молодыми (мне был 21 год, только что исполнилось. — И. А.). Держитесь молодых людей. Есть тут такой русский молодой человек, Юра Слепухин, он на год старше Вас». Я говорю:

— А откуда он? Тоже из Югославии?

— Нет-нет, он из Бельгии.

— А он из бельгийской эмиграции?

— Нет, он из России, они из России во время войны как-то попали в Бельгию, и он из Бельгии уже приехал в Буэнос-Айресе, но он уже приехал год тому назад. Поезжайте к нему, он живет на другой стороне города.

И он мне сказал — я хорошо помню: «Это исключительно интеллигентный, образованный, культурный человек, молодой, немножко увлекающийся, легко впадающий в некоторый такой пафос, большой патриот России, хороший знаток языков, хорошо говорит по-русски, по-французски и по-испански. И вы держите с ним связь. Вокруг него будет сгруппирована группа молодежи, так скажем, от 20 до 30 лет, чтобы не жить в чужом городе среди иностранцев, а в своей русской среде. Вы будете собираться по субботам и делаете что хотите, но встречайтесь вот именно под руководством этого Слепухина, который будет нашим своего рода таким объединяющим фактором. У них есть квартира 3–4 комнаты, и по субботам будете туда приходить пить чай и так дальше».

Так вот, я на следующую субботу поехал туда. Мы жили еще в этой государственной гостинице. Я поехал метро на другую станцию, потом на поезд, в общем это был час езды, и там нужно еще пройти квартал пешком. Я прошел. Я пришел и познакомился с Юрой Слепухиным, который жил в Банфилде.

Меня больше всего поразило в один момент — знаете, такие иногда второстепенные черты больше всего удивляют — что он был из России, как мы говорили — он второй эмиграции, не первой. И мы говорили чуточку по-разному. Мы, старая эмиграция, говорили, как говорили в России до революции. Был такой акцент петербургский, а вторая эмиграция — она говорила больше с акцентом московским. Уже чуточку советский акцент. Как-то иначе «о» произносили.

Маленькая такая тенденция была, и все они так говорили. Но я в Германии когда был, и в Чехии, потом в Австрии — у меня больше было контактов именно с людьми, которые были из Советского Союза, и ко мне, как наша эмиграция старая говорила, как-то прилип этот советский акцент. Я больше говорил по-советски. Даже многие говорили, что я не из Югославии, я оттуда. Я должен был начать говорить по-сербски, когда они увидели, что я действительно из Югославии. Но Юра — он говорил по старой эмиграции. Он меня очень удивил, потому что он был очень широко образованным, культурным человеком, он был европейцем. Но русские всегда были европейцами. Говорят, ты должен быть либо русским, либо европейцем. Русский человек может быть европейцем, американцем, может кем угодно быть. Никто не может быть русским, но русские могут быть всем. Он был русским европейцем, который как наша интеллигенция была в XIX веке и в XX. Значит, он говорил как старый эмигрант, но он был именно европейцем, этому помогало то, что он все-таки хорошо знал французский язык, — живя в Бельгии, он выучился и читал много.

Слепухина Н. А.: Очень много.

Андрушкевич И. Н.: Он любил литературу. Я лично считал, что читать много литературы можно только лишь как удовольствие по воскресеньем, вместо того чтобы пойти в кино. А так это есть потеря времени. Нужно читать то, что нужно для работы, для какой-то политической работы, для общественной. Читать литературу — это потеря времени. А он читал литературу по-французски, читал по-испански, читал по-русски. Поэтому, конечно, у него общий такой культурный уровень был выше, чем у нас. Понимаете, русско-культурный уровень — это есть литературный уровень. Это не есть политический, экономический, философский уровень, как на Западе у культурных людей, а больше политически-литературный. Он был такого профиля. Кроме того, у него была приличная семья: отец очень симпатичный, мать немножечко увлекающаяся, но это потому, что она польского происхождения. Поляки — они легко впадают в такой экстаз, это у него тоже было: стремление иногда впасть в экстаз, и он иногда преувеличивал, слишком много верил в многие вещи, он не относился скептически ко всему, как я. Я всё всегда в чем-то

сомневался. Если мне что-то говорили, я в этом сомневался. Нужно доказать, что это не так, тогда — да, это так.

И у нас завязалась дружба такая, мы собиралась 5–6 человек, иногда 4, иногда 8, больше 8 никогда не было. Мы приходили по субботам к нему и разговаривали на разные темы. Он был такой интеллигент, понимаете, он всегда не ходил в галстук, но он ходил в рубашке, в хорошем пиджаке, в ботинках почищенных. Он был интеллигент, но мог сойти за какого-нибудь служащего, где-то такое — в банке или в государственном учреждении, но точно, где он работал, я не знал. Он очень любил не только литературу, но тогда увлекался тем, что в России произойдет какой-то переворот. Тогда еще был жив Сталин. Значит — что Сталин или изменит политику сам, или его свергнут, или кто-то другой придет... Ну кто? Как? Что? Никто ничего не знал. Тогда все знали, что будут перемены. Во время войны знали, что будут перемены после войны. Потом кончилась война, перемен никаких не было. Думали, что ну вот все равно перемены скоро наступят. Что русский народ принимал участие на войне и теперь уже нельзя будет вернуться к тому, что было раньше, до войны, и тем более, что войну выиграл русский народ и выиграла советская армия <...>.

Юра мне сказал, что умер Сталин. Он по радио где-то услышал. И он мне говорит: вот сейчас наступят перемены. Тут он, может быть, был прав, потому что потом пошел Хрущев и все такое. Тогда я помню, день, когда умер Сталин, что я был на суде, выступая в его пользу. Рабочий суд, там все судились. 1000 этих процессов шли ежедневно.

Слепухина Н. А.: Игорь Николаевич, а вот солидаризм — это была идея, которая вас всех объединяла?

Андрушкевич И. Н.: <...> Русская эмиграция выехала в 20–22 годах (XX века), это большинство было военных, они задавали тон. К 30 году, через 10 лет, эти военные уже частично выветрились. Например, я читал, что кадровых военных, которые выехали из Севастополя, было 100 000. К 30 году осталось в живых 40 000. От начала войны в 39 году Германии с Францией осталось 30 000. Они уже такой большой тон не задавали, и вместо них начала задавать тон молодежь, те, которые учились в кадетских корпусах, или дети вот этих военных. Но большинство были холостяки, выехали без семьи.

Вот эта молодежь, которая частично еще родилась в России и частично училась в России, но скажем до 14, до 15, до 18, до 20 лет — они сказали: «Что-то должны мы новое придумать». Не только военное, что вот мы пойдем войной, будем воевать с красными. Что нужно какую-то другую концепцию политическую, что заменить коммунизм, но не заменить капитализмом, а заменить какой-то такой системой, чтобы была все-таки социальная справедливость. Возродить старое российское государство, но на каких-то новых современных, более современных, принципах. Тогда, в 30 годы, скажем, от 30 до 40 года, в Европе был разгар не только нацизма немецкого, а — фашизм. Сейчас немцам приписывают фашизм. Немцы не были фашистами, они были нацистами. Фашизм был в Италии, частично в Португалии, частично в Испании. Вот тогда много молодежи брала пример с Португалии. <...> Чтобы была какая-то хорошая администрация, чтобы была хорошая полиция, которая следила бы, чтоб не было ни революции, никаких беспорядков, но ни фашизм, ни коммунизм; и не капитализм, а что-то такое среднее. Свобода полная для торговли, для промышленности, для хозяйства сельского, но в таком новом виде. Вот это возникло тогда, в 30-ых годах, в Югославии. Организация называлась «Национальный союз нового поколения», потом они добавили «Социально-трудовой союз нового поколения». Новое поколение — это не были старики, которые выехали из России в 20 году.

Я попал в этот Национально-трудовой союз нового поколения в Белграде, но я даже не знал, что это такое. Я был в скаутской организации; когда я вышел из кадетского корпуса, мне было 15–16 лет. Вначале собирались ребята скауты, мы ходили по воскресеньям в поход. <...> Там нас было человек 10, <...> было начальство, которое смотрело, кто больше интеллектуал, <...> читает какие-то книжки, его отбирали и посылали на собрания тоже раз в месяц политические, где говорили — что такое капитализм, что такое либерализм, что такое фашизм. Такие были курсы, и мы должны были читать доклады по очереди. <...> Мы раз в месяц собирались — доклады были по 30–40 минут, а потом были разговоры на эту тему.

Мы приехали в Аргентину, и это тоже у нас возобновилось. А Юра в Бельгии поступил в эту организацию. Это было собрание

молодежи, среди этой молодежи — от 20 до 30 лет — было несколько старших, но тоже не старых, под 40 лет, но не больше. Они были руководителями, они задавали какие-то темы, а мы читали разные доклады. Вот, скажем, Юра, — ему сказали: «Прочтите доклад про Жанну д'Арк», — и тут он влюбился в Жанну д'Арк...

Слепухина Н. А.: Он до конца жизни ее любил.

Андрушкевич И. Н.: И он все время читал про Жанну д'Арк. Я говорю: брось это! Один раз читал 3 книги одновременно про Жанну д'Арк по-французски... <...> Юра иногда слепо верил, что мы перевернем мир и перевернем Россию, создадим свободу, русские люди будут снова счастливы. А я говорил: знаешь, этого будет очень трудно достигнуть. Это когда-то будет, но это будет само, будет из России, а не от нас, и это будет не так, как нам кажется, будет другими путями, я ему говорил: «Пути Господни неисповедимы». Я в это даже не очень верю — в то, что сказано в Евангелии: пути Господни неисповедимы. Мы хотим прийти к какой-то цели. Если эта цель хорошая и мы к ней будем стремиться, Господь допустит, но не по той дороге, по которой мы хотим, найдется другая дорога и к этой цели нас приблизит, если мы этого будем заслуживать, если не будем — тоже <...>, я не был активистом, я не верил.

А Юра, вся эта молодежь, они говорили: нужно быть идеалистом, нужно быть националистом, и нужно быть активистом. Нужно быть идеалистом, то есть нельзя быть материалистом, <...> нужно верить в какие-то идеалы. А потом нужно быть националистом, считать, что Россия — это лучшая страна в мире, русская культура выше других культур, мы хороший народ, у нас хорошее будущее, хорошее прошлое. <...> надо что-то делать, чтобы это вернуть <...>. Я соглашался частично с идеализмом, с национализмом тоже соглашался. А то, что мы активизмом своим что-то сделаем — я в это не верил. Что-то надо делать — да. Но я был большим скептиком, и он всегда со мной ругался. Говорил, что я оппортунист, что я идеалист-оппортунист. Я не идеалист-оппортунист, я идеалист-реалист. <...> думаю, что это было бы хорошо, но неосуществимо — по крайней мере сейчас.

Слепухина Н. А.: Игорь Николаевич, а вот национализм, термин, который у нас иначе понимают...

Андрушкевич И. Н.: Я видел, что многие термины политические с течением времени меняют свой смысл, иногда меняют очень сильно. И термин «национализм», который тогда бытовал среди нас — я буду про 50-е годы, — частично и до этого нацелен был, что мы не интернационалисты. <...> Мы не говорили, что мы лучше других, но что мы не интернационалисты. <...> Был лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» — но мы не пролетарии, но мы со всеми странами. Каждая страна будет делать что хочет. Но мы не интернационалисты, у нас нету никакого интернационального долга. У нас долг перед Россией, что нам интернациональный долг? А Россия тратила, коммунистическая Россия тратила колоссальные деньги на всех этих коммунистов... <...> когда рухнул Советский Союз, то вот из этого дома советско-аргентинской дружбы эти же аргентинские коммунисты, которые кричали о дружбе <...> все сперли. <...>

А мы были националистами. Мы говорили: нет, мы не хотим спасать кубинцев, или аргентинцев, или французов. Мы против них ничего не имеем, но мы не хотим их спасать. Пускай они сами себя спасают. Оставьте нас в покое, русских, чтобы мы жили спокойно. <...> Россия — это семья народов. Мы говорили, что украинцы — это тоже русские. Мы говорили: тут и кавказцы, и грузины, осетины, даже те же евреи, не говоря уже о буддистах. Мы знали, что это наши братья, и никакой разницы не делали. Наоборот, считалось неприличным, у нас были калмыки, и я первый раз увидел человека с «разрезанными» глазами. Нам преподаватель сказал: «Что ты разинул рот? Что ты так смотришь?» Я говорю — я такого никогда не видел. — «Ты его этим оскорбляешь. Не смотри на него. Как будто он иной, чем ты. Он такой же, как и ты. Ну, у него такое есть, а у тебя другое. Надо к людям относиться по-братски». Вот это было русский национализм. Русский национализм не был нацистским или фашистским или сейчас — украинским. Мы ко всем хорошо относились. Мы не интернационалисты, мы не хотим, чтобы Россия тратила деньги на всю эту свору всех коммунистов в Америке, на Кубе, в Венесуэле, в Аргентине, во Франции, в Канаде. Мы оплачивали все эти аппараты компартий, и во всех этих странах, и полбюджета России шло на оплату всего этого. Они кричали, что они будут нам помогать, что

они будут с нами дружить. Я говорил, что никто ничего не будет помогать, никто ничего не будет делать. <...> мы не были интернационалистами, мы не были коммунистами и не были капиталистами. <...> это была всё молодежь, это не была политическая партия <...>.

Было много русских, которые остались после войны в Германии. Одни поехали в Аргентину, другие поехали в Австралию, в США. Осталось много людей в Германии, они вошли в контакт с местными оккупационными властями англичан, американцев. Им дали разрешение издавать какую-то газету, они издавали журнал «Посев». <...> Был очень хороший журнал. Они начали сотрудничать как-то с иностранными всякими властями, которые там были. Не было другого выхода. А мы были против. Я сказал: нет, я собираться — собираюсь, разговаривать — разговариваю, доклады читать — читаю, но я не с американцами, не с немцами, не с англичанами никого дела не хочу. Пусть они занимаются своим, а мы будем — своим. Если у нас нету денег на это — не надо нам ваших денег. Будем делать без денег. Вот такая была позиция.

Слепухина Н. А.: И Юра разделял эту позицию?

Андрушкевич И. Н.: Он эту позицию разделял, но тут он вообще разочаровался (в НТС. — Н. С.), и тогда он вообще отошел. <...> Активисты считали, нужно что-то делать, даже входя в какие-то такие тактические соглашения с какими-то властями. Были и те, которые говорили, что ни в какие соглашения входить нельзя. Он не пошел ни туда, ни сюда. И сказал: «Я ухожу». <...> Он отошел от одной и другой группы <...>, и тогда на этом фактически все кончилось. Это был 55 год. Та часть, которая у нас была в Аргентине, это было большинство. Они отошли и больше занимались встречами, дружбой между собой, читали доклады. Но никаких акций не делали. А другая, меньшая часть, осталась связана с центром в Германии. Что они делали, мы не знаем. Что нужно сказать — что мы разошлись, но мы не ссорились друг с другом. Помоями друг друга не поливали. Были между нами хорошие, человеческие отношения. Я сказал: «Я не согласен». Они сказали: «Ну, хорошо». Мы иногда встречались. Было какое-то общее дело. Скажем, юбилей Пушкина — мы могли сделать вместе, или какой-то акт русской культуры, тысячелетие крещения Руси. Тут все

действовали более-менее совместно. Вся эмиграция. <...> Старики все были монархистами — не хотели никакой политикой заниматься, политика — это грязное дело, не надо заниматься национализмом, интернационализмом, ни солидаризмом — ничем, а надо быть военными. Если другого не будет, то и не будет. Россию спасут военные. Будут у власти военные. Мы им подчинимся и будем помогать. Молодежь говорила: кроме военного нужно заниматься тоже политикой, дипломатией, преобразовать Россию, какой-то социальный строй... что делать с государственным имуществом? Что делать, чтобы его не разворовали? Мы уже тогда предвидели, что будет попытка разворовать это все имущество народное. Мы об этом говорили, что не надо допустить, чтобы это имущество разворовали. Нужно постепенно, на салазках, спустить это имущество в народ. <...> и не все имущество, а кое-что. Мы говорили: квартиры, землю дать крестьянам в колхозе. Хочешь выйти из колхоза — дадим тебе столько-то гектар даром. Вот такая была идея. <...> нефть... — никто не говорил, чтобы перешла в руки какого-нибудь... Пусть будет государственной, но дать какое-то участие в этих доходах тем же рабочим, как это есть в Германии, есть в других странах. Это были поиски, идейно-идеологические поиски тоже на экономические темы. Юра отошел от этого, потому что <...> оказалось, что все это, в общем, невозможно. И невозможно ни так и ни так. Я говорю: «Надо подождать, когда-то все разрешится само собой. Не так, как мы думаем, будет иначе. <...>

Мы от всех всегда бежали. Мы, в 44 году уезжая из Югославии, от коммунистов, — наша группа 5–6 человек музыкантов — сказали: «В России что-то произойдет, и мы встретимся в Екатеринбурге снова и там сыграем, в 50 году». Я говорю: «Мы встретимся, но в 50 году это слишком рано». Мне говорили: «Ну, ты всегда пессимист, ты ничего не понимаешь, у тебя нету веры в это»... Мы никогда не встретились, они все умерли. Я остался один. Я попал в Екатеринбург 3 года тому назад. Я попал, но из тех уже никто не попал.

Потом <появился> Юра <...>, потом тоже было интересно. Я все хотел попасть в какой-то университет. <...> Нужно иметь какую-то бумажку. Я наконец-таки пошел с каким-то одним знакомым Юры, <...> у него были какие-то связи <...> из их элиты местной, интел-

лектуально-аргентинской. <...> Я пошел на юридический факультет, но мне сказали: «Нет-нет. Вы должны окончить <аргентинскую> среднюю школу. Вы должны закончить начальную школу. Сдайте экстерном начальную школу 4 или 5 лет, потом 7 лет этого». Ну, я думаю, шут с ними. <...> В общем, меня туда не приняли. Потом я узнал, что на журналистическом факультете меня с трудом принимают. Вот там я познакомился со своей женой.

Юра имел какие-то связи с какими-то интерактивными интеллектуалами, которые собирались по субботам на квартире какого-то аргентинского интеллектуала — крупного писателя, который, кажется, был послом в свое время Аргентины в Париже. Вот Юра мне говорит: «Пойдем туда». Юра стеснялся немножко, что там местная аристократия, люди богатые, а мы люди бедные. Я говорю, что наплевать, пойдем. Пошли, и я шел, чтобы, так сказать, дать ему немножко больше куража. Мы туда два года ходили вместе с ним, <...> у него были хорошие связи с крупными интеллектуалами-аргентинцами. Но потом оказалось, что эти аргентинцы тоже занимались политикой, они во что-то вовлекали, это он частично где-то описывает своих романах. Я не читал эти романы, но читал отрывки, в этих отрывках, мне кажется, что там немножко сгущено все. У него был такой подход к вещам: он все видел в сгущенном виде. Вот в этой комнате, он бы сказал: «Вот эти цветы занимают всю комнату», и он бы писал, описывал красный и белый цветок и вазу. А я бы даже не сказал, ну было что-то, стояло что-то на столе, был какой-то оператор, и были цветы, может быть, сказал, а может быть, и не сказал. Он как вцепится в что-то, то он и описывал все и что из этого исходило. Я говорю: Юра, не надо перебарщивать. Ну цветы, и шут с ними! А он мне: «Ты — скептик ты — оппортунист».

Слепухина Н. А.: Он делился своими литературными опытами?

Андрушкевич И. Н.: Никогда не показывал. Я говорю: «Ты пишешь стихи?» Он говорит: «Все русские пишут стихи». Я говорю: «Неправда. Ты говори: все, кроме Андрушкевича. Я русский, но никогда стихов не писал и никогда писать не буду. Но прочти ты, Юра, прочти, что же ты?» — «Нет, стихов не читают». Так что он писал стихи, <...> но никогда стихов не прочитал. <...> Он писал всякие

статьи для журнала «Вехи», он был членом редколлегии еще до того, как приехал в Аргентину. Он дружил со всей этой нашей элитой. Нам было всем от 20 до 30 лет, а там была элита около 40 лет (от 40 до 50), которых мы считали стариками. Он с ними дружил, с лидерами иммиграции — Мамуков, Денисенко, и он для них писал иногда статьи. Вот они издавали журнал «Вехи». Он писал для них статьи, часто такие боевые: что вот мы двигаемся вперед, и мы победим, и наше дело правое. В таком духе. <...> Он был романтик. Он был типичный русский хороший романтик. Я бы даже сказал в духе, скажем, Лермонтова. И хорошо он писал по-испански, и думаю, что по-французски, хотя я не могу судить. Он очень хорошо писал, у него были хорошие отношения с интеллигенцией русской. Но потом он вдруг решил вернуться в Россию. И начали многие его за это критиковать. Что — как же, он столько лет говорил, что он против коммунизма, против советской власти, а теперь он возвращается туда. <...> Его убедили, что «вы вернетесь, будете писателем, у нас теперь все переменялось, у нас Сталин умер — полная свобода. Вы можете писать что хотите, даже можете критиковать советский режим. Никто вам ничего не скажет, у нас все переменялось». И он во все это поверил, с одной стороны, с другой стороны — его мать! Она говорила: «У тебя талант писателя. Ты не политик, не экономист, не техник, не оператор. Ты — писатель. Что же ты будешь делать в Аргентине? Пишешь по-русски, а в Аргентине по-русски никто не понимает. Нужно писать по-испански. Ты по-испански писать не хочешь. Можешь, но не хочешь. Ты должен вернуться в Россию». Писатель может жить только (русский писатель) в России. Особенно, если он только начинает. Если он уже выехал... — как Бунин наш, эти крупные писатели. Они уже выехали. Тот же Мережковский. Они уже были писателями в России и потом продолжали писать. Но тоже они потом замерли. Кто читал Бунина на Западе? Это наша эмиграция. Французы его не читали, хотя мог писать по-французски, понимаете, и поэтому его (Слепухина. — И. А.) мать в этом была права, она сказала: «Если хочешь что-то сделать для России, ты должен вернуться в Россию, чтобы писать по-русски, тебе нужна русская среда». Нас было 5–6 человек, потом в церковь ходили — там было 100 человек... «Для писателя нужна русская среда,

русский быт — хороший, плохой — неважно. Ты должен жить среди русского народа». Она была права. Она немножко это все утрировала, но в <общем> смысле она была права. Я поэтому был один из немногих, который стал говорить: «Поезжай! Правильно». Ему говорили: «Как ты поедешь, там все еще большевики, там все еще...» — я не знаю, кто там тогда был... Брежнев или кто... Я говорю: «Если ты принял это решение?! Ты — писатель. Вернись, будешь там писать. Там все-таки русский народ живет. Русский народ хороший, власть плохая, но русский народ не виноват. Он виноват, что он ее терпит, но он ее не может не терпеть. У него нет другого выхода. Он виноват, что он допустил, а теперь уже поздно. Эти люди, что сейчас — они не виноваты. Виноваты их отцы и старшие братья. Так что возвращайся к русскому народу и будешь жить в своей среде, и будешь писать. Ты сделаешь больше». <...>

Элита должна заниматься творчеством, которое может быть полезно всему народу с эстетической точки зрения, с политической, с экономической, с культурной, с какой хотите. Элита ведет народ, но чем она ведет? — Творчеством. Не жульничеством, не заработком денег, не какой-то там... понимаете, бизнесом. Ведет своим творчеством. И я ему говорил: «Твое творчество такого рода, что оно возможно только в родной среде — возвращайся». Он был очень мне за это благодарен. Был единственный, который меня понял, потому что это было правильно. Например, мне — нет, я не писатель, я не пишу стихов и романов. Ну что бы я приехал в Россию? Я бы начал заниматься экономикой или политикой? Меня бы посадили. Сразу.

Слепухина Н. А.: Игорь Николаевич, то, что вы сказали — потрясающе, потому что в статье «Писатель и отечество», которая принадлежит Слепухину — слово в слово то, о чем вы говорите. Прошло столько лет. Вы эту статью не читали. И вы остались на одном дыхании, вы остались вместе. Несмотря на то, что прошли годы и вам так и не удалось увидеться после отъезда Юрия Григорьевича из Аргентины. А тем не менее — по сути вы были друзьями, и вы остались ими. И слава Богу. Спасибо вам огромное.

Андрюшкевич И. Н.: Я ему написал письмо, когда я собирался приехать в 92 году в Россию, в первый раз: «Знаешь, Юра, я тебя

всегда считал другом и так продолжаю дальше считать. Если хочешь — я буду в Петербурге, мы можем встретиться. Позвони, напиши, ответь». Я не помню, что я ему написал. «Мое отношение к тебе не изменилось. Я тебе тогда это открыто сказал». <...> Он пришел на бал, на котором я был и моя жена, он там познакомился с моей женой. Но он был большой русский националист. Он говорил: «Что же ты женишься на не русской?»

Слепухина Н. А.: Он мне всегда говорил, что Игорь женился на очаровательной итальянке.

Андрушкевич И. Н.: Она, во-первых, — не православная и не русская. Она — будет и православная, и будет русской... Прошло 50 лет — она стала православной и стала русской. У нас три сына тоже русские. Младший, он даже староста в русской церкви, в соборе. Староста в соборе православной церкви. Что больше? Старший сын ученый — математик, профессор. У него много друзей в России, и он ездит сюда на конференции. Ельцин устроил какую-то всемирную ядерную конференцию по ядерной физике. Пригласили моего сына, он здесь был тоже.

Так что, понимаете... хочу закончить одну вещь: в жизни очень важно говорить правду. И в жизни важно не фальшивить в важных вопросах. Фальшивить можно только лишь с врагами. А со своими русскими людьми мы не должны фальшивить. Должны говорить правду. Мы все имеем право ошибаться. Все имеют право ошибаться. Могут неправильно рассказать, но он должен говорить правду и по-хорошему относиться к другому. Вот это тоже была идея солидаризма, которую не совсем правильно поняли. Уж эта идея взята с западных мыслителей. Один либерал был, другой был иезуит. Они сказали, что солидаризм — это такое учение, что мы должны все быть друг к другу солидарны. То есть мы должны друг другу не только помогать, но и отвечать друг за друга. Солидарность это и есть, мы отвечаем. Это слово финансового происхождения. Император Константин Великий — он издал деньги — новые золотые «солидум». Он говорит, что это государство отвечает за солидность этих денег. Поставил печать, что мы говорим, что тут столько-то, такой-то вес, такой-то пробы. Вот этот вес и проба, которая была напечатана на

этой золотой монете, которую издал в начале 4 века император Константин Великий, она звалась «солидум». Это название монеты было. Как есть доллар, есть евро, есть рубль. «Солидум» — это слово про солидарность. Что государство солидарно с этой монетой. Оно за нее отвечает, что там столько-то грамм золота такой-то пробы, что нету примеси меди или вес меньше. И вот это и есть солидаризм, что мы все должны быть друг с другом солидарны, друг за друга отвечать, друг другу помогать. <...>

Я хочу сказать, что Юра правильно сделал, что он вернулся, потому что это было его амплуа, как говорят. Он тут что-то мог написать, чего бы он в Аргентине не мог сделать, или сделать хуже и меньше. И он принес какую-то пользу, и теперь нужно этим воспользоваться. То, что я раньше говорил про эмиграцию: эмиграция что-то делала и потом вымерла, но она оставила после себя что-то такое... вот то, что принадлежит нам. Для нас писали, для тех, кто пережили это. Также и творчество Юрино должно дальше использоваться, но, конечно, можно критиковать, нельзя все принимать без критики. Может, что-то он неправильно написал, может, что-то ошибся. Он имеет право. А может, что-то хорошее сказал. Вот это было хорошо и правильно, а это — немножко ошибся. Но ценно и одно и другое. <...> Вот это в философии есть такое правило <...> что это есть поиск истин, которые никогда не будут найдены полностью <...>. Ищем дальше. Бесконечно ищем, но уже не повторяем предыдущие ошибки. Китайцы сказали: «Только дурак спотыкается об один и тот <же> камень». Вот это есть цель философии и есть цель литературы. Он все это описывает.

Слепухина Н. А.: Спасибо. Спасибо огромное.



Раздел II
ПЕРВАЯ ВОЛНА
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В ГОДЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ



БОЧАРОВА Зоя Сергеевна,

доктор исторических наук,
профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем
факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

ВОЛОШИНА Валентина Юрьевна,

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры современной отечественной истории
и политологии
Омского государственного университета
имени Ф. М. Достоевского
(Россия, Омск)

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В НАЧАЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Аннотация: В статье изучена эволюция позиций российской эмиграции накануне и в начальный период войны нацистской Германии и Советского Союза. Авторы приходят к выводу о том, что идейные разногласия с советской властью, критика сталинизма, отсутствия свободы слова на Родине уступили место спорам между «оборонцами» и «пораженцами» об отношении к отечеству, о возможности участия в войне против СССР. Ставка на союз с фашистской Германией провалилась. Не сбылись и надежды «оборонцев», лежавшие в основе их позиции, на демократизацию советского режима после победы над фашизмом.

Abstract: The article examines the evolution of the positions of Russian emigration on the eve and in the initial period of the war between Nazi Germany and the Soviet Union. The authors come to the conclusion that ideological disagreements with the Soviet regime, criticism of Stalinism, lack of freedom of speech at home have given way to disputes between

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по созданию многоотомной истории России. Публикуется в порядке апробации.

«defencists» and «defeatists» about their attitude to the Fatherland, about participation in the war against the USSR. The stake on an alliance with Nazi Germany failed. The hopes of the defencists, which underlay their position, for the democratization of the Soviet regime after the victory over fascism did not come true either.

Ключевые слова: российская эмиграция, Вторая мировая война, «оборонцы», «пораженцы», патриотизм.

Keywords: Russian emigration, World War II, «defencists», «defeatists», patriotism.

Нарастающая угроза мировой войны заставила эмигрантское сообщество пересмотреть свои позиции по ряду вопросов: о будущем России, об отношении к советскому режиму и к И. В. Сталину, о патриотизме и др. Прежняя линия водораздела — отношение к большевизму и сталинизму — перестала быть определяющей. В новых условиях отношение к отечеству, сохранению его суверенитета и к возвращению домой становилось маркером для разделения на «оборонцев», призывавших забыть политические, религиозные разногласия и амбиции, всячески сочувствовать и помогать СССР в случае войны, и «пораженцев», которые связывали свои надежды с фашистской агрессией и готовы были к ней присоединиться для противостояния засилью Коммунистического Интернационала.

Пакт Молотова — Риббентропа российская эмиграция в целом расценила как акт, открывающий путь к развязыванию войны. Различные политические силы высказались в пользу защиты в предстоявшей схватке тех стран, которые стали для изгнанников второй родиной. Правые эсеры называли соглашение верхом цинизма, а Н. Д. Авксентьев открыто говорил о разделе мира двумя диктаторами. Монархические силы осуждали любое соглашение (и демократического лагеря, и фашистского) со Сталиным. Расширение территории СССР за счет Польши и прибалтийских республик осуждалось и, более того, расценивалось как причина неудач на первом этапе Великой Отечественной войны из-за готовности недовольного советской оккупацией населения помогать Гитлеру, а также из-за отсутствия

укрепленных рубежей². Вместе с тем кадетская газета «Последние новости» замечала, что СССР является лишь относительным союзником Германии, что участие в войне против западных держав вряд ли в интересах Москвы. И сам пакт, писал П. Н. Милюков, неизменно приведет СССР к союзу с западными демократиями³. Уже во время Второй мировой войны в одной из своих последних статей он, полемизируя с М. В. Вишняком, в частности, о роли пакта, признавал, что Сталин оказался прав, предпочтя нейтралитет, поскольку «выиграл еще полтора года для подготовки к войне, которую считал неизбежной»⁴. По его мнению, нежелание советской дипломатии расширять сотрудничество с Германией свидетельствовало о том, что пакт не был направлен против стран демократии. При этом он подчеркивал: «Если “карта мира”, в отсутствие России, оказалась иной, нежели ожидали демократические государства, то причины этого надо искать в их собственной политике, а не в политике СССР, их будущего союзника. Если СССР обнаружил тут больше “дипломатического искусства”, то это не его вина, а заслуга»⁵.

С началом Второй мировой войны открылась новая страница в жизни российской эмиграции, чье положение весьма осложнилось. Новый импульс получили реваншистские голоса. Великий князь Владимир Кириллович, глава Российского императорского Дома, вскоре призвал способствовать освобождению отечества от ига коммунизма⁶, впоследствии повторив призыв уже после начала Великой Отечественной войны, в приказе № 44 об Объединении русских воинских союзов от 20 июля 1941⁷.

² См.: [Электронный ресурс]. Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года: история, идеи, традиции демократ. социализма и судьбы участников левого сопротивления большевист. режиму. *Коновалова О. В.* Неонародническая эмиграция в США и Россия во Второй мировой войне. URL: <https://socialist.memo.ru/firstpub/y05/konovalova.htm> (дата обращения: 05.09.2022).

³ См.: *Милюков П.* Союзник постольку-поскольку // *Последние новости* (Париж). 1939. 26 окт.

⁴ *Он же.* Правда о большевизме // *Русский патриот* (Париж). 1944. 11 нояб.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Русский еженедельник в Бельгии* (Брюссель). 1939. 3 нояб.

⁷ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 241. См. также: *Голдин В. И.* Роковой выбор: рус.

Раскол на «оборонцев» и «пораженцев» проявлялся уже не только в ходе дискуссий, но и на организационном и личностном уровне. Часть эмигрантов, стремясь дистанцироваться от надвигавшейся войны, уезжала из оккупируемых Германией стран. В Польше, где накануне войны участились высылки, ухудшилась ситуация с получением виз, передвижением русских эмигрантов, германское правительство разрешило русским, принявшим по тем или иным причинам польское подданство, возвратиться к эмигрантскому состоянию, освободило из плена тех русских, кто был призван во время войны в армию польским правительством⁸, возможно потому, что с СССР были подписаны пакт о ненападении, а затем Договор о дружбе и границе.

Понятия «русский» и «советский» все чаще стали отождествляться. В аналитической записке 2-го Бюро французского Генерального штаба за 1939 обращено внимание на тот факт, что некоторые эмигрантские газеты охотно употребляли слово «русский» в смысле «советский», создавая тем самым замешательство во французском общественном мнении, отчего в первую очередь страдали русские эмигранты⁹. Правительства европейских стран, с одной стороны, рассматривали эмигрантов как представителей страны — союзника Германии, с другой, — призывали их в армию для борьбы с агрессором, причем не только натурализовавшихся русских, но и бесподанных¹⁰. Так, например, оба внука Л. Н. Толстого были мобилизо-

воен. Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск: Солти, 2005. Приложения.

⁸ См.: Памятная записка А. П. Архангельского правительству Германии от 28 июня 1940 г. // Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг.: док. и материалы: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. А. Ф. Киселева. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 65–66.

⁹ См.: Аналитическая записка 2-го Бюро французского Генерального штаба о реакции различных русских эмигрантских организаций на пакт Молотова — Риббентропа // Русская военная эмиграция 20–40-х годов [XX века]: док. и материалы. Т. 10: Крах, 1939–1946 гг. Курск: Б. и., 2017. С. 29.

¹⁰ В частности, Б. Н. Гревениц писал В. А. Маклакову 10 марта 1939, что министерство обороны, воспользовавшись неясностью редакции закона о воинской повинности, обратилось в МВД с просьбой отдать распоряжение о привлечении всех русских беженцев к отбытию воинской повинности. Однако решение вопроса было отдано на усмотрение губернаторов. См.: Чему свидетели мы были... : переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940: сб. док.: в 2 кн. М.: Гея, 1998. Кн. 2. С. 206.

ваны. Префектуры во Франции арестовали поголовно всех русских и продержали их в концлагере «Верне-ле-Бен» в Пиренеях до распоряжения из Парижа об освобождении. После оккупации Гитлером северной Франции уже немцы организовали для русских лагерь в Компьене. А в Великобритании из-за подписанного советско-германского пакта в действующую армию русских не брали, комнаты местное население им не сдавало, для выезда из страны требовалось получить разрешение, невзирая даже на принятие местного гражданства, эмигрантам с нансеновскими паспортами запрещалось работать за плату или бесплатно¹¹ и пр.

«Зимняя» война стала пробным камнем для самоопределения эмиграции в отношении участия в войне против СССР. Такие страны, как Испания, Италия, готовы были откликнуться на просьбы русских отправить их добровольцами в финскую армию бороться против агрессии СССР. Особенные надежды возлагались на Сербию и Бельгию, так как во Франции молодежь была мобилизована в армию. Руководители РОВС и его отделов, а также отделившийся от него в 1936 А. В. Туркул, учредивший Русский Национальный Союз участников войны (РНСУВ), наперегонки предлагали свои услуги К.-Г. Маннергейму, несмотря на то что Финляндия скептически относилась к русскому участию, а эмиграция в целом отнеслась к идее отправки русских отрядов на советско-финский фронт скептически. Диссонансом звучал голос Глеба Струве, сына основоположника марксизма в России П. Б. Струве, поддержавшего решение трех молодых князей Голицыных примкнуть к финским войскам: едете бить граждан СССР, а не русских¹². «Последние новости» опубликовали протест видных деятелей литературы и искусства М. А. Алданова, И. А. Бунина, Д. С. Мережковского, Б. К. Зайцева, С. В. Рахманинова против нападения СССР на Финляндию¹³. В. Н. Штрандтман, глава Русской миссии в Югославии,

¹¹ См.: *Миронова Е. М.* Совет послов накануне Второй мировой войны // Нансеновские чтения 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 36, 37.

¹² См. письмо Е. В. Саблина к В. А. Маклакову из Лондона от 20 февр. 1940: Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 317.

¹³ См.: *Урядова А. В.* Зимняя война и эмиграция // Нансеновские чтения 2009. С. 44.

докладывал В. А. Маклакову в своем письме от 15 декабря 1939 об отклике русской беженской массы по поводу «финляндского эпизода», который выражался «в ярком ощущении и сознании, что тут может быть найдена та точка опоры для русского национального рычага, при помощи которой наконец будет опрокинута ненавистная большевистская власть над русским народом»¹⁴. Между тем В. А. Маклаков, глава Совета послов, Е. В. Саблин, бывший поверенный в делах России в Великобритании (1919–1921), возглавивший эмигрантский Русский Дом в Лондоне, выступили против участия русских в этой войне¹⁵. Той же позиции придерживался А. И. Деникин, осудивший руководство РОВСа за предложение использовать членов организации Маннергеймом¹⁶.

Добро финнов на формирование русского добровольческого отряда из военнопленных с участием эмигрантов в феврале 1940 получил бежавший за границу бывший личный секретарь Сталина Б. Г. Бажанов, как ненавидящий советскую власть и не белоэмигрант. Открывалась перспектива на плечах войны против СССР вернуться на домой, начать реальную борьбу против Коммунистического Интернационала. По признанию Б. Г. Бажанова, он был уверен, что «подсоветское население» мечтает об избавлении от коммунизма и поэтому нужно «катить снежный ком на Москву, начать с тысячей человек, брать все силы с той стороны и дойти до Москвы с пятьюдесятью дивизиями»¹⁷. В самой Финляндии значительная часть эмиграции не склонна была входить в военные формирования и поддерживать власть из-за ее преимущественно репрессивной политики по отношению к проживавшим здесь русским. Но до практического участия дело не дошло по причине окончания войны.

¹⁴ Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 263.

¹⁵ См., напр., письма В. А. Маклакова к В. Н. Штрэндтману от 12 февр. 1940; Е. В. Саблина к В. А. Маклакову от 20, 27 февр., 25 апр. 1940; В. А. Маклакова к Е. В. Саблину от 11 марта 1940; Там же. Кн. 2. С. 290, 317, 323–326, 357, 331.

¹⁶ См.: Судьба России важнее судеб эмиграции: письмо генерала А. И. Деникина начальнику Русского Общевоинского Союза А. П. Архангельскому (1946) / публ. В. Бортневского // Родина. 1991. № 6–7. С. 104.

¹⁷ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемир. слово, 1992. С. 128.

К итогам «Зимней» войны почти все политические организации, включая великого князя Владимира Кирилловича и социалистов, отнеслись с негодованием, заявляя о своем признании независимости Финляндии¹⁸. Советскую победу в войне философ Г. П. Федотов, назвал «нашим общим трауром», «моральной катастрофой», «политическим поражением демократической коалиции» и «торжеством наших врагов — Сталина и Гитлера»¹⁹. П. Н. Милюков же результаты войны оценил одобрительно, с точки зрения стратегической безопасности СССР²⁰.

Германия, захватывая одну европейскую страну за другой, становилась и распорядителем судеб русских за рубежом в оккупируемых странах. Прежняя система урегулирования статуса беженцев, с таким трудом выстраиваемая международным сообществом при участии юристов-эмигрантов на протяжении 1920-х — начала 1930-х была проигнорирована. Относительно либеральная, с элементами «неофициально признанного» самоопределения и самоуправления эмиграции, она не вписывалась в представления оккупантов о «новом порядке». Уже ни Лига Наций, ни верховный комиссар по делам беженцев и его представители, ни эмигрантские структуры не влияли на судьбу Зарубежной России, которая теперь полностью зависела от отношения немецких властей к русским эмигрантам.

Реорганизация эмигрантских структур коснулась, в первую очередь, Германии. С мая 1936 номинальное руководство осуществлял генерал В. В. Бискупский, возглавивший Управление делами русских эмигрантов (УДРЭ), учрежденное вместо Организации защиты интересов русских беженцев (Vertrauenstelle). Он получил исключительное право обращаться к соответствующему немецкому руководству в Берлине для решения того или иного вопроса. В последующем эта фигура доминировала в новой системе взаимоотношений власти

¹⁸ См.: Информационное сообщение Сюрте Женераль в МИД и Военное министерство об отношении русской эмиграции к вопросу о независимости Финляндии от 5 янв. 1940 г. (Париж) // Русская военная эмиграция 20–40-х годов [XX века]... Т. 10. С. 49.

¹⁹ Федотов Г. П. Доколе! После финляндской «победы» Сталина // Он же. Собр. соч.: в 12 т. М.: Мартис : SAM and SAM, 1996 – . Т. 7. 2014. С. 323.

²⁰ См.: Информационное сообщение Сюрте Женераль в МИД // Русская военная эмиграция 20–40-х годов [XX века]... Т. 10. С. 49–50.

и Русского Зарубежья в странах, вошедших в состав Третьего рейха, так как к УДРЭ переходило управление эмиграцией. На местах создавались опорные пункты Бюро по делам русской эмиграции, через которые шло сношение с УДРЭ в Германии, с В. В. Бискупским. Исключительно он мог обращаться к германским властям от имени эмиграции.

Многочисленные русские эмигрантские организации, часть которых была ликвидирована, свели в семь объединений по функциональному принципу (Объединение русских воинских союзов, Объединение русских просветительных и благотворительных организаций, Объединение русских профессиональных организаций, Национальная организация русской молодежи, Русские инвалиды, Объединение казачьих союзов и Русское национальное социальное движение)²¹. Система сношений с русскими эмигрантами и их общественными организациями значительно упростилась, вводилась строгая субординация, любая инициатива осуждалась и пресекалась. Организации общеэмигрантского значения с центрами вне Германии упразднялись. Всякая деятельность иностранных учреждений и организаций в стране воспрещалась. Так, одно из самых многочисленных объединений Зарубежной России — Русский общевоинский союз (РОВС) потерял свой 2-й (германский) отдел, преобразованный в самостоятельную группу, а именно — Объединение русских воинских союзов (ОРВС) во главе с А. А. фон Лампе. С расширением оккупации Германией европейских государств находившиеся там отделы РОВСа преобразовывались и становились составной частью ОРВС.

Несмотря на то что РОВС (управление которым оставалось в Бельгии) немцы считали антантофильской организацией, русская военная эмиграция стремилась продемонстрировать свою прогерманскую ориентацию независимо от страны проживания. Иногда «эти симпатии были до такой степени мало скрываемы, что на них

²¹ См.: Цурганов Ю. Неудавшийся реванш: белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Интрада, 2001. С. 80–92; Бочарова З. С. Начало формирования «второй» волны эмиграции // История российского Зарубежья: эмиграция из СССР — России, 1941–2001 гг.: сб. ст. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 15.

обратили внимание и иностранцы, которые никак не могли понять, почему БЕЛЫЕ русские на стороне немцев»²².

Участие эмиграции в решении «русского вопроса» ограничилось ходатайством перед немцами об облегчении участи русских военнопленных (в том числе бесподданных, с нансеновскими паспортами), служивших во французской, бельгийской, югославской армиях, а позже — советских остарбайтеров²³, о трудоустройстве русских эмигрантов. Самостоятельная борьба эмигрантов с коммунизмом исключалась первоначально из-за действия Пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР в 1939, а после нападения на СССР русские за рубежом чаще расценивались немцами как пятая колонна.

Накануне Великой Отечественной войны прогерманские настроения особенно были распространены среди эмигрантов, проживавших на территории Германии, Бельгии и некоторых восточноевропейских стран, поскольку здесь оказалась сосредоточена значительная часть правого сектора политических и военных организаций. Германия представлялась белому воинству наиболее надежным союзником, с которым его связывала не только ненависть к коммунизму, но и недоверие к странам западной демократии после того, как англичане бросили на произвол судьбы белых в Крыму, а французы в константинопольский период предпочли репатриацию солдатского состава Русской армии. Поэтому часть военных чинов сложила с себя обязательства времен Великой войны и была на стороне тех, кто помогал в борьбе с большевизмом, хотя и являлся врагом России²⁴, тем более что главнокомандующий П. Н. Врангель завещал, что «русский узел будет развязан в Берлине»²⁵.

²² Письмо П. А. Кусонского к А. А. фон Лампе от 25 июня 1940 г. // ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 32.

²³ См. подробнее о численности: Гаража Н. А. Понятийное измерение контекста трудоустройства советских граждан в экономике нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2017. № 4. С. 658–659.

²⁴ См. письмо П. Н. Шатилова к А. А. фон-Лампе от 11 янв. 1934: Политическая история русской эмиграции... С. 47.

²⁵ Письмо А. А. фон Лампе к Е. К. Миллеру от 26 окт. 1933 // Там же. С. 46.

Что же касается оборонческих взглядов, то они преобладали среди представителей левого и центристского спектров диаспоры, проживавших, главным образом, в западноевропейских странах. Следует признать, однако, что Вторая мировая война привела к кардинальной перегруппировке политических сил Русского Зарубежья. Нередко среди «пораженцев» оказывались либералы, а убежденные монархисты, напротив, становились «оборонцами» (особенно в ходе Великой Отечественной войны). При этом первые могли перейти к сотрудничеству с фашистами, а вторые — участвовать в Сопrotивлении. В современной отечественной историографии не поставлена точка в дискуссии о количестве «пораженцев» и «оборонцев». Одни считают лагерь борцов с гитлеризмом несоизмеримо шире их пособников, другие отдают численный приоритет последовательным борцам со сталинизмом²⁶.

На итоговый выбор эмиграции повлияли события 22 июня 1941, что окончательно разделило ее в целом, в том числе политические и церковные круги.

Теперь «русский вопрос» приобретал иной контекст и содержание. Для «оборонцев» он состоял в поддержке СССР, его территориальной целостности, в сохранении нации. Защиту своего отечества они ставили выше политических разногласий с властью²⁷. «Пораженцы» же по-прежнему надеялись вернуться в Россию, свалив советскую власть с помощью германских штыков. Выстраивались очереди для записи в военные формирования для отправки на Восточный фронт. Существуют свидетельства, что немцы брали на себя не только расходы, связанные с вербовкой и транспортировкой добровольцев, но и обещали оказывать материальную помощь членам

²⁶ См.: Балмасов С. Русская белоэмиграция в борьбе против нацизма // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3. Июль–дек. С. 73–74; Цурганов Ю. Неудавшийся реванш...; Урицкая Р. Л. Они любили свою страну... : судьба рус. эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.

²⁷ Еще в 1935 было создано Русское эмигрантское Оборонческое движение, объединившее представителей различных идейно-политических направлений. С мая 1936 издавалась газета «Оборонческое движение». Подробнее см.: Цурганов Ю. «Русское эмигрантское Оборонческое движение» (1936?) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 218–222; Урицкая Р. Л. Указ. соч. С. 58–60.

их семей, что оказало немаловажное влияние на выбор при низком уровне жизни эмигрантов²⁸.

Уже 22 июня 1941 в Берлине после молебна о даровании победы над большевиками и проповеди с предсказанием звона колоколов по всей Руси Великой последовала массовая запись добровольцев в германскую армию. По этому поводу П. Н. Краснов писал: «Никто им не сказал, что ни одна уважающая себя армия, а тем более такая однородная, как немецкая, не сможет так вдруг брать добровольцев той же национальности, что и ее враг»²⁹.

Пыл остудили заявления главы Комитета взаимопомощи русских беженцев во Франции Ю. С. Жеребкова³⁰ о том, что «Россию будут строить не эмиграция и ее вожди, а те, кто своею кровью смыывают яд и отраву большевизма, — немцы»³¹. Даже А. А. фон Лампе, надевшийся быть полезным немцам, осознал свою беспомощность и невозможность для эмиграции выступить самостоятельной антибольшевистской силой. В письмах к А. П. Архангельскому он делился наболевшим, писал, что морально тяжело, ибо «мыслили всегда о совместной работе с германской армией в борьбе с большевиками», что «ждать тяжело, больно и обидно... но ничего иного не остается!»³², что эмиграция не только не субъект, даже не объект, что она

²⁸ Пихурик Ю. Русская эмиграция в Южном крае Венгрии в 1941–1944 годах // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы): [сб. ст.]. М.: Пробел–2000, 2012. С. 149.

²⁹ П. Н. Краснов: «Вождь, который спасет Россию, может появиться только в самой России...» / [публ., предисл., коммент.] Е. Г. Кривошеевой // Военно-исторический журнал. 2001. № 4. С. 72 (док. 1: Письмо П. Н. Краснова к Е. И. Балабину от 9 июля 1941 г.).

³⁰ О Ю. С. Жеребкове, в том числе его автобиографию 1953 г. (с купюрами), см.: [Электронный ресурс]. Петров И. После прочтения сжечь, или Американское досье Юрия Жеребкова / пер. с англ и нем. URL: <https://labas.livejournal.com/1027824.html> (дата обращения: 05.09.2022).

³¹ Стенограмма официального сообщения представителям русской эмиграции во Франции, сделанного Ю. С. Жеребковым [главой Комитета взаимопомощи русских беженцев, с апр. 1942 — Управления делами русских эмигрантов во Франции] 25-го июля 1941 года / публ., коммент. З. С. Бочарова // Россия XXI. 2011. № 3. С. 198.

³² «Сердце раздирается на части»: письма председателя Объединения русских воинских союзов А. А. фон Лампе, июнь–окт. 1941 г. / публ. и предисл. подгот. З. С. Бочарова и Л. И. Петрушева // Исторический архив. 2010. № 3. С. 45 (письмо А. А. фон Лампе к А. П. Архангельскому от 3 авг. 1941).

«в русском вопросе в лучшем случае ничто», а в худшем — помеха для германских властей³³.

Во Франции, равно как и на других оккупированных территориях³⁴, УДРЭ, учрежденное в 1942, было уполномочено провести регистрацию, обязательную для всех русских эмигрантов начиная с 15-летнего возраста, засвидетельствовать, что зарегистрированный есть лицо русского происхождения и русский эмигрант; лишь на этом основании выдавалось удостоверение личности (*Carte d'identité*) с пометкой «Русский беженец» (*Réfugié russe*), которое давало право на повсеместное жительство, поступление на работу, пользование французскими лечебными учреждениями. Лица, не получившие документ до 1 сентября 1942, приравнивались к гражданам СССР и попадали под административные меры, применяемым к последним³⁵.

Положение русских эмигрантов ухудшилось и в странах — союзницах Германии. Так, в Венгрии после 27 июня 1941 были приняты специальные распоряжения, касающиеся советских граждан и «вообще русских». Первых следовало интернировать, для эмигрантов ввести режим обязательной явки, а тех русских, которые жили на присоединенных территориях (Подкарпатская Русь), — «как правило, изолировать». Усиленному контролю подлежали даже русские, принявшие венгерское гражданство³⁶.

Хотя Берлин «русский вопрос» не ставил и «о Национальной России никто и не говорил»³⁷, часть белой эмиграции инициировала создание своих военных формирований (с привлечением «подсоветских» людей). Еще во время «Зимней» войны в Финляндии такая попытка вылилась в образование Русской народной армии (РНА)³⁸,

³³ Там же. С. 47 (письмо А. А. фон Лампе к А. П. Архангельскому от 24 авг. 1941).

³⁴ См., напр., о деятельности УДРЭ в Бельгии: Маньков С. А. Бельгийский коллаборационизм и русская правая эмиграция в 1940–1945 гг. // Нансеновские чтения 2009. С. 86–88.

³⁵ См.: Парижский вестник. 1942. 14 июня.

³⁶ Пихурик Ю. Указ. соч. С. 146.

³⁷ Письмо А. П. Архангельского к В. В. Бискупскому от 28 июня 1940 г. // ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 49.

³⁸ См.: Александров К. М. Русские военные эмигранты в Европе в 1939–1941 гг.: настроения, реакции и намерения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11–1. С. 208.

после начала Великой Отечественной — Русской национальной народной армии (РННА; уже на территории СССР) с участием советских военнопленных (численностью до 8 тыс.), Отдельного Русского корпуса / Русского Охранного корпуса численностью до 1,2 тыс. человек в Югославии³⁹; также эмигранты приняли участие в добровольческом Валлонском легионе (Бельгия). Желавших служить в вермахте использовали в качестве переводчиков и карателей.

Основным объединением, возглавившим поход против СССР, стал РОВС. В связи с этим А. И. Деникин обвинил руководство Союза в преступных действиях. В 1946, обращаясь к А. П. Архангельскому, генерал писал: «Только недоверие немцев и пассивное сопротивление большинства членов Союза предохранило их от массовой и напрасной гибели»⁴⁰. Далее он продолжал: «Челобития Ваши и начальников отделов РОВСа о привлечении чинов его на службу германской армии, после того, как Гитлер, его сотрудники и немецкая печать и во время войны, и задолго до нее высказывали свое презрение к русскому народу и к русской истории, открыто проявляли стремления к разделу и колонизации России и к физическому истреблению ее населения, — такие челобитные иначе, как преступными, назвать нельзя»⁴¹.

В Китае эмигрантские военные формирования активно создавались с подачи японской военной миссии, которая активизировала разведывательную, контрразведывательную, подрывную, пропагандистскую работу против СССР с использованием эмиграции, предписывала пресекать идеологические колебания белогвардейцев. При этом ставка делалась на изучение национальной русской культуры в противовес большевистским принципам интернационализма. Штаб Квантунской армии планировал создать руками казаков во главе с А. П. Бакшеевым буферную зону в пределах бывшей Дальневосточной республики после нападения фашистской Германии

³⁹ См.: *Котюков К. Л.* Российские военные эмигранты и «пораженческое» движение во время Второй мировой войны // *История российского Зарубежья: эмиграция из СССР — России...* С. 24–44.

⁴⁰ *Судьба России важнее судеб эмиграции...* С. 104.

⁴¹ Там же.

на СССР и занятия немцами Москвы⁴². По заданию японской военной миссии в Хайларе генерал А. П. Бакшеев готовил Захинганский казачий корпус в составе пяти казачьих полков, который предполагалось бросить на советский Дальний Восток⁴³. 26 июня 1941 глава Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) В. А. Кислицын назвал фашистскую агрессию против СССР «очистительной грозой», которая приведет к «освобождению России»⁴⁴. Оптимизм лидеров эмиграции вызвало нападение Японии на Перл-Харбор и другие базы США.

Война разделила и церковнослужителей. Митрополит Евлогий и его паства переживали за события на советско-германском фронте. Митрополит сравнивал Великую Отечественную войну с Отечественной войной 1812. «...тот же всенародный подвиг спасения Родины»⁴⁵, — говорил он. Представители других слоев российской эмиграции активно вливались в антифашистские формирования, существенно пополнили войска «Свободной Франции», участвовали в партизанском и подпольном движении во Франции, Италии, Бельгии, ЧСР, Болгарии, Югославии, Польше, Венгрии, Румынии и др.

«Оборонцы», представленные различными политическими течениями, как и их оппоненты «пораженцы», осуждали сталинизм за методы проведения коллективизации, голод, пренебрежение человеческим достоинством и т. д. После 22 июня 1941 им сложно было удержаться на своих идейных позициях, не заглушая критику коммунистической диктатуры и сталинского режима в СССР. Чтобы не

⁴² См.: *Смирнов С., Буяков А.* Отряд Асано: рус. эмигранты в вооруж. формированиях Маньчжоу-го (1938–1945). М.: Алгоритм, 2016; *Ципкин Ю. Н.* Участие российской белоэмиграции в Великой Отечественной войне на стороне противников Советского Союза // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 39.

⁴³ См.: *Ципкин Ю. Н.* Указ. соч. С. 40.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Цит. по: *Манухина Т.* Памяти митрополита Евлогия // Путь моей жизни: воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), излож. по его рассказам Т. Манухиной. М.: Моск. рабочий; Изд. отдел всецеров. православл. молодеж. движения, 1994. С. 610. (Материалы по истории Церкви. Кн. 3).

впасть в «советопоклонство», разводились понятия «власть/режим» и «народ», «интересы страны» и «интересы власти»⁴⁶. Вызванный войной патриотический подъем эмигрантов был основан также на вере в то, что советская власть начала превращаться в русскую национальную власть. Наиболее последовательно позицию «оборонцев» выразил Е. В. Саблин, 25 июня 1941 он писал: «Теперь, когда русский солдат защищает на своей родине земли, которые с незапамятных времен обрабатывали его предки, было бы преступлением оставаться при старых взглядах, которые вынуждали нас жить за границей. Мы любим нашу родину так же, как и наши братья в России. Все русские патриоты солидарны с их братьями на родине»⁴⁷. В отличие от «пораженцев» русские дипломаты-«оборонцы» понимали, что иностранное вмешательство приведет к потере суверенитета России и ее расчленению. Выступая с государственнических позиций, они отстаивали территориальную целостность страны. И В. А. Маклаков, и Е. В. Саблин утверждали, что «падение Сталина будет началом распада империи», что «военный разгром большевизма совсем не начало их падения», что многим иностранцам это будет только полезно⁴⁸. Даже непримиримый противник Советов философ И. А. Ильин признавал, что не существует государств, готовых служить русским национальным интересам⁴⁹.

В условиях войны на оборонческих позициях стояло большинство социалистических групп, при этом их аргументация отличалась разнообразием⁵⁰. Если в начале Второй мировой войны эсеры утверждали, что ход коллективизации и милитаризация страны заложили основание будущей войны, то после 22 июня 1941 и с установлением Сталиным союза с демократическими странами критика советского руководства и его политики расценивалась уже

⁴⁶ См., напр.: Вишняк М. О патриотизме советском и ином // За свободу (Нью-Йорк). 1942. № 4–5. С. 23–26.

⁴⁷ Новое слово (Берлин). 1941. 29 июня.

⁴⁸ Чему свидетели мы были... С. 326, 22.

⁴⁹ См.: Ильин И. А. Родина и мы: [сб]. / сост., отв. ред., [авт. вступ. ст.] Ю. Т. Лисица. Смоленск: Посох, 1995. С. 245.

⁵⁰ См.: Чернов В. Пораженцы и оборонцы: ответ т<оварищу> Сухомлину // За свободу. 1942. № 4–5. С. 50–57.

как пособничество геббельсовской «освободительной» пропаганде, которую, как замечал А. Ф. Керенский в статье «Горящая Россия», необходимо было «вырвать из рук Гитлера»⁵¹. В. М. Чернов неоднократно заявлял о неизменности оборонческой позиции эсеров. Оружием тех, кто перебрался в США, стало слово. Издававшийся в Нью-Йорке эсеровский журнала «За свободу» активно поддерживал «оборонцев». Так, например, Н. Д. Авксентьев высказывался за содействие советскому народу в борьбе за независимость, обращался к Западу с призывом активнее помогать СССР. В противовес эмигрантам, надевшимся на революцию в России в условиях войны, он был убежден в том, что подобные события приведут лишь к военному разгрому и в конечном счете к гибели страны. Оставшиеся в Европе члены партии социалистов-революционеров влились в ряды движения сопротивления, часть их погибла, часть вернулась после войны в СССР.

Социалист Н. В. Вольский (псевд. Н. Валентинов) писал своим товарищам в Нью-Йорк, что от стопроцентного отрицания СССР множество людей пришло к стопроцентному («без оговорок») признанию СССР: «Я никогда не представлял себе, что у многих моих добрых знакомых может в самое короткое время развиться такой национализм»⁵². Для анархистов война стала поводом разбудить классовые чувства, продемонстрировать пагубность деятельности власти. Выступая против государства как института подавления, они были вынуждены поддержать СССР, но сделав ставку на солидарность с трудящимися, а не со Сталиным⁵³. «Оборонцы» старались балансировать между осуждением и критикой большевистского

⁵¹ Цит. по: *Вышкварцев В. В.* Русские социалисты-революционеры в борьбе с фашизмом в годы эмиграции // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: международ. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года. М.: Русский путь; Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2015. С. 498.

⁵² Цит. по: [Электронный ресурс]. Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года: история, идеи, традиции демократ. социализма и судьбы участников левого сопротивления большевист. режиму. *Коновалова О. В.* Неонародническая эмиграция в США и Россия во Второй мировой войне.

⁵³ См.: *Герасимов Н. И.* Русская анархистская эмиграция против фашизма: Г. П. Максимова и В. М. Волин // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом... С. 486–494.

режима, поправшего демократические принципы, и солидарностью с отечеством, борющимся с коричневой чумой.

Соотечественники помогали СССР материально, морально, идейно, создавали комитеты помощи Родине, собирали средства. Так, Н. А. Бердяев передавал в фонд помощи освобожденным советским военнопленным часть гонорара от публичных выступлений. С. В. Рахманинов крупную сумму отнес в советское посольство с письмом: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу! 25 марта 1942»⁵⁴. Большая доля сбора от выставок-продаж в Индии работ Н. К. и С. Н. Рерихов направлялась советскому Красному Кресту и на нужды Красной армии.

У молодого поколения эмиграции с началом Второй мировой войны окончательно исчезла очарованность фашизмом. Так, большинство представителей популярного среди эмигрантской молодежи движения младороссов заняло патриотическую позицию⁵⁵. Будучи уверенными в невозможности реставрации дореволюционной России, в успехах социалистического строительства в СССР они видели признаки рождения новой имперской России и своей задачей считали всяческое содействие укреплению отечества, независимо от политического режима в нем. В мае 1939 глава и идейный вождь младороссов А. Л. Казем-Бек в статье «Русский ответ Адольфу Гитлеру» писал: «Россия не утратила воли к жизни, несмотря на все произведенные над ней “красные” эксперименты, Россия не перестала быть не только великой, но и мировой державой. И время работает на Россию в том смысле, что силы ее будут возрастать, судьба ее будет просветляться, внутренняя жизнь ее будет очищаться. И после преодоления народной жизнью ига, воплощенного сегодня в Сталине, страна наша встанет на путь почти беспредельного развития»⁵⁶. По его мнению, в условиях надвигающейся войны русские эмигранты

⁵⁴ Цит. по: Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. С. 235.

⁵⁵ См.: Косик В. И. «Молодая Россия»: вариации на тему национализма в маршах эпохи. М.: [Тип. изд-ва «Пробел-2000»], 2013; *Массип М. Истина — дочь времени: Александр Казем-Бек и рус. эмиграция на Западе* / [пер. с фр. Н. М. Сперанской]. М.: Языки славянской культуры, 2010.

⁵⁶ *Казем-Бек А. Русский ответ Адольфу Гитлеру // Бодрость! (Париж). 1939. 7 мая.*

должны быть на стороне России и всех государств, подвергшихся фашистской агрессии: «Мы, как Русские, не можем быть глухими к правде, к справедливости. Адольф Гитлер создал учение о международном хищничестве. Наши симпатии будут на стороне намеченных им жертв. <...> Мы солидарны со всем миром, осуждающим политику захватов»⁵⁷. Такая позиция лидера младороссов, безусловно, способствовала активному участию молодежи Зарубежья в движении Сопротивления на территориях оккупированных европейских стран в годы Второй мировой войны⁵⁸. Анализ геополитической ситуации в Европе весны 1939, сделанный А. Л. Казем-Бекем в этой статье, позволил ему правильно охарактеризовать расстановку сил в назревающей войне и предсказать неизбежный крах гитлеризма. С гордостью и пафосом он заключал: «Меча первые не обнажим, но на взмах вашего меча — уж не обессудьте — ответим не только крепостью щита, но и разящей мощью Русского меча»⁵⁹.

«Пораженцы» стали быстро терять сторонников, когда стало очевидно, что Гитлер воюет не просто против Сталина, а против России. Исследователь отмечает, что «побывав на оккупированной территории, возвращались на Запад врагами нацистов и разъярялись: “Немцы всех нас хотят обратить в рабов”, — и присоединялись к движению Сопротивления»⁶⁰. Многие, в том числе и казаки, не пошедшие за П. Н. Красновым и А. Г. Шкуро, влились в ряды Сопротивления,

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ В сент. 1939 лидер младороссов А. Л. Казем-Бек и его соратники были арестованы и помещены в лагерь Верне-ле-Бен. После освобождения в мае 1940 он объявил о самороспуске Союза. П. Н. Базанов отмечает, что, несмотря на запрет Союза министерством внутренних дел Франции и последующий арест многих его членов, организации в США, Югославии и Шанхае действовали до 1942 (см. его ст.: А. Л. Казем-Бек — лидер движения младороссов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. № 4. С. 122). Другой современный исследователь утверждает, что А. Л. Казем-Бек официально объявил о полном роспуске младоросской партии на совещании в Детройте в начале февр. 1942, «дабы дать полную возможность каждому из ее членов проявить по крайнему разумению свой патриотический долг в отношении воюющего Отечества нашего» (Закатов А. Н. «Царь и советы»: младоросская партия // Русское зарубежье. 2014. № 3. С. 100).

⁵⁹ Казем-Бек А. Л. Указ. соч.

⁶⁰ Жакота А. Загадки генерала А. В. Туркула // Русин (Кишинев). 2008. № 1–2. С. 249.

либо предпочли тихую оппозицию, чтобы «кровавый пузырь гитлеровской фантазмагии лопнул»⁶¹. В отличие от П. Н. Краснова, атамана Всевеликого войска Донского, начальника Главного управления казачьих войск имперского министерства восточных оккупированных территорий Третьего Рейха (с 1943), атаман Войска Донского П. Х. Попов наотрез отказался от предложений гитлеровцев взять на себя формирование казачьих частей для борьбы против советских войск. Были случаи, когда военные чины обращались в советские учреждения с просьбами отправить их в Россию для зачисления в армию. Однако Москва так и не смогла отнестись с доверием к белоэмигрантам и принять их помощь.

Срыв «молниеносной войны» Германии против СССР вызвал недоумение и разочарование в германофильской среде. Ожидания перехода Красной армии на сторону вермахта, выступлений против Сталина с началом «освобождения» советских территорий германскими войсками сменились размышлениями о причинах сопротивления оккупантам. Переосмысливалось понимание «патриотизма». Для одних (даже при сохранении приверженности антикоммунизму) патриотизм означал желание и содействие победе России, русского оружия. Другие, анализируя причины стойкости Красной армии, объясняли этот феномен не столько «страхом красных бойцов перед комиссарским наганом», сколько «чувствами высшего порядка, поддерживающими дух солдата любой нации и делающими его стойким в бою»⁶² — храбростью, презрением к смерти, жаждой подвига, национальным самолюбием и любовью к Родине, ибо «русский человек не сделался бездушной машиной, душа народа не разрушена и в главных свойствах своей души он остался тем же, каким его знали» до большевистского эксперимента⁶³. В нью-йоркском «Новом журнале» М. В. Вишняк в статье «Правда антибольшевизма» писал, что общее отношение русского населения к большевистскому режиму осталось таким же враждебным, каким оно было в голодные годы, что русский

⁶¹ Карташев А. В. Религиозный путь И. С. Шмелева // Русское Возрождение: независимый рус. православ. нац. альм. (Нью-Йорк; М.; Париж). 2006. № 84. С. 56.

⁶² ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 8. Л. 46 об. — 47.

⁶³ Там же.

народ проявляет чудеса храбрости не благодаря, а вопреки советскому режиму⁶⁴. В осуждение этого утверждения П. Н. Милюков в статье «Правда о большевизме» назвал подобную позицию солидарной с ожиданиями неприятеля и заметил, что народ принял советский режим, смирился с его недостатками, оценил его преимущества, гордится принадлежностью к нему⁶⁵.

В эмигрантской прессе активно обсуждался ход войны на советско-германском фронте, достаточно взвешенно и трезво анализировались причины неудач СССР в начальный период Великой Отечественной войны, которые перекликаются с выводами современных исследователей. Белое воинство в основном сделало ставку на союз с Германией, так как защиту национальных интересов России понимало как борьбу с большевизмом. В стане «оборонцев» происходила переоценка ценностей, рождались надежды на демократизацию советского режима, возможность возвращения на родную землю после победы над фашизмом. Однако многие ожидания эмиграции так и не сбылись, и, прежде всего — связанные с эволюцией сталинской власти.



⁶⁴ Вишняк М. В. Правда антибольшевизма // Новый журнал (Нью-Йорк). 1942. № 2. С. 206–223.

⁶⁵ Русский патриот. 1944. 11 нояб.

ПЕТРОВ Иван Васильевич,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета

**СЕМЬЯ ДИАКОНА ИОАННА ГОНЕСТОВА
В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЛАТВИИ
В «ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ГОД» 1940–1941¹**

Аннотация: В 2021 г. исполнилось 80 лет со дня организации уникальной церковной структуры, образованной в 1941 для восстановления приходской жизни на временно оккупированной нацистами территории Северо-Запада России — Псковской Православной Миссии. В статье рассматривается одна из предпосылок к организации миссии — деятельность советской репрессивной машины в Латвии на примере судьбы семьи православного диакона Иоанна Гонестова.

Ключевые слова: оккупация, Православная Церковь, Гонестов, советские репрессии.

Abstract: 2021 was the 80th anniversary of the organization of Pskov Orthodox Mission, a unique church structure, formed in 1941 to restore parish life in the Nazi occupied territory of North-Western Russia. The article discusses one of the prerequisites for organizing the mission, namely the activities of the Soviet repressive machine in Latvia on the example of the fate of the Orthodox deacon John (Ioann) Gonestov's family.

Keywords: occupation, Orthodox Church, Gonestov, Soviet repressions.

В календаре памятных дат России 2021 фигурирует в первую очередь как 80-летняя годовщина начала войны между Советским Союзом и нацистской Германией.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук № МК–4539.2021.2 «Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941–1991 гг.». The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for young candidates of sciences No. МК-4539.2021.2 “Attempts to separate the Orthodox parishes of Belarus, Latvia and Estonia from the Russian Orthodox Church in 1941–1991”.

В ряду скорбных дат можно встретить упоминание о середине августа 1941 г., когда на территории Северо-Запада России начала свою работу «Православная миссия в освобожденных областях России», более известная широкому кругу читателей как Псковская Православная Миссия. За последние двадцать лет в свет вышло достаточное количество работ по ее истории, были опубликованы материалы следственных дел участников миссии, даны ответы на спорные вопросы об особенностях ее деятельности. Однако многие авторы упускают из виду предшествовавшие образованию миссии события, а именно — так называемый «первый советский год», исторический промежуток с середины 1940 до середины 1941, когда произошло не только воссоединение православных приходов Балтии с Московской Патриархией, но по всем трем бывшим прибалтийским республикам прокатился поток репрессий, «апофеозом» которых стали страшные дни депортаций середины июня 1941. г. Недальновидная, на наш взгляд, политика советских властей, разворачивание на территориях ранее независимых государств ячеек антирелигиозных организаций, запрет религиозного образования, закрытие храмов и пренебрежение интересами верующих и духовных лиц стали важными побудительными мотивами к недовольству местного населения поведением новых властей. Не исключением стали в этой связи и православные жители Балтии, которые также ощутили на себе все негативные тенденции антирелигиозной разнузданности сталинского СССР. Примечательно, что даже те, кто довольно спокойно, даже с определенной надеждой воспринял новый государственный строй, смогли очень быстро увидеть его неприглядную изнанку.

К сожалению, большинства прямых участников и очевидцев событий тех лет не осталось в живых. Среди лиц, которые сохранили в памяти советизацию Латвии в 1940–1941, особенно выделяется дочь диакона Иоанна Гонестова Людмила Шеланкова (в девичестве — Гонестова). «Первый советский год» перепахал судьбу ее семьи и полностью изменил жизненный путь этой смелой женщины. 13 декабря 2016 автору этих строк удалось взять у нее интервью и познакомиться с ее уникальным фотоархивом. Во время интервью она смогла с точностью до мельчайших подробностей передать атмосферу Латвии предвоенных

лет и начала советизации. Благодаря ее воспоминаниям можно приоткрыть дверь в мир «православной Риги», который был уничтожен советскими репрессиями и войной. При этом, несмотря на преклонный возраст, Людмила Ивановна высказала свое отношение ко многим важнейшим вопросам прошлого и настоящего, таким как григорианский и юлианский церковные календари, замалчивание репрессий конца 1930–1950-х гг. в современной России, политическая ситуация в России и Латвии (живя в Санкт-Петербурге, она имела гражданство своей Родины — Латвии). Ясный ум и четкая позиция по большинству вопросов были видны в этой женщине с первых минут общения.

Кем же был отец Людмилы Шеланковой? Иван Алексеевич Гонестов родился 14 мая 1901 в Островском уезде Псковской губернии. В ноябре 1918 г. окончил курс в Псковской Духовной семинарии, до этого обучался в Псковском духовном училище. В годы Гражданской войны в России Гонестов принимал участие в борьбе с большевиками в составе Северо-Западной армии. Во время одного из ночных допросов в октябре 1941 арестованный Иван Алексеевич следующим образом охарактеризовал свое участие в Белой борьбе: «В период гражданской войны в России в 1919 году я был белогвардейцем и служил в белой армии Юденича, которая боролась против Красной армии. В июле 1919 года был мобилизован и прослужил по 1919 года декабря месяц в 14 пехотном полку в должности писаря. С 1919 года сентября по декабрь в продуктовой базе». На вопрос о том, при каких обстоятельствах Гонестов оказался в Латвии, им был дан следующий ответ: «...белая армия Юденича была разбита Красной армией и распалась. Солдаты разъехались, где каждый хотел. Я поехал к сестре в Эстонию». Гонестов отрицал тот факт, что добровольно принял решение о борьбе против большевиков, заявив, что попал в ряды антибольшевиков по мобилизации. Касаясь вопроса о своей религиозности, он подчеркнул, что, как сын священника, воспитывался в религиозном духе и «охотно пошел служить в белой армии Юденича, которая в то время боролась с Красной армией»².

С сентября 1921 Гонестов начал свое служение в сане псаломщика в Толкском Свято-Троицком приходе Яунлатгальского уезда. 21 авгу-

² LNA. F. 1986. Apr. 2. l. P-6553. L. 10 — 10 apr.

ста 1934 Иоанн Гонестов епископом Печерским Николаем (Лейсманом) был рукоположен во диакона и отправлен служить к Покровской церкви города Риги (прослужит на приходе до середины мая 1941 г.). В 1936–1938 он совмещал церковное служение с обучением в Богословском институте Латвийской Православной Церкви. В конце июля 1937 Гонестов выдержал испытание в комиссии при министерстве образования независимой Латвии на владение латышским языком. Его женой была Антонина Евгеньевна Гонестова, 1902 года рождения. У супругов родились две дочери: Людмила (1925 г. р.) и Нина (1931 г. р.).

Церковное служение Гонестова перекликалось с политической деятельностью. В 1932–1934 он входил в полувоенную организацию защитников, «айзсаргов». У советских следователей, однако, трактовка деятельности этой организации была совершенно иной. Характеризуя ее как военно-фашистскую, они добились от Гонестова признания в том, что «айзсарги» были созданы для подавления революционного движения в Латвии. Иван же Гонестов, «будучи взводным командиром, выполнял приказы организации», тем самым «помогал буржуазии в борьбе с революционным движением в Латвии»³. В дополнение к этому обвинению следователь стремился доказать, что арестованный был связан с политической полицией межвоенной Латвии и передавал ей лиц, сотрудничавших с советской разведкой. Данное обвинение Гонестовым опровергалось, хотя он имел сведения о том, что проживающий в Абренском уезде родственник его жены Николай Фролович Орлов был арестован латвийской полицией в связи с подозрением о сотрудничестве с советскими властями⁴.

Гонестов отрицал тот факт, что после установления в Латвии советской власти он оказывал организованное сопротивление новому государственному строю, хотя и признавал свое недовольство отдельными мероприятиями советской власти, «в особенности по религиозному вопросу». Следователю удалось получить от него данные о ряде антисоветски настроенных лиц, в основном состоящих в рядах «айзсаргов»⁵.

³ LNA. F. 1986. Apr. 2. l. P-6553L. 10 apr.

⁴ Ibid. L. 10 app. — 11 app.

⁵ Ibid. L. 12.

Воспоминания об аресте И. А. Гонестова оставил протоиерей Николай Трубецкой⁶, сам будущий узник советских лагерей, сумевший, однако, пережить «первый советский год». Приведем цитату из книги его воспоминаний, изданной в 2008: «Но вот мы у своего дома. У ворот — такие же грузовые машины. Нижний этаж нашего дома, который занимал диакон Гонестов с семейством, весь был

⁶ Трубецкой Николай Никанорович (1907–1978) — протоиерей, участник Псковской Православной Миссии, главный редактор журнала «Православный христианин». Родился 26 дек. 1907 в Краславке (ныне — Краслав в Краславском крае в Латгалии) в семье прославленного священника Никанора Трубецкого. Окончил белорусскую среднюю школу в Даугавпилсе в 1927. Обучался в начале 1930-х в Рижской Духовной семинарии и Свято-Сергиевом институте в Париже (окончил со степенью кандидата богословия). В составе студенческого хора участвовал в концертах в Великобритании, Швейцарии, Франции. Владел помимо родного русского латышским, французским и немецким языками. С 1934 начал служить псаломщиком в Пудинаве в Мердзенской волости Краславского края, совмещая церковнослужение с преподаванием Закона Божия. В конце 1935 женился на дочери протоиерея Иоанна Янсона Ирине. В конце янв. 1936 епископ Печерский Николай (Лейсман) рукоположил Николая Трубецкого во диаконы, а через два дня — в священники и определил к Симеоно-Аннинскому собору в Елгаве. Осенью 1936 был перемещен в Авенайскую Свято-Ильинскую церковь, став настоятелем последней. Обучался на Православном отделении богословского факультета Латвийского университета. В период обучения был переведен в рижскую Покровскую церковь. В 1938–1940 в летнее время служил в Кемери на курорте. Вошел в состав «Православной миссии в освобожденных областях России» в 1941, служа в церкви Грузинской Божией Матери в Хохловых Горках. До сент. 1942 занимал секретарскую должность в епархиальном управлении, после чего был назначен митрополитом Сергием (Воскресенским), главным редактором журнала «Православный христианин», экзархом Прибалтики. В конце 1942 возобновил служение в Покровской церкви латвийской столицы. 28 окт. 1944 арестован в Риге, осужден по статье 58–1а УК РСФСР и приговорен к 10 годам лишения свободы. Впоследствии к этому приговору добавились судимости по статьям 58–10, ч. 2 и 58–11 (решение Военного Трибунала от 7 февр. 1945). Освобожден из исправительно-трудовых лагерей в 1954 г., через два года вернулся к служению. В 1956–1957 поочередно служил в икшильской Свято-Духовской и кемерской Свято-Покровской церквях. Был возведен в сан протоиерея, а 25 нояб. 1960 епископом Таллинским и Эстонским Иоанном (Алексеевым) был назначен настоятелем церкви Спаса Нерукотворного Образа в Риге. В 1963–1966 — благочинный Рижского округа, в 1964–1965 — председатель епархиальной следственной комиссии, в 1966–1967 — секретарь архиепископа Рижского Филарета (Лебедева). Награждался патриархом Московским и всея Руси Алексием I (Симанским): в 1963 палицей, в 1964 крестом с украшением, затем — митрой. Скончался 18 марта 1978; 22 марта отпевание покойного возглавил архиепископ Леонид (Поляков) в сослужении с духовенством латвийской столицы.

освещен. Доносился плач детей отца диакона, шум, беготня. У парадной двери — вооруженный солдат... Через несколько минут после этого мы увидели из нашего окна, как отца диакона с семейством и узлами погружали в машину. Здесь снова я не выдержал и, распахнув окно, крикнул: «Прощайте, отец Иоанн, матушка, дети! Храни вас Господь», — благословил их. В ответ Гонестовы в горьких слезах поклонились мне, а один из начальников прикрикнул на меня и пригрозил кулаком. Машина тронулась»⁷. Больше двум ярким деятелям православной Латвии не суждено было увидеться на этом свете.

О методах ведения следствия вспоминала другая видная представительница известного православного рода межвоенной Латвии, дочь будущего епископа Роклендского, vicария Восточно-Американской митрополии Русской Православной Церкви Заграницей Иоанна Ираида Легкая. В «первый советский год» был арестован ее дядя, протоиерей Иаков Легкий⁸. Вспоминала Ираида Ивановна те

⁷ «Дух уныния не даждь ми...»: воспоминания о рижскоград. прот. Николае Трубецком и его семье, письма из заключения / [авт.-сост. О. А. Ветелева]. М.: Артос-Медиа, 2007. С. 19–20.

⁸ Легкий Иаков Саввич (1906–1982) — протоиерей. Родился в семье протоиерея Саввы Легкого в Двинске (Даугавпилсе) 1 апр. 1906. Окончил в 1925 русскую среднюю школу в Даугавпилсе. В 1928 закончил курс в Рижской Духовной семинарии, после чего был рукоположен во диаконы архиепископом Рижским и Латвийским Иоанном (Поммерсом). Начал свое диаконское служение в церкви при женской Троице-Сергиевой пустыни в Риге. 20 апреля 1932 был рукоположен во иерея и назначен на приход к Коровской церкви (ныне на территории Пыталовского района Псковской области). Преподавал в местной школе Закон Божий. В «первый советский год» работал в государственной основной школе. В период нацистской оккупации вернулся к священному служению. Арестован в июне 1941. Был освобожден немцами из тюрьмы города Острова на территории нынешней Псковской области. Вновь подвергся репрессиям в 1949, когда был осужден по статье 58–10, ч. 1 УК РСФСР. Освобожден в 1955, вскоре возведен в сан протоиерея. Служил на приходах в Латгалии, пока не был переведен настоятелем собора Рождества Пресвятой Богородицы в Резекне. В июне 1961 лишен гражданской регистрации. Лишь в середине марта 1964 был назначен настоятелем Ляудерской Николаевской церкви. В 1965 служил на приходах в Вецслабаде. В марте 1976 перемещен к Лудзенской Успенской церкви с обслуживанием соседних приходов. Был награжден митрою, удостоен права служения Божественной литургии при открытых вратах до «Отче наш», награжден орденом Святого преподобного Сергия Радонежского III степени. Умер 16 мая 1982, погребен на кладбище в Резекне.

страшные дни следующим образом: «Дядю о. Иакова арестовали, били головой о стол при допросах. Его приговорили к расстрелу, под утро. Ночью началась бомбежка, советские войска ушли, немцы его освободили, как всех арестованных Советами. Маминого брата Андрея в советское время взяли в армию. Он был в Красной армии во время отступления, отморозил ноги, попал в плен, немцы его, как латвийского гражданина, со временем отпустили, впоследствии он стал секретарем Псковской миссии, женился на псковитянке»⁹.

Следователь В. Тушин обвинил И. А. Гонестова «в том, что он “в 1919 году служил в белой армии Юденича, боровшейся с Красной армией. Являясь враждебно настроенным против революционного движения и как служитель культа в 1932 году вступил в военно-фашистскую организацию айзсаргов и состоял в ней до 1934 года. После установления Сов<етской> власти в Латвии высказывал недовольство Советской властью и ее мероприятиями”»¹⁰. Обвинение было предъявлено по статьям 58–4, 58–13, 58–10, часть II 2.

На допросе 3 декабря 1941 Гонестов подчеркивал, что признавал себя виновным в предъявленном ему обвинении. Вместе с тем он просил отметить, что «в армии Юденича служил по мобилизации с июля по декабрь 1919 года рядовым в должности писаря. В военно-фашистской организации айзсаргов состоял до принятия духовного сана с 1931 года по 1934 год. После установления Советской власти в Латвии я был недоволен только мероприятиями Советской власти по отношению религиозных вопросов (так в источнике! — *И. П.*)»¹¹.

Обвинительно заключение от 11 января 1942 выглядело так: «В НКВД ЛССР поступил материал о контрреволюционной деятельности ГОНЕСТОВА Ивана Алексеевича, на основании которого 14-го июня 1941 г. последний был арестован. Проведенным по делу расследованием установлено, что ГОНЕСТОВ Иван Алексеевич в 1919 г. служил в белой армии Юденича, после разгрома которой переехал на постоянное жительство в Латвию, где стал служителем культа —

⁹ Легкая И. И. Летающий архиерей. М.: НП «Посев», 2014. С. 20.

¹⁰ LNA. F. 1986. Apr. 2. l. P-6553. L. 13.

¹¹ Ibid.

диаконом в Покровской церкви г. Рига. Являясь враждебно настроенным к революционному движению, в 1932 г. вступил в военно-фашистскую организацию айзсаргов и состоял в ней до 1934 года, занимая пост командира взвода. Принимал участие во всех проводимых организацией айзсаргов мероприятиях. После установления Советской власти в Латвии в 1940 г. высказывал недовольство решениями Советского Правительства.»¹².

На основании этого, в соответствии со статьей 208 УПК РСФСР и приказом НКВД СССР за № 00613 от 21 ноября 1941, следственное дело И. А. Гонестова было направлено в Особое совещание при НКВД СССР. В качестве меры наказания к обвиняемому предлагалось применить высшую меру наказания (ВМН). Согласились с обвинительным заключением следователь следгруппы НКВД ЛССР Дуплевский, начальник следственной группы НКВД ЛССР лейтенант государственной безопасности Тарасов¹³.

Судя о выписке из протокола № 16 от 14 марта 1942, Особое совещание при НКВД СССР постановило, что Гонестов Иван Алексеевич за участие в контрреволюционной фашистской организации подлежит расстрелу, а его имущество должно быть конфисковано¹⁴.

Теперь обратимся к данным Бюро справок Управления Комитета государственной безопасности Латвийской ССР. Людмила Ивановна Шеланкова 8 января 1964 писала следующее: «В 1941 году 13го июня в Риге была арестована наша семья и выслана в Красноярский край. Отец Гонестов Иван Алексеевич был отделен еще в дороге в другой эшелон, и с тех пор сведений о нем мы не имеем, хотя неоднократно мать обращалась в органы МВД с запросами. Я была выслана 15 лет и в 1948 г., уже будучи замужем, получила паспорт и право выезда. Мать состояла на учете до 1953 г. Очень прошу сообщить о судьбе отца. С 1953 г. я с мужем и детьми проживаем в Якутске и работаем в Центральной комплексной геофизической экспедиции. Мать и младшая сестра проживают в Иркутске (далее указан адрес. —И. П.)»¹⁵.

¹² LNA. F. 1986. Apr. 2.1. P-6553. L. 16.

¹³ См.: Ibid. L. 16–17.

¹⁴ См.: Ibid. L. 20.

¹⁵ Ibid. L. 23.

В ответ начальник учетно-архивного отдела КГБ при СМ ЛССР полковник Сыроватский ответил: «Просим устно объявить гр<ажданке>ке Щеланковой, что ее отец ГОНЕСТОВ И. А. осужден 14. III. 1942 г. Особым совещанием при НКВД СССР к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 9 апреля 1942 г.»¹⁶.

16 апреля 1991 прокурором Латвийской ССР на основании указа Президиума Верховного совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х годов и начала 50-х годов» отменено постановление Особого совещания при НКВД СССР от 14 марта 1942, в соответствии с которым было применено уголовное наказание в отношении гражданина Гонестова Ивана Алексеевича, 1901 г. р. Уголовное дело в отношении Гонестова И. А. прекращено на основании п. 2. ст. 5 УПК Латвийской ССР за отсутствием состава преступления в его действиях¹⁷.

Теперь от сухих материалов следственного дела отца, обратимся к воспоминаниям его дочери Л. И. Шеланковой. Остановимся на событиях «первого советского года» в Латвии в ее изложении. Для Людмилы Ивановны главной чертой начавшейся советизации стало прекращение религиозного образования в республике. Как человек, воспитанный в православной интеллигентной семье, она подчеркнула это обстоятельство: «В Латвии тоже были девочки, которые прохладно относились к вере. Как Большакова, а потом она стала верующей, причем она из семьи старообрядческой, и ее, больше того, какой-то родственник — главный в Латвии старообрядец. Были, но они в церковь ходили все, ну кроме евреев, или француженки были, у нас были католички две: когда был Закон Божий, они уходили, уходили старообрядческие дети. Закон Божий перестали в 1940 году преподавать в школах сразу же. У нас вели и Перехвальский¹⁸, и

¹⁶ Ibid. L. 24.

¹⁷ См.: LNA. F. 1986. Apr. 2. l. P-6553. L. 32.

¹⁸ Перехвальский Николай Андреевич, протопр. (1873–1966). Выпускник Рязанской Духовной семинарии и Казанской Духовной академии. В 1899 — помощник инспектора Архангельской Духовной семинарии. В окт. 1899 в Рижском кафедральном соборе епископом Рижским и Митавским Агафангелом (Преображенским) был рукоположен во диакона, в нояб. того же года в Алексиевском монастыре Риги — во

Ионов¹⁹, Рушанов Василий²⁰, единственный диакон-тенор в Латвии.

иерея. Служил в рижской Скорбященской церкви Риги, преподавая Закон Божий в Николаевской гимназии города. Вел внебогослужебные собеседования в Рижском кафедральном соборе. В 1915–1918 являлся фактическим настоятелем рижской Александро-Невской церкви. С 1918 служил в Ярославле, однако в 1920 переехал с семьей в Латвию, где снова стал настоятелем Александро-Невской церкви; до 1940 преподавал в школах рижской столицы. С 1932 — благочинный русских приходов Риги. В нояб. 1938 был награжден орденом Трех Звезд Латвийской Республики. С 1935 — член Синода Латвийской Православной Церкви (ЛПЦ). С янв. 1942 вернулся к преподаванию Закона Божия в рижской городской гимназии. Член Епархиального совета с 1942, с июня 1944 — благочинный церковью Риги. Эвакуировался с семьей вместе с отступавшим Вермахтом в Европу, преподавал Закон Божий в лагерях для беженцев. С начала 1947 в составе РПЦЗ. С 1949 переехал в США и перешел в Северо-Американскую митрополию. Служил в Покровском кафедральном соборе Нью-Йорка. В янв. 1961 г. возведен в сан протопресвитера. Умер в США, похоронен на Свято-Владимирском кладбище в Джеконе, штат Нью-Джерси.

¹⁹ Ионов Алексей Васильевич, прот. (1907–1977). Родился в крестьянской семье в Двинске. В 1920-х обучался в русской правительственной средней школе родного города. Состоял слушателем на Рижских педагогических курсов. В 1929 был отправлен для получения богословского образования в Свято-Сергиевский Православный богословский институт в Париже. В окт. 1932 в Рижском Кафедральном соборе рукоположен во диакона. В апр. 1933 митрополитом Евлогием (Георгиевским) во Франции рукоположен во иерея. Осенью 1933 назначен священником в Приежулканс. Окончил курсы преподавания Закона Божия. С сент. 1937 поступил в число студентов Православного отделения Богословского факультета Латвийского университета, после чего был перемещен вторым священником к Александро-Невской церкви латвийской столицы. Во второй половине 1930-х являлся преподавателем Закона Божия в Правительственной русской гимназии и 6-й городской русской основной школы Риги. В годы нацистской оккупации вошел в состав Псковской Православной Миссии. С июня 1942 — благочинный Островского округа. Читал доклады на занятиях молодежного кружка. В Ригу вернулся в 1944, стал вторым священником Александро-Невской церкви, читал лекции в Рижском кафедральном соборе. Эвакуировался на Запад, служил на приходах в Германии. В 1944 был возведен в сан протоиерея. Перебрался в Австрию, затем — в США. С конца 1948 служил в Си-Клиффе штат Нью-Йорк. Участвовал в работе Свято-Серафимовского фонда помощи русским эмигрантам. Благочинный Нью-Йоркского округа в Северо-Американской митрополии. В 1970 перешел в подчинение РПЦЗ. В 1974 возведен в сан протопресвитера. Похоронен на Ново-Дивеевском кладбище, штат Нью-Йорк.

²⁰ Рушанов Василий Евстафиевич, свящ. (1909–1943). Родился в семье единоверческого священника Евстафия Рушанова в Режице (Резекне). В период с 1926 по 1930 проходил обучение в возрожденной владыкой Иоанном (Поммерсом) Рижской Духовной семинарии, которую окончил в числе первых выпускников. Активно писал

Больше всего запомнился Ионов. Буквально просто преклонялись ему дети-гимназисты и взрослые. У меня была няня, она нянчила моего папу, и бабушка, когда я родилась, переслала эту няню через границу. И так с этой няней и сестра росла, и я росла. Она нас много учила, и я молитвы многие знала хорошо. Я не ходила <в первый класс>, сразу во второй класс. У нас была отдельно школа основная, 6 классов, и гимназия 5 классов, туда надо было еще сдать экзамены»²¹. Однако самый забавный случай произошел у Людмилы Ивановны на уроке Закона Божия, у Людмилы Ивановны случился с протоиереем Григорием Пономаревым который вел протоиерей Григорий Пономарев²²: «Задана была молитва. И он знает, что я урок приготовила; мне казалось, что папе будет стыдно, если я буду плохо учиться: читали молитвы наизусть, и дальше я читаю. Там есть слова “Яко кадила пред Тобою”. Не помню, как эта молитва называется. А я читаю: «Я кродила пред Тобою”. Причем я задумалась, я уже знала род мужской и женский. Я решила, что в славянском языке может быть кродил и женского рода. Конечно, весь класс хохотал. И это прошло до гимназии, когда ей 70 лет было. Наш класс отмечал в ресторане на главной улице. Иду, а на этом крыльце стоят несколько человек.

в журнале «Вера и жизнь» (Рига, 1923–1940), одним из главных печатных органов Латвийской Православной Церкви. После этого окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. В конце 1930-х был диаконом в храме Иоанна Предтечи в Московском предместье латвийской столицы. Во время нацистской оккупации в числе первых миссионеров попал на Северо-Запад России, где служил в Меженцах, Славковичах, городе Дно. С 1942 являлся благочинным Порховско-Дновского округа. 16 марта 1943 его жизнь трагически оборвалась во время перестрелки между советским подпольем и немцами

²¹ Интервью с Л. И. Шеланковой, 13 дек. 2016 // Личный архив автора.

²² Пономарев Григорий Иванович, прот. (1871–1952). Родился в семье псаломщика в Печорском уезде. В 1893 окончил курс в Псковской Духовной семинарии и был рукоположен во диаконы (служил в погосте Смолино Псковского уезда, работая там же законоучителем). В авг. 1897 получил место священника в Ильинской церкви погоста Выбуты, также совмещал служение в местном храме с преподаванием Закона Божия. В Выбутах в 1914 совершил закладку храма в честь святой равноапостольной княгини Ольги. С 1920 начал служение в Люцинском уезде. С 1933 служил в Покровской церкви Риги. До 1934 — законоучитель Рижской практической русской гимназии. Член Синода ЛПЦ в 1933–1935. С 1943 — духовник городского духовенства в латвийской столице. Похоронен на рижском Покровском кладбище.

И там скандируют они: «Мила (а звали меня не Люся еще, а Мила)... Мила-мила-крокодила» Поплатилась за такое»²³.

Семью Гонестовых в «первый советский год» вполне можно отнести к числу недовольных. Неприятие советской власти, в том числе эстетическое, ощущалось даже на уровне школьных вечеров, куда устремлялась молодежь. Людмила Гонестова не понимала, как вечера могут быть организованы по «советским лекалам»: «Кто ходил на танцы советские, но там было все так по-советски неинтересно, что лишний раз не хотелось толкаться танцевать. Наши вечера, наоборот, были интересные, на наш вечер достать билет старым гимназистам было трудно. Одна моя троюродная сестра училась в соседней гимназии. Есть такая огромная фотография, тот же директор, те же учителя, настоящая старая фотография на коричневом фоне. И потом сестра всегда приезжала на этот вечер откуда-то, хотя уже закончила. При советской власти она даже станет главным агрономом Латвии. Хотя не была коммунисткой, а дочерью диакона»²⁴.

Говоря о том, как отнеслись жители в прошлом независимой республики к советизации, Людмила Шеланкова подчеркнула, что было несколько категорий людей, которые восторженно восприняли приход Красной армии. Безусловно, к первой из них можно отнести еврейское население, достаточно критично относившееся к авторитарным режимам межвоенной Балтии и верившее, что вхождение в состав сталинского СССР изменит их положение в лучшую сторону. Следующая категория — живущие в межвоенное время в СССР большевики, привезенные из Советского Союза. Отношение к этим людям у православных Риги чаще всего было негативным. Наконец, были те, кто считал себя обиженным властями независимой Латвии. Об одном таком учителе местной школы, уволенном за воззрения левого политического спектра, Людмила Ивановна вспомнила²⁵.

Что касается предчувствий войны между Третьим Рейхом и Советским Союзом, Людмила Ивановна рассказала об особой позиции балтийских немцев. Их отъезд был воспринят местными жителями

²³ Интервью с Л. И. Шеланковой, 13 дек. 2016 // Личный архив автора.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

как очень дурной знак: «Но то, что война будет, это точно предчувствовалось. Это чувствовалось, когда все немцы местные покинули Латвию. Они уезжали на огромных пароходах, отъезжали, а незадолго до этого приезжали евреи, дамы разодетые в <нрзб.> манто. Это потом было великое переселение евреев, их выселили потом, а на их места в Риге поселили немцев»²⁶.

Людмила Шеланкова помнила первые аресты, в частности — латвийских военных, которые высказывали недовольство советизацией и политикой новых властей. Смогла представить и объяснение ареста и депортации своего отца: «Почему отец попал в “июньскую волну”? Потому <что>, во-первых, духовное лицо, и военное, всё в кучу, и первое, и второе, и третье»²⁷. Самые тяжелые воспоминания у Людмилы Ивановны связаны с тем моментом, когда эшелон, в котором она и ее мать в июне 1941 отправлялись в Сибирь, оказался рядом с поездом, увозившим ее отца. Она смогла, еще не зная тогда, что эта встреча будет последней, взглянуть в глаза своему родителю. До 1962 она не решалась посещать Ригу, тем более — искать тот дом, где жила в детстве. Кроме того, они с мужем выбрали профессию, связанную, как отметила респондентка, «с секретными работами» в Якутии, и долгое время путь в советскую Латвию им был заказан²⁸.

Почему действия против православного духовенства в Латвии в период «первого советского года» середины 1940 — середины 1941 можно назвать одной из причин образования Псковской Православной Миссии? В то время практически для всех представителей православного мира латвийской столицы жизнь разделилась на «до» и «после» советской аннексии. Политика советизации ударила по обычным устоям жизни духовенства и мирян: было прекращено религиозное образование на всех уровнях, закрыт ряд храмов, целый ряд духовных лиц принудили к отказу от служения и заставили перейти на гражданскую службу. Развернувшиеся в Латвии широкие репрессии и депортация неугодных на долгое время отвратили православное духовенство от новой власти.

²⁶ Интервью с Л. И. Шеланковой. 13 дек. 2016 // Личный архив автора.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

ИПАТОВ Алексей Михайлович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»
(Россия, Воронеж)

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В СРЕДЕ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В КИТАЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать сотрудничество российских эмигрантов с японцами на территории Китая в период Второй мировой войны. Акцентируется внимание на том, что политически активная часть эмиграции, а именно — так называемые «пораженцы», стремились активно взаимодействовать с японской стороной для достижения собственных целей — свержения советской власти в СССР и возрождения национальной России. Подчеркивается недалекость и политическая близорукость таких установок, а также стремление Японии использовать представителей российской эмиграции для завоевания обширных территорий в Азии.

Ключевые слова: Япония, Маньчжурия, Китай, российская эмиграция, коллаборационизм, Вторая мировая война.

Abstract: The article attempts to analyze the cooperation of Russian emigrants with the Japanese in China during World War II. Attention is focused on the fact that the politically active part of the emigration — namely the so called ‘defeatists’ — sought to actively interact with the Japanese to achieve their own goals — the overthrow of Soviet power in the USSR and the revival of national Russia. The short-sightedness and political short-sightedness of such attitudes are emphasized, as well as Japan’s desire to use representatives of the Russian emigration to conquer vast territories in Asia.

Keywords: Japan, Manchuria, China, Russian emigration, collaboration, World War II.

Среди основных ареалов рассеяния российской эмиграции Первой волны с уверенностью можно назвать территорию Китая, куда хлынул значительный поток бывших подданных Российской империи после революционных событий 1917 и трагичных перипетий Гражданской войны 1917–1922. Необходимо отметить, что по сравнению с другими регионами, особенно на контрасте с положением дел в Европе, российская дальневосточная эмиграция имела свои характерные особенности. Во-первых, в ней не был так широко, как в Старом Свете, представлен спектр политических сил, ибо большинство революционных или либеральных оппонентов большевиков эмигрировало в демократические страны Европы, поскольку Китай мало чем отличался в плане государственного устройства от новой, советской России. В то же время на китайские территории вступили, спасаясь от ударов Красной армии, последние части Белых дивизий. Во-вторых, задолго до этих событий российское население уже имелось на территории Маньчжурии, так как в ходе строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) значительная часть ее работников поселилась вдоль ветки, составив многочисленную русскую колонию, имевшую свой особый уклад жизни и мировоззрение. В-третьих, большинство политических партий русской эмиграции имели в Китае лишь филиалы, в то время как их главные «офисы» находились в Европе. Исключением в этом правиле служит печально известная Всероссийская фашистская партия во главе со своим «фюрером» К. В. Родзаевским. Наконец, стоит учесть тот факт, что российское население в Китае, как правило, мало интересовалось текущими политическими моментами, будучи занято решением более насущных проблем — выживания, ассимиляции в инокультурной среде, обеспечения будущего подрастающего поколения.

В историографии существуют различные точки зрения по поводу численности российских эмигрантов в Китае. Отметим, что для многих оказавшихся вынужденно на Дальнем Востоке российских эмигрантов он стал неким перевалочным пунктом для дальнейшего продвижения в Австралию, Северную и Южную Америку и даже Европу. В начале 1930-х, когда Япония начала проводить активную

внешнюю политику в регионе, изменилось положение российских эмигрантов в Северном Китае, который после захвата Японией и создания там марионеточного государства стал именоваться Маньчжоу-го, а с 1934 — Маньчжоу-ди-го, то есть Великой Маньчжурской империей.

К концу 1930-х положение русских эмигрантов в Китае и Маньчжурии ухудшилось в связи с агрессивной внешней политикой, проводимой японскими властями. Находившийся территориально далеко от происходивших на тот момент в данном регионе событий влиятельный русский генерал-эмигрант, бывший командующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) и Добровольческой армией А. И. Деникин в опубликованной незадолго до нападения нацистской Германии на Польшу брошюре заявлял об очевидности японских планов по установлению гегемонии в Азии через изгнание белых и под лозунгом «Азия для азиатов»¹. Подобное стремление военно-политической верхушки японского руководства было очевидно для ряда активных российских эмигрантов в Китае. Те из них, кто мечтал любым способом ликвидировать советскую власть, лелеяли надежду на то, что в вероятном вооруженном столкновении Советского Союза с Германией и, видимо, с Японией им удастся принять активное участие. Тем самым они стремились заслужить доверие и благодарность японцев, рассчитывая на возрождение с их помощью национальной России. В научных кругах принято сотрудничество населения с противником на оккупированной территории именовать французским термином «коллорабационизм», после действий маршала Ф. Петена, получивших резко отрицательное значение. Если принять во внимание неоднозначность и множественность статусов российских эмигрантов в Китае, возникает вопрос: допустимо ли сотрудничество с японцами тех из них, кого можно отнести к «пораженцам», называть коллорабационизмом? И вообще, применим ли этот термин по отношению к представителям эмиграции, в том числе российской? Однозначного ответа на данный вопрос дать нельзя, однако количество публикаций, в которых по отношению

¹ См.: Деникин А. И., ген. Мировые события и русский вопрос. Париж: Изд. Союза добровольцев, 1939. С. 40.

к эмигрантам-«пораженцам» используется термин «коллорационисты» растёт год от года².

Неофициальным главой всей русской общины Китая, активно поддерживаемым японцами³, считался бывший непримиримый боец с большевистской властью казачий атаман, генерал-лейтенант Белой армии Г. М. Семенов. Он находился как бы над существовавшими в эмиграции политическими течениями, осуществляя переговоры с представителями японской военной миссии (ЯВМ). Она имела реальную власть в Маньчжурии несмотря на то, что главой государства был последний китайский император Пу И.

Вопреки попыткам отдельных исследователей снять ответственность с атамана за проводившуюся политику подчинения интересов русской эмиграции Японии⁴ в большинстве своем историки сходятся во мнении о том, что Г. М. Семенов стал трагической фигурой дальневосточной эмиграции, поведшей ее по ложному пути. В укор атаману ставят связи с враждебной Советскому Союзу японской милитаристской верхушкой, с так называемыми русскими фашистами и многое другое. Отдельно следует упомянуть разработанную им политическую концепцию «Россизм». По мнению исследователя В. И. Мерцалова, на ее окончательное оформление в стройную политическую доктрину повлиял, в ряду разных факторов, приход к власти

² См., например: *Оороков А. В.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М.: Русаки, 2001; *Мосейкина М. Н.* Фашизм и коллаборационизм в русской эмиграции в Латинской Америке (1920–1950-е гг.) // *Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания* / отв. ред. и сост. В. Ю. Жуков; науч. ред. В. Ю. Черняев. СПб.: СПбГАСУ, 2011. С. 179–206; *Турыгина Н. В.* Коллаборационизм и патриотизм в среде русских эмигрантов во Франции в годы Второй мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История.* 2011. № 3. С. 187–191; и др.

³ О роли Г. М. Семенова в планах японцев относительно российской эмиграции в Китае см. подробнее: *Курас Л. В.* Атаман Семенов: любовь, переросшая в предательство // *Власть.* 2014. № 2. С. 184–188; *Он же.* «Три жизни» атамана Г. М. Семенова: любовь и предательство (к вопросу о фронтире) // *Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История.* 2014. Т. 7. С. 94–113.

⁴ О попытках реабилитации деятельности Г. М. Семенова пишет, в частности, Н. В. Гордеев. См. подробнее: *Гордеев Н. В.* Агония и крах семеновщины // *Историко-экономические исследования.* 2019. Т. 20. № 2. С. 242–258; *Он же.* Реабилитировать палача — кощунство // *Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права.* 2013. № 21. С. 134–140.

фашистов в Италии и нацистов в Германии⁵. Вторым основанием стали традиции казачьей вольницы, чтившиеся Г. М. Семеновым до конца дней. Вероятно, именно в этом, помимо всего прочего, скрывалась причина его удивительной популярности в среде рядового казачества, прощавшего атаману многочисленные ошибки⁶.

Отметим, что под руководством Г. М. Семенова, если верить данным А. А. Кошкина, не менее 16 тысяч всадников участвовало в боевых действиях на реке Халхин-Гол⁷. О влиятельности атамана в Маньчжурии говорит тот факт, что руководящие посты в созданном в конце 1934 Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ, с 1940 — Главное бюро российских эмигрантов, ГБРЭМ) занимали его ближайшие сподвижники. В частности, первым руководителем бюро стал генерал-майор от кавалерии В. А. Кислицын. Сама эта организация была призвана наряду с ЯВМ поставить под контроль всю деятельность русских эмигрантов.

По инициативе той же японской военной миссии в августе 1935 был создан Дальневосточный союз военных (ДВСВ), быстро организовавший отделы и районные отделения по всей территории Маньчжурии. Они формировались в рамках трех военных округов. Отечественный исследователь Л. В. Курас отмечал, что эта монархическая военизированная организация представляла собой, по сути, филиал крупнейшего эмигрантского военного объединения — Русского общевойскового союза (РОВС)⁸. Вероятно, это не совсем верно, так как японцам не удалось подчинить себе руководителя Дальневосточного отдела РОВС генерала М. К. Дитерихса. Поэтому они призвали

⁵ См.: Мерцалов В. И. О политической концепции «Россизм» атамана Семенова // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 6. С. 14.

⁶ См. подробнее: Чапыгин И. В. Казачья эмиграция на территории Китая (1920–1945): учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. Не только рядовые казаки, но и их старшины находились под огромным влиянием трагической фигуры Г. М. Семенова, что убедительно доказывает пример его бурятского сподвижника У. Гармаева. См.: Базаров Б. В. Генерал-лейтенант Маньчжоу-го Уржин Гармаев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.

⁷ См.: Кошкин А. А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски: почему Япония не напала на СССР. М.: Вече, 2011. С. 162.

⁸ См.: Курас Л. В. Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-го (по материалам советской разведки) // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 4. С. 168.

членов союза порвать с руководителем и подчиниться Харбинскому отделу РОВС, возглавлявшемуся генералом Г. А. Вержбицким⁹. Таким образом, налицо подтверждение тезису, состоящему в том, что ДВСВ не являлся филиалом РОВС, а создавался ему в противовес.

Казачья эмигрантская организация, члены которой были настроены резко антисоветски, была создана еще в феврале 1923 и названа Союзом казаков на Дальнем Востоке (с 1941 — Союз казаков Восточной Азии)¹⁰. В разные годы она последовательно возглавлялась близкими Г. М. Семенову атаманами, в то время как сам он находился как бы над руководителями союза. Руководство организации стремилось контролировать деятельность других, более мелких, а особенно — оппозиционных казачьих формирований¹¹.

Наряду с Г. М. Семеновым и его сторонниками к числу политически активных коллаборационистов в среде российских эмигрантов в Китае следует, безусловно, отнести «русских фашистов». О правомерности использования данного термина в историографии не сложилось единой точки зрения, однако ряд ученых обращается к исследованию данного феномена¹². Отечественными и зарубежными

⁹ О деятельности РОВС на Дальнем Востоке см. подробнее: [Электронный ресурс] Терзов А. С. Белая эмиграция в Китае: некоторые аспекты деятельности Дальневосточ. отд. РОВС // Пермский государственный архив социально-политической истории ([б.] Пермский партархив). URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/a-s-terzov-belaya-emigratsiya-v-kitae-nekotorye-aspekty-deyatelnosti-dalnevostochnogo-otdela-rov.html> (дата обращения 05.09.2022).

¹⁰ Основные вехи функционирования Союза описаны в статье: *Малышенко Г. И.* Возникновение союзов дальневосточного казачества в Маньчжурии // Омский научный вестник. 1999. № 7. С. 11–14.

¹¹ О наличии разногласий в казачьей среде по политическим вопросам можно судить по публикации: *Камышев К. Д., Яковкин Е. В.* Общественно-политические взгляды российской казачьей эмиграции в Китае 1920–1940-х гг. // Приволжский научный вестник. 2016. № 3. С. 67–69.

¹² См., напр.: *Stephan J.* The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. London: H. Hamilton, 1978; *Shenfield S.* Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. Armonk, N. Y., 2001. P. 3–20; *Галкин А. А.* Фашизм как общественный недуг // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4. С. 18–19; *Ипатов А. М.* Распространение фашизма среди русской эмиграции за пределами Европы // Фашизм, неофашизм и их преступная практика: сб. ст. памяти Елены Дмитриевны Строгановой. М.: Весь мир, 2021. С. 459–463.

авторами проанализированы различные аспекты теоретического наследия и практической деятельности такого неоднозначного явления, как «русский фашизм»¹³. Отметим лишь, что в Китае действовали две различные фашистские организации. Автохтонную, зародившуюся на юридическом факультете Харбинского университета возглавлял уже упомянутый ранее К. В. Родзаевский. Другая — американская — была представлена филиалом в Шанхае. Это была возглавляемая А. А. Вонсяцким Всероссийская фашистская организация (ВФО). Для деятельности обеих фашистских партий были характерны как периоды сотрудничества, так и конфронтации. Думается, права Н. А. Скорнякова, резюмировавшая, что эмигрантский фашизм носил подражательный характер и не имел корней в русском праворадикальном движении¹⁴.

Среди других организаций российской эмиграции в Китае, которых можно отнести к коллаборационистам, активно сотрудничавшим с японцами и надевшимся с их помощью добиться свержения власти большевиков в СССР, необходимо упомянуть созданный в феврале 1924 Союз мушкетеров во главе с князем В. Гантимуровым¹⁵. Его руководство тесно сотрудничало с фашистами Родзаевского, однако формально сохраняло независимость. К концу 1930-х прояпонский военный деятель-эмигрант Б. Н. Шепунов заставил лидеров мушкетеров войти в состав руководимого им Монархического объединения, однако деятельность последнего была прекращена в связи с его закрытием японцами в 1939. Нельзя не упомянуть также

¹³ См. подробнее: *Stephan J. Op. cit.*; *Околоков А. В. Указ. соч.*

¹⁴ См.: *Скорнякова Н. А. Русские националисты на службе Японии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. Т. 2. С. 244. Точку зрения об отсутствии преемственности между праворадикальными российскими дореволюционными организациями и эмигрантскими фашистами разделяет и крупнейший отечественный специалист А. А. Галкин.*

¹⁵ Основные вехи истории Союза мушкетеров изложены в статьях: *Каргапольцев Д. С. Союз мушкетеров в Маньчжурии (1924–1938 годы) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 4. С. 97–103; Околоков А. В., Орехов А. А. Наследие русской эмиграции: «Союз мушкетеров его высочества князя Никиты Александровича» // Культурное наследие России. 2018. № 1. С. 36–42.*

и о такой самобытной организации, как Центральный антикоммунистический комитет (ЦАК), образованный в 1937 в Тяньцзине под покровительством японцев на основе объединения Эмигрантского антикоммунистического союза и Русского антикоммунистического комитета. Возглавлял его редактор газеты «Возрождение Азии» есаул Е. Н. Пастухин¹⁶. По данным исследователя Е. В. Яковкина, в состав комитета входили такие организации, как Русское спортивное общество, Союз русских инвалидов, Северокитайское отделение Национально-трудового союза нового поколения, Тяньцзинский отдел Всероссийского фашистского союза, Гимнастическое общество «Русский сокол», Тяньцзинский отдел Союза казаков на Дальнем Востоке, Мусульманская община (Община российских эмигрантов-мусульман), Тяньцзинский отдел Дальневосточного союза военных, Тяньцзинский отдел Национального союза участников войны¹⁷.

При анализе литературы вызывает некоторое удивление активное обращение исследователей к такой организации, как Братство Русской Правды (БРП). Несмотря на то что авторитетный отечественный исследователь П. Н. Базанов в своей пространной монографии не дает однозначного ответа по поводу существования данной структуры и проведенных ею акций как на границах Советского Союза, так и на его территории¹⁸, ряд исследователей продолжает писать о БРП как активном участнике антисоветской борьбы в 1920–1930-х.

Таким образом, к началу Второй мировой войны между коллаборационистскими организациями российской эмиграции в Китае не было единства, каждая из них стремилась преследовать собственные цели. Объединяло их лишь то, что все они в значительной степени зависели от своих японских покровителей, к 1939 запретивших деятельность отдельных, наиболее радикальных антисоветских эмигрантских объединений. При этом, как отмечает исследователь

¹⁶ О биографии Е. Н. Пастухина см. подробнее: *Пушкарев В. А.* «Японцы хотят сделать из меня Гитлера»: председатель Рос. антикоммунист. комитета белой эмиграции в Китае Е. Н. Пастухин // Военно-исторический журнал. 2019. № 1. С. 83–86.

¹⁷ См.: *Яковкин Е. В.* Русские солдаты Квантунской армии. М.: Вече, 2014. С. 47–48.

¹⁸ См.: *Базанов П. Н.* Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013.

И. В. Мазуров, в самом японском фашистском движении отсутствовала единая централизованная сила в рамках монархической системы управления, ибо жестко структурированное общество не позволяло сделать этого¹⁹.

Для воздействия на умы российских эмигрантов и поддержания среди них верноподданнических чувств японской администрацией Маньчжоу-го было создано Общество единения народов Маньчжурской империи, или Кио-Ва-Кай. По мере захвата японцами китайских территорий оно распространяло свое влияние и на тех российских эмигрантов, которые проживали в Пекине, Тяньцзине и других городах Поднебесной²⁰. Русские эмигранты-активисты, выступавшие за любую форму борьбы и разнообразные союзы против советской власти, принимали самое непосредственное участие в создании и дальнейших операциях ставшего печально известным отряда Асано²¹. Получается, что японцы вели двойную игру. С одной стороны, стремясь расширить сферу влияния, прежде всего, в Азии и действуя там под лозунгами освобождения местного населения из-под власти эксплуататоров из Европы и Северной Америки, во избежание битвы на два (и даже более) фронта Токио пошел на заключение официального пакта о нейтралитете с Советским Союзом (13 апреля 1941, сроком на 5 лет)²². С другой, японские военные продолжали готовить активных российских эмигрантов-коллорабационистов ко всевозможным диверсиям как на границе с СССР, так и в глубине

¹⁹ См.: Мазуров И. В. О фашизме в Японии // Фашизм, неофашизм и их преступная практика... С. 423–424.

²⁰ Подробнее о деятельности этого общества см.: Яковкин Е. В. Кио-Ва-Кай и российская эмиграция: 1932–1945 гг. // Восточная Азия и изменения глобального миропорядка: доклад, представл. на V международ. конф. молодых востоковедов в Ин-те Дальнего Востока РАН (Москва, 16–17 ноября 2017 года). М.: Изд-во Ин-та Дальнего Востока, 2018. С. 217–223.

²¹ Подробнее об участии в нем российских эмигрантов см.: Смирнов С. В. Отряд Асано: рус. воин. формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012.

²² О его оценках в современной российской исторической науке см. подробнее: Воробьева Т. А. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. в современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2. Т. 1. С. 25–38.

его территории. Иными словами, они рассчитывали ослабить своего могущественного западного противника, памятуя о событиях Русско-японской войны 1904–1905, но при этом официально декларируя нейтралитет.

К слову, в эмигрантской коллаборационистской среде было неоднозначное отношение к вышеупомянутому соглашению между СССР и Японией. Однако у наиболее последовательных сторонников прояпонской ориентации (Г. М. Семенов, К. В. Родзаевский и их соратники) сохранялась надежда на то, что со стороны японцев это не более чем уловка, которая впоследствии окупится совместными боевыми действиями с Германией против коммунистов. Отметим, что сходные эмоции и ожидания испытывали российские эмигранты в Европе в период заключения советско-германского договора 1939²³.

Подписание советско-японского договора поставило российских эмигрантов-коллаборационистов в новые условия, при которых их покровители из Токио вынуждены были официально запрещать деятельность праворадикальных организаций не только в Маньчжурии, но и в других городах и провинциях Китая, оккупированных армиями Страны восходящего солнца, во избежание недовольства со стороны Москвы. При этом, как отмечает Е. В. Яковкин, японская пропаганда внушала эмигрантам мысль о необходимости считать врагами номер один американцев и британцев, а отнюдь не Советский Союз²⁴. В таких обстоятельствах для коллаборационистов в среде российской эмиграции в Китае самым неприятным было то, что они были вынуждены под давлением японцев сами доводить эту информацию до сведения рядовых эмигрантов через организации, подобные БРЭМ, то есть официально признавать, что главная цель — это решение японских проблем, а не русского вопроса. От пролития русской крови понапрасну за чужие интересы отговаривали

²³ См., например: *Александров К. М.* Русские военные эмигранты в Европе в 1939–1941 гг.: настроения, реакции и намерения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. Т. 1. С. 207–210.

²⁴ *Яковкин Е. В.* Особенности японской пропаганды среди российской эмиграции в Маньчжурии во время Второй мировой войны // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 2. С. 206.

многие авторитетные эмигранты в разных уголках земного шара, в частности ранее упомянутый А. И. Деникин.

Отсюда возникает вопрос: смирились ли наиболее активные коллаборационисты в среде российской эмиграции с тем, что совместный поход с японцами на СССР затягивался на неопределенный срок? Анализ их деятельности убедительно опровергает это предположение. В то же время возникают новые важные детали.

Так, один из лидеров шанхайской эмигрантской общины Ф. Л. Глебов после нападения нацистской Германии на Советский Союз выступил за создание различных организаций, которые наносили бы ущерб советскому руководству. Являясь последовательным сторонником Г. М. Семенова, он был заинтересован в активной японской поддержке. Руководимая Ф. Л. Глебовым Национальная община русской эмиграции в Шанхае в отличие от параллельно функционировавшего Русского эмигрантского комитета (РЭК) выступала за продвижение японского влияния в этом крупнейшем портовом городе. В начале 1941 сюда были перенесены штаб-квартира фашистов К. В. Родзаевского и редакция их печатного органа «Наш путь». Именно в Шанхае местные коллаборационисты из числа российских эмигрантов организовали некий фонд помощи Гитлеру. К чести местных членов эмигрантской общины, немногие из них оказывали содействие этой преступной акции. Последовательные убийства двух руководителей РЭК (август 1940 — К. Э. Мецлер, сентябрь 1941 — Н. А. Иванов) и назначение на пост главы комитета Н. К. Серезникова привели к превращению некогда антияпонской организации в оплот японского влияния²⁵. В звании РЭК от 1 августа 1941 его руководители делали акцент на необходимости антисоветской борьбы до полного освобождения Советского Союза от коммунистической власти²⁶. Как отмечает один из наиболее авторитетных исследователей данной проблемы, очевидец ряда происходивших событий П. П. Балакшин, подобные

²⁵ См.: Шаронова В. Г. Русская эмиграция в Шанхае в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международ. науч. конф., Москва, 14–15 мая 2015 года. М.: Русский путь, 2015. С. 440–441.

²⁶ См.: Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 — конец 1940-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2018. С. 436.

обстоятельства вопреки ожиданиям возлагавших большие надежды на использование российских эмигрантов против СССР японцев вызвали у последних скорее недовольство и даже стремление искать поддержки и защиты в советском посольстве²⁷.

В Тяньцзине руководство ЦАК в сентябре 1941 опубликовало приказ о борьбе с оборончеством в эмигрантской среде. Сторонников подобных взглядов предполагалось сурово карать, как распространителей «коммунистической заразы». Через газету «Возрождение Азии» Е. Н. Пастухин передавал сведения о суммах штрафов и количестве подвергшихся наказанию эмигрантов²⁸. Захват английской концессии в городе привел к ухудшению положения российских эмигрантов, оказавшихся под активной пропагандой и контролем со стороны руководства ЦАК. Последние организовывали сбор средств для японцев, а также так называемые Дни обороны. А. А. Хисамутдинов отмечал, что лишь после коренного перелома в Великой Отечественной войне японцы стали лояльнее и заставили руководство ЦАК переименовать его в Центральное бюро по делам эмигрантов в Северном Китае, причем был закрыт его военный отдел²⁹.

В Харбине местный эмигрантский «фюрер» К. В. Родзаевский еще в докладе от 1 июня 1940 под названием «Новая тактика мировой тьмы и наши задачи» призывал активно поддерживать любые антисоветские мероприятия, то есть оказывать помощь японцам³⁰. Вероятно, именно в Маньчжурии благодаря тлетворному и преступному влиянию Г. М. Семенова и К. В. Родзаевского было наибольшее в процентном соотношении количество коллаборационистов среди

²⁷ См.: Балакишин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке: [в 2 т.]. Т. 1. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1958. С. 417; другие свидетельские данные об умонастроениях российских эмигрантов и мероприятиях японских оккупантов в Шанхае в годы войны приведены в мемуарах: Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... : Харбин, Шанхай. М.: Центрполиграф, 2005. С. 226–229.

²⁸ См.: Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 — конец 1940-х гг.). С. 440.

²⁹ См.: Хисамутдинов А. А. Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. С. 440.

³⁰ См.: Лазарева С. И., Сергеев О. И. Общественно-политическая активность российских эмигрантов в Китае в 20-е — 40-е гг. XX в. // Ойкумена. 2011. № 2. С. 154–155.

российских эмигрантов. Российский фашистский союз (РФС)³¹ предложил воспринимать нападение Германии на СССР не иначе, как начало «Российской Национальной Революции»³². Его представители призывали активно создавать вооруженные отряды и готовиться к боевым столкновениям с отрядами Красной армии. Со своей стороны Г. М. Семенов вел активную пропагандистскую кампанию в пользу Японии среди казаков. Отметим, что далеко не все из них, в том числе старшины, отвечали согласием на призывы с оружием в руках идти совместно с японскими агрессорами против собственной родины. Те же, кто верил ложным обещаниям эмигрантских пособников японцев, объединялись в крупные формирования — такие, как, например, 60-тысячный Захинганский казачий корпус, и готовились в рамках реализации захватнического плана «Кан-Току-Эн» (что можно перевести на русский язык как «Особые маневры Квантунской армии») оказать противникам Советского Союза посильную помощь³³. Вопреки их ожиданиям советские войска сумели коренным образом переломить ход войны, к тому же Япония постепенно увязла в своих грандиозных экспансионистских планах, поэтому ее военно-политическое руководство, дабы не раздражать лишней раз Москву, запретило деятельность РФС в Маньчжурии³⁴. Однако оно продолжало активно использовать лидеров эмигрантов в своих целях. Так, тот же К. В. Родзаевский был назначен помощником начальника БРЭМ, отвечавшим за идеологическую, пропагандистскую и воспитательную работу.

³¹ Информацию о степени распространения его идей среди российской эмиграции см. подробнее: *Онегина С. В.* Международные связи Российского Фашистского Союза в Маньчжурии // *Acta Slavica Iaponica*. 1996. № 14. С. 157–178.

³² *Гладких А. А.* Русский фашизм в Маньчжурии // *Вестник ДВО РАН*. 2008. № 5. С. 120.

³³ См.: *Мальишенко Г. И.* Российское казачество Дальневосточного зарубежья накануне и в годы Второй мировой войны (1931–1945 гг.) // *Омский научный вестник*. 2005. № 3. С. 27.

³⁴ Интересные сведения о правовом статусе российских эмигрантов в Китае в годы Великой Отечественной войны в рамках переговоров между Советским Союзом, Японией и Китаем содержатся в кн.: *Наземцева Е.* На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса рус. эмигрантов в Китае в совет.-кит. отношениях (1920–1940-е гг.). СПб.: Алетей, 2016. С. 268–282.

Как убедительно свидетельствуют Е. Е. Аурилене и М. В. Кротова, по мере увеличения побед Красной армии даже в среде ближайших сторонников Г. М. Семенова и К. В. Родзаевского все чаще появляются люди, которые не только не верят в то, что удастся уничтожить советскую власть в России, но и начинают с ней сотрудничать, осознав, что никакого национального российского государства японцы создавать в случае победы не собираются, а просто используют эмигрантов как бесплатное «пушечное мясо». Примером здесь может служить один из основателей РФС, начальник 3-го, административного отдела БРЭМ М. А. Матковский. Кроме него, из числа «фашистов» с советской разведкой сотрудничали В. В. Кибардин, М. Н. Гордеев³⁵ и др. Рост оборонческих настроений наблюдался также в Тяньцзине, Пекине и Шанхае, где наиболее активные коллаборационисты вынуждены были постепенно сворачивать свою деятельность, которая находила мало поддержки в эмигрантской среде. В конце 1943 все антикоммунистические комитеты Северного Китая были закрыты. В Шанхае, несмотря на старания руководства РЭК, количество оборонцев все увеличивалось.

По свидетельству П. П. Балакшина, капитуляция Германии потрясла Японию и все захваченные ей территории³⁶. Соответственно, должно было измениться и положение российской эмиграции, ведь еще в ходе Ялтинской конференции в феврале 1945 союзники приняли твердое решение о совместных боевых действиях против Страны восходящего солнца. Останавливаться на положении российской эмиграции, в том числе на деятельности коллаборационистов, в Маньчжурии в ходе советско-японской войны не стоит, ибо по данной теме есть замечательная статья М. В. Кротовой³⁷. Отметим

³⁵ См. подробнее: Аурилене Е. Е., Кротова М. В. «Лишить японцев белоэмигрантского козыря...»: рос. эмиграция в Маньчжурии периода Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 52–57.

³⁶ См.: Балакшин П. П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке: [в 2 т.]. Т. 2. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1959. С. 24.

³⁷ См.: Кротова М. В. Советско-японская война 1945 и российская эмиграция в Маньчжурии // Русское Зарубежье. XX век. Мировые войны: Слепухинские чтения–2018: тр. Международ. науч. конф. СПб.: Фонд Слепухина: Ладога, 2020. С. 339–354.

лишь, что лидеры коллаборационистов среди российских эмигрантов в Китае Г. М. Семенов и К. В. Родзаевский³⁸ за свои многочисленные преступления понесли заслуженное наказание: они были расстреляны³⁹. Участь других коллаборационистов была различной: кому-то удалось через Шанхай уплыть в другие страны и тем самым избежать наказания за сотрудничество с японцами, кто-то погиб в боях с частями Красной армии, другие были интернированы в СССР и отправлены в лагеря (к сожалению, нередко были случаи ошибочного ареста невинных людей).

Таким образом, анализ коллаборационистских настроений и практики российских эмигрантов на территории Китая позволяет сделать вывод о том, что их представление, будто японцы собирались помочь им в деле возрождения национального Российского государства, было ошибочно. И это обстоятельство, и значительная финансовая зависимость авантюристов разного рода от оплаты сотрудничества с врагами Советского Союза приводили к тому, что, по сути, российские эмигранты-коллаборационисты нередко, сами этого не осознавая, становились послушными исполнителями воли военно-политических кругов Японии и, что более трагично, стремились втянуть в число таковых рядовых представителей российской эмиграции. Финал их антисоветской деятельности был трагичен.



³⁸ Родзаевского не спасло даже «покаянное» письмо И. В. Сталину. См. подробнее: Письмо К. В. Родзаевского И. В. Сталину / публ. С. Онегиной // Отечественная история. 1992. № 3. С. 92–100 (текст письма: С. 94–100); также: [Электронный ресурс]. Письмо К. В. Родзаевского И. В. Сталину // Хронос: 6-ка. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_r/rodz_stalin.html (дата обращения 05.05.2022).

³⁹ См.: Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. С. 207.

КОСИК Виктор Иванович,

ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Академии наук Российской Федерации
(Россия, Москва)

РУССКИЕ В ПРОФАШИСТСКОЙ ХОРВАТИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Аннотация: В тексте рассматриваются сюжеты, связанные как с борьбой против германского фашизма, так и с темой коллаборационизма. Отдельно затронута роль новообразованной Хорватской православной церкви.

Abstract: The text deals with subjects related to both the struggle against German fascism and the theme of collaborationism. The role of the newly formed Croatian Orthodox Church is also discussed.

Ключевые слова: эмиграция, русские, Хорватия, Загреб, церковь, война, партизаны.

Keywords: emigration, Russians, Croatia, Zagreb, church, war, partisans.

В 1941 на развалах королевской Югославии 10 апреля было создано Независимое государство Хорватия (НГХ), сателлит Берлина. Его власти, проводившие антисербскую политику, решительно взяли курс на искоренение всего, что могло трактоваться как связь с Сербией. Тому было множество причин. Назову несколько. Разность культуры, прежде всего веры, в которой возрастали сербский и хорватский народы. Можно говорить о восточном (сербы) и западном (хорваты) мирах, каждый из которых веками жил и развивался сообразно своим историческим реалиям, в корне отличными от своего соседа. Вражду между этими народами «подогревали» и религиозная нетерпимость, и национализм. Немалую роль сыграла и Первая мировая война, в которой сербы и хорваты сражались в разных лагерях, и последующее подчинение Хорватии сербскому Белграду, ставшему столицей нового Королевства с сербской династией

Карагеоргиевичей. Разгром Германией королевской Югославии в 1941 воспринимался в Хорватии как знак высвобождения из-под ненавистной сербской власти.

Русские тоже «не жаловали» чужую по вероисповеданию Хорватию, предпочитали обживать в соседней православной Сербии.

В новой Хорватии в годы войны Германии с большевистской Москвой русские состояли из трех больших групп плюс церковь.

В первую входили так называемые нейтралы: работали там же, где и раньше, в разных местах, пели, плясали, в политику не лезли, вели тихую семейную жизнь, старались отсидеться, переждать войну.

Одни после освобождения продолжали жить уже в новой Югославии, например, семья Рыбкиных. Другие, как семья Григоровых, по прошествии времени уезжали в СССР с «остановкой на несколько лет» в Болгарию. Третьи спешно покидали страну и отправлялись в иные страны.

Например, в Загребе, где можно было легче сохранить свою русскость, способов заработать было множество — от изготовления корсетов до торговли ядами. Многие жители занимались продажей продуктов и предоставлением различных услуг: модистка, старьевщик, таксист, чистильщик обуви, пильщик дров, портной, торговец драгоценностями и антиквариатом и т. д.

Здесь действовали разнообразные общества в культурно-просветительной и экономической сферах, работало Объединение русских инженеров и техников, а в военной области — тоже различные союзы, от Общества галлиполийцев до Общества офицеров Генерального штаба.

Особую судьбу пережила русская колония в Дервенте. Из-за тяжелых жизненных условий в зоне военных действий все ее члены (несколько десятков лиц разного возраста) по рекомендации немецких властей на поезде эвакуировались в Вену, а оттуда были отправлены в один из беженских лагерей. Лишь некоторые возвратились в освобожденную Югославию и попали, как подозреваемые в шпионаже, в следственный изолятор в югославском пограничном городе Суботица. Их ожидала разная судьба.

Во вторую группу входили участники открытого и скрытого сопротивления существующей власти: партизаны, прежде всего в отрядах Иосипа Броз Тито; гражданские лица, оказывавшие посильную помощь тем же партизанам, освободительному движению. При этом не было чем-то необычным, когда хорватские военнослужащие уходили в лагерь тех, с кем вели борьбу.

Например, в годы войны авиатор Аркадий Попов служил на аэродроме, близ Банялуки. Установил связь с партизанами, оказывал информационную помощь. В октябре 1943 перелетел самолетом «Бреге» на союзническую базу в Италии. 22 апреля 1944 на итальянском аэродроме Бенина (близ Бенгази) была сформирована I истребительная эскадрилья Народно-освободительного войска Югославии (НОВЈ) с 16 спитфайерами. Эскадрилья вошла в состав Королевских (британских) военно-воздушных сил (Royal Air Force). В ней воевали летчики Первой авиационной базы и авиаторы из бывшей югославской авиации. Туда вошел и майор Попов. Командир звена спитфайеров А. Попов был сбит над небольшим курортным местечком Слано, близ Дубровника. Судя по воспоминаниям, русский летчик «...хотя и по происхождению происходил из донских казаков, но был и остался искренним югославом. Любил и своих земляков русских, но был очень разочарован от первой с ними встречи. А именно, при встрече с группой советских летчиков в Бари они отказались разговаривать с ним, но и с нами, когда услышали, что Аркадий Рус (так в тексте. — В. К.) — эмигрант»¹. Были и «незаметные герои»: врачи, работавшие в партизанских больницах, информаторы, просто бойцы, были и те, кто работал в контрразведке, боролся на «невидимом фронте».

Третья группа включала в себя тех, кто активно занимал антикоммунистические позиции, боролся по мере сил с партизанами Тито, записывался в Русский охранный корпус, уезжал на Восточный фронт. Среди них можно назвать Николая Богаевского, сына донского атамана, участника Гражданской войны, активно работавшего в полицейской сфере, в ультранационалистической организации усташства с его антисербскими позициями. На Восточный фронт отправился

¹ *Мачкич З., Косик В.* Русские в Банялуке и окрестностях в XX веке: слов.-справ. М.: [Тип. изд-ва «ПРОБЕЛ-2000»], 2018. С. 82–83.

Мальгин Василий Александрович. Он воевал в составе 369-го хорватского пехотного полка, сражавшегося под Сталинградом.

В Загребе было провозглашено создание Российского национального и социального движения, ставившее своей целью воссоздание российской государственности.

В этой сфере активно действовал Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Начальником Загребского отдела РОВС был кавалер многих орденов, в том числе и георгиевского оружия, генерал-лейтенант Даниил Драценко. Вполне органична его служба в Русском охранном корпусе генерала Бориса Штейфона. С весны 1942 командовал 1-й бригадой, действовавшей против партизан Иосипа Броз Тито.

Боевые офицеры считали необходимым влиться в войну против Советского Союза «за Россию», свободную от большевистского гнета.

Началась регистрация военнообязанных, впоследствии зачисленных в Русский охранный корпус. Из информационных сводок, издававшихся в Загребе и рассылавшихся председателям офицерских обществ, можно составить разноплановую картину того сложного времени, связанного с решением многих задач и вопросов, в частности, вполне бытового характера. Так, будущих бойцов волновали, например, темы возврата утраченного имущества (имений, рудников и т. д.), решения вопросов пенсионного обеспечения². Обсуждался вопрос о русской военной форме для разных родов «Русской армии»³. Подчеркивалось: «Наш путь ясен. Смело и гордо вступили мы на него, ибо только он может вывести и выведет Россию из мрака большевистского застенка к светлому счастливому будущему.

Мы верим и знаем, что скоро будем призваны к непосредственному участию в борьбе за это будущее и к работе по его строительству там, на родине. В ожидании этого часа, счастливого для каждого настоящего русского националиста, наша задача — духовно готовить себя к предстоящей борьбе, укрепить в себе и укреплять в других непреклонную веру в нашу победу и готовность безропотно переносить те трудности и те лишения, которые нас ожидают»⁴.

² См.: Сводка РОВС. 1941. 1 сент. // Арх. авт.

³ См.: Сводка РОВС. 10 сент. // Там же.

⁴ Сводка РОВС. 17 сент. // Там же.

В будущем, так и несбывшемся, на «белых рыцарей» возлагалась ответственная задача по пропаганде «новой жизни, новой национальной культуры, покоящейся на традициях нового, антикоммунистического духа, нового государственного и общественного строя»⁵.

Уместно напомнить, что созданный по распоряжению Германского высшего командования в сентябре 1941 Русский охранный корпус не был отправлен, как ожидалось, на Восточный фронт. Главная его задача, как следует из названия, состояла в охране различных предприятий и коммуникаций от партизан Тито. Вошедший в состав Вермахта весной 1942, он принимал активное участие в борьбе против Народно-освободительной армии Югославии.

И еще один сюжет, связанный с Хорватской православной церковью (ХПЦ). Одной из первых мер, принятых в Загребе, стало запрещение деятельности Сербской православной церкви и ее служителей на территории НГХ, сопровождавшееся, нередко закрытием храмов, арестом священников и всего церковного имущества. Случались и страшные дела. В стране действовал жуткий лагерь Ясеновац, где было замучено множество сербов. Гибли и русские священники.

О том, чтобы назначить серба во главе церкви в Хорватии, не могло идти и речи, поэтому было решено привлечь русских иерархов, возраст которых позволял надеяться, что с ними не будет больших проблем.

Первым кандидатом стал престарелый архиепископ Гермоген (Максимов), который к 1941 обрелся в расположенном на территории НГХ Хоповском женском монастыре. В нем в свое время нашли пристанище русские монахини из Леснинской обители.

Представитель службы Р. Гейдриха в Загребе штурмбанфюрер Х. Хелм писал

9 июня 1942 в Берлин, что Гермоген согласен принять пост патриарха новой церкви даже против согласия главы Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) митрополита Анастасия (Грибановского)⁶.

⁵ Сводка РОВС. 25 сент. // Там же.

⁶ См.: HDA. RSUP SDB. F. 1561. Kut. 002. № 7. L.161–162.

Однако вопрос о каноничности мало беспокоил хорватские власти, да и самого Гермогена, находившегося под контролем государства. Сам глава ХПЦ потом подчеркивал на следствии, что все распоряжения властей НГХ он выполнял и приказывал подчиненным проводить их в жизнь. Равно как и «хорватская православная церковь во всем покорялась приказам и пожеланиям власти»⁷. В частности, владыка под угрозой лагеря должен был подписать от имени священства и верующих уже подготовленный в печать протест против выбора московского патриарха Алексия⁸.

В 1942 в ХПЦ было 70 священников. Среди них — немало с русскими фамилиями. Например, Владимир Соколов, Василий Добронравов, Василий Юрченко, Николай Семченко, Дмитрий Мрихин, Вениамин Павловский, Павле Козарский, Дмитрий Извольский, Михаил Милоградский, Серафим Купчевский Лукиан (Андриевский), Анатолий Парадиев, Александр Волковский, Платон (Бондарь), Димид Кащенко, Евгений Погорецкий, Николай (Руженцов), Иван Мрачковский, Сергей Селивановский, Всеволод Хорват, Андрей Семилуцкий, Алексей Крыжко, Нестор Бребаков, Кесарий Коченко, Никанор Калик, Михаил Песоцкий⁹.

Пережить, переждать, спастись — такая задача стояла перед многими духовными лицами. Разумеется, русскость гарантировала, хотя и не всегда, определенные льготы.

Это подтверждается рядом фактов и документов на эту тему.

В сентябре 1941 «... началось закрытие всех греко-восточных церквей, поэтому и была закрыта греко-восточная церковь в монастыре Хопово, где жили и молились русские монахини. В результате ходатайств хорватских русских в том же месяце было принято решение о том, чтобы позволить «открытие указанной церкви <...> только для русских эмигрантов ради особых отношений между Независимым Государством Хорватией и русской национальной эмиграцией»¹⁰.

⁷ *Krišto J. Katolička crkva i Nezavisna Država Hrvatska, 1941–1945. Zagreb: Hrvatski Inst. za Povijest, 1998. S. 42.*

⁸ См.: *Ibid.* S. 44.

⁹ *Джурић В. Усташе и православље Хрватска православна црква. Београд, 1989. С. 87.*

¹⁰ HDA. F. 1076-2-2. № 15038.

Именно переселение в Сербию стало для многих — сербов и русских — спасением жизни. Представленным «пропуском» воспользовался ряд пастырей, одним из которых стал протоиерей Иван Щербак. 7 сентября 1941 он подал просьбу властям о выдаче ему и жене разрешения на выезд из Хорватии и вывоз имущества. В ней он указывал, что 4 июля 1941 они были арестованы и интернированы в лагерь Цапраг близ Сиска вместе с другими сербскими священниками, но «как русские эмигранты, были отпущены на свободу». Священник подчеркивал, что вместе с возвращенной свободой ему не была возвращена возможность служить в церкви и тем самым содержать себя и жену. «Наша свобода, — добавлял он, — превратилась в самое тяжелое наказание голодной жизнью <...> Будучи пожилыми и без каких-либо средств к существованию и без возможности что-либо заработать здесь в Независимом Государстве Хорватии, мы вынуждены уехать к своей родной дочери в Крушевац, чтобы у нее жить и кормиться. Мы совсем бедняки и ничего не имеем, кроме нашего бедного движимого имущества, и поэтому еще раз самым учтивым образом просим удовлетворить нашу просьбу, и выдать разрешение на перевоз». После полученного вначале особого разрешения от немецкого посольства в Загребе хорватские власти позволили о. Ивану Щербаку выехать к дочери¹¹.

Случалось, что православный священник превращался в католического патера. Обратимся к биографии Шамульского Павла Ильича. Во иерея его рукоположил митрополит Антоний (Храповицкий) в Сремских Карловцах. Он служил в сербской церкви в Бастаима в Славонии, потом в Пргомелье, а потом в Болч. Окормлял верующих (около 1000) во время партизанской власти в этом крае. В католичество перешел 13 сентября 1941¹².

Но судьбы были различны. Протоиерей Михаил Готовский осенью 1941 убежал в Сербию, потом вернулся в Хорватию. В Сочель-

¹¹ HDA. F. 1076. Ponova. № 19560. Kut. 495.

¹² См.: HAD-218, В HAD-218, В-6123 — 28 нояб. 1941. Kut. 19; 6123 — 28 нояб. 1941. Kut. 19; *Bunjevac St. Izvorni dokumenti OZNE o biskupu dr. Janku Šimraku I «prekrštavanju» Srba u NDH: nastavak 8 // Glas Koncila. 2005. 12. lipnja. Br. 24. S. 25.*

ник 1942 был арестован, а на следующий день — в Рождество — расстрелян¹³.

В этой ситуации деятельность самого митрополита заключалась в принятии решений о назначении священников с согласия министерства правосудия и вероисповедания да в ходатайствах о своих пасомых перед властями.

С осени 1942 священники начали преподавать Закон Божий в ряде хорватских школ.

С апреля 1944 был налажен выпуск газеты «Глас православия». Шло восстановление закрытых и порушенных частично церквей¹⁴.

Начали печататься книжки молитв, в которых не упоминались ни усталство, ни коммунизм, ни антикоммунизм, вся разница с довоенными состояла в латинице¹⁵.

Если говорить об отношении священства к самому Гермогену, то одна его часть была предана своему возглавителю, другая — настроена против него, как русского по национальности¹⁶.

Само отношение православного населения к ХПЦ и ее возглавителю было, я бы сказал, индифферентным, даже опасливым, уже по той причине, что развернувшееся в стране партизанское движение считало новую церковь своим неприятелем, поддерживавшим усталый режим.

Партизаны в Боснии и Герцеговине в своем письме к владыке еще в 1943 обещали ему, как «изменнику и предателю сербов», народный суд, когда они придут в Загреб¹⁷.

8 мая 1945 Загреб был взят частями Югославской народной армии, а сам Гермоген — арестован. Но владыке нельзя отказать и в храбрости. На допросе 26 мая 1945 Гермоген показал, что мог бы покинуть Загреб: ему предоставляли машину, которая должна была

¹³ См.: Štrbac D. Spomenica pravoslavnih sveštenika 1941–1945 žrtava fašističkog terora i palih u narodnooslobodilačkoj borbi. Beograd: Savez Udruženja Prav. Sveštenstva FNRJ, 1960. S. 59.

¹⁴ См.: Štrbac D. Spomenica pravoslavnih sveštenika... S. 86.

¹⁵ См.: Požar P. Hrvatska pravoslavna crkva u prošlosti I i budućnosti. Zagreb: Pavičić, 1996. S. 316.

¹⁶ См.: HDA. RSUP SDB. F. 1561. Kut. 002. №. 7. L. 96.

¹⁷ Ibid. L. 114.

доставить его к поезду. Однако он «решился остаться, так как не чувствовал себя виноватым»¹⁸.

Но для новых освободителей владыка был виновен. Отделение защиты народа — (ОЗНА) 25 июня 1945 обратилось в Военный суд в Загребе с ходатайством о проведении суда над Максимовым Гермогеном и рядом деятелей ХПЦ, которые, как говорилось в обвинении, «несут ответственность за всю антинародную деятельность усташской православной церкви и за все услуги, которые та церковь оказывала усташскому движению»¹⁹.

29 июня 1945 Военный суд Загреба вынес приговор 58 обвиняемым, из которых 43 были приговорены к расстрелу, 6 к повешению, 9 — к срокам заключения. Весь приговор занимал неполных 18 страниц. Там были в основном священнослужители: Гермоген (Максимов), патриарх ХПЦ; Мрихин Димитрий, Купчевский Серафим, Борисов Алексей²⁰, которые наряду с другими были приговорены к высшей мере наказания.

Где захоронены глава Хорватской православной церкви владыка Гермоген и его сподвижники, неизвестно, но на одном из кладбищ Загреба, а именно в Мирошевце, есть кенотаф, памятник погибшим.

Тема Хорватской православной церкви не исчезла с завершением Второй мировой войны и в нашей современности тоже находит сторонников и даже деятелей ее восстановления.



¹⁸ Ibid. L. 43.

¹⁹ Ibid. L. 51.

²⁰ См.: Косик В. И. Хорватская православная церковь (от организации до ликвидации) (1942–1945): взгляд из XXI века. М., 2012. С. 109–110.

ТУРЫГИНА Наталья Валерьевна,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
Санкт-Петербургского государственного университета
(Россия, Санкт-Петербург)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ОККУПИРОВАННОЙ СЕРБИИ¹

Аннотация: В статье рассматривается деятельность «Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии», также известно как «Русское Бюро» и «Управление делами российской эмиграции в Сербии», в 1941–1944. В межвоенный период русские эмигранты в Югославии существовали за счет мер государственной поддержки, предоставляемых через Державную комиссию, но последняя была распущена после нацистской оккупации Сербии, поэтому нужно было налаживать быт в новых условиях и рассчитывать на собственные силы. На основе периодической печати русской эмиграции в оккупированной Сербии указанного периода анализируется, как она справлялась с повседневными задачами. В фокус внимания автора попадают, прежде всего, малоизученные в историографии вопросы финансового обеспечения русской эмиграции и ее институтов в военное время.

Ключевые слова: Русское Бюро, оккупация Сербии, русская эмиграция, повседневность, Вторая мировая война.

Abstract: The article examines the activities of the “Bureau for the Protection of Interests of Russian emigration in Serbia”, also known as the “Russian Bureau” and the “Office for the Affairs of the Russian Emigration in Serbia”, in 1941–1944. During the interwar period, Russian refugees in Yugoslavia existed at the expense of state support measures provided through the State Commission, but the latter was dissolved after the Nazi occupation of Serbia, and they had to establish life in new conditions on their own. Based on the periodical press of the Russian emigration in Serbia of this period, the author analyzes how it organized its living during

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ (проект №19-78-00085 «Русская эмиграция между “старой” и “новой” родиной в условиях Второй мировой войны: проблемы идентичности и патриотизма»).

the Nazi occupation and coped with everyday tasks. The author focuses primarily on the issues of financial support for the Russian emigration and its institutions in wartime, which were rarely studied in historiography.

Keywords: The Russian Bureau, occupation of Serbia, Russian emigration, everyday life, World War II.

Белград был одним из центров русской диаспоры в межвоенный период. А. Ф. Ступницкий в докладе о положении русских эмигрантов в Югославии, составленном в 1938, ссылаясь на материалы представительства Нансеновской международной организации по делам беженцев за 1937, указывал, что в Югославии русских беженцев насчитывалось 27150 человек, включая 6970 женщин и 3980 детей в возрасте до 15 лет². В этом же докладе он приводил и данные Державной комиссии по делам русских беженцев, которая оценивала численность русских беженцев в Югославии на вторую половину 1930-х годов в 25000 человек³. За весь межвоенный период (1919–1937) было натурализовано 4315 мужчин, не считая жен и детей⁴. При этом темпы натурализации значительно сократились после смерти Александра I Карагеоргиевича, считавшегося покровителем и защитником русской эмиграции. С самого начала жизни в эмиграции эти люди проявили инициативу в создании различных комитетов и организаций, призванных защищать их интересы перед официальными лицами государства пребывания.

Первоначально судьбой русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС; с 1929 — Королевство Югославия) озаботились бывшие дипломаты Российской империи — посол В. Н.

² См.: Доклад белоэмигранта Ступницкого А. Ф. о положении белоэмигрантов в Югославии, 1938 // ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 520. Л. 127. А. Ф. Ступницкий собирал статистические сведения о положении русской эмиграции в Югославии для комиссии сэра Джона Хоупа-Симпсона и МИД Великобритании, которые попали в отчет этой комиссии: Simpson J. H. Refugees: preliminary report of a survey, July 1938. London, [1938]. P. 123. Для подготовки доклада А. Ф. Ступницкий использовал материалы как Нансеновской международной организации по делам беженцев, так и национальные демографические сведения, материалы Державной комиссии и организаций русских эмигрантов. Несмотря на то что, по его мнению, оставались люди, нигде не зарегистрированные, полученные цифры были вполне надежными.

³ См.: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 520. Л. 127.

⁴ См.: Там же. Л. 149.

Шtrandман и правительственный уполномоченный С. Н. Палеолог, но позднее сербское правительство учредило в составе Министерства иностранных дел Державную (Государственную) комиссию, ведавшую делами русских беженцев. Она была не только правозащитной, но и благотворительной организацией, выдававшей пособия русским эмигрантам. Она решала все насущные вопросы и поддерживала различные эмигрантские организации. В частности, именно при содействии Державной комиссии осуществляли свою деятельность русские учебные заведения.

В апреле 1941 в ходе операции «Наказание» Югославия была оккупирована и разделена. После утверждения нацистской власти русские эмигрантские организации были распущены, а их газеты и журналы закрыты. Новой власти требовались лояльные режиму структуры и учреждения. Это напрямую коснулось и русской эмиграции, которую необходимо было держать под контролем. И снова произвести учет.

В мае 1941 приказом командующего немецкими вооруженными силами в Сербии была создана единая организация русских эмигрантов — «Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии», начальником Бюро был назначен М. Ф. Скородумов (1892–1963). Постоянное местопребывание Бюро было определено в Белграде в Русском доме имени императора Николая II, в помещении бывшей Державной комиссии⁵. Иными словами, на бытовом уровне оно могло восприниматься как преемник последнего учреждения, но в условиях новой — немецкой — власти.

С 11 июня 1941 Бюро включилось в обязательную регистрацию всех русских эмигрантов в Сербии, начатую по приказу немецких властей от 22 мая 1941 управой города Белграда, и выдачу каждому, кто достиг шестнадцатилетнего возраста, специального постоянного удостоверения личности, которое одновременно являлось и удостоверением об арийском происхождении. Согласно результатам проведенной регистрации, в Белграде на 13 августа 1941 проживало 11133 русских. Параллельно шел учет русских эмигрантов в провинции. Всего по Сербии было зарегистрировано до 20000 лиц русского

⁵ См.: Русский бюллетень (Белград). 1941. 13 июля. № 1. С. 1.

происхождения⁶. Впоследствии, в декабре 1942, на страницах эмигрантской периодической печати появилась информация о том, что население русского Белграда насчитывало около 7500 человек, из которых — 500 считались нуждающимися⁷.

Уже 15 июня 1941 М. Ф. Скородумов подписал развернутый приказ № 1 по Бюро, в котором была представлена структура и изложены задачи деятельности нового учреждения. Указывалось, что Бюро будет иметь шесть отделов, которые предстояло возглавить следующим лицам: канцелярия и финансовая часть — полковник Н. Л. Неелов, секретариат Бюро — капитан А. А. Обатуров, культурно-просветительные заведения — ротмистр И. В. Рычков (административно-хозяйственная часть), учреждения Российского Общества Красного Креста — профессор, доктор Н. В. Краинский (на него также возлагалось руководство научно-учебной частью всех русских учебных заведений и учреждений, носящих научный характер), административный отдел — сенатор С. Н. Смирнов, регистрация и печать — А. В. Ланин⁸.

Печатным органом Русского Бюро первоначально стал «Русский бюллетень», на страницах которого летом 1941 печаталась информация не только пропагандистского, но и бытового информационного характера. Уже в первом номере было помещено объявление о создании Русского национального фонда для поддержания национальных школ, госпиталя, пожилых лиц, детей и для русской патриотической работы⁹. В каждом номере печатались списки жертвователей с указанием внесенных сумм. На момент закрытия «Русского бюллетеня», к сентябрю 1941, в фонд поступило 450137 динаров 75 пар¹⁰.

После закрытия «Русского бюллетеня» органами печати, передававшими официальную позицию оккупационных властей, стали в Белграде «Ведомости охранной группы» (Белград, 1942; с № 51 от 9 декабря 1942: «Ведомости Русского охранного корпуса в Сербии» (Белград, 1942–1944)), «Новый путь» (Белград, 1942–1943), «Русское

⁶ Русский бюллетень (Белград). 1941. 14 сент. № 10. С. 8.

⁷ См.: Ведомости охранной группы (Белград). 1942. 2 дек. № 50. С. 4.

⁸ См.: Русский бюллетень. 1941. 13 июля. № 1. С. 1.

⁹ См.: Там же. С. 4.

¹⁰ См.: Там же. 14 сент. № 10. С. 6.

дело» (Белград, 1943–1944). Кроме того, на страницах эмигрантской печати публиковались финансовые отчеты о деятельности Русского Бюро и отдельных инициатив и объединений, действовавших под его эгидой. К 1944 такая информация со страниц русских эмигрантских газет постепенно исчезла.

В 1942 на страницах периодики несколько раз появлялась информация о поступлениях и расходах Русского национального фонда, что схематично представлено в таблице 1¹¹.

Таблица 1.

**Финансовый отчет Русского национального фонда
за сентябрь 1941 — сентябрь 1942**

Месяц, год	Поступило в Нац. фонд	Выплачено из кассы Бюро				Всего
		Пособия больным и нужд.	Больницы, приюты и общежития	Содержание учебных заведений	Бесплатная столовая	
Сентябрь – декабрь 1941	746 698					740 876,69
Январь, 1942	33 293	54 856,50	215 559,25	235 865,50	56 260	562 541,25
Февраль, 1942	50 161,50	89 130	305 270	205 992,75	30 970	631 362,75
Март, 1942	57 600	163 955	199 686,75	210 805,50	17 760	592 207,25
Апрель, 1942	43 478	100 497	221 919	168 235	50 500	541 151
Май, 1942	63 181	100 855	273 692,50	136 675,25	44 500	555 722,75
Июнь, 1942	40 145	105 606	142 873,25	169 183,25	70 000	487 662,50
Июль, 1942	35 207	93 095	324 762	330 102,23	20 000	767 959,23
Август, 1942	47 549	101 470	312 857,50	398 943,50	30 000	843 271
Сентябрь, 1942	44 097,50	110 285	275 523,50	220 028,75	20 000	625 837,25
Всего:	1 161 410	919 749,50	2 272 143,75	2 075 831,73	339 90	6 348 591,67

¹¹ См.: Новый путь (Белград). 1942. 8 февр. № 1. С. 4; 14 июня. № 19. С. 4; 23 авг. № 29. С. 4; 25 окт. № 38. С. 4.

Как видно из данных, представленных в таблице, пожертвования в Русский национальный фонд составляли около 18% его расходов; при этом в 1942 их сумма неуклонно сокращалась, составив к концу периода 7% трат. Несмотря на большие суммы расходов, ни одно из учреждений не покрывало свои издержки исключительно за счет средств, поступавших через фонд. В частности, в отчете мужской гимназии в Белграде за 1942–1943 учебный год упоминалось, что субсидии со стороны Бюро составляли 30–40% содержания гимназии, а в отчете женской гимназии в Белграде за тот же период было указано, что Бюро приходилось оплачивать около 25% ее стоимости¹². Помимо этого средства поступали от родительского комитета и от Русского охранного корпуса, в том числе от его командира Б. А. Штейфона.

Что касается благотворительной деятельности Русского Бюро, резонно встает вопрос: за счет каких средств оно оказывало материальную помощь? Многие русские эмигранты обвиняли его руководство в том, что оно продалось немцам. Так ли это на самом деле? В феврале 1942 на страницах «Нового пути» появилось сообщение начальника Бюро русской эмиграции в Сербии о том, что приказом германского командования в Сербии в распоряжение Бюро были «переданы остатки имущества Петроградской Ссудной Казны и Государственного Банка для управления, эксплуатации и ликвидации в интересах Русской эмиграции в Сербии»¹³. Реальные суммы не озвучивались, но для управления этим имуществом специальным приказом начальника Бюро В. В. Крейтера от 22 декабря 1941 был создан Особый отдел в составе Бюро и выделена охрана. При этом бывшие вкладчики не могли получить свои вклады, распоряжалось казной исключительно Русское Бюро. Как отмечалось в сообщении контрольной комиссии, проводившей ревизию имущества бывшей Ссудной казны с 4 ноября 1942 по 18 марта 1943, между ней и Особым отделом Русского Бюро в Сербии не существовало никакой юридической преемственности, поэтому бывшие вкладчики должны были доказать свое право на те или иные денежные средства и вещи.

¹² См.: Новый путь (Белград). 1942. 16 авг. № 28. С. 4.

¹³ См.: Там же. 15 февр. № 2. С. 4.

В результате только 7 из 77 заявлений на возврат вкладов или залогов были удовлетворены к моменту окончания проверки. Что касается ликвидации имущества, то к марту 1943 в ведении Особого отдела оставалось 5979 номеров из 8500, полученных в 1942¹⁴. Никаких нарушений в деятельности по продаже предметов имущества Петроградской ссудной казны контрольная комиссия не обнаружила.

Однако имущество казны было не единственным источником средств Русского Бюро. В июне 1942 Финансовый отдел посчитал необходимым дать публике какие-то объяснения по поводу своей деятельности: «Не имея других значительных средств и доходов, но удовлетворяя насущные нужды русской жизни, Бюро к концу прошлого года имело два миллиона долга, частично унаследованного от бывшей Державной комиссии, а остальное по учебным заведениям, домам для престарелых и т. д. Благодаря отзывчивости немецких властей Бюро удалось получить пятимиллионный кредит под минимальный процент, благодаря которому удалось расплатиться со срочными нуждами и наладить деятельность учебных заведений, предоставить помощь столовым и т. д.»¹⁵.

Другим начинанием Русского Бюро стало создание охранной группы из числа представителей русской национальной эмиграции. Об истории и судьбе этого формирования написано достаточно¹⁶,

¹⁴ См.: Флуз В. Доклад Начальнику Управления делами Российской эмиграции в Сербии // Там же. 1943. 18 апр. № 15. С. 4.

¹⁵ Там же. 1942. 7 июня. № 18. С. 4.

¹⁶ См.: Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг.: ист. очерк и сб. воспоминаний соратников / под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк: Наши вести, 1963; *Неелов Н. Л.* Бесстрашный витязь Императорской России. [Б. м.], [б. г.]; Русский корпус на Балканах во время II Великой войны, 1941–1945: воспоминания соратников и док. / под общ. ред. Н. Н. Протопопова и И. Б. Иванова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999; *Огороков А. В.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.) М.: РУСАКИ, 2001; *Волков С. В., Стрелянов (Калабухов) П. Н.* Чины Русского корпуса: биогр. справ. в фотографиях. М.: Рейтар; Форма-Т, 2009; *Тимофеев А. Ю.* Русский фактор: Вторая мировая война в Югославии, 1941–1945. М.: Вече, 2010; Русский корпус: свидетельства: док. фильм: в 6 сер. / реж. М. Ордовский-Танаевский. Россия; Сербия, 2013; Москва — Сербия. Белград — Россия = Москва — Србија, Београд — Русија: сб. док. и материалов. Т. 4: Русско-сербские отношения, 1917–1945 гг. = Руско-српски односи, 1917–1945 / авт.-сост.: Алексеев Тимофе́ев [и др.]. М.; Белград, 2017; *Самцевич А. Марш Смерти Русского охранного корпуса.* М.: Язуза-Каталог, 2019; и др.

поэтому коснемся данного вопроса только вкратце. На страницах «Русского бюллетеня» печатались имена жертв сербского коммунистического террора, развернувшегося против русских белоэмигрантов (не только отдельных лиц; были случаи поголовного уничтожения целых семей с женщинами и малолетними детьми). Эти убийства происходили главным образом в глубинке, и русские эмигранты стекались в Белград в поисках защиты. Скородумов выразил готовность оказать помощь, но... Русское Бюро создавалось в целях обеспечения контроля за русской эмиграцией, а не для ее защиты. Скородумову было предложено примкнуть к сербской жандармерии или вступить в ряды вермахта, что не устраивало национальную эмиграцию и не соответствовало его личным амбициям. К тому моменту были известны случаи, когда русские защитные бригады уже появлялись и принимали участие в обороне отдельных населенных пунктов¹⁷. Официальное же разрешение на формирование русской воинской части было получено в начале сентября 1941, а 12 сентября был опубликован Приказ по русскому корпусу № 1, в котором объявлялся набор всех военнообязанных в возрасте от 18 до 55 лет. Набор осуществлялся на основе добровольности и проходил в Топчидерских казармах в Белграде в течение сентября–ноября 1941. Однако уже 14 сентября первый командир формировавшейся части, генерал Скородумов, был арестован гестапо за проявленную инициативу. В результате Скородумов и его окружение были отодвинуты от руководства эмиграцией и корпусом. 14 сентября 1941 был запрещен печатный орган «Русский бюллетень», а его ответственный редактор А. Ланин взят под стражу¹⁸. На место М. Ф. Скородумова и его соратников пришли более лояльные к немцам генерал Владимир Владимирович Крейтер, возглавлявший до этого колонию в Нише, он стал руководителем Бюро, и генерал Борис Александрович Штейфон (1881–1945), назначенный командиром Русского охранного корпуса (РОК).

С одной стороны, была и национальная идея, и реальная необходимость обеспечить безопасность русской колонии, с другой же

¹⁷ См.: Самцевич А. Указ. соч. С. 31–34; Ведомости охранной группы. 1942. 5 авг. № 33. С. 2.

¹⁸ Тимофеев А. Ю. Указ. соч. С. 32.

— историку любопытно взглянуть на финансовое положение дела... Приведем сведения о жаловании чинов охранной группы.

Таблица 2.

**Денежное довольствие военнослужащих
Русского охранного корпуса в Сербии, конец 1942¹⁹**

Звание	Холостой (сербские динары)	Женатый (сербские динары)
Полковник	12 400	16 000
Подполковник	9 800	12 600
Майор	8 000	10 400
Капитан	6 800	8 600
Обер-лейтенант	4 600	5 800
Лейтенант	4 200	5 400
Штаб- и обер-фельдфебель	2 900	4 200
Фельдфебель	2 800	4 100
Унтер-фельдфебель	2 600	3 700
Унтер-офицер	2 100	2 900
Сержант	1 500	2 100
Солдат	1 200	1 800

В условиях массовых увольнений, о которых сообщалось в печати²⁰, и тяжелого материального положения выискивалась любая возможность обеспечить себя и свою семью в военное время. В то же время распространялись слухи, что эти увольнения происходят для того, чтобы побудить русскую эмиграцию пополнить ряды охранной группы²¹.

Следует привести некоторые цены того времени для оценки уровня денежного довольствия. Так, в оккупированном немцами Белграде можно было снять комнату за 275 динаров в месяц, а 300 динаров в месяц было достаточно для скромного питания одного

¹⁹ Данные по довольствию военнослужащих в рейхсмарках приведены по изд.: *Тимофеев А. Ю.* Указ. соч. С. 46. С учетом курса на тот момент жалование переведено в сербские динары для удобства восприятия.

²⁰ См.: Ведомости охранной группы. 1942. 3 июня. № 24. С. 1.

²¹ См.: Там же. 10 июня. № 25. С. 1.

человека (яйца, топленый жир, кукурузная крупа, фасоль, эрзац-кофе, вино, сезонные фрукты и овощи). Достаточно престижная в рамках русской колонии должность преподавателя русской гимназии в Белграде предусматривала зарплату 1200 динаров в месяц²². При этом зарплата унтер-офицера формировавшегося летом 1942 русско-немецкого военно-полицейского батальона составляла 1320 динаров в месяц; кроме того, полагались ежемесячные пособия — 1250 динаров на жену и 396 динаров — на ребенка также ежемесячно²³.

Традиционно в Сербии на пособие могли рассчитывать как родители, так и незаконные жены и дети бойцов. Поэтому, когда с 1 декабря 1942 охранная группа перешла в состав вермахта с переименованием в Русский охранный корпус и были введены новые правила выплаты семейного пособия, в соответствии с теми, которые существовали в германской армии, это событие вызвало волну беспокойства в среде русской эмиграции. По новым правилам семейные пособия выдавались только законным женам и законным детям (до 18 лет). Командиру корпуса генерал-лейтенанту Б. А. Штейфону пришлось ходатайствовать о выдаче пособия престарелым и нетрудоспособным родителям холостых чинов Корпуса и незаконным детям чинов Корпуса²⁴.

В конце декабря 1941 в Белграде возникло объединение дам Первого полка Русской охранной группы. К лету 1942 это объединение охватывало семьи всех полков корпуса и было признано русскими и немецкими властями. Оно взяло на себя задачи облегчения облегчить удовлетворения основных бытовых потребностей членов семей бойцов корпуса. В частности, объединение добилось предоставления медицинской помощи от штабного врача, расходовало членские взносы на помощь нуждающимся, организовывало благотворительные концерты, покупало венки на могилы погибших бойцов охранной группы, писало ходатайства о выдаче продовольственных пайков и угля, о закупке материи по фабричным ценам, открыло бесплатные курсы русского языка, организовало летнюю детскую

²² См.: Тимофеев А. Ю. Указ. соч. С. 47.

²³ См.: Ведомости охранной группы. 1942. 17 июня. № 26. С. 4.

²⁴ См.: Ведомости Русского охранного корпуса в Сербии. 1942. 9 дек. № 51. С. 2.

колонию в июле–сентябре 1942, ставшую затем приютом для детей чинов охранной группы; и т. д.²⁵

Стоит заметить, что на страницах «Ведомостей охранной группы» звучал призыв к членам русской диаспоры, прежде всего, женщинам, не рассчитывать только на пособия, но активно включаться в трудовую деятельность, вплоть до отъезда на работу в Германию²⁶. Например, так поступила дочь профессора Н. В. Краинского, которая забрала с собой и своего пожилого отца. Следы этой сравнительно заметной волны эмиграции сохранились в Историческом архиве Белграда, так как каждый человек, претендовавший на рабочее место в Германии, получал справку о политической благонадежности и разрешение на выезд²⁷. В отчетах за 1942–1943 учебный год директора обеих белградских гимназий упоминали о том, что ученики выпускных классов покидали учебные заведения, уезжая на работу в Германию²⁸. Как ни странно, даже выпускники кадетского корпуса предпочитали искать работу, а не поступать в Русский охранный корпус, на что сетовало Русское Бюро²⁹.

Кроме трудоустройства в Германии и на оккупированных территориях, газеты призывали русскую эмиграцию самоорганизовываться на принципах самокупаемости. Именно с этой целью весной 1942 и 1943 была учреждена трудовая повинность, а также открыты различные ремесленные мастерские. Хотя эти начинания были полезными, реализованы они были недостаточно эффективно. Например, в мае 1942 в составе Русского Бюро был открыт Отдел труда и заготовок, призванный решить вопрос с обеспечением русской колонии овощами на зиму. Для реализации этой задачи было взято в аренду поле за Топчидерскими казармами и введена обязательная трудовая повинность для лиц обоего пола в возрасте от 14 до 60 лет³⁰. Необходимо было либо

²⁵ См.: Ведомости охранной группы. 1942. 24 июня. № 27. С. 4; 21 окт. № 44. С. 4.

²⁶ См.: Там же. 4 нояб. № 46. С. 2–3.

²⁷ См.: Тимофеев А. Ю. Указ. соч. С. 48.

²⁸ См.: Новый путь. 1942. 16 авг. № 28. С. 4; Русское дело. 1943. 1 авг. № 9. С. 4; 8 авг. № 10. С. 4.

²⁹ См.: Там же. 1944. 26 июля. № 44. С. 4.

³⁰ См.: Новый путь. 1942. 3 мая. № 13. С. 2; 10 мая. № 14. С. 1; 17 мая. № 15. С. 3.

отработать 6 дней на «русском поле», либо откупиться путем внесения в кассу Финансового отдела 40 динаров в месяц за 6 месяцев. Работали на поле с 7 часов утра до 17 часов группами по 50–100 человек, списки которых печатались в газете «Новый путь» и вывешивались на доске объявлений отдела у Русского Дома. Начали с гимназистов и чиновников. Работающие на поле получали горячий обед с хлебом бесплатно. В газете печатались различные подсчеты, какой урожай надо собрать, чтобы запасов хватило на полгода зимнего периода, приводились цифры закупок на всю колонию в Белграде. Но уже летом 1942 стало понятно, что урожай собирать некому, он сгнивал на поле. В срочном порядке Русское Бюро призвало к действию добровольцев, в том числе тех, кто уже отработал свою трудовую повинность, и тех, кто был от нее освобожден, предлагая помимо пайка еще и денежное вознаграждение³¹. Вознаграждение рядовых членов колонии составляло 40 динаров в день, а чиновников Русского Бюро — 160 динаров³². При этом предлагалось закупать овощи прямо на поле, о бесплатной раздаче малоимущим в Белграде газета «Новый путь» не писала.

Трудовая повинность в колониях, на первый взгляд, осуществлялась более эффективно. В городе Валево, например, каждый член колонии, отработавший свои дни на поле или внесший в трудовой фонд 240 динаров, получил с трудового поля бесплатно 40 кг кукурузы, 8 кг картофеля, 1,5 кг фасоли. На детей же было дано 10 кг кукурузы, 2 кг картофеля и 0,4 кг фасоли. В Велики Бечкереке начальник русской колонии произвел сбор денег, давший возможность снабдить каждого нуждающегося члена колонии на зиму: 40 кг картофеля, 4 кг фасоли, 10 кг лука и ½ кубометра дров³³. Таким образом, фискальный подход к реализации этого проекта Русского Бюро оказался более удачным. Для определения, достаточно ли было этой нормы на зимний период, для чего и инициировались работы на «русском поле», взглянем на расчеты, приводимые на страницах газеты «Новый путь»: «Результат опроса заведующих столовыми в Русском доме и в бывшем посольстве дал возможность установить приблизительную норму

³¹ См.: Новый путь. 1942. 5 июля. № 22. С. 4; 23 авг. № 29. С. 2.

³² См.: Там же. С. 4.

³³ См.: Там же. 22 нояб. № 42. С. 3.

продуктов, необходимых для пропитания. На одного человека на день: картофеля — 250 гр<аммов>, фасоли — 150 гр<аммов>, капусты — 250 гр<аммов>, лука — 50 гр<аммов>, зелени для супа — 50 гр<аммов>, помидоров для заготовки на зиму — 50 гр<аммов>. Всего 800 грам<мов> продуктов в день, или 160 к<ило>гр<аммов> на 200 дней»³⁴. Похоже, трудовая повинность, несмотря на благие намерения, не смогла покрыть нужды даже на местном уровне, хотя и была проведена здесь более эффективно. Экономический отдел Русского Бюро учел недочеты посевной кампании, и на следующий — 1943-й — год сдавал участки «русского поля» в аренду заинтересованным семьям русской колонии³⁵. Кроме того, в печати стали публиковаться рекомендации ведущих агрономов и инженеров из среды русской эмиграции по посеву различных культур и уходу за ними³⁶.

Отдельно стоит остановиться на деятельности Союза русских женщин под руководством К. Г. Асеевой. Многие инициативы по сбору средств и организации швейной и сапожной мастерских проходили под эгидой этой организации. Собирались и деньги, и продукты питания. Союз начал действовать при Русском Бюро с декабря 1941 и на страницах эмигрантских газет публиковал свои финансовые отчеты, которые вызывают сомнения в эффективности организации работы указанных мастерских. В частности, в отчете Союза русских женщин за период с 10 декабря 1941 по 1 июля 1942 расходы на покупку материй и материалов для мастерских многократно превышают траты на содержание детских и студенческих общежитий и домов престарелых, а доход от продажи готовой продукции составляет менее 30% от закупок материала; безвозмездно предоставлено малоимущим за весь указанный период 9 % материала³⁷. Для сравнения, в месячном отчете № 2 за январь–февраль 1942 приход от продажи готовой продукции составлял 75% от трат на материалы и оплату

³⁴ Там же. 6 сент. № 31. С. 3.

³⁵ См.: Там же. 13 дек. № 45. С. 4.

³⁶ См.: Там же. 1943. 17 янв. № 2. С. 4; 7 февр. № 5. С. 4; 7 марта. № 9. С. 4; 14 марта. № 10. С. 6; 21 марта. № 11. С. 4; 11 апр. № 14. С. 4; 16 мая. № 19. С. 4; 23 мая. № 20. С. 4; 30 мая. № 21. С. 4.

³⁷ См.: Там же. 23 авг. № 29. С. 4.

труда портних³⁸. В любом случае, о самоокупаемости этих предприятий говорить не приходится. В то же время благотворительная деятельность Союза русских женщин, включавшая в себя такие меры, как: сборы на «зимнюю помощь», «красное яичко», организация благотворительных чаепитий и концертов — была более успешной.

Некоторые вопросы деятельности Русского Бюро по-прежнему остаются открытыми и требуют дальнейших исследований по другим источникам. Однако несомненно, что определенная польза для русской эмиграции в оккупированной Сербии от него была. Прежде всего, нужно обратить внимание на тот факт, что в период оккупации не прекращали свою деятельность русские учебные заведения: Белградская основная школа в Русском Доме, Панчевская основная школа, основная школа на Руднике Бор, мужская и женская 8-классные гимназии в Белграде при Русском Доме, Кадетский корпус в Белой Церкви. В них обучалось 1156 человек молодого поколения эмигрантов³⁹. Совсем без поддержки Русского Бюро, как материальной, так и идейной и организационной, существовать они не могли.

Кроме того, периодическая эмигрантская печать изобилует афишами культурных мероприятий, проходивших в Русском Доме. Как правило, сборы от их проведения шли и на поддержку малоимущих слоев русской эмиграции. Многие артисты после Второй мировой войны вписали свои страницы в историю развития искусства в титовской Югославии.

Одной из форм творческого самовыражения русской эмиграции в годы войны оставались, как и в довоенные годы, художественные выставки. Крупные ежегодные выставки проводились в Белграде в августе 1942, июне и декабре 1943. Под них городская управа выделяла самый престижный зал — павильон «Цвета Зузорич» на Калемегдане. Их организатором был популярный в балканской эмигрантской среде художник Сергей Иванович Кучинский (1886–1969)⁴⁰. В проведении выставок активно участвовали многие талантливые

³⁸ См.: Новый путь. 1942. 15 марта. № 6. С. 4.

³⁹ См.: Там же. 1942. 15 февр. № 2. С. 4.

⁴⁰ С. И. Кучинский и после войны продолжал творить в Риеке, где неоднократно проходили его выставки (в том числе одна посмертно, в 1969–1970).

художники. Весь период оккупации действовало Общество русских сценических деятелей под руководством О. П. Миклашевского. Сборы от проводимых спектаклей поступали в Русский национальный фонд⁴¹. Стоит сказать и пару слов о прима-балерине Нине Кирсановой (1898–1989). В период оккупации она открыла собственную балетную студию и начала очень успешную карьеру балетного учителя, а весной 1942 была назначена шефом белградского балета, с чем ее поздравляли на страницах эмигрантской печати⁴². В годы войны ей удавалось поддерживать работу балетного ансамбля, хотя здание Национального театра сильно пострадало в результате бомбардировки в 1941. Она и после войны возглавляла Национальную балетную школу, выйдя на сцену в последний раз в 1951.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в условиях оккупации и прекращения материальной поддержки от Державной комиссии проблема заботы о детях и престарелых легла на плечи самой диаспоры, вынужденной рассчитывать на свои возможности и ресурсы. Русское Бюро инициировало различные мероприятия социальной взаимопомощи: Русский национальный фонд, столовые для малоимущих, трудовую повинность, ремесленные мастерские, организации взаимопомощи, акции зимней помощи и пр. Однако эффективность этих инициатив была невысокой. Судя по отчетам, публиковавшимся на страницах эмигрантской печати в 1942–1943, траты значительно превышали поступления в Русский национальный фонд. На самокупаемость предприятия русской эмиграции в годы оккупации Сербии не вышли. Впрочем, благодаря в том числе и усилиям Русского Бюро удалось сохранить бóльшую часть учебных заведений русской эмиграции, а впоследствии эвакуировать их вместе с немецкими учреждениями в Австрию и далее за океан. Среди причин малой эффективности усилий русской эмиграции по внутренней организации своей жизни можно назвать отсутствие опыта финансового управления, трудности военного, оккупационного периода, а также возможные злоупотребления своим положением со стороны верхушки Бюро в Белграде.

⁴¹ См.: Русский бюллетень. 1941. 31 авг. № 8. С. 6.

⁴² См.: Новый путь. 1942. 31 мая. № 17. С. 3.

ТОЛСТОЙ Михаил Никитич,
доктор физико-математических наук,
ассоциированный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН;
председатель Попечительского совета Фонда Юрия Слепухина
(Россия, Санкт-Петербург)

ПЕТРОВА Мария Владимировна,
кандидат химических наук,
эксперт Региональной общественной организации
Информационно-культурный центр «Русская эмиграция»
(Россия, Санкт-Петербург)

ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВИЧ КИБАЛЬЧИЧ НА ТЕАТРАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ

Аннотация: Василий Фёдорович Кибальчич — известный русский хормейстер, создавший в США знаменитый Русский симфонический хор, — в период с мая 1943 по февраль 1944 впервые выступил на театральной сцене. Он сыграл роль русского священника в комедии «Доугёрлз», одном из самых популярных спектаклей США в тот сезон. Особенность сценария пьесы — участие русской девушки-снайпера, героя войны, в качестве главного персонажа. Этот образ введен автором Джозефом Филдсом под влиянием широкой популярности в США младшего лейтенанта Красной Армии, снайпера Людмилы Михайловны Павличенко, после ее турне по городам США осенью 1942 с агитацией за открытие Второго фронта.

Этот неожиданный эпизод биографии В. Ф. Кибальчича, 60-летнего прославленного хормейстера, отошедшего от активной концертной деятельности, проанализирован с точки зрения его патриотических публикаций в американской прессе и желания поддержать позитивный образ России у союзников.

Ключевые слова: Василий Кибальчич, Русский симфонический хор, комедия «Доугёрлз», Людмила Павличенко, Максим Пантелеев, Валериан Лукша, Второй фронт.

Abstract: Vasily Fedorovich Kibalchich, a brilliant Russian choirmaster who created the famous Russian Symphonic Choir in the USA, performed for the first time on the theatrical stage between May 1943 and February 1944. He played the role of a Russian priest in the comedy «The Doughgirls», one of the most popular US plays during that season. A feature of the comedy script is the participation of a Russian heroine, a girl sniper, as a main character of the play. This character was introduced by the author, Joseph Fields, under the influence of the wide popularity in the USA of Junior Lieutenant of the Red Army, sniper Lyudmila Mikhailovna Pavlichenko after her Autumn 1942 US tour with agitation for the opening of the Second Front.

This unexpected episode of the biography of Vasily F. Kibalchich, a 60 years old famous choirmaster who retired from concert activity, has been analyzed from the point of view of his patriotic publications in the American press and his desire to support the positive image of Russia among the Allies.

Keywords: Vasily F. Kibalchich, Russian Symphonic Choir, comedy «The Doughgirls», Lyudmila Pavlichenko, Maxim Panteleeff, Valerian Looksha, Second Front.

Василий Федорович Кибальчич¹ — известный русский хормейстер, создавший в США знаменитый Русский симфонический хор (далее — Симфонический хор), принадлежит к числу тех деятелей русского культурного зарубежья, чья биография до сих пор еще не расшифрована; ее изучение приносит исследователям новые неожиданности².

Простой псаломщик из Мглина Черниговской губернии³, изгнанный в глухую деревню Нетяговку за строптивый нрав и ссору с бла-

¹ Кибальчич Василий Федорович (6.03.1884 ст. ст., Мглин — 25.06.1981, Сан-Пабло, США) // *The Independent and Gazette*. 1981. June 30. № 261. P. 3.

² См.: *Толстой М. Н.* Русская хоровая школа за рубежом: А. А. Архангельский и В. Ф. Кибальчич // *Нансеновские чтения*, 2014. СПб., 2016. С. 360–382; *Он же. Н.* Вокруг «Свадебки»: к столетию одного письма // *Из фондов кабинета рукописей Российского института истории искусств: сообщения; публикации; обзоры*. Вып. 6. СПб., 2016. С. 62–138; *Толстой М. Н., Петрова М. В.* Деятели русской культуры за рубежом и в эмиграции в переходный период. феномен хормейстера Кибальчича // *Нансеновские чтения*, 2019. СПб., 2020. С. 416–449.

³ Мглин — административный центр Мглинского района Брянской области.

гочинным, обладал несомненным талантом певца, а также волевым характером и организаторскими способностями. Самостоятельно поступив в Императорскую Санкт-Петербургскую консерваторию в 1904, он стал любимым помощником знаменитого композитора и дирижера А. А. Архангельского⁴. В то же время революционные события 1905 захватили молодого Василия Кибальчича. В результате через несколько лет он превратился в недоучившегося студента-вольнодумца, побывавшего в царской ссылке, и только покровительство своего учителя А. А. Архангельского позволило ему вновь стать простым псаломщиком, но уже на этот раз в Женевской миссийской церкви — с большим окладом и относительной свободой по сравнению с его существованием в России.

Стремление сравниться с достижениями А. А. Архангельского и уверенность в собственных силах подвигли Кибальчича на создание концертного ансамбля на базе церковного хора, с которым он начал выступать в Женеве и гастролировать в Швейцарии и Франции. В 1919 издал брошюру с хвалебными отзывами о своих концертах⁵.

Первая мировая война, заставшая его в Швейцарии вместе с другими русскими мастерами искусств, отрезанными от России, такими как И. Ф. Стравинский и С. П. Дягилев, привела к дружественным отношениям Кибальчича с выдающимися деятелями русского и европейского искусства, которые ценили его талант.

Революция 1917 в России обесценила достижения Кибальчича и Архангельского как духовных дирижеров и музыкантов и вытеснила их из России.

К 1924 Кибальчич, став регентом храма Св. Александра Невского на рю Дарю в Париже (12, Rue Daru, Paris), не нашел в Европе путей развития своего творчества как хорового дирижера и принял решение переехать в США, где рассчитывал осваивать новые культурные пространства и найти обширную аудиторию⁶.

⁴ *Архангельский Александр Андреевич* (1846, Пенза — 1924, Прага) — выдающийся хоровой дирижер, композитор духовной музыки. Первым в России заменил мальчиков в церковном хоре женским составом (1890). Заслуженный артист России (1921).

⁵ См.: *Le Chœur Russe de M. Basile Kibaltchitch: (critiques et opinions de la presse)* (1913–1918). [Lausanne: Imprimeries réunies, s. a.].

⁶ См.: *Толстой М. Н. Вокруг «Свадебки»...* С. 104.

Успех Кибальчича в США был выдающимся. Созданный им Симфонический хор был основан на новых принципах — Кибальчич рассматривал ансамбль хористов как симфонический оркестр, в котором голоса соответствовали инструментам: басы — медным духовым и контрабасам, сопрано — скрипкам, альты и баритоны — деревянным духовым и виолончелям⁷. Это позволяло такому хору в своих концертах исполнять как классические инструментальные произведения, так и фрагменты опер, церковные песнопения и народные песни.

В первые же годы в США разнообразие репертуара хора Кибальчича, высокое исполнительское мастерство и дисциплина хористов, унаследованные от школы А. А. Архангельского, получили восторженные отклики прессы, а гастрольи хора доходили до 150 концертов в год⁸. Концерты хора собирали полные залы, что необычно для такого рода выступлений, поскольку хор пел «а капелла», без музыкального сопровождения (рис.1, 2.).

Популярность Симфонического хора Кибальчича сохранялась более десяти лет — с 1924 до середины 1930-х. Разумеется, в то время существовали иные русские хоры, собиравшие свою аудиторию, например, хор Жарова⁹. Американская публика, требующая разнообразия, постепенно охладевала к творчеству Кибальчича, количество концертов уменьшалось, о чем можно судить по публикациям отзывов и анонсов в прессе, хотя авторитет самого В. Ф. Кибальчича оставался высоким: он был известен как «профессор своего дела» и аранжировщик, его приглашали для дири-

⁷ См.: Instrumental Are the New Russians in Choir Singing // Russian Symphonic Choir for the Season 1924–1925. N. Y., 1925. P. 14–15 (МПК. Ф. 36 (В. Ф. Кибальчич). Оп. 1. Папка. 2. Ед. хр. 36); Symphonizing // Newsweek. 1938. Vol. 11. № 1 (Jan. 3). P. 25.

⁸ Ср.: «Интерес к хору среди американцев так велик, что приходится или отказывать <приглашающим организациям>, или переносить концерты на следующий сезон» (П. Б. Отъезд хора Кибальчича в турне // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1925. 22 окт. № 4652. С. 4; «Самый потрясающий и уникальный вокальный ансамбль, который когда-либо приезжал в Америку» (New Castle News (New Castle, Pa.). 1927. March 9. № 157. P. 5).

⁹ См.: Камышников Л. Маленький гигант Жаров: концерт донского хора в Карнеги Холле // Новое русское слово. 1937. 28 нояб. № 9064. С. 4.

жирования другими хорами¹⁰ и даже в Голливуд для записи русских хоров в кино¹¹.

Пик признания заслуг Кибальчича — это юбилейный концерт¹² в Нью-Йорке в Карнеги Холле 27 декабря 1937 в связи с объявленным им 25-летием¹³ своей дирижерской деятельности. В Оргкомитет юбилея, возглавляемый Чарльзом Крейном¹⁴, вошли выдающиеся де-

¹⁰ См.: В. Ф. Кибальчич в новой музыкальной школе // Там же. 1938. 29 янв. № 9126. С. 4; Календарь театрала // Там же. 22 мая. № 9239. С. 4; Клэрмонт, Н<сью>-Х<эмпшир>. Выступление русского хора по радио // Там же. 1940. 27 марта. № 9911. С. 4.

¹¹ Ср.: «Голливуд. “Скоро на Бродвее будет демонстрироваться последняя фильма Греты Гарбо «Анна Каренина» по роману Л. Н. Толстого. Для этой фильмы пел известный русский симфонический хор В. Ф. Кибальчича. Этот же хор будет участвовать и в другой, готовящейся к постановке в студиях «Метро-Голдвин-Майер» фильме по роману «Война и мир». Между прочим, «МГМ» приняло у В. Ф. Кибальчича написанный им сценарий «Верую» («Кредо»). Канва фильма — церковные песнопения, которые, конечно, будут исполняться хором Кибальчича” (Новое русское слово. 1935. 16 июня)» (цит. по: Янгиров Р. М. Хроника кинематографической жизни русского зарубежья. Т. 2: 1930–1980. М.: Книжница; Русский путь, 2010. С. 274). См. также: Новое русское слово. 1935. 14 сент. № 8263. С. 3.

¹² См., например: «В понедельник, 27-го декабря, 1937 г. Юбилейный концерт Русского Симфонического Хора (в удвоенном составе) — под управлением Василия Феодоровича Кибальчича по случаю 25-летия его дирижерской деятельности» (Там же. 1937. 28 нояб. № 9064. С. 4); также: Там же. 23 дек. № 9089. С. 3; Календарь театрала // Там же. 19 дек. № 9085. С. 4; Чествование В. Ф. Кибальчича // Там же. 25 дек. № 9091. С. 3; Некрасов В. Нашему русскому баяну: к 25-летию юбилею В. Ф. Кибальчича // Там же. 26 дек. № 9092. С. 4; Концерт В. Кибальчича в Карнеги Холл // Там же; Russian Choir // Daily Eagle. 1937. Dec. 28. № 359. P. 6.

¹³ Строго говоря, В. Ф. Кибальчич прибыл в США 9 янв. 1924, премьера выступления его хора состоялась 4 апр., поэтому к 27 дек. 1937 возраст хора составлял 13 лет. 25 лет назад, в 1912, Кибальчич служил лишь вторым псаломщиком в Женевской миссийской церкви. Не исключено, что в это время он начинал руководить церковным хором, хотя документов об этом пока не найдено. Объявление о 25-летнем юбилее в 1937 привело автора современной монографии к конфузу, при котором концерт 1937 назван концертом 1949, так как автор автоматически прибавил 25 лет к известной дате основания хора в 1924 (см.: Тугаринов Е. Русские регенты. Т. 2: Регенты Русского Зарубежья: Англия, Франция. М.: Паломник, 2015. С. 174).

¹⁴ Крейн Чарльз Ричард (Crane, Charles Richard; 1858–1939) — американский предприниматель, наследник крупного промышленного состояния, дипломат, меценат. Покровитель русского хорового искусства — поддерживал Общественный русский хор имени А. А. Архангельского (Прага), В. Ф. Кибальчича и его хор.

ители культуры русского зарубежья: Игорь Федорович Стравинский, Александр Тихонович Гречанинов, Георгий Дмитриевич Гребенщиков, Сергей Тимофеевич Конёнков, Сергей Юрьевич Судейкин, Ефрем Александрович Цимбалист, графиня Софья Владимировна Панина и др. (рис. 3). Буклет-программу концерта оформил Сергей Судейкин, а на титульной странице изображен скульптурный портрет Василия Кибальчича, выполненный С. Т. Конёнковым¹⁵.

Этот концерт, подводя итоги периода безусловных успехов творчества Кибальчича, вместе с тем обозначил начало упадка интереса американской общественности к русской культуре, роста интереса к международным проблемам, вызванным периодом насилия и террора в России и экспансией нацистской Германии. В последующие годы начавшаяся дружба России и Германии и Вторая мировая война в Европе вытеснили интерес американского зрителя к российской экзотике. Это выразилось в практическом отсутствии упоминаний в печати каких-либо сведений о Симфоническом хоре Кибальчича. О Василии Федоровиче Кибальчиче газеты упоминали лишь в связи с его участием в церковных службах, выступлениях с чужими хорами (русскими и американскими), рекламой его пластинок, а также в сообщениях о сольных выступлениях бывших участников его хора¹⁶.

Не удивительно, что документальные сведения о судьбе В. Ф. Кибальчича в этот период удалось найти только в данных переписи населения и воинского учета (рис. 4). Оказалось, в 1942 Кибаль-

¹⁵ На фото в буклете изображен гипсовый бюст В. Ф. Кибальчича. История создания бюста — предмет отдельной публикации (в печати). В МРК хранится копия этой скульптуры, изготовленная из армированного полистирола, покрытая бронзовой краской; см.: Ф. 36 (В. Ф. Кибальчич). Оп. 1. Папка 5. Ед. хр. 3. См. также: Календарь театра // Новое русское слово. 1937. 28 нояб. № 9064. С. 4.

¹⁶ Ср.: «Грандиозная распродажа. Избранные русские пластинки. <...> Хор Кибальчича: 68970 — Верую Гречанинова; Прелюд<ия> Рахманинова. Хор Кибальчича: 59081 — Достойно есть; Житейское море. Хор Кибальчича: 68916 — Колыбельная, Свадеб<ная>; Протяжная, Веселая» (Там же. 1941. 7 февр. № 10227. С. 4; Календарь театра // Там же. 1938. 22 мая. № 9239. С. 4; Клэрмонт, Н<ью>->Х<эмпшир>. Освящение русского храма // Там же. 20 сент. № 10087. С. 3; Русский вокальный квартет братьев Романчук // Там же. 1940. 7 марта. № 9892. С. 3; The La Crosse Tribune and Leader-Press (La Crosse, Wis.). 1941. May 7. № 355. P. 4; Fremont Morning Guide (Fremont, Nebr.). 1941. May 17. № 209. P. 1.

чич жил в городке Саутбери (штат Коннектикут; англ. Southbury, Connecticut), по-видимому, на окраине, так как его почтовый адрес характеризуется индексом RFD¹⁷, что означает «отдаленный, глухой район». Кроме того, в этой карточке воинского учета указано: «лицо, которое всегда будет знать место пребывания Кибальчича — Мария Сорока, живущая тоже в Саутбери, штат Коннектикут». Известно, что вблизи этого городка находится знаменитая русская деревня Чураевка¹⁸, и можно полагать, что Кибальчич поселился в ней.

Такое предположение подтверждается воспоминаниями писателя Георгия Гребенщикова, основателя Чураевки, о посещении своей деревни в 1942. В этот приезд 27 июня 1942 в доме писателя в Чураевке состоялся большой литературный вечер¹⁹, на котором Г. Д. Гребенщиков прочитал несколько глав из новой книги. Музыкальную часть вечера организовал В. Ф. Кибальчич.

Гребенщиков пишет: «...над рекой Помперагом и есть та историческая усадьба Ильи Л. Толстого, которая явилась первым камнем в основании всей этой русской колонии. Теперь этой усадьбой владеют симпатичнейшие сибиряки Борис Михайлович и Ариадна Петровна Елины совместно с милой Марией Григорьевной Сорока, учительницей из Нью-Бритона. У них теперь живет и наш славный Василий Фёдорович Кибальчич»²⁰.

¹⁷ RFD, Rural Free Delivery (англ.) — бесплатная доставка в сельской местности, специальная программа Почтового ведомства США.

¹⁸ Чураевка (англ. Russian Village Historic District — букв. Исторический район «Русская деревня») — место на окраине города Саутбери, штат Коннектикут, США. Названа по имени мифического сибирского села в романе Георгия Дмитриевича Гребенщикова «Чураевы». Основана в 1923 — с даты приобретения русским эмигрантом Ильёй Львовичем Толстым участка земли у реки Помпераг (Pomperaug). В 1925 Г. Д. Гребенщиков купил землю в этом же районе и организовал поселок для русских писателей, артистов и ученых. В 1988 «Русская деревня» включена в Национальный реестр исторических мест США; см.: National Register of Historic Places. NRS Reference Number: 88002687. 1988. Dec. 8; Schipul R. Churaevka: a Russian Village in Southbury's Connecticut. Brookfield, Conn., 1967; Guest Speaker // The Bridgeport Post (Bridgeport, Conn.). 1968. № 239. Oct. 10. P. 18; Hornstein H. A Very Special Village // Yankee (Dublin, N. H.). 1970. June. P. 60–73, 121–123.

¹⁹ См.: Г. Д. и Т. Д. Гребенщиконы // Новое русское слово. 1942. 2 июля. № 10723. С. 4.

²⁰ Цит. по: [Электронный ресурс]. Гребенщиконы Г. Д. А жизнь непобедима... : из

Казалось бы, прославленный хормейстер ушел на покой, хотя время от времени он участвовал в общественной жизни: устраивал концерт в Нью-Бритене (Коннектикут)²¹, где работала Мария Сорока, выезжал с чужим хором на короткие гастроли²², вместе с жителями Чураевки собирал деньги в помощь воюющей России²³.

В сложившейся ситуации удивительной выглядит заметка, опубликованная в сан-францисской газете «Новая заря» (текст приводим полностью):

«Выступления ансамбля В. Ф. Кибальчича.

“Новой Заре“ (так! — М. Т., М. П.) сообщают, что бывший дирижер симфонического хора Америки В. Ф. Кибальчич выступает со своим новым ансамблем в популярной американской комедии “Доу герлз“ (так! — М. Т., М. П.).

Пробыв две недели на гастролях в Вашингтоне, В. Ф. Кибальчич в настоящее время со своим ансамблем выступает в Лос-Анжелосе (так! — М. Т., М. П.).

Как нам сообщают, в половине июля В. Ф. Кибальчич со своим ансамблем приезжает в Сан-Франциско для выступления здесь на гастролях в течение 8 недель в той же популярной комедии “Доу герлз“²⁴.

Заметка примечательна с нескольких точек зрения. Что такое «новый ансамбль Кибальчича»? Что за длительные гастроли в Вашингтоне, Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, если его Симфонический

цикла очерков «Гонец». URL: http://az.lib.ru/g/grebenshikow_g_d/text_1928_41_gonetz.shtml (дата обращения: 12.12.2021).

²¹ См.: В. Ф. Кибальчич // Новое русское слово. 1942. 25 нояб. № 10869. С. 3.

²² См.: Там же.

²³ Ср.: «Многоуважаемый г. Редактор! Рошэн Вор Релиф в Бриджпорте, Конн<ектиткут>, получил пожертвования от жителей “русской деревни”, Чураевки, Сотбюри, Конн<ектиткут>. Пожертвовали по 1 дол<лару> следующие лица: В. Кибальчич, Н. Вирен, А. Шимченко, Н. Карая, Шупинский, Л. Герман, Т. Васильева, М. Сорока, В. Греценко, Г. Гребенщиков, Н. Скарета, А. Матеек, В. Остоя и М. Томсон. Итого получено 14 дол<ларов> на медицинскую помощь России. Комитет приносит благодарность жертводателям. Рошэн Вор Релиф, Бриджпорт, Конн<ектиткут>. <...>» (Помощь России // Там же. 29 сент. № 10812. С. 4). Russian War Relief (англ.; здесь в транслитерации Рошэн Вор Релиф) — Общество помощи России в войне, благотворительная организация США во время Второй мировой войны.

²⁴ Выступления ансамбля В. Ф. Кибальчича // Новая заря. 1943. 1 июля. № 3658. С. 4.

хор давно распался? Какая такая комедия «Доу герлз», в которой выступает 60-летний дирижер духовной и классической музыки?

Для ответов на эти вопросы необходимо сделать некоторые отступления. Во-первых, надо разобраться, что означает «Доу герлз» в газетной статье. Настоящее название пьесы «Дoughгёрлз», в оригинале «The Doughgirls», имеет интересное происхождение. Оно звучит как зеркальное отражение известного термина «doughboys» в женском роде. На самом деле история возникновения термина сложнее.

Словом «doughboy» («дoughбой») называли клецки²⁵ еще с середины XVIII в.²⁶ Этим же словом «doughboys» прозвали американских пехотинцев в 1860-х во время Гражданской войны в Америке²⁷ из-за характерной формы их круглых мохнатых пуговиц и помпонов на шляпах²⁸, что по-русски звучало бы как насмешливое «клецки»²⁹. Это прозвище сохранилось за американскими солдатами-пехотинцами и Первой, и Второй мировых войн.

Термин «doughgirls» возник значительно позже, в Первую мировую войну, и имеет нетривиальную историю. В апреле 1917 влиятельная американская организация — Армия спасения США³⁰ — послала в Европу женщин для помощи солдатам, воюющим во Франции. Группа американских девушек, отправленных в тыл своих войск,

²⁵ Слово «клецки» можно перевести на английский также «dumplings».

²⁶ См., например: Plantation news // The Derby Mercury (Derby, England). 1753. June 15–22. № 13. P. 3.

²⁷ См.: Local and Miscellaneous War News // The Brooklyn Daily Eagle (Brooklyn, N. Y.). 1861. Sept. 5. № 210. P. 2; Our New-Orleans Correspondence // The New York Times. 1864. Sept. 9. № 4044. P. 1.

²⁸ Авторы благодарны профессору Терри Эмансу (Terence Emmons) за помощь в толковании термина.

²⁹ См.: [Электронный ресурс]. Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator. URL: <https://www.lexico.com/definition/doughboy> (дата обращения: 12.12.2021).

³⁰ Армия спасения (*англ.* The Salvation Army) — международная благотворительная организация. Основана как христианская миссия в 1865 в Англии методистским проповедником Уильямом Бутом и его супругой Екатериной, в 1878 реорганизована и названа Армией спасения. В настоящее время охватывает более 130 стран, штаб-квартира находится в Лондоне. В Российской империи и советской России Армия спасения работала с 1913 по 1923, в современной России — с 1991.

сумела организовать производство популярных в Америке донатсов (doughnuts) — пышек, напоминавших о доме и ставших любимым лакомством для всегда голодных солдат³¹. Девушки, делавшие эти пышки, получили ласковое прозвище «донат гёрлз» (doughnut girls) (рис. 5). Согласно американской привычке сокращать длинные слова, это название быстро превратилось в «доугёрлз» (doughgirls) — имя, созвучное прозвищу солдат-пехотинцев «дубойз».

Таким образом, название пьесы из двух слов, приведенное в заметке газеты «Новая заря», «Доу герлз», по-английски выглядит как одно слово «doughgirls», т. е. «девушки в тылу, помогающие своим воюющим солдатам». Иными словами, на первый взгляд ничего комедийного в названии нет. Однако в дальнейшем становится понятным, что в таком названии пьесы заключен сарказм.

О каком «своем ансамбле» идет речь в заметке? Автор «Новой зари» ошибся. По-видимому, здесь сыграла роль инерция мышления журналиста, не представлявшего себе знаменитого В. Ф. Кибальчича без соответствующего ему хора. Узнав о приезде Кибальчича с «ансамблем», автор исказил смысл и в своем тексте по традиции представил себе Кибальчича как руководителя, хотя «ансамбль» оказался театральной труппой, в которую тот входил рядовым участником.

Афиша спектакля в Вашингтоне, где до Лос-Анджелеса выступал Кибальчич, вносит ясность в этот вопрос (рис. 6): в ней действующие лица расставлены в порядке их появления на сцене. Кибальчич, играющий роль православного священника — отца Николая, указан на самой нижней строке, он появляется в пьесе в конце последнего, третьего акта. При такой расстановке актеров Кибальчич играет второстепенную роль в американской комедии, а не руководит театральной труппой.

Причины согласия Кибальчича на такую незначительную роль в спектакле мы находим в его проявившейся ранее национально-патриотической позиции по отношению к Второй мировой (Отече-

³¹ Hot Doughnuts Waken Thoughts of Home in American Soldier Boy // Miami Daily Record-Herald (Miami, Okla.). 1918. July 18. № 50. P. 5; Thrills at Front Come from Unexpected Places: Aviator Makes Dangerous Trip for a Taste of Real Doughnuts // Seymour Daily Republican (Seymour, Ind.). 1918. July 19. № 178. P. 6.

ственной) войне в России. Примером может служить его поведение в 1942 г., зафиксированное газетой «Новое русское слово».

Так, 7 февраля 1942 г. было объявлено об организации в мае 1942 г. благотворительного Духовного концерта соединенных хоров Нью-Йорка и окрестностей, с приглашением А. Т. Гречанинова и В. Ф. Кибальчича дирижировать³². Весь сбор от концерта планировался в пользу устройства в том году Всеамериканского Церковного Собора. На предварительном собрании регентов по выработке музыкальной программы этого Духовного концерта Кибальчич предложил передать половину или часть прибыли от концерта на медицинскую помощь России или детям, но не встретил поддержки. В связи с этим он поместил в газете открытое письмо, в котором отказывался от почетного участия в концерте, «полагая, что всем нам русским (и, конечно, прежде всего духовенству) в эти тяжелые времена необходимо по возможности помогать нашей Родине, борющейся за свободу от тевтонского порабощения»³³.

Оргкомитет концерта поместил в газете ответ, где по формальному признаку отверг предложение Кибальчича и перенес рассмотрение вопроса на следующее заседание финансовой комиссии 4 марта, а в конце концов отказал³⁴.

Интересно, что использованный Кибальчичем термин русской пропаганды «тевтонское порабощение» (как и «тевтонская орда») возник еще в период Первой мировой войны по отношению к немецким войскам и не использовался в период Отечественной войны, за ходом которой он следил. Первую мировую войну Кибальчич, служа в церкви в Швейцарии, хорошо помнил, так как она с 1914 отрезала его от России, а последующая Революция отправила его в изгнание. Не менее примечательно, что Кибальчич, 30 лет не живший в России ни в царской, ни в советской, к тому же давно ставший американским гражданином, призывает «русских и прежде всего духовенство» помогать «нашей Родине», воспринимая ее, по-видимому, как базовую

³² См.: 3 мая 1942 г. Духовный концерт соединенных хоров г. Нью-Йорка и окрестностей // Новое русское слово. 1942. 7 февр. № 10581. С. 3.

³³ В. Ф. Кибальчич не участвует в концерте // Там же. 12 февр. № 10586. С. 4 (в рубрике «Письма в редакцию»).

³⁴ См.: Дзяма М., прот. По поводу письма В. Ф. Кибальчича // Там же. 20 февр. № 10593. С. 4 (в рубрике «Письма в редакцию»).

ценность, инвариантную к существующей там власти и времени, когда он сам и русские эмигранты ее покинули.

3 мая 1942 Духовный концерт прошел с большим успехом³⁵. Кибальчич выполнил свое опубликованное обязательство и в концерте не участвовал, в отличие от своего друга Гречанинова, который соглашался участвовать безо всяких условий. Однако Всеамериканский Церковный Собор, в пользу которого собирали средства, не состоялся, сессия Архиерейского Собора отложила его созыв до окончания Второй мировой войны³⁶. О том, куда ушли деньги, собранные на несостоявшийся собор, газета не пояснила. В каком-то смысле, Кибальчич мог быть морально утешен — оргкомитет пожалничал дать денег на благое дело, и у него намеченный план сорвался. Видать, на то была Божья воля.

Описанный эпизод показывает, что Кибальчич оказался способен на жертвы ради своих патриотических убеждений. Можно быть уверенным, зная его самолюбие, что участие в престижном концерте, где он мог выступить вровень со знаменитым Гречаниновым, многое значило для него. Однако Кибальчич гордо отказался ради благородной цели.

Ситуация повторилась, когда впоследствии, в 1943, играя маленькую роль в пьесе «The Doughgirls», Кибальчич снова жертвовал своим мастерством и многолетней репутацией выдающегося хорового дирижёра, достигнутой в США, ради поддержки комедийного спектакля.

Для этого надо понять содержание и особенности пьесы³⁷.

Автор комедии Джозеф Филдс³⁸ посетил Вашингтон летом 1942, удивился суматохе и неурядицам в городе, при которых ему не уда-

³⁵ См.: *Кн. И.* Большой успех Духовного концерта // Там же. 5 мая. № 10667. С. 3.

³⁶ См.: Собор Епископов. Созыв Церковного Собора отложен // Там же. 23 июня. № 10714. С. 3.

³⁷ См.: *Fields J.* The Doughgirls: a Comedy in Three Acts // The Best Plays of 1942–43: and the Year Book of the Drama in America / ed. by B. Mantle. N. Y.: Dodd, Mead and Co, 1966. P. 268–299.

³⁸ Филдс Джозеф (Fields, Joseph; 1895–1966) — американский драматург, театральный режиссер, сценарист и кинопродюсер. Во время Первой мировой войны воевал в составе Американского экспедиционного корпуса (American Expeditionary Force). До 1922 в Париже. Дебютировал на Бродвее в 1938 с пьесой «Школа на участке» («Schoolhouse on the Lot»), написанной совместно с Джеромом Ходоровым (Chodorov, Jerome; 1911–2004), своим неоднократным соавтором.

лось получить номер в гостинице, что для США невероятно, и решил написать на эту тему комедию-фарс, высмеивающий ситуацию в столице. Оригинальной находкой Филдса было введение в число действующих лиц неожиданного персонажа — гостящей в Вашингтоне советской девушки-снайпера Наталии — героини, уничтожившей более 300 фашистов. Следует заметить, что Второй фронт еще не был открыт и война в Европе еще не стала для Америки актуальной, а русские, в особенности воюющие женщины, были для американцев экзотикой.

Пьеса решена в виде «комедии положений», где зритель смеется не только произнесенным шуткам, но в основном нелепости ситуации и глупости поведения действующих лиц. Сюжет строится вокруг трех американских девиц, которые из-за перегруженности гостиниц в Вашингтоне к своему ужасу оказываются поселены в один номер, где, к тому же, все время пытается переночевать чужой постоялец, где старается наводить порядок русская девушка-снайпер, которая норовит по любому радостному случаю выстрелить из винтовки с оптическим прицелом прямо в номере гостиницы и командует персоналом, как ротой, где в номер приходит начальник жениха одной из героинь, чтобы волочиться за ней, где появляется жена, не дающая развода другому жениху, и прочее. Все происходит в рамках одной мизансцены — гостиничный номер-люкс с дверями, которые громко хлопают, впуская и выпуская многочисленных персонажей, появляющихся не вовремя. Газеты указывали, что это скорее фарс, а не комедия по тому, как непрерывно персонажи хлопают дверями³⁹. Рецензенты отмечали, что темп смены глупых ситуаций и смешных реплик таков, что зрителям за весь спектакль не успевают прийти ни одна серьезная мысль — все только хохочут.

Комедия высмеивала бестолковость и аморальность начальников, нерасторопность правительства и растерянность обывателей в период войны, противопоставляя им прагматичную русскую героиню, которая пренебрегает условностями и ведет себя, как добрый слон в посудной лавке, правда, в соответствии со стандартными заблуждениями американцев о русских обычаях — мать в деревне

³⁹ См.: The Courier-Journal (Louisville, Ky). 1943. Nov. 30. № 153. Sect. 1. P. 11.

(все русские вышли из глухомани), морозы (ужас), любовь к Сталину (новый царь), коллективизм (жертва коммунизма), бесшабашность (русские иррациональны), характерный акцент (очень смешно), отчаянная самоотверженность (любят повоевать), битье посуды на торжество (дикие ритуалы) и т. п.

Каждое американское представление нуждается в «счастливом конце» («happy end»). Он наступает — русская девушка с ружьем разыскала русского священника, который срочно венчает одновременно три пары американцев, а те ради скорости соглашаются быть обвенчанными по русскому обряду. Именно эта короткая роль русского священника — отца Николая — в финале спектакля отводилась Кибальчичу: роль требовала умения говорить по-русски и знания венчального песнопения.

Появление русской героини в пьесе не случайно. Действительно, 2–5 сентября 1942 в Вашингтоне состоялась Международная студенческая ассамблея⁴⁰, на которую прибыла делегация от СССР из трех человек — руководитель делегации выпускник Московского института истории, философии, литературы, секретарь Московского городского комитета ВЛКСМ Николай Прокофьевич Красавченко⁴¹,

⁴⁰ International Student Assembly (англ.) — Международная студенческая ассамблея. В советской печати ее называли также «Международный съезд студентов». В Ассамблее участвовали «365 студентов, представляющих 53 страны, в том числе США, Советский Союз, Англию, Китай и другие страны, а также делегаты, представляющие группы немецкой и итальянской антифашистской молодежи. <...> На первом заседании съезда был избран президиум — по одному представителю от каждой делегации. От советской делегации в состав президиума вошел т. Красавченко» (Международный съезд студентов в Вашингтоне: выступление совет. делегата // Известия. 1942. 5 сент. № 209. С. 4); см. также: *Лавренев Б.* Людмила Павличенко // Там же; Пребывание в Вашингтоне советских делегатов на Международный съезд студентов (так! — М. Т., М. П.) // Правда. 1942. 31 авг. № 243. С. 4; Международный съезд студентов в Вашингтоне: выступление совет. делегата // Там же. 5 сент. № 248. С. 4; *Демидов К.* Борьба против фашизма — борьба за молодость // Там же. 6 сент. № 249. С. 4; Международный съезд студентов // Там же. 8 сент. № 251. С. 4; Declaration of the International Student Assembly in Washington, D. C., U.S.A., September 2–5, 1942 // The International Law of Youth Rights: Source Documents and Commentary / ed. by W. D. Angel. Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff Publishers, 1995. P. 121–122.

⁴¹ Красавченко Николай Прокофьевич (1916–1993) — советский комсомольский работник, историк. Окончил Московский институт истории, философии, литературы

студент Ленинградского горного института, снайпер Владимир Николаевич Пчелинцев⁴² и студентка Киевского государственного университета, снайпер Людмила Михайловна Павличенко⁴³.

Советский Союз придавал большое значение посылке делегации в США, потому что положение на фронте летом 1942 было критическим — германские войска приближались к Волге. Открытие Второго фронта имело стратегическое значение. Делегацию отправили с целью убеждать американское общество в необходимости увеличения помощи Красной Армии со стороны антигитлеровской коалиции.

Подготовку делегации к поездке провели очень быстро — менее чем за двое суток Николаю Красавченко, Владимиру Пчелинцеву и Людмиле Павличенко оформили заграничные паспорта, выдали на-

(1939). Секретарь Московского городского комитета ВЛКСМ (1940–1943), 1-й секретарь Московского областного и городского комитетов ВЛКСМ (1943–1949), член бюро ЦК ВЛКСМ (1944–1949), член Московского областного и городского комитетов ВКП(б) (1945–1949). Депутат Верховного Совета РСФСР (1947–1951). Кандидат исторических наук (1954), профессор (1976). Первый ректор Калмыцкого государственного университета (1970–1976), ректор Московского государственного историко-архивного института (1976–1986). В 1987–1988 профессор-консультант на кафедре истории СССР МГИАИ. См.: *Минаев В. В.* Вспоминая Красавченко // Новый исторический вестник. 2007. № 1. С. 167–182; [Электронный ресурс]. Человек эпохи: Красавченко Николай Прокофьевич (1916–1993) — организатор партизан. движения. URL: <https://www.kalmgu.ru/75let/chelovek-epohi/> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴² Пчелинцев Владимир Николаевич (1919–1997) — снайпер 5-го истребительного батальона 11-й стрелковой бригады (8-й армия, Ленинградский фронт). Герой Советского Союза (Указ от 6 февр. 1942). В 1938–1941 студент Ленинградского горного института. Окончил снайперскую школу Осоавиахима (1939), Военную академию войск связи имени С. М. Будённого (1952). Мастер спорта СССР (1940, стрелковый спорт). Полковник (1959). В 1968–1975 начальник Службы радиоэлектронной борьбы Главного штаба войск ПВО. Председатель Центрального совета Всесоюзного клуба «Снайпер». См.: [Электронный ресурс]. Герои страны. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2008 (дата обращения: 12.12.2021).

⁴³ Павличенко (Белова) Людмила Михайловна (1916–1974) — снайпер 25-я стрелковой имени В. И. Чапаева дивизии. Герой Советского Союза (Указ от 25 окт. 1943). Окончила снайперскую школу Осоавиахима (1939), Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (1945). Майор (1951). Старший научный сотрудник Главного штаба ВМФ СССР. С 1956 работала в общественной организации «Советский комитет ветеранов войны». Член Союза журналистов СССР (1964). См.: [Электронный ресурс]. Герои страны. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=261 (дата обращения: 12.12.2021).

личные деньги и лучшую одежду, имевшуюся на тот момент в СССР. Для Павличенко и Пчелинцева специально подобрали военную форму из «генеральского обмундирования». В дорогу делегаты получили чемодан, заботливо приготовленный в ЦК ВЛКСМ, со съестными припасами и представительскими подарками в виде алкогольных напитков⁴⁴.

14 августа 1942 в 6 часов 55 минут утра на аэродроме Внуково начался длинный путь в Вашингтон, куда делегация прибыла только 27⁴⁵ августа. Перелет в США, в г. Майами, занял 11 дней — с остановками для ночевки и дозаправок самолета в городах и на военных базах. Маршрут прошел через Куйбышев, Астрахань, Тегеран, Басру, Каир, Хартум, Эль-Фашер, Эль-Дженау, Кано, Аккру, Фишлейк, Натал, Белен, остров Тринидад (посадка на воду), Пуэрто-Рико. От Майами до Вашингтона делегация ехала поездом⁴⁶.

Почетные гости, в знак высокого уважения, были приняты Президентом Рузвельтом и его супругой в Белом Доме и провели там целые сутки. Фотографии Людмилы Павличенко, Николая Красавченко и Владимира Пчелинцева обошли многие американские газеты⁴⁷. Портрет Людмилы Павличенко опубликовали на обложке американского журнала «Soviet Russia Today» («Советская Россия сегодня»)⁴⁸,

⁴⁴ См.: Пчелинцев В. Н. Особая миссия. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 20–21.

⁴⁵ См.: Там же. С. 21; Павличенко Л. М. Я — снайпер: в боях за Севастополь и Одессу. М.: Вече, 2015. С. 263.

⁴⁶ См.: Пчелинцев В. Н. Особая миссия. С. 21–43; Павличенко Л. М. Я — снайпер... С. 262.

⁴⁷ См., например: Girl Guerrilla, Who Killed 309 Nazis, in U. S.: Three Russians Youths are Guests of President at White House // Binghamton Press (Binghamton, N. Y.). 1942. Aug. 27. Vol. 64. № 117. P. 1; Famous Russian Girl Sniper Arrives to Visit Roosevelt // St. Louis Star-Times (St. Louis, Mo.). 1942. Aug. 27. № 280. P. 2; Roosevelt Hosts to Russian Lass Who Shot 309 Nazis // Intelligencer Journal (Lancaster, Pa.). 1942. Aug. 28. № 301. P. 1; Lady Killer // Daily News (N. Y.). 1942. Aug. 28. № 55. P. 28; Red Army Girl Who Shot 309 Nazis Reaches U. S. for Student Convention // St. Louis Post-Dispatch (St. Louis, Mo.). 1942. Aug. 27. Vol. 94. № 356. P. 1; Girl Sniper, 26, Thinks Nothing of Killing Nazis // The Pittsburgh Press (Pittsburgh, Pa.). 1942. Aug. 27. Vol. 59. № 61. P. 1, 14; Три советских героя у Рузвельта // Новое русское слово. 1942. 29 авг. № 10781. С. 3; также: Пчелинцев В. Н. Особая миссия. С. 46–52; Павличенко Л. М. Я — снайпер... С. 267.

⁴⁸ См.: Lieutenant Liudmila Pavlichenko to the American People // Soviet Russia Today (N. Y.). 1942. Vol. 11. № 6 (Oct.). Cover title, P. 8–11, 33.

фото Владимира Пчелинцева — на обложке канадского журнала «New Advance» («Новый прогресс») ⁴⁹.

За время пребывания в США с 24 августа по 1 ноября 1942 студенты из СССР посетили 43 города ⁵⁰, научились позировать фотографам, уверенно держаться, выступая перед американскими слушателями и не смущаться, собирая пожертвования в фонд помощи воюющему Советскому Союзу ⁵¹. Павличенко, Красавченко и Пчелинцев выступали на встречах, собраниях, митингах, пресс-конференциях и по радио. По словам Владимира Пчелинцева, члены делегации приняли участие в 67 массовых митингах, на каждом из которых присутствовало не менее 2 тыс. человек, собрали и передали в советское посольство восемьсот тысяч долларов пожертвований ⁵².

Организатор Международной студенческой ассамблеи предложил делегатам турне по городам США 24 сентября — 15 октября, создав две группы — Восточную и Западную. В Восточную группу, которая отправилась в поездку по штатам Атлантического побережья, вошли Николай Красавченко и Владимир Пчелинцев. Людмила Павличенко вместе Западной группой побывала в Чикаго, Миннеаполисе, Денвере и на Западном побережье — в Сиэтле, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе (и в Голливуде). В поездке ее часто сопровож-

⁴⁹ См.: Soviet Hero and Canadian Friend // New Advance: Canada's National Youth Magazine (Toronto). 1942. Oct. Воспроизведено: Пчелинцев В. Н. Особая миссия. Ил.

⁵⁰ 21 сент. 1942, на один день, Павличенко, Красавченко и Пчелинцев уезжали в Канаду, в Торонто; см.: Там же. С. 97–104; Делегация советских студентов в Канаде // Правда. 1942. 25 сент. № 268. С. 4.

⁵¹ Выступать перед советской аудиторией делегаты, конечно, уже умели. Например, Людмила Павличенко в качестве снайпера впервые выступала 16 апр. 1942 на слете снайперов частей гарнизона: «Перед выступлением несколько волновалась. На фронте редко приходилось держать речи. <...> приходилось молчать, находясь в засаде, по суткам, а то и больше. Стрелки шутили между собой: “За время войны и разговаривать разучишься”». <...> Длинных речей мы не произносили. Говорили коротко. <...> Стрелки брали на себя обязательства. Дала слово перед товарищами и я — довести свой личный счет до 300» (Павличенко Л. М. Героическая быль: оборона Севастополя 1941–1942 гг. М.: Госполитиздат, 1958. С. 42–43).

⁵² Данные о количестве собранных средств в фонд помощи Советскому Союзу расходятся в воспоминаниях Л. М. Павличенко и В. Н. Пчелинцева: Павличенко называет цифру «примерно восемьсот тысяч долларов», Пчелинцев — «несколько миллионов долларов» (Там же. С. 271; Пчелинцев В. Н. Особая миссия. С. 133).

ждала госпожа Рузвельт, присутствие которой определяло высокий уровень встреч с американцами⁵³. Газеты внимательно следили за передвижениями обеих групп⁵⁴.

Из огромного множества публикаций следует обратить внимание на заметку в студенческой газете Барнардского женского колледжа⁵⁵ «Barnard Bulletin»⁵⁶ и, главное, — на ее автора. На первой странице газеты помещено большое интервью руководителя делегации Николая Красавченко об участии молодежи в обороне Москвы и военных действиях. Автор интервью — Вовшина Флора⁵⁷, русская по происхождению, активистка студенческого движения США, участница Международной студенческой ассамблеи, секретарь Славянского студенческого комитета. Судя по всему, она в качестве переводчицы сопровождала Николая Красавченко и Владимира Пчелинцева

⁵³ См.: Павличенко Л. М. Я — снайпер... С. 294; Пчелинцев В. Н. Особая миссия. С. 107–120.

⁵⁴ См., например: Hero Here for Bonds Drive Prefer War to Lecture Work // Rochester Democrat and Chronicle (Rochester, N. Y.). 1942. Sept. 30. P. 13 (без указ. номера); Tech Hears Talks by War Heroes // Pittsburgh Sun-Telegraph (Pittsburgh, Pa.). 1942. Oct. 6. № 66. P. 6; Беседа с Людмилой Павличенко // Новое русское слово. 1942. 1 окт. № 10814. С. 1; Привет героям Советского Союза // За победу: бюллетень Русско-американского общества (Сан-Франциско). 1942. Сент.–окт. № 6. С. 1; Проводы советских героев: русский Нью-Йорк дал 40,000 долларов на помощь России // Новое русское слово. 1942. 20 окт. № 10833. С. 1, 3.

⁵⁵ Барнардский колледж (англ. Barnard College) — частный женский гуманитарный колледж в Нью-Йорке. Основан в 1889. С 1900 в составе Колумбийского университета. Входит в ассоциацию семи старейших и наиболее престижных женских колледжей на восточном побережье США.

⁵⁶ См.: Wovschin F, don. Soviet Student Leader Describes His Country's War against Nazism // Barnard Bulletin. 1942. Oct. 1. Vol. 47. № 2. P. 1–2.

⁵⁷ Вовшина Флора Владимировна (англ. Wovschin, Flora; 1923, Нью-Йорк — ?) — активистка студенческого движения США. Студентка исторического факультета Университета Висконсин-Мэдисон (Мэдисон, штат Висконсин) (1939), Барнардского колледжа Колумбийского университета (1940). С 1939 член исполкома Американского студенческого союза (International Student Service, USA). Дважды, в 1933 и 1935, посещала СССР. Летом 1941 организовала в своем колледже клуб, привлекавший студентов к работе по сбору средств в фонд помощи СССР и дружественному изучению Советского Союза. В 1942 участвовала в работе Международной студенческой ассамблеи, секретарь Славянского студенческого комитета. См.: О приеме в гражданство СССР Вовшиной Флоры Владимировны // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 59. Д. 23. Л. 1.

во время их турне по восточным штатам США⁵⁸. На следующий год Флора обратилась в Генеральное консульство СССР в Нью-Йорке с просьбой о получении советского гражданства и в 1944 стала гражданкой СССР⁵⁹.

После войны имя Флоры Вовшиной, согласно американским источникам, появилось в списке разоблаченных советских агентов. Считается, что Флора Вовшина в 1943–1945, будучи сотрудницей Управления военной информации США, активно сотрудничала с советской разведкой под псевдонимом Зора. Вовшина числится одной из наиболее деятельных советских агентов, работавших в Управлении военной информации⁶⁰. Ей удалось привлечь к сотрудничеству своих коллег по колледжу. Псевдоним Зора часто встречается в донесениях советской разведки, расшифрованных американскими спецслужбами в ходе секретной операции «Венона»⁶¹. Отец, мать и отчим Флоры Вовшиной также подозревались как советские агенты⁶².

⁵⁸ Н. П. Красавченко рассказывал своей семье о Флоре как о переводчице.

⁵⁹ В янв. 1943 через Генеральное консульство СССР в Нью-Йорке Флора возбудила ходатайство о приеме в советское гражданство и выезде в СССР на постоянное жительство. Генконсульство дало о ней положительный отзыв, отметив ее полезную деятельность и сделав вывод, «что отказ в совгражданстве губительно подействует на не по летам образованную и преданную прогрессивному движению девушку» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 59. Д. 23. Л. 1). Гражданство получила — дело рассмотрено 21 авг. 1944.

⁶⁰ Управление военной информации США (англ. United States Office of War Information, OWI) — агентство Правительства США, действовавшее с июня 1942 по сент. 1945.

⁶¹ «Венона» (англ. Project Venona) — секретная операция контрразведки США по расшифровке советских донесений (февр. 1943 — окт. 1980).

⁶² Вовшин Владимир (Вульф) (1882, Гомель — 1938, Нью-Йорк) — отец Вовшиной Флоры, врач. Эмигрировал в США в 1905. Окончил медицинский факультет Нью-Йоркского университета (1913). В 1919 направлен благотворительной организацией «Джойнт» в длительную поездку по РСФСР в составе делегации (Joint Distribution Commission) с заданием контролировать распределение гуманитарной помощи и сделать обзор санитарного и эпидемиологического состояния в России. По возвращении подготовил доклад, публиковал в газетах статьи и фото о своей поездке. См. о нем: The New York Times. 1913. Nov. 13. № 20382. P. 9; New York Tribune. 1919. Aug. 23. № 26578. P. 16; The Jewish Monitor (Fort Worth; Dallas, Tex.). 1920. Sept. 24. Vol. X. № 1. P. 11; Los Angeles Record. 1921. Aug. 3. № 8258. P. 8; Honolulu Star-Bulletin (Honolulu, Hawaii). 1921. Aug. 6. № 9142. P. 1–2; Ibid. Aug. 8. № 9143. P. 3; Kenosha Evening News (Kenosha, Wis.). 1921. Aug. 19. № 250. P. 12; Новое русское слово. 1938. 17 апр. № 9204. С. 1.

В последнее время описание операции «Венона» появилось в открытой американской и российской печати⁶³. Дальнейшая судьба Флоры Вовшиной остается загадкой.

1 ноября делегация СССР вылетела из США в Канаду, в Монреаль; 3 ноября — в Великобританию для участия в Международном конгрессе молодежи в Лондоне 14–15 ноября. В Москву вернулись утром 5 января 1943.

Три участника Международной студенческой ассамблеи из далекой и непонятной страны СССР, противостоящей фашистской Германии, вызывали интерес американской публики, понимавшей, что их страна с декабря 1941 тоже находится в состоянии войны с Германией⁶⁴.

Однако Людмила Павличенко затмила своих коллег, ее популярность превзошла все ожидания. Молодая дама со шрамом на лице, на счету которой было более 300 убитых фашистов, носившая военную форму с орденом Ленина на груди и не пользовавшаяся косметикой,

Вовшина (Донская) Мария Семёновна — мать Вовшиной Флоры, журналистка, сестра Донского Марка Семёновича (1901–1981), советского кинорежиссера, народного артиста СССР. См.: *The Wisconsin State Journal*. 1943. № 123. Feb. 2. P. 6.; *Чухрай Г. Мое кино*. М.: Алгоритм, 2001. С. 93.

Вичер Энос Регнет (*англ.* Wicher, Enos Regnet; 1911–1993) — отчим Вовшиной Флоры, физик, профессор Колумбийского университета (1944), Висконсинского университета (1950). Чемпион по шахматам штата Висконсин (1939, 1940, 1951), штата Джорджия (1952), участник Открытого чемпионате США (1971). См.: [Электронный ресурс]. Tartajubow on Chess: Interesting Chess Stuff. The Venona Project, Espionage and a Chess Champion. URL: <http://tartajubow.blogspot.com/2017/11/the-venona-project-espionage-and-chess.html> (дата обращения: 12.12.2021). Владимир и Мария Вовшины и Энос Вичер были членами Коммунистической партии США.

⁶³ См.: [Электронный ресурс]. National Security Agency / Central Security Service. URL: https://www.nsa.gov/portals/75/documents/news-features/declassified-documents/venona/declass_materials/doc-14.pdf (дата обращения: 12.12.2021); *Lamphere R. J., Shachtman T. The FBI — KGB War: a Special Agent's Story*. Macon, Ga.: Mercer UP, 1995. P. 124; *Haynes J. E., Klehr H. Venona: Decoding Soviet Espionage in America*. New Haven and London: Yale UP, 2000. P. 199–201; *Лайнер Л. «Венона»: самая секретная операция американских спецслужб*. М.: ОЛМА-пресс, 2003. С. 151–155; *Venona Project Special Studies / arr. by J. E. Haynes*. Washington: Library of Congress, 2010. P. 29.

⁶⁴ См.: German Declaration of War with the United States: December 11, 1941 // Department of State Bulletin, December 13, 1941. Vol. V. № 129. Washington, DC: Government Printing Office, 1941. P. 481–482.

поразила американскую публику. Газеты называли Павличенко «леди-киллер», «киллер-дилер», «партизанской королевой»⁶⁵, отмечали ее улычивость, благотворительные организации преподносили ей подарки. Миллионер предлагал руку и сердце. Павличенко, агитируя за открытие Второго фронта, выступала перед американской аудиторией с лозунгом «Не кажется ли вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?..»⁶⁶, что производило мощный эффект.

Таким образом, Людмила Павличенко осенью 1942 стала общеамериканской знаменитостью.

К концу ее пребывания в США появилась заметка: «Старшему лейтенанту Людмиле Павличенко, советской девушке-снайперу, героине, может быть интересно узнать, что в настоящее время пишутся две пьесы, в которых она играет главную роль, не говоря уже о том, что количество сценариев к фильмам, в которых обыгрывается ее боевой рекорд снайпера, в пять раз больше»⁶⁷.

Ничуть не удивительно, что образ и поведение Людмилы Павличенко, резко отличавшиеся от стандарта жизни и привычек американок, не представлявших себе масштабов жестокости и ужасов войны за океаном, в Европе, был использован Филдсом для противопоставления героиням своей пьесы — трем молодым легкомысленным красавицам, ждущим из армии своих женихов, чтобы срочно обвенчаться.

С этой точки зрения само название пьесы «The Doughgirls» звучало саркастически, поскольку эти девушки и не собирались помогать своим будущим мужьям воевать — ни на фронте, ни в тылу, ни в составе Армии спасения, — только замуж, причем срочно, иначе

⁶⁵ См., например: Lady Killer // Daily News. 1942. Aug. 28. № 55. P. 28; Guerilla Queen Tells in Smiles How She Shot 309 // Ibid. P. 4; Girl Guerrilla, Who Killed 309 Nazis... // Binghamton Press. 1942. Aug. 27. Vol. 64. № 117. P. 1; Girl Sniper, 26, Thinks Nothing of Killing Nazis // The Pittsburgh Press. 1942. Aug. 27. Vol. 59. № 61. P. 1, 14.

⁶⁶ Ср.: «Джентльмены! Мне двадцать пять лет. На фронте я уже успела уничтожить триста девять фашистских солдат и офицеров. Не кажется ли вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?» (Павличенко Л. М. Я — снайпер... С. 296).

⁶⁷ См.: The Pittsburgh Press. 1942. Oct. 8. № 102. P. 13.

их направят на обязательно-добровольные работы в пользу армии и государства.

В результате получилась комедия, в которой центральную роль играет русская девушка-снайпер, прибывшая в Вашингтон из СССР, ни на минуту не расстающаяся с винтовкой с оптическим прицелом, решительно вмешивающаяся в суматошные дела трех легкомысленных девиц и, в конечном счете, находчиво решающая их проблемы.

Газеты США сходились во мнении, что прообразом девушки-снайпера в этой пьесе послужила реальная русская гостья из СССР — Людмила Павличенко⁶⁸.

Еще до официальной премьеры пьесы «The Doughgirls» 30 декабря 1942 на Бродвее в театре Лицеум (Lyceum) Кибальчич наверняка знал ее содержание, поскольку за месяц до этого участвовал в концерте⁶⁹ вместе с таким же, как и он сам, учеником Императорской Санкт-Петербургской консерватории — певцом Максимом Петровичем Пантелеевым⁷⁰, первым исполнителем роли отца Николая в Бродвейском театре (рис. 7)⁷¹.

Следует обратить внимание, что до появления пьесы на Бродвее ее показали зрителям Вашингтона (National Theatre, 7–14 декабря),

⁶⁸ См.: Dayton Daily News (Dayton, Ohio). 1943. Jan. 9. № 141. P. 9; Herald Daily Magazine (Miami, Fla.). 1943. Jan. 12. № 40. P. 11-A; Daily News. 1943. Jan. 30. № 188. P. 18; The Pittsburgh Press. 1943. Febr. 24. № 238. P. 11; The Nashville Tennessean (Nashville, Tenn.). 1943. Nov. 16. № 189. P. 2; The Evening Sun (Baltimore, Md.). 1944. Jan. 18. № 78. P. 10; Rochester Democrat and Chronicle. 1944. Febr. 7. P. 12 (без указ. номера).

⁶⁹ См.: В. Ф. Кибальчич // Новое русское слово. 1942. 25 нояб. № 10869. С. 3.

⁷⁰ Пантелеев Максим Петрович (1887–1958) — оперный певец (баритон). Дебютировал в театре Музыкальной драмы (1914). Выступал с концертами в Китае (Харбин) и Японии (Токио, Иокогама) в 1918–1920. В составе оперной труппы «Русская национальная опера» (с 1920) совершил турне по Филиппинам, Китаю, Японии, США, Мексике. В США с 1921. Создатель и руководитель труппы «Русская Гранд-опера» (The Russian Art Grand Opera Company), в которую входили 16 солистов, хор — 40 человек, оркестр — 55 музыкантов, балет — 24 человека. См.: ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 2998; Курков Н. В. Выступления Русской гранд-оперы М. П. Пантелеева в Америке: 1930-е гг.: (рус. XX век в культур.-ист. контексте) // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2012. № 2. С. 49–50; Le Matin (Lausanne). 1926. Jan. 30. Vol. 6. № 6. P. 4.

⁷¹ См.: М. П. Пантелеев // Новое русское слово. 1942. 6 дек. № 10880. С. 4; Kirkley D. «The Doughgirls» // The Sun (Baltimore, Md.). 1942. Dec. 15. № 25. P. 16; Daily News. 1942. Dec. 31. № 162. P. 97.

Балтимора (Ford Theatre, 15–20 декабря) и Филадельфии (Walnut Theatre, 21–27 декабря)⁷². Это была обычная практика, когда до постановки пьесы на главной бродвейской сцене пьеса ставилась на других площадках для проверки ее успеха у зрителей.

После премьеры «The Doughgirls» 30 декабря 1942 труппа продолжала выступать в театре Лицеум с неизменным успехом, который вызвал появление еще двух составов актеров: один состав играл в Чикаго и Бостоне, другой — гастроллирующий — был в мае–июне 1943 опробован в Вашингтоне⁷³ и отправлен на Западное побережье⁷⁴. Именно в эту гастроллирующую труппу был приглашен В. Ф. Кибальчич⁷⁵.

Выступая в спектакле «The Doughgirls», Кибальчич с 31 мая 1943 по 19 февраля 1944 проделал большой путь⁷⁶: Вашингтон⁷⁷, Лос-Анджелес⁷⁸, Сан-Франциско⁷⁹, Окленд⁸⁰, Лонг-Бич⁸¹, Фресно⁸², Сакра-

⁷² См.: Daily News. 1942. Dec. 5. № 140. P. 23M; The Sun. 1942. Dec. 5. № 17. P. 7; Новое русское слово. 1942. 6 дек. № 10880. С. 4; The Brooklyn Citizen (Brooklyn, N. Y.). 1942. Dec. 11. № 138. P. 10; The Philadelphia Inquirer. 1942. Dec. 13. № 166. P. ab9; The Sun. 1942. Dec. 15. № 25.

⁷³ См.: The Evening Sun (Hanover, Pa.). 1943. May 29. № 66. P. 4.

⁷⁴ Гастроллирующую труппу называли Pacific Road Company (англ. Тихоокеанская гастроллирующая компания) или West Coast Company (англ. Компания западного побережья). Впоследствии эта труппа объехала всю Америку, оба названия сохранились за ней и использовались журналистами.

⁷⁵ См., например: San Francisco Examiner. 1943. July 24. № 24. P. 6; Russ Choir Head «Doughgirls» Actor // Oakland Tribune (Oakland, Calif.). 1943. Sept. 15. № 77. P. 15; In «Doughgirls» // The Nashville Banner (Nashville, Tenn.). 1943. Nov. 9. № 183. P. 13; The Courier-Journal (Louisville, Ky). 1943. Nov. 30. № 153. Sect. 1. P. 11; The Indianapolis Star (Indianapolis, Ind.). 1943. Dec. 3. № 181. P. 10; The Hartford Daily Courant (Hartford, Conn.). 1944. Febr. 11. Vol. CVIII. P. 18 (без указ. номера).

⁷⁶ Последний раз в афише спектакля «The Doughgirls» Кибальчич упоминается 19 февр. 1944. См., например: Journal — Every Evening (Wilmington, Del.). 1944. Febr. 19. № 43. P. 11.

⁷⁷ Вашингтон (National Theater, 31 мая — 13 июня 1943).

⁷⁸ Лос-Анджелес (Biltmore Theater, 17 июня — 16 июля 1943).

⁷⁹ Сан-Франциско (Geary Theater, 19 июля — 18 сент. 1943).

⁸⁰ Окленд (Civil Auditorium, 20–21 сент. 1943).

⁸¹ Лонг-Бич (Municipal Auditorium, 27 сент. 1943).

⁸² Фресно (Memorial Auditorium, 29 сент. 1943).

менто⁸³, Спокан⁸⁴, Солт-Лейк-Сити⁸⁵, Форт-Уэрт⁸⁶, Филадельфия⁸⁷, Рочестер⁸⁸, Хартфорд⁸⁹, Уилмингтон⁹⁰. По словам самого Кибальчи-ча⁹¹, за время турне он участвовал в 400 спектаклях (рис. 8, 9). В это трудно поверить, однако во многих городах труппа давала по два спектакля в день.

Несмотря на загруженность, Кибальчич находил время, чтобы посетить симфонические концерты. В один из таких дней в Индианаполисе с ним произошла удивительная история, которая стала достоянием журналиста, написавшего об этом статью в местной газете: «...Кибальчич пришел послушать воскресную дневную программу Симфонического оркестра Индианаполиса. После концерта он отправился за кулисы, чтобы поздравить Фабиана Севицкого⁹². Русские поздравления всегда немного бурные. Эти же поздравления были подобны циклону. Доктор Севицкий сразу узнал в Кибальчиче человека, которого он не видел со времен своей учебы в Консерватории в России. Кибальчич в тот же момент узнал в докторе Севицком бывшего соученика. Чудеса!

Когда встречаются два русских, это обычно праздник. В тот вечер доктор и миссис Севицкие устраивали вечеринку в своей квартире.

⁸³ Сакраменто (High School Auditorium, 30 сент. 1943).

⁸⁴ Спокан (Fox Theater, 12 окт. 1943, два представления).

⁸⁵ Солт-Лейк-Сити (Capitol Theater, 15 окт. 1943, два представления).

⁸⁶ Форт-Уэрт (Majestic Theater, 28 окт. 1943).

⁸⁷ Филадельфия (Walnut Theater, 27 дек. — 5 февр. 1944).

⁸⁸ Рочестер (Auditorium, 7–8 февр. 1944, три представления).

⁸⁹ Хартфорд (Bushnell, 11–12 февр. 1944, четыре представления).

⁹⁰ Вилмингтон (Play House, 18–19 февр. 1944, три представления).

⁹¹ См.: В Чураевке // Новое русское слово. 1944. 2 июля. № 11755. С. 2.

⁹² Севицкий Фабиан (*англ.* Sevitzyk, Fabien; Кусевицкий Фавий Адольфович; 1893–1967) — русский и американский дирижер и контрабасист. Окончил Императорскую Санкт-Петербургскую консерваторию по классу контрабаса с малой серебряной медалью (1908). В США с 1923. Контрабасист Филадельфийского оркестра (1924), организовал в Филадельфии собственный камерный оркестр (1925). Руководитель и дирижер Симфонического оркестра Индианаполиса (1937–1955). Руководитель симфонического оркестра Университета Майами (1956–1965), преобразовал университетский оркестр в Филармонический оркестр Майами и руководил им (1965–1966). Племянник Кусевицкого Сергея Александровича (1874–1951), дирижера и композитора.

Кибальчич должен был прийти к ним и, конечно, пришел. Воздух был пропитан русскими дружескими словами и эмоциями. Обозреватель <газеты> тоже был на вечеринке и услышал следующую историю.

Доктор Севицкий учился в Консерватории в тогдашнем Санкт-Петербурге с 1905 по 1911 гг. Кибальчич примерно на десять лет старше молодого Фабиана и тоже был студентом. Он участвовал в революционном движении. Убедительный оратор, он привлекал других студентов к борьбе за свободу против царского режима. Происходили митинги с бесконечными (очень по-русски) дискуссиями. Молодой Фабиан иногда тоже присутствовал. Он был на митинге в тот день, когда революционеры начали шествие по улице, и когда нагрянула беда⁹³.

Студенты-музыканты и студенты университета⁹⁴ шли общим строем. Раздались крики, что приближаются царские отряды, хорошо вооруженные и настроенные сломить любое сопротивление. Кто-то предлагал студентам разойтись. Однако Кибальчич вскарабкался на фонарный столб и призывал студентов продолжать шествие. Солдаты стреляли. Кибальчич упал с фонарного столба. Студенты разбежались. Молодой Фабиан вернулся к серьезным музыкальным занятиям. Он сам видел, как Кибальчич падал. Больше Фабиан никогда не видел его в Консерватории. Он считал само собой разумеющимся, что студенческий лидер был убит.

Студенческий лидер, конечно, не был убит, а только ранен в ногу. В конце концов он покинул Россию, где для него, вероятно, было не слишком безопасно, и отправился в Париж через Швейцарию. Он был во Франции во время Первой мировой войны⁹⁵. Затем он,

⁹³ Речь идет об участии студентов в демонстрации 9 янв. 1905.

⁹⁴ «Студенты-музыканты и студенты университета» может означать, что в демонстрации участвовали ученики Консерватории разного возраста — младшие, гимназисты по возрасту, обучавшиеся в консерватории только музыке, и старшие, получившие в консерватории университетское образование.

⁹⁵ В. Ф. Кибальчич приехал в Женеву в авг. 1912. Во время Первой мировой войны служил в Женевской миссийской церкви, давая хоровые концерты в городах Швейцарии и Франции. В Париж прибыл в 1921 (после Праги и Белграда). См.: ЦГИА. Ф. 19. Оп. 115. Д. 816. Л. 2; *Толстой М. Н.* Русская хоровая школа за рубежом...; *Толстой М. Н., Петрова М. В.* Деятели русской культуры за рубежом и в эмиграции...

наконец, приехал в Соединенные Штаты, чтобы продолжить музыкальную карьеру. Лишь недавно он вышел на театральную сцену. По словам Кибальчича, когда эта война закончится, он хочет вернуться в Россию и снова преподавать, дирижировать и нести музыку как можно большему количеству людей. Он рассказывает о своих планах так же убедительно, как говорил со студентами почти четыре десятилетия назад о революции. Боже мой! Настоящая драма на вечеринке после концерта»⁹⁶.

Указанная статья в газете «The Indianapolis News» представляет несомненный интерес, несмотря на ироничный взгляд на манеры русских и искажение фактов биографии Кибальчича в Европе. В предыдущих публикациях авторов настоящей работы уже упоминалось, что в 1905 Кибальчич был ранен⁹⁷. Однако обстоятельства этого события были неизвестны до рассказа обозревателя американской газеты. Кроме того, упоминание Севицкого, что он после января 1905 не видел Кибальчича в Консерватории, совпадает с данными авторов: Кибальчич в журналах Консерватории отмечен как не посещающий занятия, а 31 января 1908 арестован и сослан⁹⁸. Конец газетной статьи, где говорится о планах Кибальчича возвратиться в Россию и нести музыку народу, лишний раз подтверждает мнение авторов, что Кибальчич в 1942–1943 был действительно активным русским патриотом.

География и расписание турне позволили объяснить одну из загадок биографии Кибальчича. Известно, что Вера Стравинская, жена композитора Игоря Стравинского, многие годы вела подробный дневник, и к нему историки относятся с доверием. 15 июля 1943,

⁹⁶ Information Plus by the Observer // The Indianapolis News (Indianapolis, Ind.). 1943. Dec. 13. № 23133. Pt. 2. P. 1. Перевод авторов статьи.

⁹⁷ Ср.: «Находился с 9 января <1905> <...> на пользовании от двух огнестрельных ран правой голени» в Мариинской больнице для бедных (ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 1883. Л. 10). См.: Толстой М. Н. Русская хоровая школа за рубежом... С. 362; Толстой М. Н., Петрова М. В. Деятели русской культуры за рубежом и в эмиграции ... С. 418.

⁹⁸ Арестован по Делу Совета старост в связи с обнаружением нелегальной литературы и переписки в помещении Совета старост и библиотеки Санкт-Петербургской консерватории. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 205. Д. 1894. Л. 1; Толстой М. Н., Петрова М. В. Деятели русской культуры за рубежом и в эмиграции... С. 418.

когда Стравинские жили в Лос-Анджелесе, в Голливуде, она сделала запись: «Ланч дома: Каль⁹⁹ и Кибальчич»¹⁰⁰. Ранее это вызывало недоумение: как Кибальчич, закончивший концертную деятельность и живший в тот период на противоположном берегу США, в Коннектикуте, мог оказаться в Голливуде летом 1943? Участие в турне с «The Doughgirls», проходившем в Лос-Анджелесе с 17 июня по 16 июля, позволяет объяснить эту встречу Кибальчича со Стравинскими, с которыми он не виделся более 20 лет.

Авторы исходят из того, что участие В. Ф. Кибальчича в пьесе «The Doughgirls» было результатом его патриотических настроений и желанием хоть в малой степени помочь союзникам понять воюющую Россию и ее героев. С точки зрения его последовательной па-

⁹⁹ По-видимому, в гостях был А. Ф. Каль (в английской литературе встречается написание Kahl, Kall, Kal). Каль Алексей Фёдорович (1878–1948) — музыковед, общественный деятель. С 1904 приват-доцент историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета по кафедре истории и теории искусств. Автор и сотрудник периодических изданий «Русская музыкальная газета» и «Театр и искусство». Летом 1917 выехал в Китай и Японию — в заграничном паспорте указано: «отправляется в Китай и Японию с научной целью». В Японии преподавал фортепиано в школе для девочек. С 1918 в Лос-Анджелесе, где основал Институт музыкального искусства, преподавал теорию и историю музыки, педагог по фортепиано. В 1933 и 1942–1943 включен в справочник «Who's Who in California» («Кто есть кто в Калифорнии»). См. о нем: Черкасова З. Деятельность Народной консерватории в Санкт-Петербурге — Петрограде // *Opera musicologica*. 2020. Т. 12. № 3. С. 111; [Электронный ресурс]. GENi: Алексей Фёдорович Каль. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9-%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D1%8C/6000000039762429848> (дата обращения: 12.12.2021); [Электронный ресурс]. Online Archive of California: Alexis Kall Papers, 1917–1940. [Архив А. Ф. Каля в Калифорнийском университете, Лос-Анджелес]. URL: http://www.oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/kt4m3nb915/entire_text/ (дата обращения: 12.12.2021); *Slim H. Colin*. 1) Stravinsky in the Americas: Transatlantic Tours and Domestic Excursions from Wartime Los Angeles (1925–1945). Oakland, Calif.: University of California Press, 2019. P. 45; 2) Unknown Words and Music, 1939–44, by Stravinsky for His Longtime Friend, Dr. Alexis Kall // *Words on Music: Essays in Honor of Andrew Porter on the Occasion of His 75th Birthday* / ed. by A. Porter, D. Rosen, B. Claire. Hillsdale, N. Y.: Pendragon Press, 2003. P. 300–319; Об оставлении при Университете А. Ф. Каля // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9591; Каль А. Ф. // Там же. Оп. 3. Д. 32623.

¹⁰⁰ Dearest Bubushkin: the Correspondence of Vera and Igor Stravinsky, 1921–1954: with Excerpts from Vera Stravinsky's Diaries, 1922–1971 / ed. by R. Craft. L.: Thames and Hudson, 1985. P. 128.

триотической позиции, проявившейся в ходе гастролей в Сан-Франциско, можно объяснить причину появления 27 августа 1943 в газете «Новая заря» открытого письма, снабженного газетным заголовком «Почему В. Ф. Кибальчич не хочет управлять хором в Скорбященском соборе...». Приведем основные фрагменты этого письма.

«Многоуважаемый г. Редактор!

Не откажите в любезности напечатать в издаваемой Вами газете «Новая Заря» (так! — *М. Т., М. П.*)) следующие строки:

При моем свидании с регентом В. С. Лукшой¹⁰¹ было решено организовать в день Ангела А. А. Архангельского (12 сентября на Александра Невского) торжественную литургию и мне было предложено продирижировать панихиду — сочинения Архангельского. К моему большому сожалению, я не могу принять участия в этой молитве, и вот по каким мотивам.

Покойного А. А. Архангельского я знал в течение более 20 лет (с 1904 до его смерти в Праге в 1925 году¹⁰² (так! — *М. Т., М. П.*)). Он был

¹⁰¹ Лукша Валериан Степанович (4 апр. 1885, Гродненская губ. — 16 сент. 1966, Марин-Сити, Калифорния) — регент и хормейстер. Ученик композитора А. А. Архангельского, хормейстер Лейб-гвардии Гренадерского полка. Регент Свято-Иверской церкви в Харбине. Прибыл в Сан-Франциско 3 июля 1939 из Кобе, Япония. С 1939 регент архиерейского хора кафедрального собора иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» в Сан-Франциско. В 1943–1944 редактор газеты «Русская жизнь» (Сан-Франциско). С 1954 регент храма Всех Святых, в Земле Российской Просиявших, Бурлингем (Burlingame), Калифорния. См. о нем: [Электронный ресурс]. National Archives and Records Administration. California, U.S. Arriving Passenger and Lists, 1882–1989. URL: // www.ancestry.com (дата обращения: 12.12.2021; из России доступ закрыт); Юбилейный сборник в память 50-летия прихода и освящения кафедрального собора Пресвятой Богородицы всех скорбящих радости 1927–1977 в гор<оде> Сан Франциско, Калифорния. Сан Франциско, 1978. С. 48; Франкьен И. Краткая история газеты «Русская жизнь» // Русская жизнь. 2011. 31 дек. № 14131. С. 2; Кто есть кто в истории русского Сан-Франциско: библиограф. слов. / сост. А. А. Хисамутдинов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. С. 51; Приезд В. С. Лукши в Сан-Франциско // Новое русское слово. 1939. 11 июля. № 9653. С. 3; [Электронный ресурс]. Русская Православная Церковь Заграницей. Регент архиерейского хора в Сан-Франциско В. В. Красовский: «Мы продолжаем борьбу за сохранение наших традиций». URL: https://www.synod.com/synod/documents/art_vladimirkrassovskyinterview.html (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁰² В. Ф. Кибальчич ошибается: он не виделся с А. А. Архангельским (1846–1924), с 1913. Они лишь обменивались письмами.

не только необыкновенно одаренным композитором и дирижером, но и на редкость искренним русским прогрессивным патриотом»¹⁰³.

После подробного описания патриотизма Архангельского и признания его заслуг в России, Кибальчич продолжает: «И вот, после вышеизложенного, как я могу принять участие в молитве по моему учителю и другие в храме, находящемся под так называемой “карловацкой юрисдикцией”, теперь возглавляемой митрополитом Анастасием? <...>

Теперь известно, что митрополит Анастасий определенно решил в “любимые объятия” Гитлера и, следовательно, является изменником Родины¹⁰⁴. Известно, что он теперь “возглавляет” не только остатки русской, но и Сербскую церковь. А сербские патриоты и искренние друзья России — епископы Николай, Досифей и др. — сидят в тюрьмах; патриарх Гавриил также под арестом. Таковы общие “факты”. Я уже не говорю о том, что карловацкое “объединение” в значительной степени способствовало разложению Русской зарубежной церкви. Результаты мы наблюдаем теперь и здесь, в свободной Америке.

Очень извиняюсь за беспокойство и прошу принять мое искреннее уважение.

Василий Кибальчич»¹⁰⁵.

Представляется, что такое письмо Кибальчича закономерно. Он был устойчивым приверженцем Московской Патриархии и служил в ее храмах в США или в храмах Автокефальной Православной Церкви в Америке¹⁰⁶.

¹⁰³ В. Ф. Кибальчич, во всем стремившийся следовать поведению и принципам А. А. Архангельского, видимо, тоже считал себя «русским прогрессивным патриотом», что поясняет его поведение при подготовке Духовного концерта 1942.

¹⁰⁴ См.: Митрополит Сергей отлучил от церкви иерархов-предателей // Новая заря. 1943. 8 июля. № 3663. С. 3. 2 июля 1943 в Москве Митрополит Сергей издал указ, которым отлучил от церкви иерархов, оставшихся на оккупированных территориях и перешедших на сторону врага, сотрудничающих с Гитлером. Не исключено, что В. Ф. Кибальчич знал об этой публикации, и это, учитывая его приверженность к РПЦ Московской юрисдикции, дало ему уверенность в своей позиции.

¹⁰⁵ Почему В. Ф. Кибальчич не хочет управлять хором в Скорбященском соборе... // Новая заря. 1943. 27 авг. № 3699. С. 5; Почему В. Ф. Кибальчич отказался дирижировать хором в соборе // Новое русское слово. 1943. 2 сент. № 11150. С. 3.

¹⁰⁶ До 1970 — Русская православная церковь в Северной Америке (англ. Russian Orthodox Greek Catholic Church of America), впоследствии — Православная церковь

Как и в случае отказа в 1942 в Нью-Йорке от участия в Духовном концерте, в Сан-Франциско в 1943 Кибальчич столкнулся с большой моральной проблемой. Отказ от торжественного чествования своего учителя и покровителя, А. А. Архангельского, и отказ от признания Карловацкой Церкви — это классический душевный конфликт: здесь сталкиваются личная дружба и политические убеждения. Кибальчич вышел из этого положения достойным образом. 12 сентября 1943 он все же руководил хором на торжественной панихиде, чествуя Александра Андреевича Архангельского, однако в другом храме — Николаевском соборе, принадлежащем Московской Патриархии.

«Новая заря» так описывает это событие: «В прошлое воскресенье в Николаевском соборе, подведомственном Московской Патриархии, была совершена торжественным служением литургия, после которой был совершен молебен св. кн. Александру Невскому, а затем панихида по всем воинам русской, американской и союзных армий, погибшим в настоящую войну, а также по покойным композиторам Александром: Драгомыжскому, Серову, Бородину, Скрябину, Архангельскому и Глазунову. <...>

На богослужении присутствовало около 500 человек. <...>

Затем началось служение панихиды. В управление хором вступил В. Ф. Кибальчич. Пение хора сразу же преобразилось, создалось впечатление, как будто начал петь другой хор или, вернее, капелла, невольно почувствовалась опытная рука большого художника-регента. Панихидные песнопения в отделке В. Ф. Кибальчича невольно до слез трогали сердца молящихся. Такого красивого исполнения панихидных песнопений вряд ли когда слышал Сан-Франциско. И в этом нужно отдать должное таланту В. Ф. Кибальчича. В организации

в Америке (англ. — Orthodox Church in America, ОСА). См., например: Хор Кибальчича в Храме Христа Спасителя // Новое русское слово. 1928. 8 марта. № 5520. С. 3; Там же. 9 марта. № 5521. С. 3; В. Ф. Кибальчич в Храме Христа Спасителя // Там же. 13 марта. № 5525. С. 4; Там же. 31 марта. № 5543. С. 4; Там же. 7 апр. № 5550. С. 2; Там же. 1930. 30 окт. № 6486. С. 3; Симфонический хор В. Ф. Кибальчича в Храме Христа Спасителя // Там же. 1937. 2 янв. № 8735. С. 3; Акимов. Симфонический хор В. Ф. Кибальчича в Храме Христа Спасителя // Там же. 5 янв. № 8738. С. 3; Там же. 1944. 1 апр. № 11362. С. 3; Там же. 9 апр. № 11670. С. 4; Праздник Соборного Храма Христа Спасителя // Там же. 1965. 2 февр. № 18957. С. 4.

пополненного церковного хора для этой панихиды много помогал и содействовал В. Ф. Кибальчичу молодой регент Сергей П. Котляров.

На панихиде присутствовала большая группа американских артистов из труппы, в которой участвует В. Ф. Кибальчич, выступая в американском театре. На гостей американцев пение хора под управлением их коллеги В. Ф. Кибальчича произвело сильное и приятное впечатление»¹⁰⁷.

Таким образом, Кибальчичу удалось не только отстоять свою политическую и патриотическую позицию, но, блеснув мастерством, повысить свой авторитет в театральной труппе «The Doughgirls», с которой ему предстояло еще полгода гастролировать по США.

Комедия «The Doughgirls» оказалась одной из самых популярных театральных постановок в США в 1943–1944 и вошла в пятерку наиболее долго державшихся на сцене пьес. Газетные рецензии утверждали, что это самая смешная пьеса в сезоне. Реклама пестрела словами «надорвете животики», «обхохочетесь». Она настолько поднимала настроение зрителей, что была рекомендована к показу в войсках на театрах военных действий в Африке и на юге Тихого океана¹⁰⁸.

В общей сложности три состава актеров: бродвейский, чикагский и гастролирующий — за это время дали более 1000 спектаклей. Голливуд заметил такой ажиотаж и в ноябре 1944 создал по этой пьесе фильм с тем же названием¹⁰⁹, но практически полностью сменил состав исполнителей. Отца Николая в фильме играл известный голливудский русский актер Николай Коблянский¹¹⁰. Кинофильм перехватил зрительский успех.

¹⁰⁷ Н. К. В Николаевском соборе // Новая заря. 1943. 15 сент. № 3711. С. 5. См. также: С. П. Церковное торжество в Николаевском соборе // Там же. 10 сент. № 3708. С. 5; В. Ф. Кибальчич в Николаевском соборе // Там же. 11 сент. № 3709. С. 5.

¹⁰⁸ См.: Troops Overseas Will Get to See 'The Doughgirls' // San Francisco Chronicle. 1943. July 30. P. 8.

¹⁰⁹ «The Doughgirls» — черно-белый комедийный фильм киностудии «Warner Brothers». Дата выпуска 25 нояб. 1944. Режиссер Джеймс В. Керн (James V. Kern). Фильм основан на одноимённой пьесе Джозефа Филдса.

¹¹⁰ Коблянский Николай Васильевич (англ. Kobliansky, Nicholas; 1881–1976) — актер, ассистент режиссера, консультант. Член Художественного совета Императорских театров (1911–1916). В США с 1918. Консультант фильмов «Герцогиня из Буффало» (1928), «Последний приказ» (1928), «Патриот» (1928), «Песнь пламени» (1930), «Багровая заря» (1932), технический директор фильма «Британский агент»

Кибальчич прекратил выступать в театре, переехал в Сан-Франциско¹¹¹ и два года руководил хором в Софийском греческом соборе¹¹², после чего вернулся на Восточное побережье. Адресная книга 1949 показывает, что он служил регентом и преподавателем в церкви Петра и Павла Московской Патриархии в городе Скрантон (Пенсильвания)¹¹³. С 1950 жил и работал в Мейфилде (Пенсильвания)¹¹⁴, потом снова вернулся в Нью-Йорк¹¹⁵, где жил до 1968. Впоследствии переселился в Сан-Франциско и окончил свои дни в Калифорнии.

Описанная история выдающегося хормейстера, всегда стремившегося к общественной активности, ставшего во время Второй мировой войны рядовым участником легкомысленной комедии, показывает, что даже в такой ситуации можно вносить свой малый вклад в пользу общего дела. Сохраняя свои основные принципы, полити-

(1934). Снялся в 13 фильмах. Актер и консультант фильма «The Doughgirls» (1944). Руководитель «Русско-американского артистического клуба». См.: Янгиров Р. «Рабы немого»: очерки ист. быта рус. кинематографистов за рубежом: 1920–1930-е годы. М.: Рус. Зарубежье; Рус. путь, 2007. С. 190; Он же. Хроника кинематографической жизни русского зарубежья. Т. 1: 1918–1929. М.: Книжница; Рус. путь, 2010. С. 15, 298, 402, 429. Т. 2: 1930–1980. М.: Книжница; Рус. путь, 2010. С. 16, 166, 168, 241, 248, 257; [Электронный ресурс]. Nicholas Vasily Kobliansky Sr. URL: <https://www.findagrave.com/memorial/11809087> (дата обращения: 12.12.2021).

¹¹¹ См.: В. Ф. Кибальчич организует симфонический хор в Сан-Франциско // Новое русское слово. 1944. 29 сент. № 11843. С. 4; Spoller M. Vseslovanska Proslava v San Franciscu // Prosveta (Chicago). 1944. Dec. 14. № 244. S. 2; Приезд В. Ф. Кибальчича в Нью-Йорк // Новое русское слово. 1946. 17 сент. № 12560. С. 3.

¹¹² Собор Святой Софии (*англ.* Saint Sophia Cathedral) — собор Константинопольской православной церкви, расположенный в Лос-Анджелесе. Принадлежит Сан-Францисской епархии. Первые церковные службы состоялись в Лос-Анджелесе в 1906. Современное здание построено в 1952. См.: [Электронный ресурс]. Saint Sophia: Greek Orthodox Cathedral. URL: <https://saintsophia.org/> (дата обращения: 12.12.2021).

¹¹³ В 1947 газета опубликовала объявление о вакансии регента в Петропавловской церкви в Скрантоне, и Кибальчич занял это место. См.: Новое русское слово. 1944. 9 окт. № 12950. С. 4; Kibalchich Basile, Prof. Sts Peter & Paul Orthodox Church // White Pages Directory. Scranton, Pa., 1949. P. 499.

¹¹⁴ Ср.: «Kibalchich Basil <...> 65 years old <...> organist at church» (U. S. Department of Commerce. Bureau of the Census. Census of Population and Housing. 1950. Pennsylvania, Mayfield. P. 73; цит. по копии из личного архива С. Б. Рагозина).

¹¹⁵ См.: Письмо В. А. Слободчикова В. Ф. Кибальчичу, 10 окт. 1968 г. // МРК. Ф. 36 (В. Ф. Кибальчич). Оп. 1. Папка 1. Ед. хр. 19.

ческую позицию, проявляя настойчивость и используя сценические навыки, Кибальчич внес свою лепту в дело приближения американского общества к идее Второго фронта.

Авторы глубоко признательны Л. И. Петрушевой за помощь в работе с документами ГА РФ, Иву Франкьену за ценные консультации по истории русской колонии Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, П. Н. Базанову за неоценимую помощь в работе с эмигрантскими газетами, С. Б. Рагозину за помощь в информационном поиске, С. Н. Красавченко за воспоминания и рассказы о Н. П. Красавченко. Благодарим А. В. Антощенко за вопрос, заданный на конференции «Слепухинские чтения–2020», который обогатил статью дополнительным сюжетом.



КРАВЦОВ Андрей Николаевич,
кандидат филологических наук,
Русское Этническое Представительство
штата Виктория (Австралия),
консультант по онлайн-занятиям

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Аннотация: В 1968–1969 в парижском журнале «Возрождение» были опубликованы записки переводчика с Восточного фронта. Их автор — А. И. Думбадзе, бывший унтер-офицер Русской Императорской армии, эмигрант Первой волны. Он пошел на службу в вермахт в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Алексей Думбадзе, переводчики, коллаборация, оккупация.

Abstract: In 1968–1969, the notes of a translator from the Eastern Front were published in the Parisian magazine “Vozrozhdenie” (“La Renaissance”). The author was A. I. Dumbadze, a former non-commissioned officer of the Russian Imperial Army, an emigrant of the First Wave. He went to serve in the Wehrmacht during World War II.

Keywords: World War II, Alexey Dumbadze, interpreters and translators, collaboration, occupation.

Тема статьи актуализировалась несколько лет назад при подготовке к печати сборника из двух книг так называемых «коллаборационистов»: воспоминаний Павла Дмитриевича Ильинского «Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии»¹ и заметок Алексея Ивановича Думбадзе². Это издание³ было выпущено в рамках издательского проекта «ЧтецЪ» ограниченным тиражом в Москве в 2013, вскоре после выхода в свет сборника «Под немцами: воспоминания, сви-

¹ См.: Грани (Франкфурт-на-Майне). 1956. № 30. С. 85–122; № 31. С. 94–127.

² См.: Возрождение (Париж). 1968. № 202. С. 31–50; 1969. № 205. С. 31–45; № 206. С. 41–56; № 207. С. 61–75; № 208. С. 66–85; № 209. С. 53–68; № 210. С. 40–54.

³ См.: *Ильинский П.* Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии; *Думбадзе А.* Из записок переводчика. [М.: ЧтецЪ, 2013] (изд. print on demand; тираж менее 100 экз.).

детельства, документы»⁴, куда вошли в том числе и воспоминания П. Д. Ильинского⁵. Если мемуары Ильинского были откомментированы в петербургском сборнике известным ученым К. М. Александровым⁶, то очерки А. И. Думбадзе по сей день остаются малоизученными и никем не прокомментированными. Несмотря на то что ряд автобиографических сведений об их авторе приводится в предисловии к объединенному изданию воспоминаний Ильинского и Думбадзе до сих пор в жизнеописании последнего осталось изрядное количество незаполненных лакун.

«Из записок переводчика» — так бесхитростно озаглавлены мемуарные очерки Думбадзе. Автор решился на их публикацию лишь за год до своей кончины в 1970, хотя, скорее всего, они написаны намного раньше. Возникает вопрос, почему он не публиковал их до этого, ведь описываемые события касаются Второй мировой войны... Думается, по той же причине, что и назвал их столь отстраненно, хотя для полноты следовало озаглавить их «Из записок переводчика на Восточном фронте». Причина в том, что, как сообщил мне историк русской эмиграции Ростислав Владимирович Полчанинов, «в 1945–1955 гг. обстановка препятствовала появлению подобных воспоминаний, а и позднее многие скрывали свое сотрудничество с немцами. Эмигрантов было очень мало <среди них>. Немцы предпочитали брать в переводчики советских пленных, а союзники их выдавали большевикам»⁷.

Слова Полчанинова подтверждает оказавшийся в эмиграции в 1920 поручик 16-го Тверского драгунского полка Георгий Фердинандович Танутров (1888–1970), который указывает на то, что «белых» эмигрантов, готовых вернуться в Россию в немецкой форме, было совсем немного: «Стали поступать русские и добровольцами в армии стран, давших нам приют. <...> Было, к сожалению, и обратное явление

⁴ См.: Под немцами: воспоминания, свидетельства, документы: историко-док. сб. / сост. К. М. Александров. СПб.: Скрипториум, 2011.

⁵ См.: *Ильинский П. Д.* Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии: (жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов) / [публ. и примеч. К. М. Александрова] // Там же. С. 42–138.

⁶ См.: Там же. С. 114–138.

⁷ Письмо Р. В. Полчанинова от 26 июня 2013 // Личный архив автора.

ние: поступление русских эмигрантов в немецкую армию. Таковых, к счастью, было немного. Некоторые из них видели в немцах только избавителей России от большевиков, других неодолимо тянуло побыть в занятой немцами части России, шли в немецкую армию переводчиками и те, которые хотели облегчить участь пленных красноармейцев. Были и не поладившие с французской администрацией»⁸.

О нуждах армии в такого рода служащих пишет, приводя цифры, современный исследователь: «Незадолго до начала “Барбароссы” отдел генштаба “Иностранная армия Восток” (Fremde Heere Ost) поставлял переводчиков для разведотделов: главнокомандующий армией резерва (Ersatzheer) генерал-полковник Фридрих Фромм обещал поставить в армию 900 переводчиков, однако из этого числа удалось найти лишь 100. Из них 50 были сразу же забраны для нужд верховного командования вермахта (ОКВ). Из оставшихся 50 тридцать неудовлетворительно владели языком и были бесполезны, поэтому лишь 20 переводчиков оказались в рядах армии. Иначе говоря, от изначального числа 900 было предоставлено лишь 2,2 % обещанной силы»⁹.

Понятно, что на тот момент среди них бóльшую часть составляли эмигранты, причем в основном фольксдойче из Прибалтики. Об этом сообщает исследователь А. Шнеер со ссылкой на послевоенные допросы коллаборационистов: «При штабе работали несколько переводчиков. В основном это также были немцы — уроженцы Советского Союза»¹⁰.

Наряду с другими члены эмигрантской организации НТС также стремились попасть в Россию в любом из качеств, в том числе как переводчики: «Сказывалось не только желание повидать родную стра-

⁸ *Танутров (Жук) Г. Ф.* От Тифлиса до Парижа: (свет и тени жизненного пути) / предисл. проф. В. Н. Сперанского. Париж, 1976. С. 267–268.

⁹ *Бэйда О.* «Месяц в Германской Армии»: из воспоминаний Д. И. Ходнева // Пособники: исследования и материалы по истории отечеств. коллаборационизма: сб. / ред.-сост. Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. М.: Пятый Рим, 2020. С. 391–392.

¹⁰ *Шнеер А.* Лагерь Травники по материалам следственных документов НКВД, МГБ, КГБ и судебным процессам 1944–1987 гг. в СССР // История отечественной коллаборации: материалы и исследования / [ред.-сост. А. В. Мартынов]. М.: Старая Басманная, 2017. С. 356.

ну, но и принести идеи Союза и создать его организации в занятых немцами областях. Это желание наталкивалось на запрет русским национально настроенным эмигрантам выезжать в Россию. Поэтому, как правило, члены Союза проникали в русские города нелегально, <...> в частности по поддельным немецким документам или под видом переводчиков»¹¹. Кое-кто из них, подобно Думбадзе, оставил воспоминания об этом¹².

На роль переводчиков предпочитали брать бывших советских граждан уже потому, что они лучше владели местными диалектами, новоязом, понимали всё как свои, а еще могли при случае выступить в качестве разведчиков и пропагандистов. Об этом также пишет цитировавшийся выше современный исследователь: «Оккупационной машине, с трудом переваривавшей уже откушенное от сталинского царства, нужны были свободно владевшие языком переводчики, пропагандисты, знающие местную специфику разведчики, умелые рабочие руки, инженеры, врачи. Так, “на безрыбье”, эмиграция, пусть и политически проблематичная, оказалась готова на время заполнить зияющие пустоты. Плюс определенная лазейка возникла из-за тоталитарной поликратии и борьбы институций в государстве Гитлера, где на запрет одного министерства приходилось ограниченное разрешение какого-нибудь другого чиновника из конкурирующего ведомства. Так несколько тысяч эмигрантов смогли обойти возведенные преграды и проникнуть на германо-советский фронт. Оскал германской политики многие из них разглядели только по прибытии на оккупированные территории. Именно переводчики вермахта из числа эмигрантов, свидетели несомого солдатами Адольфа Гитлера “освобождения”, к концу 1941 г. стали

¹¹ *Прянишников Б.* Новопоколенцы. 1-е изд. Силвер Спринг (Мэриленд, США), 1986. С. 169–170.

¹² Среди наиболее известных кн.: *Рутченко-Рутыч Н. Н.* Среди земных тревог: воспоминания. М.: Рус. путь; РИЦ «Собрание», 2012. Также стоит обратить внимание на следующие изд.: *Рудинский В. А.* С испанцами на Ленинградском фронте // Под Белым Крестом (лагерь Келлерберг, Австрия; Буэнос-Айрес). 1951. № 1. С. 12–13; 1952. № 3. С. 13 (то же: Добровольец — XX век. 2004. № 2. С. 60–63); *Соколов Ю. С.* С итальянской армией на Украине // Новый журнал (Нью-Йорк). 1981. Кн. 142. С. 110–132; Мемуары «власовцев» / [сост. А. В. Окоороков]. М.: Вече, 2011. 304 с. См., кроме того, источник, указанный в примеч. 9.

источником новостей: через них в диаспору проникли сведения о бесчеловечном обращении с населением и оголодавшими военнопленными, о казнях и грабежах»¹³.

Они же стали источником информации о происходившем по ту сторону границы после войны. Однако, если зачастую воспоминания непосредственных участников тех событий наполнены трагическим взглядом на происходящее, то рассматриваемые нами «Записки переводчика» А. И. Думбадзе интересны, прежде всего, своим спокойным, практически аполитичным взглядом на жизнь в оккупированных областях. На страницах воспоминаний, несмотря на новую власть и приход немцев, продолжается череда привычных дел. Думбадзе увидел на удивление тихую и обывательскую жизнь. Фронт и ужасы войны отошли на второй план и там, на местах, в 1943 совсем не ощущались.

Поступив на службу к немцам, Думбадзе поначалу просился в Ялту, в свои родные места, также оказавшиеся на оккупированной территории. Из-за этого, в ожидании командировки именно в Крым, он провел около двух лет в Берлине. Тогда им и были написаны первые очерки под впечатлением самых ранних встреч с военнопленными и остовцами. Это стало своего рода столкновением с новыми советскими людьми. В основном, с молодежью, выросшей уже при новой власти. Автором показаны характеры разные, но вместе с тем единые в незамысловатом обывательском взгляде на происходящее. И здесь, и позднее Думбадзе передает обстоятельства встреч простонародным говором, как будто записывает со слов, как фольклорист¹⁴.

Не упускает он и забавные моменты. Так, в очерке «Военнопленные» пересказывает слова своего знакомого: «Мой товарищ Владимир Д-ов рассказывает:

— Был я у них переводчиком. Было их 16 человек военнопленных. Днем работали на разных местах. Вечерами собирались. Усаживались за общий стол. Ужинали. Ложились спать. Сначала меня побаивались. Называли кто как: кто товарищем господином, кто

¹³ Бэйда О. Указ. соч. С. 391–392.

¹⁴ См., например: Думбадзе А. Из записок переводчика // Возрождение. 1969. № 205. С. 34–35.

просто товарищем, херром переводчиком, а один так называл гражданином эмигрантом»¹⁵.

Или вот еще из очерка «Доктор»: «Передавали о вас земляки-русские, не нахвалятся: отовсюду бегут наши, а у вас... да к вам из других лагерей прибегают. Как это вы умудрились: и не бьют у вас, и по-человечески относятся, и кормят больше и лучше. Представляю себе и знаю, как трудно было этого добиться»¹⁶.

Стоит упомянуть, что существовал запрет на общение русских эмигрантов Первой волны с советскими остовцами: «Полиция издала строгое распоряжение — под страхом тяжелых наказаний не разрешается эмигрантам встречаться, разговаривать и вообще общаться с советскими. К чести эмиграции, надо сказать, что этот приказ никого не испугал и никого не остановил. Его обходили осторожно и неустанно: и встречались, и говорили, под шумок даже выходили замуж и женились, а потом занимались делами и более преступными»¹⁷.

После нескольких месяцев ожидания в Берлине Думбадзе направили все же не в Крым, а сначала в Псков, а затем западнее, а значит, дальше от родных и любимых им мест, в г. Валга на эстонской территории. Первые впечатления от встречи с Россией он передает так: «Поезд стоял на полустанке этом довольно долго. Время для меня тянулось нескончаемо. И — по какой-то насмешке, иронии — наш состав стал возвращаться, уходить назад. Мне болезненно грустно сделалось: не хочет меня Россия»¹⁸.

Да, видимо, так и было — не хотела его Россия принимать, потому как не тот, не совсем правильный путь избрал он, чтобы вернуться. В немецком эшелоне, в немецкой форме, среди солдат вермахта он надеялся на теплый родной прием? По меньшей мере, удивительно.

О том же рассуждал и его родной брат Владимир, который также пошел в вермахт переводчиком: «У меня в кармане письмо от брата Владимира. <...> “Я в Кировограде — старом Елизаветграде. Ходил

¹⁵ Там же. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Казанцев А. Третья сила: история одной попытки. [Frankfurt-am-Main]: Посев, 1952. С. 130.

¹⁸ Думбадзе А. Из записок переводчика // Возрождение. 1969. № 206. С. 43.

по городу. Всем — всему — всюду чужой. На мне чужая форма. Когда-то по той же улице ходили наши братья. Совсем в мирное время старший Александр¹⁹ и в 1916 году — Григорий²⁰».²¹

К слову, третий, сводный брат Алексея Ивановича Сергей Марков тоже служил переводчиком во Вторую мировую войну²².

После нескольких первых дней в Пскове, когда Алексей Иванович уже познакомился с городом, с населением, побывал в гостях у русской семьи, посетил службу в соборе, пообщился, его вдруг отправляют в соседний край, в Эстонию. Он переживает по этому поводу — ведь в Пскове у него уже состоялись интересные встречи и знакомства. У собора повстречался ему старик-побирушка: «И я у кадетах был — мы с первым Линейным полком Царицын брали, — вспоминал этот нищий.

Слушайте, — вскричал я, — так ведь я тоже в этом полку был. — Знаете вы есаула Евсюкова, брата моего ротмистра Думбадзе?»²³

Еще одно свидетельство: « — Что ж, офицером, небойсь, были?

— К сожалению, не успел носить славное имя русского офицера, молод был... был унтер-офицером...»²⁴

Из-за отправки в Эстонию у Думбадзе случается неприятный инцидент с начальством, распределявшим направления: «Поменяться?... Вы хотели бы остаться здесь в Плескау²⁵, в этой проклятой дыре... быть не может... в Эстонию... Да, знаете, что на ваше место все мы здешние тотчас же... да я сам с радостью побежал бы... Да, знаете, что вам там не надо даже иметь оружие. Нож возьмите с собой сало резать»²⁶.

Тем не менее Алексей Иванович вынужден подчиниться и поехать в Валгу. Ныне — это пограничное место между Латвией и Эсто-

¹⁹ Убит 1 янв. 1918 г. в Крыму.

²⁰ Есть свидетельство, что ротмистр Г. И. Думбадзе находился весной 1943 в Одессе в качестве вербовщика в ряды Русского охранного корпуса. См.: Под немцами... С. 356.

²¹ Думбадзе А. Из записок переводчика // Возрождение. 1968. № 202. С. 45.

²² См.: Думбадзе А. Куйдеши // Часовой (Брюссель). 1982. № 639. С. 31.

²³ Думбадзе А. Из записок переводчика // Возрождение. 1969. № 206. С. 51.

²⁴ Там же. № 207. С. 65.

²⁵ Немецкое название Пскова.

²⁶ Там же. № 206. С. 56.

нией, с границей, проходящей прямо по городу. Здесь Думбадзе был поставлен начальствовать над группой военнопленных, так называемых «хиви»²⁷.

Среди них были и мирные жители, не воевавшие с немцами, и совсем молодые ребята непризывного возраста. Буквально с первых минут в городке Антсла Думбадзе «было завоевано расположение русских ребят, их мнение обо мне определилось, мою роль они поняли, у меня же они возбудили чувства благодарности, привязанности, гордости за них, как за русских»²⁸.

Интересны в его воспоминаниях и малоизвестные широкому читателю факты. Например, тот, что военнопленные, как это ни странно звучит, получали зарплату от немцев. Удивительно и то, что зарплата эта, по свидетельству Думбадзе, была в советских рублях. Как будто немцы не верили в свою победу и давали русским пленным шанс скопить денег на будущее. Однако мало у кого было как желание, так и возможность сохранить деньги: «После очередной полочки русские перепились по установившемуся, заведенному обычаю, так, как только могут бывшие пленные, теперешние Хиви. В такие дни немцы просто не решались входить в их барак: лучшие, чтоб избежать неприятностей, худшие — из самой определенной боязни»²⁹.

И в другом месте: «...некоторым я как можно суше, казенным языком говорил:

— Абсолютно запрещается пленных бить. Приказ фюрера номер одиннадцать. О случаях немедленно доносить»³⁰.

²⁷ Хиви (*нем.* *Hilfswilliger* — желающий помочь; *Ost-Hilfswilligen* — восточные добровольные помощники) — так называемые «добровольные помощники» вермахта, набравшиеся (в том числе мобилизовывавшиеся принудительно) из местного населения на оккупированных территориях СССР и советских военнопленных. Первоначально они служили во вспомогательных частях водителями, санитарями, саперами, поварами и т. п. Позже хиви стали привлекать к непосредственному участию в боевых действиях, операциях против партизан и к карательным акциям. См.: Чуев С. «Хиви» и восточные роты // *Он же*. Проклятые солдаты: [предатели на стороне III рейха]. М.: Яуза; Эксмо, 2004.

²⁸ Думбадзе А. Из записок переводчика // *Возрождение*. 1969. № 207. С. 63.

²⁹ Там же. № 208. С. 71.

³⁰ Там же. № 209. С. 55. Это намеренная выдумка Думбадзе, о чем он сам сообщает дальше. Такого приказа не существовало.

Когда спустя год Думбадзе уезжал из оккупированной области обратно в Германию, ехавшие с ним в вагоне немцы говорили, видя, как их провожают его подопечные: «Да, хорош народ русский. К нему надо только уметь подойти»³¹.

Хотя автор заметок Алексей Иванович Думбадзе скончался в Бельгии, его имя не упоминается в известных справочниках по русской эмиграции в данной стране³². Нет о нем ничего и в обширном своде — некрополе русского зарубежья «Незабытые могилы».

Из отрывочных публикаций было известно лишь, что Думбадзе служил офицером 16-го стрелкового полка, а во время Гражданской войны находился в составе Крымского конного полка. Об этом он пишет вскользь в заметках, опубликованных посмертно в журнале «Часовой»³³. Кроме того, он печатался в журнале «Военная быль».

После окончания войны жил в Бельгии, где и скончался, о чем редакция журнала «Военная быль» поместила некролог, «с глубокой скорбью извещая о кончине своего дорогого сотрудника Алексея Ивановича Думбадзе, последовавшей в г. Брюсселе 15 марта 1970 года»³⁴.

Есть также указание на то, что А. И. Думбадзе разыскивался кем-то из друзей или родных в 1947³⁵. Вот, пожалуй, и всё из сухих биографических сведений о нем. Чуть больше рассказано в его собственных записках.

Имя его отца, генерал-майора Ивана Антоновича Думбадзе (1851–1916), черносотенца, в императорской России было широко известно: он был генерал-губернатором Крыма, на которого в 1907

³¹ Там же. № 210. С. 53.

³² См.: Страна Синей птицы: русские в Бельгии: [сб. ст.] / под общ. ред. Э. Вагеманса. М.: Наука, 1995; Грезин И. И. Кладбища коммун Ixelles и Uccle в Брюсселе: [алф. список рус. захоронений]. СПб.: Изд. Рус. генеалог. о-ва, 1996; Он же. Храм-памятник в Брюсселе: список мемор. досок. СПб.: ВИРД, 1999.

³³ См.: Думбадзе А. Куйдеши // Часовой. 1982. № 637. С. 28–30; № 639. С. 30–31; № 640. С. 30–31.

³⁴ Военная быль (Париж). 1970. № 103. С. 50.

³⁵ См.: [Электронный ресурс]. Григоров А. И., сост. Крымская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов. Прил. к I-му тому: Преимущественно уроженцы и жители города Симферополя, Симферопольского и Феодосийского уездов Таврической губернии. С. 87. URL: https://genroge.ru/krym_mbgw_1914-1918/krym_mbgw_v_i_add_1914-1918.htm (дата обращения: 05.09.2022).

организовал и совершил покушение небезызвестный Петр Войков (1888–1927). В результате контузии Иван Антонович полностью утратил слух и приобрел хроническую болезнь сердца, от которой впоследствии и скончался. В своих очерках Алексей Иванович также вспоминает об отце и о своем детстве в Ялте. Вспоминает с большой теплотой и любовью. Впрочем, с такой же нежностью он относится и к самой России.

Рано потерявший мать, Алексей Думбадзе воспитывался домашними; в малолетстве был обучен грамоте не отцом своим, который по долгу службы постоянно находился в разъездах, а его денщиком. Об этом простом русском человеке и их общении при обучении автор вспоминает в другом своем очерке³⁶. В эмиграции Думбадзе оказался сначала в Константинополе³⁷, а затем — в Брюсселе. Но, по собственному признанию, все время грустил по России, стремился туда.

По совсем новым данным, полученным в ходе личной переписки³⁸, Алексей Думбадзе родился 24 августа 1899 г. в Кутаиси. В Бельгию приехал из Константинополя 13 мая 1922. В июне 1929 г. получил нансеновский паспорт. Почему-то в Брауншвейге (Германия). Бельгийская виза выдана в Аахене в апреле 1930. В том же году проживал в Антверпене, служил музыкантом в русском оркестре «Нева». В декабре 1930 сочетался браком с бельгийской подданной Марией-Терезой Бальтюс. В июле 1932 у пары родился сын Жан. Указанная информация взята из личного дела А. И. Думбадзе, находящегося в Национальном архиве Королевства Бельгии (AGR, Dossier étranger N° 1.230141), за доступ к которому крайне признателен Надежде Авдюшевой-Лекомт.

Вторая мировая война застигла Думбадзе в Брюсселе, что дало ему возможность пойти на службу в вермахт и вернуться на родину, правда, как уже отмечалось выше, в немецкой форме и на время. Вернуться в качестве переводчика, хотя как следует из архивных материалов, клеймо службы у немцев преследовало его всю оставшуюся жизнь.

³⁶ См.: Думбадзе А. Два солдата // Военная быль. 1968. № 92. С. 22.

³⁷ См.: Думбадзе А. Куйдеши // Часовой. 1982. № 639. С. 30.

³⁸ Письмо Н. А. Авдюшевой-Лекомт от 29 июня 2022 // Личный архив автора.

Раздел III
ПОД НЕМЦАМИ:
ЖИЗНЬ
НА ОККУПИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ



БАБИЧЕВА Майя Евгеньевна,
ведущий научный сотрудник,
кандидат филологических наук,
Российская государственная библиотека
(Россия, Москва)

**КАРТИНА «ЖИЗНИ ПОД НЕМЦАМИ»
В ПРОЗЕ ВТОРОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
(СМЫСЛОВЫЕ АКЦЕНТЫ, РАКУРС ИЗОБРАЖЕНИЯ)**

Аннотация: В прозе Второй волны русской эмиграции значимое место занимает описание жизни советских граждан, оказавшихся во время Второй мировой войны в оккупации или в самой Германии. Тема раскрывается во всех жанрах художественной прозы (роман, повесть, рассказ), а также в циклах документальных очерков. Писатели рассказывают преимущественно о событиях, в которых участвовали или свидетелями которых были. В художественных произведениях герой часто автобиографичен.

Ключевые слова: проза, писатели, эмиграция, очерк, оккупация, военнопленные, коллаборационизм.

Abstract: In the prose of the second wave of Russian emigration a significant place is occupied by the description of the life of Soviet citizens who found themselves in the occupation or in Germany itself during World War II. The theme is revealed in all genres of fiction (novel, novella, short story), as well as in the cycles of documentary essays. Writers tell mainly about the events in which they participated or witnessed. In fiction, the hero is often autobiographical.

Keywords: prose, writers, emigration, essay, occupation, prisoners of war, collaboration.

В прозе Второй волны русской эмиграции создана яркая, выразительная, но мозаичная картина жизни советских граждан на оккупированных немцами территориях и в самой Германии во время Второй мировой войны. Эта тема в равной степени представлена в художественных произведениях и в циклах документальных очерков. И те

и другие создавались на основе собственного опыта авторов. В обоих случаях тексты произведений информативны, но тенденциозны. В художественных произведениях через действия и высказывания персонажей, в очерках непосредственно от своего лица авторы откровенно и однозначно выражают собственные взгляды. Для этих писателей характерна специфическая расстановка акцентов при изображении рассматриваемой ситуации. Большое значение они придавали аспектам, в советской литературе соответствующего периода освещенным слабо или вообще не затронутым.

В прозе Второй волны эмиграции большое внимание уделяется положению, в котором оказались советские военнопленные с первых же дней войны. Показаны судьбы «остарбайтеров» («гражданских пленных», «восточных рабов») — людей, вывезенных, как правило, насильно с оккупированных территорий в Германию для тяжелого подневольного труда. Рассказывается о жизни на оккупированных советских территориях гражданского населения, о деятельности советского подполья и партизанских отрядов, о русском национальном антибольшевистском подполье, созданном в немецком тылу. Затрагивается также тема участия во Второй мировой войне русских эмигрантов Первой волны и их потомков, позиция и судьба казачества. Обычно в произведении один или два из названных аспектов рассматриваются более полно, еще несколько оказываются в поле зрения автора как неотъемлемые элементы изображаемой действительности.

Все перечисленные аспекты к настоящему времени изучены и подробно описаны историками. Судьбе советских военнопленных и остарбайтеров посвящена монументальная монография П. М. Поляна «Жертвы двух диктатур». Во введении ученый, автор нескольких публикаций по данной теме дает историографию вопроса и резюмирует: «Литература, посвященная принудительному труду иностранцев в Третьем Рейхе, достаточно обширна. Одних только монографий насчитывается, наверное, уже не один десяток. И в этом контексте сопряжение тематики “советских военнопленных” и “остарбайтеров” даже по-своему традиционно»¹.

¹ Полян П. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть совет. военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: РОССПЭН, 2002. С. 14.

Различные формы взаимодействия советских граждан с оккупантами (административная, хозяйственная и т. д.) показаны в монографии Б. Н. Ковалева, посвященной этой проблеме². Ученый показывает, что коллаборационизм как явление очень неоднороден. Он даже вводит термин «коллаборационизм выживания». Вынужденному бытовому сотрудничеству с оккупантами противопоставляется при этом добровольное корыстное взаимодействие с ними.

Картина, представленная в прозе Второй волны эмиграции, наглядно и образно иллюстрирует многие конкретные факты, установленные учеными. Кроме того, она дает дополнительную информацию, касающуюся самих писателей, их восприятия действительности, понимания ими ситуации и себя в ней.

В документальных очерках авторы подробно рассказывают о конкретных событиях, свидетелями или участниками которых стали, а также комментируют их, отстаивая правоту собственного выбора. В художественных произведениях главным героем часто становится автобиографический персонаж, выражающий взгляды автора. Как правило, писатели, убеждая читателя в своей правоте, открыто рассказывают о собственной жизни в оккупации или делегируют персонажам факты своей биографии.

Есть, однако, примеры, когда автор в прозе выступает с иных, чем действовал в жизни, позиций, умалчивает о каких-то фактах или даже «примеряет» другую биографию.

О расхождении между деятельностью писателя В. Д. Самарина (Соколова) в оккупации, с одной стороны, и позицией, выраженной в его художественной прозе, с другой пишут авторы вступительной статьи к публикации цикла его очерков о «жизни под немцами» О. В. Будницкий и Г. С. Зеленина. Они подчеркивают, в частности, ярко выраженную антисемитскую направленность статей, опубликованных В. Д. Самариним (Соколовым) в периодической печати, и полное отсутствие ее в художественных произведениях того же автора: «В отличие от газетных публикаций Самарина военного времени, в его прозе тема “жидобольшевизма” никак

² См.: Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2009.

не фигурирует и ненависть к коммунистическому режиму остается чиста от антисемитских коннотаций»³ Самарин подробно и с хорошим знанием дела рассказывает о пропагандистской деятельности и издании русских газет на оккупированной территории. Однако, выступая от первого лица, не говорит впрямую, что сам принимал в этом участие.

Б. Н. Ковалев указывает на случай писателя, поэта и литературоведа Б. А. Филиппова (Филистинского). Этот очень талантливый прозаик активно сотрудничал с оккупантами. Являясь заместителем главного редактора газеты «За родину» (Псков; Рига, 1942–1944), опубликовал там несколько десятков пропагандистских статей. Более того, в оккупированном Новгороде он возглавлял так называемое «русское гестапо», во Пскове был агентом «абвер-команды 304», сотрудничал с немецкой контрразведкой.

В повести Б. А. Филиппова «Got mit uns» автор-повествователь, выступающий от первого лица, имеет не только иное, чем в реальности писатель, имя и отчество (Андрей Алексеевич), но и другую биографию, а также, по-видимому, другие убеждения. Андрей в оккупации служит переводчиком в больнице. Все силы прилагает, чтобы помочь больным и пленным. С немцами общается только по службе или на музыкальных вечерах в доме главного врача. К последнему, откровенно заискивающему перед оккупантами, испытывает гадливость. С трудом сдерживается, когда тот разговаривает с немцами. И постоянно мучается вопросами: «не изменник ли я?» и кто же все-таки «враг № 1», оккупанты или советская власть⁴?

География «жизни под немцами», показанная в прозе Второй волны эмиграции, очень широка и соответствует, в основном, месту нахождения самих авторов. Это Ленинградская, Смоленская, Брянская, Воронежская области, Ставропольский край, Новгородчина, Украина, Белоруссия. В очерках населенные пункты названы, как правило, своими именами. В беллетристических произведениях —

³ Будницкий О. В., Зеленина Г. С. Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось. Пришли немцы!»: идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2014. С. 52.

⁴ См.: Филиппов Б. Got mit uns // Он же. Избранное. [London]: Overseas Publ. Interchange Ltd., [1984]. С. 143–171.

вымышленными (Старгород), условными (Энск) или не названы совсем, как в некоторых повестях Б. Н. Ширяева.

В то же время именно в прозе Ширяева представлены (более или менее полно) практически основные аспекты жизни в оккупации, зафиксированные писателями Второй волны эмиграции. Этой теме посвящен цикл его очерков «Ставрополь — Берлин»⁵ и три из пяти повестей цикла «Птань»⁶.

В повести «Овечья лужа» действие разворачивается в деревне Масловка Тульской области. Главная героиня – студентка-комсомолка Нина, уроженка этих мест. Она давно живет в городе, в родных краях оказалась в результате эвакуации. Повествование ведется от третьего лица, однако автор весьма субъективен, откровенно и наглядно демонстрирует и свою интерпретацию событий, и свою (в целом негативную) оценку позиции Нины.

Крестьяне в Масловке встречают немцев без особой радости, но с полной готовностью приспосабливаться к новым условиям. Ширяев периодически вставляет в повествование эпизоды и детали, свидетельствующие об очень тяжелой жизни советских колхозников. Они упоминаются автором по ассоциации или «всплывают» в памяти персонажей.

Писатель утверждает: «Немецкая власть для крестьянства очень подходящая»⁷. Наглядной иллюстрацией служит сцена, где девушки из Масловки рассматривают фотографии деревенского дома одного из немецких солдат, находящихся в их деревне. Элемент рефлексии по поводу утраты патриотизма быстро гасится пониманием причин этого явления. Характерен диалог двух персонажей: «Вот тебе и русские люди, батя! Сами под немца ползут. <...> — И под черта поползешь, Аким Акимович, — скривил голову набок Федор, — от

⁵ См.: *Алымов Ал. [Ширяев Б.]*. Ставрополь — Берлин: (из лично пережитого): очерки // Часовой (Брюссель). 1949. № 287. С. 18–19. № 288. С. 15–16. № 289. С. 13–14. № 290. С. 17–18. № 291. С. 11–12. № 292. С. 13–14; 1950. № 293. С. 18–20. № 294. С. 19–21. № 295. С. 14–16. № 296. С. 15–16. № 297. С. 13–15. № 298. С. 14–16. № 299. С. 16–17. № 303. С. 17–18.

⁶ См.: *Ширяев Б.* Кудяров дуб: повести и рассказы. СПб.: Полиграф, 2016. С. 109–660.

⁷ Там же. С. 265.

такой-то жизни⁸. Нина с болью и гневом наблюдает за отношением земляков к оккупантам. Обвиняет их в готовности прислуживать завоевателям, горестно фиксирует, что немцы односельчанам ближе и роднее, чем она сама. Стараясь быть объективной, девушка пытается беспристрастно оценить обстановку. Ассоциируя себя с носителями коммунистической идеологии, она с удивлением осознает: «Выходит, немец гуманнее нас?»⁹.

Немцы в Масловке ведут себя как строгие, рачительные, но не злые хозяева. Они требуют беспрекословного соблюдения установленного ими порядка. Крестьян обязали выполнять для оккупантов ряд строительных работ, снабжать их питанием, обслуживать. Немцы заняли лучшие дома в деревне. К населению они относятся как к низшей расе, но избегают бессмысленной жестокости. Советского дезертира из местных крестьян немцы отпускают, предварительно обезоружив. Характерна сцена, когда немецкий повар выносит деревенским ребятишкам ящик сломанных галет и высыпает их прямо на землю, говоря: «Жрите». Присутствующая при этом Нина чувствует себя оскорбленной. Пожилая же крестьянка считает, что повар поступил «по-божески».

Немецкие солдаты на досуге устраивают танцы с деревенскими девушками, офицеры пытаются установить дружеский контакт и проводить совместный досуг с местной интеллигенцией. Они сумели даже починить и настроить старый рояль, чтобы устраивать концерты русской музыки.

Жизнь, установившуюся при немцах в Масловке, Ширяев называет «странной». Она, в целом почти не отличается от той, что была у колхозников раньше. По мнению писателя, стало все же несколько лучше и в бытовом, и в психологическом плане. Прежде всего, благодаря возможности открыто проводить богослужения. Прихожане своими силами построили храм и начали проводить службы. Прекратилось идеологическое давление, лучше стала нравственная атмосфера. При этом постоянно ощущалась нестабильность ситуации, новые порядки большинством населения воспринимались как временные, а все происходящее казалось во многом случайным.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 330.

Настроение немцев и их отношение к местному населению в значительной степени зависело от обстановки на фронте. Но еще в большей степени равновесие расшатывалось действиями партизан. Тема партизанского движения в тылу врага занимает в произведениях Ширияева значимое место и рассматривается им, главным образом, с точки зрения вреда, который действия партизан наносят гражданскому населению. В «Овечьей луже» партизаны уводят у пожилой крестьянки, живущей вдвоем с внуком, единственную телку, обрекая эту маленькую семью на голод. Из-за совершенного партизанами теракта немцы проводят карательную акцию в соседнем с Масловкой селе. Стремясь оказать психологическое воздействие на женщин, работавших «на немцев», один из партизан стреляет по везущей их с работы машине и нечаянно убивает одну из них.

Ширияев показывает также, что партизанское движение не является однородным. Его участники делятся на просоветски и антисоветски настроенных, противостояние между ними неразрешимо и приводит в конечном итоге к физическому взаимоуничтожению. Просоветские партизаны четко и однозначно действуют в интересах советского государства. Они беспощадны к немцам, но не задумываясь жертвуют и русским гражданским населением. Антибольшевистски настроенные партизаны у Ширияева главной целью видят сохранение русского народа. Для этого они согласны на временный союз с немцами.

В повести «Кудеяров дуб» Ширияев представляет жизнь в оккупации в крупном промышленном городе на юге России. Действие здесь начинается с картины бегства всего партийного руководства из сданного практически без боя города. В центре внимания автора в этом произведении — жизнь местной интеллигенции и студентов при немцах. Главные герои — доцент-филолог Всеволод Сергеевич Брянцев и студент-словесник Михаил Вакуленко.

Жизнь «под немцами» в самом городе показана в повести, главным образом, через деятельность редакции русской национальной газеты. Это периодическое издание создано под руководством немецкого отдела пропаганды и курируется им. Главным редактором назначен Брянцев, герой явно автобиографический. Он, как и сам

автор, однозначно считает деятельность редакционного коллектива и свою собственную на занятом посту — полезной и высокопатриотичной. Ширияев показывает, что редакция газеты с первых же дней ее создания стала своеобразным «русским центром». Самые разные люди начали приходить сюда с вопросами и просьбами.

Редакционный коллектив широко обсуждает и освещает повседневную жизнь в оккупации. Таким образом в текст вводится информация о событиях, происходивших при сдаче города: уничтожение заключенных и объектов народного хозяйства, расправа жителей над советскими чиновниками, разграбление складов и магазинов.

Обсуждается в редакции и освещается в газете внезапно проявившаяся при «новом порядке» активность населения во всех областях хозяйственной деятельности и социальной жизни: «Как разом все ожило! Все начали что-то делать. Одни на базаре торгуют, другие рестораны открывают... Профессор Гриценко <...> брошенные по учрежденческим библиотекам книжки собирает. Что-то задумал: то ли книготорговлю, то ли библиотеку, а может, и то и другое вместе»¹⁰. Брянцев отмечает также настоящий расцвет литературных талантов.

В первом номере «первой в крае свободной русской» газеты переводовица начинается словами: «Осени себя крестным знаменем, православный русский народ»¹¹. Важнейшим событием считает Брянцев восстановление службы в православном соборе. Видит в этом успешный результат совместных усилий горожан различных социальных слоев. В повести подчеркнуто большое нравственное значение вновь начавшихся богослужений: вера, по мнению главных героев, объединяет людей, активизирует их национальное самосознание.

Немецкая цензура в изображении Ширияева совсем не мешает деятельности редакции русской газеты. Никого в ней не смущает необходимость регулярно публиковать в национальном периодическом издании «переводы сводок, приказы и оповещения комендатуры», а также обязательство не публиковать статей против Германии. Это вполне приемлемая для всего коллектива и его руководителя цена за право во всем остальном строить линию газеты по своему усмотрению.

¹⁰ Там же. С. 479.

¹¹ Там же. С.477.

Высокую миссию газеты все сотрудники видят в содействии созданию новой, свободной России. Внутри редакционного коллектива представлен широкий спектр взглядов на то, каким в будущем должно стать русское государство и каким путем к этому следует идти.

В редакционной жизни участвуют студенты, в их числе — второй главный герой повести Михаил Вакуленко. Через круг его общения Ширяев показывает участие молодежи в подпольной деятельности. Отмеченное в «Овечьей луже» противостояние советских и антисоветских подпольщиков здесь представлено подробно. Вакуленко, называя себя партизаном, уточняет, что это «партизанщина» особого типа: «...только не против немцев. Нет. Скорее даже за них, но отдельная, под своей, под русской командой и в русских, только русских интересах»¹². Антисоветское подполье, в частности, борется с советскими подпольщиками, особенно в тех случаях, когда их деятельность приносит реальный вред мирному населению.

Склонный к глубокой рефлексии Брянцев болезненно воспринимает сложившееся противостояние двух разных ветвей сопротивления. «Две России? Два враждующих между собой русских народа? Бред!»¹³ — оценивает он ситуацию. Как, очевидно, и сам Ширяев, этот персонаж далек от идеализации жизни в оккупации. Свободу, предоставленную немцами, он оценивает как «ограниченную, урезанную, куцую»¹⁴. Но все же, в его понимании, «под немцами» сохраняется надежда и возможность создания будущей свободной России. Восстановление же советской власти полностью исключит такую перспективу. В финале повести этот герой, как и большинство его единомышленников, покидает город вместе с отступающими немецкими войсками.

Неоконченная повесть «Хорунжий Вакуленко» сюжетно продолжает «Кудеяров дуб». Брянцев с женой, часть сотрудников и еще несколько персонажей, отступая с немцами, временно обосновались в областном центре, расположенном ближе к западной границе. Неподалеку расположилась и казачья сотня, в которую определил-

¹² Там же. С. 585.

¹³ Там же. С. 546.

¹⁴ Там же. С. 565.

ся Михаил Вакуленко. В этом оккупированном городе сложилась парадоксальная ситуация. Бывшие советские руководители заняли в нем и в прилегающих районах все командные должности. На вопрос Вакуленко, как же «их гестапо до сих пор не перехватало?»¹⁵, одна из героинь повести отвечает, что «не гестапо их, а они гестапо захватили и вертят им, как хотят»¹⁶.

Близкие Ширяеву персонажи находят несколько причин для объяснения этой ситуации. Лежащая на поверхности – удобство для немцев использовать уже сложившийся и хорошо действующий аппарат: «У них административные навыки, нахрап и беспринципность, а подобрать аппарат управления из беспартийных, найти туда честных и дельных, настоящих людей, немцам не под силу»¹⁷.

Более глубокая причина, с точки зрения этих персонажей, отражающая и взгляд автора, — близость нацистской и сталинской идеологий. Они убеждены, «что нацизм и коммунизм при огромном различии в их программах все-таки два сапога — пара. Внутренняя психологическая близость»¹⁸. Советское и партийное руководство эти персонажи считают антирусским, немцы же, по их мнению, «боятся всего подлинно русского и самих русских... Настоящих русских людей»¹⁹.

Такой подлинно русской силой, бескорыстно и самоотверженно сражающейся за будущее страны, Ширяев считает казачество. В его рядах нашел свой путь главный герой этой повести. Аббревиатура названия «Хорунжий Вакуленко» — ХВ отсылает к пасхальному приветствию, символизирующему грядущее возрождение.

Как и в предыдущих повестях об оккупации, Ширяев уделяет большое внимание противостоянию советского подполья, с одной стороны, и русского патриотического движения, с другой. Повесть начинается с вооруженного столкновения, когда казачий разъезд берет в плен группу партизан. Последние выполняли в одной из

¹⁵ Там же. С. 644.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 647.

¹⁸ Там же. С. 648.

¹⁹ Там же.

деревень конкретную задачу — «захватить и уничтожить всех изменников, доставивших колхозникам семенной фонд от немцев»²⁰. Пленных казаки сдают в немецкую комендатуру, но это не вызывает у них сомнений или угрызений совести. В партизанах они видят не соплеменников, а в первую очередь врагов, действующих против русских людей. Наиболее склонный к рефлексии Вакуленко размышляет о том, как оказались русские по крови люди в рядах партизан. Он приходит к выводу, что основной контингент отрядов — «забранные» различными способами: «Одни — прямым насилием, угрозой, другие — постепенным психологическим насилием, задурением мозгов, а третьи просто случайно...»²¹.

Каждый казак, по мнению Вакуленко, напротив, сделал свой выбор осознанно и добровольно, придя к нему сложным путем. Каждый уверен, что служит не немцам, а России.

Еще два аспекта жизни в оккупации затронуты в повестях Ширяева, но не раскрываются глубоко. Во-первых, положение в лагерях советских военнопленных. Два таких персонажа показаны на рождественской вечеринке в редакции, возглавляемой Брянцевым.

О положении советских военнопленных на оккупированных территориях в художественной форме ярче, полнее и выразительнее всего написал Л. Д. Ржевский в романе «Между двух звезд»²². Мастер слова, он достоверно и убедительно показывает невыносимые бытовые условия жизни военнопленных, создает образы, оказывающие сильное эмоциональное воздействие. Он фиксирует: «Колочая проволока по свежесрубленным столбам. Серая, с блестящей ядовитой синевою расплюснутых к устью жал. <...> Снова проволока, рыже-кофейного цвета, с похожими на тополевы почки пучками колочек, заплетенная в частые тесные квадратики. <...> подавленное копошение стиснутой этой проволокой людской массы»²³. Несколькими штрихами рисует Ржевский обычный день в лагере: «К полудню же выползали из барачков люди, с закопченными баночками

²⁰ Там же. С. 618.

²¹ Там же. С. 621.

²² См.: Ржевский Л. Между двух звезд: роман; повести; рассказы. М.: Terra-Спорт, 2000.

²³ Там же. С. 50.

в руках тянулись к кухне, за баландой, иные — к проволоке: искать своих” или “поручителей”. Санитары тем временем выбирали по ба-ракам “мертвяков”, по двору прогрохатывала их тачка: из-под пла-ща-палатки торчали грязно-желтые, похожие “ на муляжи ступни»²⁴.

За нарушение установленного в лагере порядка охрана избивает и даже убивает пленных (стреляя с вышки). Оборудована еще и вну-тренняя тюрьма.

Художественно воспроизведенная повседневность лагеря для военнопленных в романе Ржевского является, однако, не объектом исследования, а средой, в которой разворачиваются события. Это — место действия, где происходит личностная эволюция персонажей, складываются их судьбы, строятся взаимоотношения.

О положении советских военнопленных в первые месяцы вой-ны подробно рассказано в очерках Г. А. Андреева «Минометчики»²⁵. Они написаны «“по свежей памяти”, — в действительности память была уже четырех- и пятилетней»²⁶ в 1946–1947 в документально-ху-дожественном жанре. Повседневность в неволе является здесь одной из самостоятельных тем. Повествование идет от первого лица. Ав-тору очерков пришлось проделать долгий и трудный путь в составе колонны пленных. Он детально воспроизводит все трудности этого пути, собственные эмоции и соображения по этому поводу.

Более всего Андреев сосредоточен на вопросе питания пленных. Он пишет: «По опыту прежних голодовок я давно решил, что муче-ние голодом — одно из самых тяжелых, к тому же еще и унизитель-ных для человека, возвращающих его в явно животное состояние»²⁷. В очерках показан ежедневный голодный паек, основу которого со-ставляет небольшой кусок хлеба. Хлеб этот сырой и клейкий, либо, наоборот, жесткий настолько, что его надо разбивать камнем, и с зе-леной трухой под коркой. Бóльшую часть времени военнопленные

²⁴ Там же. С. 81.

²⁵ См.: Андреев Г. Минометчики: [очерки] // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. Кн. 119. С. 41–65; Кн. 120. С. 80–95; 1976. Кн. 122. С. 79–110; Кн. 123. С. 52–78; Кн. 124. С. 88–107; Кн. 125. С. 95–112; 1977. Кн. 126. С. 61–79; Кн. 127. С. 71–94; Кн. 128. С. 46–64; 1978. Кн. 130. С. 49–64; Кн. 131. С. 54–73; Кн. 133. С. 80–101.

²⁶ Там же. 1976. Кн. 122. С. 79.

²⁷ Там же. Кн. 125. С. 101.

заняты добыванием пищи. Обычная для лагеря картина — мусорная яма в середине двора, в ней роются несколько человек в поисках чего-нибудь съедобного. Шел также активный обмен всего, что можно, на продукты питания. Военнопленные при этом взаимодействовали как между собой, так и с местным населением.

Со слов очевидца воспроизводит автор очерков картину катастрофической переполненности лагеря в Умани после падения Киева. Он пишет: «Прошлой осенью тут было сто двадцать тысяч человек, — говорил переводчик, — а к весне осталось меньше десяти процентов. Зима была суровой, а пленных держали в открытом поле и почти не кормили. Привозили сырую картошку, свеклу, — привезут два-три воза, опрокинут среди лагеря, бери, кто может. Обезумевшие от голода и холода пленные дрались из-за картошки и свеклы до смерти»²⁸.

Андреев рассказывает о бессмысленной жестокости и корыстности румынских конвоиров, сопровождавших военнопленных. Они отбирали у людей все, снимая даже сапоги и гимнастерки. Сопrotивлявшимся этому грабежу убивали. Пристреливали также и тех, кто не выдерживал темпа движения колонны, кто, изнывая от жажды, бежал к попавшейся на пути речке. В лагерях эсэсовцы избивали пленных просто ради разминки.

В отличие от художественного образа, созданного Л. Д. Ржевским, картина-пазл, построенная Г. А. Андреевым, целиком состоит из детально воспроизведенных конкретных фактов.

Еще одна жанровая разновидность картины с тем же сюжетом представлена в автобиографической книге Н. А. Троицкого²⁹. Часть глав здесь, по существу, является публицистическими очерками — в том числе глава «Плен», где автор рассказывает о своем пребывании в статусе военнопленного с сентября 1941 по май 1943. Практически те же самые факты, что и Андреев, Троицкий излагает гораздо менее подробно, но с бóльшим пафосом. Активно используется для этого экспрессивная лексика. Путь колонны военнопленных до стацио-

²⁸ Там же. С. 100–101.

²⁹ См.: Троицкий Н. А. Ты, мое столетие... М.: ИПВА, 2006. (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. 11).

нарного лагеря автор характеризует как «семь кошмарных дней»³⁰. Он рисует «многотысячную живую ленту изнемогающих от голода и усталости людей». Они обессилены, многие доведены до отчаяния или, наоборот, до полного безразличия ко всему происходящему. Некоторые почти обезумели. Конвоиры спокойно и деловито расстреливают отстающих и «с садистской усмешкой переступают через трупы несчастных»³¹. При транспортировке по железной дороге, показывает Троицкий, пленных силой пригнали на вокзал и впихнули в теплушки. Из-за предельной плотности загрузки люди не могли нормально дышать, «спрессованные в единое целое, извивались, как черви»³².

Эмоциональное, но пунктирное изложение фактов сопровождается у Троицкого развернутым комментарием, объясняющим его понимание причин происходящего. Ситуация в лагерях для пленных, по мнению Троицкого, имела судьбоносное значение для исхода войны в целом. Сотни тысяч людей, поначалу видевших в немцах «освободителей» и даже готовых сражаться на их стороне, утратили подобные «иллюзии». Германия, таким образом, потеряла мощный резерв потенциальных союзников.

Судьба советских военнопленных косвенно затрагивается в прозе Второй волны эмиграции также в произведениях, посвященных, в основном преимущественно другим проблемам. В повести Бориса Филиппова «*Got mit uns*» действие происходит на Новгородчине в период оккупации. Главный герой Андрей Алексеевич Софронов периодически соприкасается с попавшими в плен соотечественниками. В больнице, где герой повести работает санитаром, лежит русский военнопленный, которого привезли из лагеря в уже безнадежном состоянии. Автор фиксирует: «Он умирал трудно и как-то особенно надрывно, этот мальчик, вчерашний лейтенант Красной Армии»³³. Встретив в городке пленных, которых гонят на работу, Софронов сравнивает их со столпниками на фресках Феофана Грека: «коричневые, большегла-

³⁰ Там же. С. 200.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 201.

³³ Филиппов Б. Указ. соч. С. 165.

зые, тощие, суровые»³⁴. Отмечает неестественную худобу и голодный блеск в глазах этих оборванных и заросших людей. Во время поездки по деревням за картофелем Софронов в двух метрах от дороги видит небуранный труп «молодого русского военнопленного, в неопишимо рваном тряпье, почти босого»³⁵ и понимает, что его пристрелил конвоир, поскольку человек был не в состоянии двигаться дальше. Крестьянин-возница комментирует этот случай «злобно и угрожающе»³⁶.

От знакомого переводчика в немецкой комендатуре узнает Софронов о том, что один из пленных был публично повешен в алтаре церкви, превращенной в склад, за то, что украл немного продуктов из кладовой.

В повести В. Б. Свена «Цена жизни»³⁷ и его же рассказе «Распятие»³⁸ действие также разворачивается в лагерях для советских военнопленных на оккупированной территории. Писатель, однако, не воспроизводит ни бытовых подробностей, ни общей атмосферы в этих местах. В центре его внимания в обоих произведениях — сложные психологические отношения сильной и яркой личности из числа русских военнопленных с высокопоставленным немецким офицером.

Еще одна тема, только намеченная у Б. Н. Ширяева — судьбы русских эмигрантов и их потомков, оказавшихся в составе оккупационных войск. Таков первый цензор в газете Брянцева, а также группа молодых офицеров, встреченная Вакуленко в Керчи. Подобные персонажи встречаются у многих авторов Второй волны эмиграции, но в основном остаются второстепенными.

Полнее всего судьба героя этого типа представлена в романах Ю. Г. Слепухина «Тьма в полдень»³⁹ и «Ничего кроме надежды»⁴⁰.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 168.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Свен В. Цена жизни: рассказы. Мюнхен: Изд. авт., 1960. С. 5–55.

³⁸ См.: Там же. С. 123–137.

³⁹ См.: Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1: Перекресток; Тьма в полдень. СПб.: Ладога, 2005. С. 431–934.

⁴⁰ См.: Там же. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. СПб.: Ладога, 2006. С. 467–982.

Кирилл Болховитинов — дворянин, чьи родители покинули Россию еще до его рождения, появляется на родине в составе инженерных служб вермахта, руководствуясь убеждением, что немцы пришли и уйдут, а дороги, построенные им в России, останутся. Здесь же показаны еще несколько аспектов жизни в оккупации, практически не затронутые Ширяевым. Это связано с геолокацией представленных событий и с возрастом персонажей. Особую ценность эти романы приобретают также в связи с тем, что автор сам пережил и оккупацию, и угон в Германию, и судьбу «остарбайтера».

В первом романе действие происходит в крупном промышленном центре на Украине. Политика оккупантов в отношении гражданского населения во многом определялась смешанным национальным составом жителей города. Немецкое руководство всячески поддерживало украинских националистов. Поощрялось громкое выражение ими радости «по поводу освобождения “ридной Украины” от москальского ига»⁴¹. Из этнических украинцев создавались отряды допомовной допомоговой полиции», одетые в «опереточные жовто-блакитные мундиры»⁴². В газете «Висти» печатались статьи о всемирном жидомасонском заговоре. Высокий процент еврейского населения в городе определил показательные и наглядные действия по «решению еврейского вопроса».

Главные герои романа — молодые люди, только что окончившие школу, в основном комсомольцы. Проблемы и особенности жизни в оккупации показаны в их восприятии и через их судьбы. Очень значимой поэтому оказывается проблема насильственного вывоза в Германию рабочей силы, коснувшаяся в первую очередь именно молодежи. Ю. Г. Слепухин подробно и всесторонне освещает этот аспект жизни в оккупации. В романе продемонстрировано, как проходил набор потенциальных «восточных рабочих» на бирже труда и в ходе настоящих облав. Рассказано об отношении большинства молодых людей к этому набору и о разных способах его избежать. Отказавшись служить переводчицей у немцев, оказалась угнанной на работы в Германию одна из главных героинь романа Людмила

⁴¹ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1: Перекресток; Тьма в полдень. С. 588.

⁴² Там же. С. 575.

Земцева. Во втором романе писатель проследил судьбы остарбайтеров вплоть до окончания войны.

Молодежь оккупированного города в романе Ю. Г. Слепухина настроена в целом просоветски. Работу «на немцев» воспринимает как компромисс, как вынужденную крайними обстоятельствами меру: «Половина города работает на немцев! Водопровод, электростанцию вот пустили — по-твоему, там все только предатели... Или трусы, да? А там просто люди. И у них семьи, и детей нужно кормить, и я их совершенно за это не осуждаю...»⁴³. По большей части молодые люди верят в победу Красной Армии и действуют соответственно. Многие сознательно выбирают работу простую и тяжелую, необходимую для жизнеобеспечения города. А свое согласие стать продавщицей в комиссионном магазине, который посещают немцы, главная героиня романа Татьяна Николаева рассматривает как вынужденную необходимость в сложившейся ситуации. Прямое же сотрудничество с немцами, как и многие ее сверстники, она считает или откровенным предательством, или допустимым только для осуществления/прикрытия нелегальной деятельности.

Часть молодых людей, оставшихся в оккупированном городе, в том числе Николаева, участвует в деятельности советского подполья, которое возникает спонтанно, по убеждению. По настоянию комсорга Кривошеина Татьяна соглашается работать машинисткой в гебитскомиссариате, узнав об акции по уничтожению евреев: «Иначе нельзя, — в этом все и дело. Просто нельзя иначе! Это даже и не подвиг, потому что настоящий подвиг — это когда есть свобода выбора, когда можно этого и не сделать, но ты делаешь; когда можно остаться в стороне, в безопасности, но ты сознательно избираешь опасность. А у нее ведь сейчас нет никакой свободы выбора; из всех видов необходимости самая жестокая — это необходимость нравственная, необходимость совершить то, чего требует от тебя твоя совесть»⁴⁴. Потеряв во время бомбежки всю свою семью, движимый жаждой мести, становится подпольщиком Володя Глушко. У каждого находится свой мотив для активного сопротивления. Здесь важно отметить, что

⁴³ Там же. С. 529.

⁴⁴ Там же. С. 653.

у Слепухина показано только советское подполье. Оно представлено как единственная патриотическая сила в немецком тылу, действия ее оцениваются автором положительно.

Жизнь гражданского населения в столице оккупированной Украины показана в автобиографической повести⁴⁵ Т. П. Фесенко и ее же документальных очерках⁴⁶. В бытовом плане картина в целом здесь соответствует той, что дана в романе Ю. Г. Слепухина: голод, холод, разруха. Есть, однако, и существенные различия. В Киеве не было такого жилищного кризиса, как в промышленном Энске. В первые годы войны по совокупности причин население украинской столицы сократилось втрое. Поэтому, показывает Фесенко, несмотря на то что центр города был полностью разрушен, а лучший квартал Липки занят немцами, жилья оставалось достаточно.

Вопрос о голоде в Киеве Т. П. Фесенко тесно связывает с проблемой неприязненного отношения крестьян к горожанам. В романе Ю. Г. Слепухина об этом также упоминалось, но вскользь. У Фесенко этот аспект рассмотрен детально: пережившее страшный «голодомор» село мстит городу. На продукты крестьяне выменивают у горожан вещи на самых выгодных для себя условиях. И откровенно глумятся над людьми, оказавшимися в беспомощном положении.

Автобиографическая героиня Т. П. Фесенко по возрасту немногим старше молодежи из романа Ю. Г. Слепухина. Вчерашняя студентка и комсомолка, она сама считает себя продуктом советского воспитания. Однако врожденная склонность к рефлексии и гуманитарное образование приводят к специфическому восприятию событий и их интерпретации.

Для героини Фесенко неоднозначен ответ на сакраментальный вопрос «Кто виноват?». За проблемы, возникшие у населения оккупированного города, по ее мнению, в равной степени ответственны и те, кто этот город «взял», и «сдавшие» его. Отношение мирного населения к оккупантам Фесенко показывает в динамике. Она отмечает, что поначалу многие киевляне встречали немцев как освободителей.

⁴⁵ См.: Фесенко Т. Повесть кривых лет. Нью-Йорк: Новое рус. слово, 1963.

⁴⁶ См.: Павлова Н. [Фесенко Т. П.]. Киев, войной опаленный // Новый журнал. Кн. 27. С. 202–224 ; Кн. 28. С. 213–227 .

Надеялись с их помощью устранить советскую власть. Рассчитывали на их поддержку в создании нового и свободного Российского государства. Многие мужчины прятались от насильственной эвакуации, хотели остаться на оккупированной территории.

В первые дни оккупации немцы представлялись многим киевлянам посланцами из другого, лучшего, ранее запретного для них мира. Однако нити, начавшие было связывать завоевателей с завоеванными, оказались очень непрочными. Фесенко четко ранжирует и подробно описывает действия немецкой администрации, настроившие против нее киевлян. Прежде всего, это геноцид евреев. Очень негативно отреагировали горожане на насильственную отправку людей на работу в Германию и на вывоз туда зерна из голодающего города. Формированию отрицательного отношения к оккупантам способствовало многое и в повседневном бытовом поведении последних. В результате в массовом сознании из «врагов-освободителей» оккупанты превращаются просто в заклятых врагов.

Несмотря на это, для персонажей произведений Т. П. Фесенко работа в государственных учреждениях в период оккупации вполне приемлема. Этот способ выживания они считают нравственно оправданным, в отличие от воровства, мародерства и спекуляции.

Жизнь в оккупированных городах Ленинградской области (Пушкине, Павловске, Тосно и Гатчине) показала Л. Т. Осипова (О. Г. Полякова) в «Дневнике коллаборантки»⁴⁷. Уже в предвоенном СССР она и ее муж были тайными, но последовательными и непримиримыми врагами советской власти. Оба принадлежали к так называемой «внутренней эмиграции». Поэтому все описываемые события воспринимаются и изображаются автором в соответствующем ее убеждениям ракурсе. Тем не менее картина в целом соответствует тому, что представлено в произведениях других прозаиков второй эмиграции.

Написанное в форме дневника, это произведение близко к циклу публицистических очерков. Записи начинаются в первый день войны (22 июня 1941) и завершаются 5 июля 1944, когда автор с мужем выезжает из Риги в Германию. Дневник ведется нерегулярно, лакуны составляют от нескольких дней до нескольких недель. Это откровен-

⁴⁷ См.: «Свершилось. Пришли немцы!»... С. 63–187.

ные и очень эмоциональные заметки, явно рассчитанные, однако, на то, что их будут читать другие, в том числе, совсем посторонние люди.

Города, о которых пишет Осипова, осенью 1941 оказались на фронтовой или прифронтовой территории. К общим для всех оккупированных мест голоду, холоду и разрухе здесь прибавились артобстрелы с обеих воюющих сторон, разрывы снарядов прямо на улицах и во дворах. Так же, как и Фесенко, Осипова показывает эволюцию в отношении населения к оккупантам. Сотрудничество с ними для автора дневника не просто допустимо, но совершенно необходимо для борьбы с ненавистной ей советской властью. Однако даже у нее самой и ее единомышленников появляется и все более усиливается неприязнь к этим «союзникам». Вместе с тем растет у людей из близкого окружения Осиповой и неприятие советской власти. Они все сильнее ощущают себя в положении «между двух звезд», о котором подробно рассказано в романе Л. Д. Ржевского.

Осипова не только фиксирует события, свидетелями которых стала. Ее задача состоит в том, чтобы доказать: коллаборационизм был оптимальным способом борьбы за освобождение России от большевизма с использованием для этого внешних обстоятельств.

Приведенные примеры наглядно показывают основные особенности «жизни под немцами», представленные в прозе второй эмиграции. Систематизируя их, можно сделать следующие выводы. Вышеописанной частью отечественной словесности создано яркое, многогранное и достаточно целостное полотно, отразившее значимое социально историческое явление. Картина эта безусловно тенденциозна, раскрывает взгляды и оценки событий, свойственные именно представителям Второй волны эмиграции. В то же время она глубоко информативна, знакомит с множеством конкретных реальных деталей и событий, характеризующих изображаемую действительность. Как самостоятельное явление эта картина заслуживает внимания. По-настоящему ценной, однако, делает ее сопоставление и объединение с изображением тех же событий в советской и современной русской литературе. В любом случае, произведения на эту тему писателей Второй волны эмиграции — ценный вклад в отечественную культуру, заслуживающий интереса читателей и внимания исследователей.

КОВАЛЕВ Борис Николаевич,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН;
профессор
Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого
(Россия, Санкт-Петербург)

**ВНУТРЕННИЕ ЭМИГРАНТЫ?
ОБМАНУВШИЕ НАДЕЖДЫ ГЕББЕЛЬСА:
АННА АХМАТОВА И МИХАИЛ ЗОЩЕНКО**

Аннотация: В качестве своих потенциальных союзников гитлеровские пропагандисты видели людей, как-либо подвергнувшихся репрессиям со стороны советской власти. Также нацисты активно использовали художественные произведения, в которых критиковались реалии жизни в Советском Союзе. Поэтому им представлялось, что такие писатели и поэты, как Михаил Зощенко и Анна Ахматова, будут силой своего творчества на их стороне или же будут молчать. Но Зощенко и Ахматова не стали «внутренними эмигрантами». Их литературные произведения явились вкладом в общую антифашистскую борьбу нашего народа.

Abstract: Hitler's propagandists regarded people who were persecuted by the Soviets as their potential allies. The Nazis also actively used works of art that criticized Soviet everyday realities. They thought it possible that writers and poets, such as Mikhail Zoshchenko and Anna Akhmatova, would be on their side using their creativity to influence their compatriots or at least remain silent. However, Zoshchenko and Akhmatova did not become "internal emigrants" in the Soviet Union. On the contrary, their literary works were a contribution to the anti-fascist struggle of the Soviet people.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацистская пропаганда, советская пропаганда, коллаборационизм, Анна Ахматова, Михаил Зощенко.

Keywords: Great Patriotic War, Nazi propaganda, Soviet propaganda, collaborationism, Anna Akhmatova, Mikhail Zoshchenko.

Одними из своих потенциальных союзников гитлеровцы видели тех, кто так или иначе был обижен советской властью. Особое место здесь занимала творческая интеллигенция. Сам по себе Третий Рейх не отличался культурным плюрализмом. Художественные предпочтения большинства вождей нацистской Германии вполне укладывались в апологетизацию культа силы, радости и красоты человеческого тела, производительного труда на благо «тысячелетнего Рейха». Все остальное считалось признаками «дегенеративного искусства», насаждаемого евреями.

Важной чертой нацистской идеологии была ее особая приверженность примитивизму, рассчитанному на эффективное воздействие на пассивные, политически неопытные и малообразованные слои населения. С этим было связано и характерное для идеологии фашизма подразделение на идеологию масс и идеологию элиты. Подобная градация изначально закладывала в нее систему двойной морали — для рабов и для господ¹.

За несколько дней до нападения на СССР в директиве, обращенной к вермахту, Альфред Розенберг, сам бывший подданный Российской империи, заявил о том, что «применение всех средств активной пропаганды в борьбе против Красной армии обещает больший успех, чем в борьбе со всеми прежними противниками Германии»².

Для людей, оказавшихся в условиях гитлеровской оккупации, был подготовлен целый комплекс пропагандистской литературы. На страницах русскоязычной коллаборационистской печати регулярно появлялись статьи под характерными названиями: «К интеллигенции!», «Освобожденному народу — народное искусство», «О месте русской интеллигенции в этой войне».

¹ См.: Галкин А. А. Германский фашизм. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Наука, 1989. С. 271.

² Цит. по: История Второй мировой войны, 1939–1945: в 12 т. Т. 3: Начало войны; Подготовка агрессии против СССР. М.: Воениздат, 1974. С. 318.

Нацистская пропаганда требовала, чтобы русские литераторы и живописцы, театральные артисты и музыканты полностью пересмотрели те художественные позиции, которые «были насильно введены большевиками». Творческих работников призывали «как можно скорее очистить культуру и искусство от всех вредных наслоений, образовавшихся за годы жидовско-большевистского засилья»³.

При этом специально оговаривалось, что «пересмотру подлежит не одно советское искусство, продукт очевидной лжи, но и дореволюционное, которое служило тонким орудием разложения народа, сея смуты и недовольства, чем с успехом пользовалось еврейство в подготовке революционных взрывов и потрясений»⁴.

Специальные комментарии обращали особое внимание слушателей и читателей на такие аспекты творчества отечественных деятелей литературы и искусства, которые или замалчивались при советской власти, или на них просто не акцентировали внимание: германофильство, религиозность и антисемитизм.

Жестко критикуя порядки сталинского Советского Союза, нацистские, особенно коллаборационистские пропагандисты всячески подчеркивали, что в СССР никогда не было подлинной свободы для самовыражения любого творческого работника. Причем вне зависимости от того, кто он: писатель, поэт, композитор, художник или скульптор. Если была возможность, подробно описывалась его гибель от руки кровавых «жидо-большевиков».

В псковской газете «За родину» на протяжении нескольких месяцев публиковалась серия статей «Поэты — жертвы большевизма». В одной из них прозвучало имя Анны Ахматовой как вдовы Николая Гумилева. Борис Филистинский написал: «25 августа 1921 года под Петербургом был расстрелян чекистами один из наиболее значительных русских поэтов XX века — Гумилев. Поэт расстрелян. Книги его изъяты из советских библиотек. Имя предано забвению. Так вспомним же его и отслужим <...> молебен о здравии России. И панихиду о нем»⁵.

³ Речь (Орел). 1942. 15 марта.

⁴ Там же. 17 мая.

⁵ За родину (Псков). 1943. 2 нояб.

Гораздо сложнее дело обстояло с живыми деятелями культуры и искусства. Хотя, по всем представлениям и заявлениям гитлеровцев, они должны были активно и искренне поддержать «крестовый поход народов Европы против ига жидо-большевизма», но на практике все обстояло не так. Почему выдающиеся представители российской интеллигенции оказались в рядах их противников? Этот вопрос весьма волновал и раздражал нацистских пропагандистов.

Анна Андреевна Ахматова — знаковое явление в русской поэзии XX века, в немалой степени трагическое. Ее отношения с советской властью складывались не лучшим образом.

Сатирика и юмориста Михаила Михайловича Зощенко не только издавали как в Веймаровской⁶, так и нацистской Германии⁷. Нацистские пропагандисты, даже не владевшие русским языком, могли прочитать очень многие произведения этого советского писателя. Его образы мещан, хулиганов, пьяниц и бюрократов трактовались как самые типичные портреты советских людей, порожденных властью коммунистов.

Произведения Зощенко нравились и руководителям нацистской Германии. Из дневника Альфреда Розенберга, запись от 30 апреля 1940 г.:

«...За обедом со смехом обсуждался перевод русской книги “Товарищ, спи быстрее”⁸. Фюрер полночи просидел за книгой, читая о картинах описанной ”с юмором” нужды, царящей в Советском Союзе. Книги были немедленно розданы тем, кто не был знаком с текстом...»⁹.

Этот эпизод (без указания на точную дату) описан и в тюремных воспоминаниях Альберта Шпеера: «Довольный собой Гитлер крутил головой, с вызовом глядя на почтительно внимающих гостей.

⁶ См.: *Soschtschenko M.* 1) *Die Stiefel des Zaren: Erzählungen aus dem heutigen Russland* / [a. d. Russ. übers. v. J. Kalmer; Zeichn. v. E. Ohser]. Berlin: Büchergilde Gutenberg, 1930; 2) *Teterkin bestellt einen Aeroplan* / berecht. übers. a. d. Russ v. J. Kalmer. Leipzig; Wien: Prager; [C. E. Krug], 1931.

⁷ Адольф Гитлер зачитывался книгой: *Schlaf schneller, Genosse: Sowietrussische Satiren* / [a. d. Russ. übertr. u. mit e. Nachwort versehen v. G. Willinsky]. Stuttgart; Berlin: Rowohlt, [1940].

⁸ Это рассказ Михаила Зощенко 1935 года «Спи скорее».

⁹ *Розенберг А.* Политический дневник, 1934–1944. М., 2015. С. 245.

По своему обыкновению, он резко сменил тему и заговорил о каких-то пустяках. На протяжении нескольких месяцев темой разговоров в Бергхофе была книга Зоценко “Спи скорей, товарищ”. Гитлер пересказывал отрывки, пока не начинал задыхаться от смеха.

Борман получил приказ послать шофера в Мюнхен и для каждого из нас купить по книге. Я так и не узнал, что ему больше нравилось: юмор Зоценко или его критика Советского Союза....»¹⁰.

В русскоязычной коллаборационистской прессе немало публикаций было посвящено именно такой современной русской литературе. Как уже отмечалось, особенно выделялись и популяризировались авторы, так или иначе пострадавшие от советской власти. Одним из них была Анна Ахматова.

В статье «Путь женской песни» в коллаборационистской газете ее автор Е. Вронская патетически восклицала: «Последние полвека вскрыли пред нами исключительный пафос женской решимости на освобождение. Вся женская поэзия тех лет звучит вызовом и протестом. После романтических напевов земной любви женщина прошла через глубокие философские раздумья, и в наши дни тема ее песен — уже не любовь и не тоска, а мужество, бодрость в великие святыни материнства»¹¹.

Особое внимание было уделено характеристике творчества Ахматовой: «Вся в личных переживаниях и настроениях, от самой первой строки до последней, — Анна Ахматова. Она когда-то подарила русской поэзии изумительные женские признания, песни растерянности и прощальных вздохов. Но эти песни любви отпеты, отжиты радости, и она стала тоже странницей в раздумье, в скорбях и слезах»¹².

Поразительно, но на оккупированной территории России достаточно быстро узнали о самоубийстве Марины Цветаевой. Правда, в газетах сообщалось, что она повесилась в Москве, а не в Елабуге, как это было на самом деле. Немалое количество лет Цветаева провела в эмиграции, и, по мнению гитлеровских пропагандистов,

¹⁰ Шпеер Альбер Шпандау: тайный дневник. М., 2014. С. 169.

¹¹ За родину (Псков). 1942. 20 нояб.

¹² Там же.

ее творчество было свободно от советской цензуры. Приводились следующие данные из Большой советской энциклопедии: «Октябрьскую революцию Цветаева восприняла крайне враждебно. С 1922 года живет в эмиграции, где написала ряд поэм, заключающих в себе резкие выпады против коммунизма.

Последние годы Марина Цветаева дошла до воспевания семьи Романовых, а ее манера стихосложения выродилась в голый ритмический формализм»¹³.

Но даже в материале, посвященном другому поэту, нашлись слова, восхваляющие Ахматову, подчеркивающие ее особое место в современной русской поэзии: «Марина Цветаева — современница Анны Ахматовой, которой ее обычно противопоставляют как соперницу, но которую сама Цветаева, неспособная на половинчатые чувства и умевшая или любить всей душой, или ненавидеть всем своим существом, почитала до полного обожания»¹⁴.

В 1943 в Риге достаточно большим тиражом — 6000 экземпляров вышла «Антология русской поэзии». Составитель антологии Иван Полтавский (наст. фам. и имя Просяник Иван Максимович. — Ред.) не дал обширного предисловия к своей книге, а ограничился лишь несколькими замечаниями, охарактеризовав с антисоветской точки зрения «сущность большевистского отношения к наследию литературы»: «Когда Россия переживала дни великой смуты 1917 года, русская культура была объявлена вне закона»¹⁵.

Из рецензии К. \ого следует, что «антология Ивана Полтавского отличается от известных нам книг этого рода уже тем, что ее составитель отказался от второстепенных имен и тем самым получил возможность более полно представить избранных им авторов. Конечно, по количеству стихов наиболее полно пред-

¹³ Там же. 28 нояб. Неточная цитата из первого издания указанного источника; ср.: «Октябрьскую революцию <Цветаева> встретила враждебно, с 1922 — в эмиграции, где написала ряд поэм, заключающих в себе резкие выпады против коммунизма. В последние годы Ц<ветаева> дошла до воспевания семьи Романовых, а ее манера стихосложения выродилась в голый ритмический формализм» (Т. 60: Холангит — Цянь. М.: Совет. энцикл., 1934. Стб. 323).

¹⁴ За родину. 1942. 28 нояб.

¹⁵ Там же. 1943. 21 дек.

ставлены такие авторы, как Бунин, Гумилев, Ахматова и Георгий Иванов»¹⁶.

Известный коллаборационист, добровольно перешедший на сторону гитлеровцев в 1941, редактор оккупационной газеты «За родину», журналист и художник Анатолий Макриди (1902–1982; псевдоним — Стенрос) противопоставлял творчество Анны Ахматовой «Краткому курсу истории ВКП(б)», высмеивая главную книгу коммунистов того времени. «Если девушка получит в день именин... Впрочем, именины предрассудок. Ну, скажем, если ко дню рождения девушка получит в подарок краткий курс истории ВКП(б), то совет ей да любовь с несгибаемым ухажером.

И любовь тогда не предрассудок, а законное революционное переживание, укрепляющее позиции мирового пролетариата во всей его непримиримой борьбе с капитализмом, фашизмом и оппортунистами всех мастей.

Совсем другое дело — томик стихов Анны Ахматовой. Если после такого преподношения девушка не сумеет преодолеть своего влечения к прихвостню мелкобуржуазной идеологии, то чувство ее быстро переместится в категорию опасных контрреволюционных предрассудков»¹⁷.

Однако до населения оккупированной территории нашей страны доходила информация, что Анна Ахматова не просто жива, но и находится где-то в советском тылу. Ее антифашистские стихи и выступления по радио никак не вписывались в тот образ, который столь активно рисовали нацистские пропагандисты. Поэтому требовалась определенная корректировка в подаче ее имени. Причины сотрудничества Ахматовой с советской властью коллаборационисты объясняли очень просто: шантаж жизнью единственного ребенка. «И теперь, когда мать его участвует в гнусной советской пропаганде, когда ура-патриотические сталинские строки фальшиво вырываются из ее истерзанной души — не судите ее слишком строго... Нам ясна подоплека этого “национально-большевистского подъема” у поэтессы, за всю жизнь свою не написавшей ни одной сочувствующей советской

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. 1944. 26 июня. В это время газета печаталась в Риге.

системе строчки. Матери и жены поймут эту несчастную жену растерзанного ЧК и мать томящегося в лагерях НКВД. Да, это крик “ура” смертника у самой плахи»¹⁸.

В статье «Как напечатали Анну Ахматову» приводятся слухи о том, что ее издание в 1940 в Ленинграде, после 17-летнего перерыва, было связано с просьбой Светланы Аллилуевой к своему отцу. При этом бóльшая часть тиража оказалась уничтожена. А сейчас, после начала войны с Германией, «под угрозой гибели сына в когтях НКВД, — Ахматова снова пишет — пишет надутые, фальшивые агитки. Чего не сделаешь для спасения своих детей! Скверно, но понятно»¹⁹.

Это, конечно, стечение обстоятельств, но осенью 1941 Анна Ахматова и Михаил Зощенко выступили единым антифашистским фронтом. Конечно, стихотворение, опубликованное в «Ленинградской правде», не очень похоже на абсолютное большинство произведений Анны Андреевны:

19 июля 1941 г.

Вражье знамя
Растает, как дым,
Правда за нами,
И мы победим²⁰.

В июле она напишет свою «Клятву» — присягу на верность городу и Родине перед лицом наступающего врага:

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!²¹

¹⁸ Там же. 1943. 2 сент.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ленинградская правда. 1941. 19 июля.

²¹ Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 [8] т. Т. 2. Кн. 1: Стихотворения, 1941–1959 / [сост., подгот. текста, коммент. и ст. Н. В. Королевой]. М.: Эллис Лак, 1999. С. 258.

Актом огромного гражданского мужества явилось выступление Анны Ахматовой по Ленинградскому радио в конце сентября 1941. Город уже находился в кольце блокады. Очень остро вставала проблема нехватки продовольствия. Вести с фронтов были самыми ужасающими: 19 сентября Красная армия оставила Киев. В этих условиях некоторые представители ленинградской интеллигенции захотели по различным надуманным «уважительным» причинам публично обозначить свою позицию. Несколько человек отказались от участия в антифашистских программах Ленинградского радио. Город жил под угрозой вторжения врага, стал фронтом, и, предощущая возможность оккупации, эти люди просто не хотели рисковать и вещать в эфир на всю страну о своем советском патриотизме и ненависти к гитлеровцам²².

Но Ахматова безоговорочно приняла это предложение. Она была нездорова, у нее не было сил добраться от канала Грибоедова до радиокомитета, который находился на углу Манежной площади и Малой Садовой, и ее записывали в квартире М. М. Зощенко. Запись производила Ольга Федоровна Берггольц. Выступление было переслано в Москву и оттуда зазвучало на всю страну: «Ленинград в дни смертельной схватки говорил и голосом Ахматовой»²³.

В книге Ольги Берггольц приводятся выдержки из того самого выступления Ахматовой: «Мои дорогие согражданки, матери, жены и сестры Ленинграда. Вот уже больше месяца, как враг грозит нашему городу пленом, наносит ему тяжелые раны. Городу Петра, городу Ленина, городу Пушкина, Достоевского и Блока, городу великой культуры и труда враг грозит смертью и позором.

Я, как и все ленинградцы, сейчас живу одной непоколебимой верой в то, что Ленинград никогда не будет фашистским»²⁴.

Приведя этот текст выступления Ахматовой, Ольга Берггольц особо подчеркнула, что передачи из Ленинграда слушали не только люди в нашей стране, — их слушал весь мир, поэтому было очень важно, чтобы из Ленинграда звучали голоса тех людей, «которых

²² Там же. С. 259.

²³ Там же. С. 260.

²⁴ Берггольц О. Говорит Ленинград... : главы из кн. М.: Совет. Россия, 1964. С. 15.

знала вся земля»; «слушали, конечно, и фашисты. Слушали и записывали, как потом выяснилось, фамилии всех выступавших, мечтая, что вскоре рассчитаются с ними»²⁵.

Ахматову эвакуировали в глубокий тыл на самолете. Как она считала, по личному распоряжению И. В. Сталина. Даже на борту самолета Анна Андреевна писала стихи о блокадном Ленинграде. В далеком Ташкенте долгие месяцы она сопереживала своему Городу. Огромной радостью стало сообщение о полном снятии блокады Ленинграда. 29 февраля 1944 она создала стихотворение «Победителям»:

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть.
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!²⁶

Это маленькое стихотворение, конечно, несколько наивно. Оно пронизано лексикой не Великой Отечественной, а Первой мировой войны. Это упоминание тяжелого артиллерийского орудия 1914 «Большая Берта», а также Евангелие от Иоанна: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13). Но насколько искренне Ахматова радуется наступлению «советской пехоты»!

Через два года, 14 августа 1946, выйдет постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». После этого Анна Ахматова и Михаил Зощенко будут исключены из Союза писателей СССР. Обвинение заключалось в том, что они устроились от «участия в социалистическом строительстве». Их произведения стали изыматься из книжных магазинов и библиотек.

²⁵ Там же. С. 16.

²⁶ Красноармеец. 1946. № 10. С. 2.

Можно предположить, что официальная неприязнь в СССР к очень популярному до войны Михаилу Зощенко в это время была до какой-то степени вызвана его демонстративным восхвалением в нацистской прессе. Причем не только русскоязычной. Многие его рассказы были переведены на немецкий язык. Его подавали как зеркало советской действительности.

Журналист-коллаборационист, подписавший свой очерк о писателе В. В-нов, так характеризовал творчество советского писателя: «Юмор Зощенко всегда с интересом читался и за пределами Советского Союза, ибо в нем ясно отражаются недостатки нравственной и общественной жизни советских граждан, одностороннее развитие и жуткие обстоятельства людей, живущих под “солнышком великой Сталинской конституции”»²⁷.

Зощенко ставили на один уровень с Гоголем и Салтыковым-Щедриным. Его творчество оценивалось в превосходных тонах: «Михаил Зощенко — единственный из советских писателей, подкупающий своей непосредственностью. Вот кто не думает о своем успехе, никогда не старается вызвать улыбку. Зощенко просто рассказывает о том, что видел, что удалось ему наблюдать»²⁸.

Следует отметить, что нацистские пропагандисты весьма активно использовали советские сатирические и юмористические произведения, естественно, за исключением написанного писателями-евреями. Зощенковскую насмешку над мещанами, бюрократами, хамами и туеядцами они трактовали исключительно с глобальных позиций: «Под веселой словесной шумихой, сквозь сверкающий покров солнечности выступают ярко и образно выписанные им (Зощенко — Б. К.) печальные стороны нынешней большевистской жизни, и только тонкость его юмора заставляет иногда не замечать этих мотивов. В каждом рассказе у Зощенко, в его миниатюрных жанровых картинах отражается трагическая картина советской жизни»²⁹.

В условиях войны нацистские пропагандисты делали вид, что своим творчеством этот писатель делает общее с ними дело: «Очень

²⁷ Новый путь (Рига). 1942. 1 апр.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

трудно в настоящих условиях советской жизни так весело и заразительно смеяться, как смеется Зощенко, но, тем не менее, преодолевая все препятствия, стоящие на пути писателя-юмориста, он крепнет и, судя по новейшим его рассказам, позволяет ждать от него еще большей широты тем, еще большей ясности его юмора»³⁰.

Рассказы Михаила Зощенко не только регулярно публиковались на страницах коллаборационистских газет. Его творчество активно использовали эстрадные артисты. Так, в статье «Молодая труппа рижских артистов» сообщалось о том, что «на днях в освобожденные области выезжает в гастрольную поездку новая труппа молодых рижских артистов. Труппа предполагает побывать в Дно, Острове, Нарве, Гатчине и, вероятно, во Пскове»³¹.

Что касается репертуара, то он был следующим: «Нынешний гастрольный репертуар молодой труппы в меру разнообразен. В течение полуторачасовой программы зритель услышит пение, оркестровое исполнение, юмористические рассказы и увидит как классические, так и характерные танцы.

Конферансье, — он же и художественный руководитель этой замечательной труппы, — Алексей Нарубин обеспечивает надежный контакт зрителей со сценой, но этим его роль в программе не ограничивается; он читает рассказ Зощенки “Лимонад”, способный развеселить самого мрачного зрителя»³².

Михаил Зощенко, безусловно, был очень хорошо известен в Советском Союзе. Он был одним из примеров для пропаганды тех писателей, творчество которых не было столь известно широкому читателю: «Михаил Булгаков, — безусловно, один из самых выдающихся писателей, на долю которых выпал очень тяжелый крест жить и работать в Советском Союзе.

Булгаков — многогранный и разносторонний писатель. Он вошел в историю художественной литературы и как автор героических романов, и как своеобразный драматург, и как создатель иронически-сатирического направления в советской литературе (такие по-

³⁰ Там же.

³¹ За родину. 1943. 21 марта.

³² Там же.

пулярные авторы юмористических рассказов о советской действительности и советском обывателе, как, например, Михаил Зощенко, и открыли новые возможности в том же жанре)»³³.

И это было правдой. У Зощенко появились новые темы. С самого начала Великой Отечественной войны Михаил Зощенко активно печатал свои антифашистские рассказы и фельетоны, которые публиковались в «Крокодиле», «Смене», «Огоньке» и других журналах и газетах.

Многие из произведений Зощенко были написаны о нацистском оккупационном режиме, преступлениях немецких солдат, деятельности советских партизан. В журнале «Крокодил» он опубликовал фельетон «Чингис-хан с самолетом»: «В XII столетии Чингис-хан прошел, как смерч, по земле. <...> Мужчин поголовно истребляли. Женщин насиловали и уводили в плен, а детям разбивали головы о камни. <...> Снова мусор от разрушенных городов, снова груды убитых детей, снова непомерная жестокость и лютая ненависть — фашистская армия повторяет то, что было восемь веков назад»³⁴.

Весьма язвительен фельетон «Добро пожаловать!». В нем рассказывалось о бывшей дворянке Анне Ивановне Л., которая так долго ждала европейских освободителей от ига большевиков; «...она мечтала дожить до тех дней, когда что-то изменится, и она вновь увидит галантных мужчин и услышит изящную французскую речь»³⁵. На практике же немецкие солдаты выгнали ее из квартиры, отобрав при этом все теплые вещи. Заканчивается это произведение так: «Нет, я не знаю, как жила Анна Ивановна при немцах.

Но когда Красная Армия вошла в город, Анна Ивановна вышла на улицу с цветами в руках.

Она подала свои цветы танкистам и сказала, задыхаясь от волнения:

— Милые мои!.. Уважаемые!.. Добро пожаловать!»³⁶

³³ Там же. 29 июня.

³⁴ Крокодил. 1941. № 5.

³⁵ Там же. 1943. № 34–35. С. 3.

³⁶ Там же.

В немалой степени это было правдой. Реалии жизни граждан Советского Союза накануне Великой Отечественной войны были не самыми простыми. Да и отношение к интеллигенции со стороны власти тоже: не «класс», а «прослойка». Наиболее тяжело приходилось тем, кто не мог или не хотел вписываться в жесткие каноны социалистического реализма. Однако столкнувшись со страшным врагом своего Отечества — германским нацизмом, они оказались в лагере борцов с ним. Геббельс был посрамлен.



ТЕРЕНТЬЕВ Вячеслав Олегович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры ОИПС
Государственного университета морского и речного флота
им. адмирала С. О. Макарова
(Россия, Санкт-Петербург)

**УКРАИНСКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ
НА ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ.
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
281-ГО КАВАЛЕРИЙСКОГО БАТАЛЬОНА
ВО ФРАНЦИИ В 1943–1945 ГГ.)¹**

Аннотация: 281-й украинский кавалерийский ост-батальон был одной из первых коллаборационистских частей, созданных в 1942 г. на Восточном фронте из украинских казаков. Он был сформирован при 281-й охранной дивизии, предназначенной для охраны тыла и борьбы с партизанами на северо-западе РСФСР. Основным контингентом стали пленные бойцы Красной Армии, изъявившие желание воевать в рядах вермахта. К осени 1943 г. батальон оказался ненадежен, и применять его по назначению оказалось небезопасным. Германское командование перебросило его на Западный фронт — во Францию. Здесь он был еще раз пополнен украинскими эмигрантами из казаков и вступил в борьбу с французским Сопротивлением. Кроме карательных экспедиций против отрядов Сопротивления и выполнения охранных функций, батальон продолжил порочную практику уничтожения мирных поселений и их жителей. С высадкой союзников в Нормандии широкий размах приобрело дезертирство из батальона. Действия коллаборационистов не были связаны с национальной или политической нетерпимостью, а представляли собой яркий пример приспособленчества и международных преступлений военного и уголовного характера. Украинский батальон на службе Гитлера был блокирован американскими войсками в составе гарнизона крепости Лорьян и 8 мая 1945 г. капитулировал. В статье представлена деятельность 281-го украинского кавалерийского ост-батальона во Франции в период 1943–1945 гг.

¹ Текст печатается в авторской редакции.

Ключевые слова: Вторая мировая война, 281-й кавалерийский батальон, украинский батальон, украинские казаки, коллаборационисты, каратели, Франция, Сопротивление, Лорьян.

Abstract: The 281st Ukrainian Cavalry OST Battalion was one of the first collaborationist units raised in 1942 on the Eastern Front of Ukrainian Cossacks. It was formed by the Headquarters of the 281st Security Division, designed to protect the rear and fight partisans in the north-west of the RSFSR. The main contingent consisted of captive soldiers of the Red Army, who expressed a desire to fight in the ranks of the Wehrmacht. By autumn of 1943 the battalion has become unreliable, and it was not safe to use it for its intended purpose. The German command transferred it to the Western Front, to France. Here it was once again replenished with Ukrainian emigrants from among the Cossacks and joined the struggle against the French Resistance. In addition to punitive expeditions against resistance groups and performing security functions, the battalion continued the vicious practice of destroying peaceful settlements and their inhabitants. The Allies having landed in Normandy, desertion from the battalion became widespread. The actions of the collaborationists were not related to national or political intolerance, but were a vivid example of opportunism and international crimes of military and criminal nature. The battalion capitulated in Lorient on May 8, 1945. The article presents the activities of the 281st Ukrainian Cavalry OST battalion in France during 1943-1945.

Keywords: World War II, 281st cavalry battalion, Ukrainian battalion, Ukrainian Cossacks, collaborators, punishers, France, Resistance, Lorient.

Вопрос коллаборационизма один из самых непростых среди дискутируемых в современном историческом пространстве. В настоящее время национальный коллаборационизм нередко представляется как форма борьбы с коммунизмом. При этом забывается, что в таком случае коллаборационистами под видом «коммунистов» воспринимались все граждане СССР «от мала до велика», поскольку военные и уголовные преступления коллаборационистов значительно преобладают над военными «победами и подвигами». Недаром коллаборационистские формирования

немецкое командование и применяло, в основном, против партизан и мирного населения, ибо боевая ценность таких частей и подразделений была близка к нулю.

Украинский коллаборационизм, восхваляемый и героизируемый ныне на Украине, являлся одним из самых массовых и ожесточенных. Общее количество украинцев, служивших Гитлеру, приближается к числу в 250 тысяч человек². Необходимо отметить, что не все они являлись «идейными борцами с коммунизмом», а представляли, чаще всего, преступников, конформистов и приспособленцев. Многие сознательно шли на службу в коллаборационистские части для последующего перехода на сторону Красной армии и советской власти.

281-й кавалерийский ост-батальон (украинский) (Ost-Reiter-Abteilung 281 (Ukrainische)) был одной из первых коллаборационистских частей, созданных в 1942 г. на Восточном фронте из украинских казаков. Он был сформирован при 281-й охранной дивизии, предназначенной для охраны тыла и борьбы с партизанами на северо-западе РСФСР. Основным контингентом стали пленные бойцы Красной Армии, изъявившие желание воевать в рядах вермахта. Однако ряд младших командиров украинского происхождения прибыл в батальон из-за рубежа — из эмигрантских кругов. Необходимо отметить, что на Украине в последние десятилетия на всех уровнях — от обывательского до государственного ширится ревизионизм истории Второй мировой войны, происходит переоценка и героизация национального коллаборационизма, очернение советской армии и памяти воинов, погибших за освобождение от нацизма³. Однако в действительности не все было однозначно. При взвешенном исследовательском подходе можно видеть иную карти-

² Абдуллаев Н. А. К вопросу об этническом коллаборационизме в годы Второй мировой войны. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. Сб. ст. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2015. С. 150–158.

³ Терентьев В. О. К проблеме «черной пехоты»: северо-запад России, 1944 г. // Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор сохранения мира и цивилизации. Сборник статей по материалам Международной научной конференции. Пенза, 2019. С. 255–262.

ну, нежели представленную в одиозных советской или современной ревизионистской литературе. В начале своего существования 281-й кавалерийский батальон (украинский) оправдал надежды гитлеровцев и активно участвовал в антипартизанских акциях. Однако с расширением «добровольческого» набора он стал использоваться пленными красноармейцами как способ перейти к партизанам, на сторону советской власти. На протяжении 1942–1943 гг. украинский батальон действовал на территории современной Псковской области и показал себя в двух диаметрально противоположных ипостасях. С одной стороны — украинские казаки, люто ненавидящие советскую власть, вымещали свою классовую и национальную злость на псковских обывателях, выжигая мирные деревни с жителями под предлогом борьбы с партизанами. С другой стороны — батальон трижды сменил состав своих подразделений из-за удачных и неудачных попыток перехода коллаборационистов на сторону партизан. Около сотни украинцев пополнили ряды Ленинградских и Калининских бригад, еще больше оказались расстреляны своими соратниками или возвращены в лагерь. К осени 1943 батальон оказался настолько ненадежен, и что применять его по назначению стало небезопасным. Для сохранения части германское командование перебросило его на Западный фронт — во Францию.

Часть несколько раз за время своего существования меняла название. С 23 октября 1942 и до января 1945 носила наименование «281-й кавалерийский ост-батальон (украинский) (Ost-Reiter-Abteilung 281 (Ukrainische))». Штабы частей и соединений, дислоцированных во Франции, в значительно меньшей степени интересовали национальные подробности «восточных войск», поэтому в документах 1944 г. он часто именуется без указания «украинский».

В октябре 1943 г. 281-й кавалерийский батальон (украинский) среди многих других «восточных войск» был переведен из 281-й охранной дивизии в 7-ю немецкую армию (Северная Франция) для борьбы с французским Сопротивлением. 9 октября 1943 г. на основании распоряжения ОКХ 281-й кавалерийский батальон (украинский) был переведен на новый штат от 7 октября (штаб, 4 боевых эскадрона (ORA Schwadron) и штабная рота) и направлен в распоря-

жение главнокомандующего «Запад». 11 октября 1943 г. батальон на Островском вокзале был погружен в эшелон и направлен в Бретань⁴.

По новому штату в каждом боевом эскадроне полагалось 3 50-мм миномета 50-мм и 6 легких пулеметов. В действительности в батальоне имелось: 1 45-мм противотанковая пушка 45-мм, 1 — 81-мм, 13 — 50-мм минометов, 18 легких (ручных), 9 тяжелых пулеметов. Все вооружение было трофейное — советского производства. В батальоне было 5 грузовиков (2 Шевроле (2,5 т.), 2 советские полуторки и 1 Бедфорд (1,5 т.)). Еще в сентябре 1943 г. в батальоне числилось 7 офицеров, 102 унтер-офицеров и солдат немцев, 661 украинец⁵. Однако во Францию прибыло значительно меньше — общей численностью не более 500 (вместе с немцами).

Батальоном командовал риттмейстер фон Вальдтхаузен. Его заместителем по ост-персоналу (а не командиром, как указывалось в ряде изданий) полковник Ф. Гудима⁶. 1-й эскадрон возглавлял гауптман фон Поол (Hauptman von Pool); 2-й эскадрон — гауптман доктор Фабрициус; 3-й эскадрон — гауптман фон Бернсторф (Hauptman Graf von Bernstorff); 4-й эскадрон — гауптман Радке (Hauptman Radke).

⁴ NARA. T-315. R-1874. f.60-63,265.

⁵ NARA. T-315. R-1874. f.75.

⁶ Гудима Федор Авксентьевич — полковник бывшей армии УНР. Во Франции был «национальным» командиром (помощником при немецком командире) 281-го кавалерийского батальона. был полковник бывшей армии УНР Федор Авксентьевич Гудима. В ряде справочников упоминается, что он при гетмане П. Скоропадском командовал 4-м казачьим пешим полком 1-й стрелковой казачьей дивизии («серожапанников»). Однако это — ошибка, командиром был его брат Михаил. Всего братьев было пятеро: — Федор, Михаил, Андрей, Виталий и Платон. Все они были офицерами РИА, но лишь двое из них пошли на службу к немцам. Михаил служил в Русском корпусе, а Федор возглавил сначала украинский кавалерийский батальон, а затем запасной полк в Дании. Родился он в 1878. Окончил Полтавский кадетский корпус в 1898, Константиновское артиллерийское училище в 1900. Служил в Варшавской крепостной артиллерии. Подполковник РИА. Награжден орденами Св. Станислава 2-й и 3-й ст. В время Гражданской войны служил в штабе армии Украинской народной республики. Награжден Крестом С. Петлюры. В 1943–1945 — «национальный» командир 281-го восточного кавалерийского батальона вермахта. 19 апреля 1945 батальон вошел в состав УНА, а полковник Гудима убыл в Данию, где возглавил 4-й (4/81-й) Украинский запасной полк. С 1950 проживал в США. Ум. 20 окт. 1966 в Нью-Джерси.

Первоначально (в ноябре 1943 г.) 281-й кавалерийский батальон (украинский) на Западе был подчинен 700-му командованию восточными войсками специального назначения, который объединял восточные части 7-й полевой армии. Его вместе с 285-м велосипедным батальоном (украинским), прибывшим из 285-й охранной дивизии, включили в состав 752-го «восточного» полка спецназначения (созданного на базе штаба крепостного гренадерского полка), прикомандированного к 243-й пехотной дивизии 25-го армейского корпуса. Полк в составе двух украинских батальонов, саперной и санитарной рот, дислоцировался в Гранвиле (Granville, Нормандия), на стыке 25-го и 84-го корпусов. Им командовал Oberst Coretti. В ряде современных изданий по коллаборационистам 281-й батальон ошибочно указан в составе 721-го полка⁷.

13 ноября 1943 на доукомплектование 4-го эскадрона в 281-й батальон поступили казаки и украинцы расформированного 207-го кавалерийского ост-батальона.

В начале 1944 281-й батальон (украинский) вместе с другими частями 752-го полка (629-й ост-батальон, 752-я тяжелая ост-батарея) обучался в военно-учебном центре Коэкидан (Coëtquidan) в восточной части Бретани. Здесь же происходило доформирование артиллерийских и саперных частей «восточного» полка. В середине февраля 281-й батальон участвовал в карательной экспедиции против сил Сопротивления в районе Бо (Baud). Это стало «выпускным экзаменом» для украинцев на службе Гитлеру⁸.

К середине февраля обучение было закончено и 17 февраля 281-й кавалерийский батальон (украинский) был направлен в Гранвиль, где вместе с 521-м охранным батальоном подчинен штабу 721-го «восточного» полка специального назначения. Он объединял оперативные и «восточные» части 74-го армейского корпуса, развернутого в северной части Бретани. Здесь 281-й кавалерийский и 521-й охран-

⁷ Махно В. Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины (издание 2-е исправленное и дополненное). Севастополь, 2009.; Ost-Reiter-Abtl 281. <https://bretagne-39-45.forums-actifs.com/t130-ost-reiter-abtl-281> (10.6.2020).

⁸ Les unités allemandes et la chasse à la résistance. <https://bretagne-39-45.forums-actifs.com/t80-les-unites-allemandes-et-la-chasse-a-la-resistance>

ный батальоны вошли в состав войск берегового оборонительного узла J2 (KVUG J2) «Атлантического вала»⁹. Узел обороны J2, на который прибыли украинские коллаборационисты, был один из самых длинных на Нормандском побережье и проходил от Шербура до Авранша.

Из-за значительного числа прибывших в 7-ю армию «восточных» частей штаб 721-го полка вскоре был преобразован в штаб 721-й дивизии специального назначения генерал-майора Столберга. Он объединил несколько «восточных» батальонов (602-й «Днепр» белорусский, 635-й русский, 627-й волго-татарский, 281-й украинский), а также 521-й охранный, два немецких пехотных батальона из 266-й и 346-й дивизий и смешанный дивизион 266-го артиллерийского полка (с «восточной» батареей)¹⁰. Внутри дивизии батальоны в марте были объединены в три полка — 701-й, 751-й, 752-й. 281-й батальон вошел в состав 751-го¹¹.

Для повышения устойчивости управления в условиях угрозы вторжения союзников 2 апреля 1944 участок берегового оборонительного узла J2 (KVUG J2) «Атлантического вала» был передан из зоны ответственности 74-го армейского корпуса (северная Бретань) в 84-й (западная Нормандия). На этом участке для управления «восточными» частями применялся 752-й «восточный» полк специального назначения полковника Кесслера (Коретти — заместитель), воссозданный из 700-го командования «восточных» войск. Полк был выведен из 721-й и оперативно подчинен 243-й пехотной дивизии. При этом в северной, наиболее уязвимой части узла J2, были сосредоточены войска самой 243-й пехотной дивизии, а в южной — от Портбая до Авранша — 752-го полка. Первоначально полку были подчинены 281-й кавалерийский и 635-й ост-батальоны. Позже в его состав вошли 797-й грузинский батальон, 752-й «восточный» артдивизион и 752-я саперная рота. 25 апреля штаб 721-й дивизии

⁹ Ost-Reiter-Abtl 281. <https://bretagne-39-45.forums-actifs.com/t130-ost-reiter-abtl-281> (дата обращения: 10.06.2020)

¹⁰ Zaloga S. J. *Brittany 1944: Hitler's Final Defenses in France*. Oxford: Osprey, 2018. P.25.

¹¹ Махно В. Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины (издание 2-е исправленное и дополненное). Севастополь, 2009.

спецназначения был переформирован в штаб 136-й дивизии особого назначения. 281-й батальон остался в подчинении 752-го полка (полковника Коретти) и был дислоцирован в Керон (Queron, Kairon, 7 км. южнее Гранвиля)¹².

В середине апреля в восточной Бретани активизировались французские партизаны и десантники-диверсанты. Для борьбы с ними была сформирована тактическая кампфгруппа Хейнца, которая объединяла антипартизанские формирования 25-го армейского корпуса. 25–26 апреля на основании распоряжения штаба 7-й армии в ее состав спешно передавался 281-й кавалерийский батальон (украинский). В приказе корпуса № 1331 четко указывалось, что после прибытия батальона использовать его для борьбы с «бандами» в составе кампфгруппы Хейнца вместо боевых немецких частей 265-й пехотной дивизии. По окончании операции 281-й батальон планировалось оставить в подчинении штаба 25-го корпуса как подвижный отряд.

5 мая 281-й сменился 635-м «восточным» батальоном, и украинцы выдвинулись по железной дороге в состав 25-го корпуса. 6 мая батальон прибыл в Ванн. Приказом №1498 от 10 мая он был подчинен и 12 мая 1944 года вошел в состав тактической группы Хейнца 25-го АК. Этим приказом из группы Хейнца вывели немецкие и вспомогательные части, кроме штаба и одного батальона 894-го полка. 281-й батальон разместился: штаб — Мореак (Moréac), 1-й эскадрон — Бьёзи (Bieuzy), 2-й эскадрон — Кистеник (Quistinic), 3-й эскадрон — Незен (Naizin), 4-й эскадрон — Генен (Guénin). Однако уже на следующий день размещение было изменено, а три из пяти эскадронов были приданы 265-й пехотной дивизии: 2-й — в Генен (Guénin), 3-й — в Кистеник (Quistinic), 4-й — в Незен (Naizin). 14 мая 1-й эскадрон, будучи в составе группы Хейнца занял свои позиции в Мелране (Melrand). 19 мая 2-й эскадрон был переведен в Локмине (Locminé), а 3-й — в Бо (Baud). 20 мая группа Хейнца была расформирована, и 281-й батальон подчинен 265-й дивизии. В Локмине был переведен штаб батальона.

¹² Ost-Reiter-Abtl 281. <https://bretagne-39-45.forums-actifs.com/t130-ost-reiter-abtl-281> (дата обращения: 10.06.2020)

В начале июня, при высадке союзных войск в Нормандии, батальон был передан из 25-го в 84-й корпус и возвращен в состав 752-го восточного полка специального назначения (командир оберст Кесслер) на побережье Нормандии в район Гранвиля. Неподалеку, в Деде, был расположен 635-й русский ост-батальон, ближе к Шербуру — 797-й грузинский батальон. Штаб полка находился в Гавре (Gavray). Полк сменил 30-ю резервную велосипедную бригаду, которая была брошена в бой с союзниками на участке 352-й пехотной дивизии¹³. Вместе с тяжелой артиллерией 752-й полк обеспечивал охрану побережья Нормандии со стороны залива Сен-Мало и островов Джерси на участке J2 «Атлантического Вала». Одновременно он обеспечивал охрану тыла 84-го армейского корпуса, уже вступившего в бой с союзниками, от французских партизан и десантников¹⁴. Сектор ответственности 281-го батальона пролегал от Гранвиля до Авранша. Вскоре 635-й и 281-й батальоны поменялись местами. Украинские казаки выведены в резерв и расположились близ Фолиньи (Folligny).

Наращение вооруженного сопротивления FFI (Forces françaises de l'Intérieur) и десантников в Бретани заставили немецкое командование передать часть сил 281-го батальона в состав 13-го армейского корпуса. 14 июня 1-й эскадрон на автомашинах и лошадях прибыл в Каре (Carhaix) между Брестом и Лорьяном. Здесь батальон занял под свои машины гараж отеля «Энаф» (Hénaff)¹⁵. Эскадрон приказом штаба корпуса № 2130 от 22 июня вместе с кампфгруппой Бартеля (Bartel) из 343-й дивизии использовался для обеспечения безопасности в зоне «Гемене» (Guéméné). С 1 июля эскадрон на основании приказа № 2239 был передан в 25-й корпус, подчинен 265-й пехотной дивизии и переведен в Ростренен (Rostrenen).

К 19 июня 281-й украинский батальон, расположенный в Ла Э-Пенель (La Haye-Pesnel) был выведен из состава 752-го полка, который в составе 609-го, 797-го и 521-го батальонов вступил в бой

¹³ Zetterling N. Normandy 1944. Oxford: Casemate, 2019. P.145.

¹⁴ Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA) RH 20-7/138K, Lagekarte AOK7 6.6.1944.

¹⁵ Ost-Reiter-Abtl 281. <https://bretagne-39-45.forums-actifs.com/t130-ost-reiter-abtl-281> (дата обращения: 10.06.2020)

с союзниками. На всем участке от Кутанса до Авранша урезанный на один эскадрон 281-й батальон остался в единственном числе и при этом выполнял задачи по охране побережья и обеспечению тыла 84-го корпуса. В июле положение сохранялось¹⁶. После 10 июля в район дислокации 752-го полка стали прибыли части 275-й пехотной и 5-й добровольческой дивизий. 281-й кавалерийский батальон был отведен в район Локмине, где приступил к охране тыла 25-го армейского корпуса. В состав батальона из Ростренена в Мелран был возвращен 1-й эскадрон.

В июле 1944 г. вместе с немцем Карлом — адъютантом фельдждан-дармерии, из 1-го эскадрона дезертировали трое украинцев, которые присоединились к 4-й роте 1-го батальона FTP (Francs-Tireurs et Partisans)¹⁷.

В 5 часов утра 14 июля 1944 года в районе деревень Кервернан, Керган и Керюде (Kervernen, Kergant, Kerhudé) в Плюмеляу 2000 карателей окружили и атаковали лагерь партизан и десантников (4-ю роту 1-го батальона FTP). Часовые были расстреляны, но рота быстро получила подкрепление (половина войск вернулась в лагерь с боевой операцией). В бою, на стороне французов, принимали участие перебежчики из 281-го батальона. Бои шли до 17 часов. В результате ожесточенного сражения и ценой больших потерь бойцы Сопrotивления (FTP) сумели прорвать немецкие блокировочные линии, форсировать реку Блаве (Blavet) и отступить в Бьёзи (Vieuzy) и Кистеникский лес (Quistinic). Немецкие потери оцениваются в 150 раненых или убитых. 1-й украинский эскадрон, попал в засаду, которая стоила ему 52 убитых. Еще 10 украинцев сбежали и в дальнейшем участвовали во французском Сопrotивлении¹⁸. Разъяренные нацисты добивали раненых на месте. Они сожгли дома и фермы в Керне-не. Пленных доставили в Локмине, где их жестоко пытали, а затем казнили в Ботсегало (Botségalo) южнее Колпо (Colpo). После того как

¹⁶ Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA) RH 20-7/138K, Lagekarte AOK7 3.7.1944.

¹⁷ Les unités allemandes et la chasse à la résistance. <https://bretagne-39-45.forums-actifs.com/t80-les-unites-allemandes-et-la-chasse-a-la-resistance>.

¹⁸ Ost-Reiter-Abtl 281. <https://bretagne-39-45.forums-actifs.com/t130-ost-reiter-abtl-281> (дата обращения: 10.06.2020)

29 июля 1944 года были расстреляны командиры Сопротивления и десантники ферма в Родю (Rodu) была сожжена. 62 француза были убиты или расстреляны.

На этом каратели не остановились и была подготовлена новая операция по поиску и уничтожению отрядов Сопротивления в Бретани. 21 июля в состав 281-го батальона, развернутого для карательной акции, был возвращен автопарк из Каре. 22–24 июля 1944 г. на дороге Сент-Адриен — Кистеник южнее Понтиви (Pontivy) гитлеровцами была проведена операция «Шаровая молния» (Kugelblitz). В операции, кроме 281-го батальона, действующего со стороны Мелрана, Кистеника и Локмине, участвовали крепостные подразделения 25-го армейского корпуса, батальон (I./Sich.Rgt.194) Брюгема-на (Brüggemann) со стороны Юзея (Uzel), часть кампфгруппы Бартеля, а также две роты 1221-го охранного батальона (Sich.Btl.1221) со стороны Плуе (Plouay) и Ле Фауэ (Le Faouet).

Боевые подразделения французов ускользнули от преследования, но в часовне Нотр-Дам-дю-Клотре, расположенного на горе в лесу у замка Вильнев-Жакло (Villeneuve-Jacquelot), был обустроен госпиталь-лазарет FTP, который возглавлял молодой медик-студент. Там находились 15 раненых бойцов Сопротивления. 24 июля 1944 в 4.00 украинские каратели из 1-го эскадрона обнаружили лазарет и убили 11 партизан. В честь погибших на трассе D3 между Бо (Baud) и Бюбри (Bubry) в настоящее время стоит монумент памяти.

Вскоре немецкая администрация в Бретани оказалась под угрозой. В начале августа американские танковые дивизии прорвали немецкий фронт под Авраншем и вышли на оперативный простор в восточной Бретани. После разгрома основных соединений вермахта американцам оказывали сопротивление только небольшие сводные отряды гитлеровцев.

3 августа Гитлер объявил Лорьян «фестунгом» (крепостью)¹⁹. В Лорьян были отведены остатки разгромленных под Авраншем войск.

После оккупации Франции в порту Лорьяна была построена самая крупная военно-морская база подводных лодок Германии. Для защиты базы, как с моря, так и суши было построено около 400

¹⁹ Zaloga S. J. Brittany 1944: Hitler's Final Defenses in France. Oxford: Osprey, 2018. P.33.

железобетонных сооружений. Для обороны было приспособлено 11 старых французских фортов. Оборона на суше состояла из трех укрепленных линий. Первая из них находилась на удалении 24 км от города. Практически все ДОТы оборонительных линий имели артиллерийско-пулеметное вооружение. Общее количество артиллерийских орудий крепости составляло 197 единиц разного калибра. Однако разведка американцев оценила артиллерию противника в 500 стволов. Предполье и береговая линия были густо «усыпаны» минными полями, противотанковыми препятствиями и опутаны колючей проволокой. ПВО крепости состояла из 340 зенитных орудий, причем 90 из них имели калибр больше 75-мм. Гарнизон крепости насчитывал около 26 тысяч человек. Командовал гарнизоном командир 25-го армейского корпуса генерал артиллерии В. Фармбахер.

В состав гарнизона Лорьян вошли:

265-я пехотная дивизия (в июле-августе кампфгруппа дивизии участвовала в боях в Нормандии и понесла критические потери; командир — г-л. Х.Юнк); в ее составе, кроме основных сил были 634-й, 636-й, 654-й, 1221-й ост-батальоны, 798-й грузинский, 800-й северокавказский, 281-й кавалерийский и 285-й велосипедный украинские батальоны;

десять крепостных рот, 115-е артиллерийское командование (4 артдивизиона), 4-я морская зенитная бригада (12 дивизионов), четыре морских артдивизиона береговой обороны, части обеспечения — связи, фельджандармерии, строительные, саперные, войска комендатуры и обеспечения порядка, подразделения разведки и гестапо.

281-й украинский батальон, был выдвинут вперед на центральном участке обороны Лорьяна. В качестве боевого охранения укрепрайона, он занимал оборону с батареей конной артиллерии по р. Блаве в районе Аннебона (Hennebont). Подразделения с противотанковыми пушками заняли оборону в каменных строениях по западному берегу реки: на заводе, в бетонных казематах и т.д. Западнее, у Кодана (Caudan), занял оборону 285-й велосипедный батальон. Украинцев привлекли к строительству противотанковых заграждений, установке минных полей и оборудованию пулеметных и противотанковых позиций.

Американская армия в лице 4-й танковой дивизии (160 танков М4 75mm и около 350 БТР М3А2), продвигаясь от Авранша и Ренна, достигла Лорьяна 6 августа 1944 года. В ночь на 6 августа состоялся брифинг командного состава по штурму Лорьяна. Дивизия действовала двумя боевыми группами — «А» полковника Б.С.Кларка и «В» бригадного генерала Х. Е. Дагера.

Около 6.00 продвигаясь к Аннебону, 3-й (разведывательный) взвод 37-го танкового батальона, возглавлявший колонну группы «А», вступил в бой с частями «русской белой» (по американской терминологии, которую ошибочно нынче тиражируют современные СМИ Франции) кавалерии (это был Ost-Reiter-Abteilung 281) (из состава кампфгруппы полковника Хаберсанга (KG Oberst Habersang). Восточнее Аннебона американская разведка была задержана украинцами у блокпоста. На помощь разведке прибыла усиленная танковая рота D. В ходе боя американцы форсировали противотанковые заграждения, обошли минные поля, и выдвинулись к плотине, которая еще не была заминирована немецкими и украинскими саперами. Американцы заняли Аннебон, и передовые танки 3-го взвода уже готовились пересечь мост, когда немцы взорвали плотину вместе с оборонявшимся на ней подразделением украинского батальона. Украинские снайперы организовали засаду на американцев, убили 3 танкиста и ранили 1. Вскоре немецкие противотанковые пушки, установленные на высотах к западу от реки, открыли огонь по танкам и бронетранспортерам. Попытка отправить мотопехоту через реку на штурмовых лодках для создания плацдарма не удалась, поскольку германская тяжелая артиллерия начала обстрел американцев. В ходе боя американцы понесли потери и вынуждены были отойти. Авангард 4-й танковой дивизии под фланговым огнем немецких и украинских противотанковых пушек двинулся на север. В 12.25. он захватил мост в Лохристе (Lochrist) севернее Аннебона, занял плацдарм и через Лохрист двинулись основные силы.

Тем временем две американские танковые роты 94-го бронетанкового батальона группы «А», обходившие во фланг Аннебон на север через Сен-Жиль (Saint-Gilles), столкнулись с «русским» (по американской терминологии) кавалерийским отрядом (это были

подразделения Ost-Reiter-Abteilung 281), оборонявшим этот подход к мосту. Здесь в бою за мост американцы понесли большие потери (погиб даже командир роты С капитан Дейл Ф. Смит), но противник (подразделения 281-го батальона), по их мнению, был полностью уничтожен. Американские ветераны назвали этот бой «одной из самых кровавых сцен, свидетелями которых был танковый батальон». Накануне, 6 августа в Керпотансе (Kerpotence) и Сен-Жиле украинскими карателями были расстреляны 5 французов, оказывавшие помощь американцам.

После прорыва американцев через Блаве, в Локристе и Сен-Жиле они попытались обойти позиции 281-го батальона через Энзензак и атаковать во фланг в Кодане, но там в бой вступил 285-й батальон²⁰. К В этот же день группа «В» 4-й танковой дивизии вышла через Плуе (Plouay) с севера к Лорьяну и заняла Пон-Скорф (Pont-Scorff). После проведенной разведки группа атаковала Лорьян в западном секторе, но, потеряв 105 человек (в т. ч. 20 убитых), 3 танка и 5 БТР, отошла²¹.

В течение дня 281-й украинский батальон понес большие потери, особенно в конском составе. В ходе боя у Аннебона вновь возникли беспорядки — в одном из эскадронов из многих желающих сдать свое оружие двое украинцев были убиты своими товарищами. Тогда остальные их окружили, разоружили и перестреляли командиров. Тем не менее, батальон остался воевать на немецкой стороне. Задержав 37-й американский танковый батальон, украинцы отступили в Ланестер-Лорьян, взорвав 4 моста. После выхода американцев к передовой линии обороны Лорьяна, 281-й батальон был выведен в резерв сектора и разместился в Ланестере (Lanester, восточный район Лорьяна).

7 августа у Аннебона и вдоль р.Блаве заняли позиции бойцы 7-го Морбианского батальона FFI. 7 и 9 августа 281-й украинский батальон вновь отличился в карательных акциях и преступлениях против населения: он участвовал в расправах над местным населением

²⁰ Battalion diary du 37th Tank Battalion. // US Army Armor School Library. Doc. № 837 TB 106; Don M. Fox. Patton's Vanguard: The United States Army Fourth Armored Division. McFarland, 2007.

²¹ Zaloga S. J. Brittany 1944: Hitler's Final Defenses in France. Oxford: Osprey, 2018. P. 33–34.

в Аннебоне после отхода американцев²². 19 жителей западного Аннебона были расстреляны 7 августа, когда восточную освободили части американцев и Сопротивления. 7-й батальон FFI эвакуировал жителей города во избежание повторения трагедии. 8 августа для защиты населения от украинских карателей в Аннебон из Боа прибыл 5-й батальон FFI.

9 августа американская боевая группа «А» из Локриста безуспешно попыталась прорваться в Лорьян через Кодан. 10 августа 7-й батальон FFI занял окраину Аннебона: линия фронта прошла вдоль железной дороги с юга, разрезая Аннебон пополам. 12-го августа украинцы провели разведку опорного пункта Керлуа (Kerlois) у Аннебона, но были отбиты. 11 августа 9 жителей деревни Вильнев (Villeneuve) неподалеку от Пон-Скорфа были хладнокровно расстреляны 285-м украинским батальоном²³.

Вечером 9 августа передовые силы 4-й танковой дивизии США выступили от Лорьяна в Нант. До 16 августа группа «В» вела ожесточенные бои у Кевана (Quéven), пытаясь прорваться на Лорьян. Здесь вместе с немцами оборонялся 285-й украинский батальон. 10 августа группой «В» был зачищен район Пон-Скорфа. 10 августа вокруг Лорьяна замкнулось кольцо окружения. Между союзниками и немецкими войсками возникла нейтральная полоса шириной около 500 метров. 12 августа группой «А» была осуществлена безуспешная попытка прорваться к Киберону (Quiberon). Шли бои у Эрдевана (Erdeven) и Плуарнеля (Plouharnel). В дальнейшем американцы более не решались атаковать крепость «в лоб», ограничиваясь регулярным обстрелом с тяжелых корабельных орудий и бомбардировкой авиацией²⁴.

14 августа главные силы 4-й танковой дивизии ушли из-под Лорьяна на восток. На замену 4-й стали прибывать части 6-й танковой дивизии США из-под Бреста. Первой прибыла группа «А», затем группа «R».

²² Ost-Reiter-Abtl 281. <https://bretagne-39-45.forums-actifs.com/t130-ost-reiter-abtl-281> (дата обращения: 10.06.2020)

²³ La Poche de Lorient // <https://patrimoine.lorient.bzh/3945/la-poche-de-lorient>

²⁴ Zaloga S. J. *Brittany 1944: Hitler's Final Defenses in France*. Oxford: Osprey, 2018. P. 33–34.

25 августа майор Сопротивления Мансо (Manseau) объединил под Лорьяном 7-й Морбианский и 5-й Финистерский батальоны FFI и включился в осаду крепости. В конце августа в Бретани силами Сопротивления была проведена мобилизация, поставившая под ружье 10 тыс. человек. К 25 октября в дивизии насчитывалось 12 батальонов, в командование дивизией вступил подполковник Морис (Morice). Штаб дивизии располагался в городе Ванн. Подсектором Лорьяна (ок. 5,6 тыс. чел.) командовал майор Мансо. Его штаб дислоцировался в Оре (Auray). На участке ответственности 281-го украинского батальона действовали именно французские бойцы Сопротивления.

В начале сентября американское командование отказалось от планов использования Лорьяна в качестве порта снабжения для союзных войск и перенесло основное усилие на Брест. Американцы решили блокировать Лорьян пехотными частями вместе с французской армией²⁵. 1 сентября группа «В» 6-й танковой дивизии выдвинулась в сторону Орлеана. 15 сентября, группу «А» 6-й танковой под Лорьяном сменили части 94-й пехотной дивизии США. Пехотная дивизия обеспечивала блокаду Сент-Назера и Лорьяна. За сектор Лорьяна отвечала боевая группа бригадного генерала Л. Дж. Фортье. В этот период американцы формировали и готовили к боям французские вооруженные силы из частей Сопротивления и призывников. 26 октября французские силы Сопротивления под Лорьяном были объединены в 19-ю Бретонскую дивизию под командованием генерала Борни-Деборда (Borgnis-Desbordes). Дополнительно сюда прибыл 4-й воздушный пехотный полк и 600 морских пехотинцев. Общие силы французов под Лорьяном составили 20,2 тыс. чел., и они в совокупности с американскими войсками в 1,5 раза превысили силы немецкого гарнизона. Тем не менее, 28 октября у Сент-Элен (Sainte-Hélène) и Этеля (Étel) в ходе тяжелого боя немцы смогли отбить утраченный ранее участок²⁶.

1 января 1945 года 66-я пехотная дивизия «Черные пантеры», действовавшая под управлением 12-й группы армий, приняла участие от 94-й пехотной дивизии США. Генерал-майор Х. Ф. Крамер

²⁵ *Blumenson M.* United States Army in World War II. European Theater of Operations. Washington: Center of military history United States Army, 1961.

²⁶ La Poche de Lorient // <https://patrimoine.lorient.bzh/3945/la-poche-de-lorient>

был назначен командующим 12-й группой армий прибрежного сектора, которая в дополнение к 66-й дивизии включала французские войска, насчитывающие более 30 тыс. чел.²⁷. С прибытием 66-й пехотной дивизии осадный фронт союзников был перераспределен. Западный сектор остался в американской зоне ответственности, а за восточный стала отвечать 19-я Бретонская дивизия. Так основным противником украинцев в 1945 г. оставались французы. Боевые действия во время осады шли вяло — активно действовали только разведывательные партии и артиллерия. Украинские кавалеристы первое время достаточно активно использовались немцами для ведения разведки боем или проведения вылазок на французскую сторону за продовольствием и фуражом. Постепенно, в связи с падежом конного состава и дезертирством украинцев, активные действия были прекращены.

В январе 1945 г. остатки батальона были переформированы в 281-й Украинский кавалерийский батальон (Ukrainische Reiter Abteilung 281), что означало передачу командования от немцев украинским командирам и дифференцирование в системе снабжения гарнизонных частей. Украинцы, как и другие ост-батальоны, в качестве бойцов «второго сорта» снабжались по остаточному от немецких солдат принципу, использовались на тяжелых работах или выполняли конвойные и расстрельные функции. 19 апреля 1945 г. батальон, условно состоявший в УВВ (т. н. Украинской Освободительной армии) был передан в 1-ю дивизию УНА (т. н. Украинской национальной армии) и предполагался к передаче в формируемую 2-ю дивизию УНА при этом оставаясь запертым в крепости Лориен, в составе 265-й дивизии вермахта²⁸. Иногда его ошибочно указывают в Дании²⁹. 10 мая 1945 года, после 277 дней обороны, гарнизон Лориена, и вместе с ним 281-й батальон капитулировал.

²⁷ 66th: The Story of the 66th Infantry Division // http://www.lonesentry.com/gi_stories_booklets/66thininfantry/index.html

²⁸ Боляновський А. Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів, 2003. С. 452, 496; Махно В. Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины (издание 2-е исправ. и доп.). Севастополь, 2009.

²⁹ Там же. С. 493.

Жертвами постоянных американских бомбардировок кроме военнослужащих стали 144 мирных жителя Лорьяна. В ходе осады, по просьбе Международного Красного Креста американцы и немцы время от времени заключали перемирия для эвакуации французских гражданских лиц, страдающих от нехватки продовольствия и американских бомбардировок. Также производились обмены пленными. В ходе боевых действий и гуманитарных операций из восточных батальонов Лорьяна дезертировало и сдалось в плен французам и американцам свыше 300 человек³⁰.

Кроме карательных экспедиций против отрядов Сопротивления и выполнения охранных функций, 281-й украинский батальон продолжал порочную практику уничтожения мирных поселений и их жителей. Однако с высадкой союзников в Нормандии дезертирство из батальона вновь приобрело былой характер. Как видим, действия украинских коллаборационистов не были связаны с национальной или политической нетерпимостью, а представляли собой яркий пример приспособленчества и международных преступлений военного и уголовного характера.



³⁰ La Poche de Lorient // <https://patrimoine.lorient.bzh/3945/la-poche-de-lorient>

КЛИМОВИЧ Людмила Валерьевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Ульяновского государственного
педагогического университета им. И. Н. Ульянова
(Россия, Ульяновск)

РОЛЬ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И МАТЕРИАЛОВ В РАСКРЫТИИ ТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

Аннотация: Представлен обзор современных исследований и опубликованных источников по проблеме отечественного коллаборационизма, которые вошли в сборник «Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма» под редакцией Д. А. Жукова и И. И. Ковтуна. Новые материалы отличаются методологическими подходами, разными оценками авторов и являются важным шагом для понимания сложного дискуссионного вопроса о «сотрудничестве с врагом».

Ключевые слова: история России, коллаборационизм, российские эмигранты, публикация источников.

Abstract: The article provides an overview of both modern research and published sources on the problem of domestic collaborationism, included in the collection “Accomplices. Studies and Materials on the History of Russian Collaborationism” edited by D. A. Zhukov and I. I. Kovtun. New materials differ in methodological approaches, different assessments of their authors, but at the same time they are an important step in understanding the complex and debated issue of “cooperation with the enemy”.

Keywords: history of Russia, collaborationism, Russian emigrants, publication of sources.

События Второй мировой войны вызывают живой отклик у всего человечества. Одной из болезненных тем остается проблема сотрудничества с врагом — фашистами и нацистами. На оккупированной территории СССР во время Великой Отечественной войны

находилось не менее 80 млн советских граждан, из них 30 млн население РСФСР¹.

Поведение каждого из них зависело от многих факторов: часть примкнула к партизанскому движению и стала бороться с захватчиками, другие старались подчиняться нацистам, чтобы спасти свою жизнь и жизнь близких и пережить оккупацию. Но нашлись те, кто пошел на сотрудничество с немцами. Формы такого сотрудничества были различны. Эта тема остается болезненной для исторической памяти нашего народа, поэтому лишь объективное и всестороннее ее изучение призвано ответить на поставленные вопросы.

До 1991 исследования коллаборационизма в основном представлены зарубежными авторами, которые основной причиной его появления считали желание советских граждан бороться с большевизмом. При такой постановке проблемы вопрос о предательстве не ставился. В немногочисленных работах советских авторов причины появления коллаборационизма объяснялись классовой или национальной принадлежностью человека.

Постсоветский период отмечен ростом интереса к этой теме, как среди историков, так и простых граждан. Чрезмерная политизированность приводила к тому, что феномен отечественного коллаборационизма оставался нераскрытым, а работы носили публицистический характер. Поэтому появление новых работ в этой области привлекает всеобщее внимание. В 2020 свет увидело обстоятельное издание под редакцией И. И. Ковтуна и Д. А. Жукова². Отметим, что эта работа является логическим продолжением публикаций редакторов-составителей сборника по теме коллаборационизма³. Они обозначили цель издания так: «Авторский коллектив сборника предпри-

¹ См., в частности: *Ермолов И.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками, 1941–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 7.

² См.: Пособники: исследования и материалы по истории отечеств. коллаборационизма: сб. / ред.-сост. Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. — 464 с.

³ См.: *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Дважды предавшие: бригада СС «Дружина». М.: Вече, 2019; *Они же.* Охотники за партизанами: бригада Дирлевангера. [4-е изд.]. М.: Вече, [2018]; *Они же.* Полиizei: истории, судьбы, преступления. 3-е изд., испр. и доп. М.: Пятый Рим, 2016; и др.

нял попытку с разных сторон рассмотреть отдельные проявления русского коллаборационизма и сотрудничества с нацистами»⁴.

В книге представлены архивные документы и статьи, написанные на материалах зарубежных и российских архивов. В предисловии авторы-составители предпринимают попытку дать определение понятиям «изменники», «пособники», «коллаборационисты».

В выбранный круг сюжетов для сборника, составители отнесли те темы, которые не получили освещения в исторических исследованиях, а именно «персоны, вступившие на путь борьбы против советского государства еще в тот момент, когда Власов воевал в Красной армии»⁵. Именно термин «пособники», по мнению И. И. Ковтуна Д. А. Жукова, наиболее точно отражает суть явления: «В практике советского государства коллаборационистов именовали изменниками Родины, предателями и пособниками врага»⁶.

В статье Ф. Л. Синицина «Коллаборационизм: историко-правовой анализ терминологии» приводится нормативно-правовое обоснование термина «коллаборационизм». Автор отмечает, что «термин “коллаборационизм” в отечественном законодательстве отсутствовал тогда (и отсутствует сейчас), что также является одним из факторов разногласий в толковании этого термина»⁷. При этом клеймо коллаборациониста может повлечь для человека весьма плачевные последствия вплоть до смертной казни.

Одним из ключевых вопросов остаются причины, по которым советские граждане шли на сотрудничество с врагом. Автор выделяет ряд мотивов, толкавших людей к этому поступку: «Психологические мотивы — страх перед жестокостью оккупантов, стремление защитить свои семьи, спастись от тяжелейших условий плена. <...> Низменные мотивы — тщеславие, алчность, месть. <...> Политические мотивы — неприятие советской власти, негативная реакция на социально-политические условия в СССР, в том числе коллективизацию и репрессии»⁸.

⁴ Пособники... С. 9.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Там же. С. 28.

Нормативно-правовой анализ позволил Л. Ф. Синицину дать определение коллаборационизма: «умышленное деяние гражданина (подданного), направленное на причинение ущерба своему государству путем оказания помощи другому государству, которое находится с первым в состоянии войны или вооруженного конфликта»⁹.

Идейная связь российских эмигрантов Первой волны и отечественных коллаборационистов прослежена в исследовании Д. А. Жукова и И. И. Ковтуна «“Викинги всея Руси”. Генезис идеологии и партийное строительство в вооруженных формированиях и гражданских структурах Б. Каминского». Авторы смогли проследить влияние программы Народно-трудового союза российских солидаристов, членов НТС (в частности Р. А. Редлиха) и идей солидаризма на практику и политическую программу «Национал-социалистической партии России» под руководством Бронислава Каминского. Учитывая тот факт, что до сегодняшнего дня партия Каминского не получила должной оценки в отечественной историографии, вклад авторов в научное осмысление темы и дальнейшее ее изучение значителен.

Случай женского коллаборационизма всегда привлекали внимание. В этом плане интересна статья Б. Н. Ковалева «“Царственная вдовица” русского коллаборационизма».

По материалам уголовного дела А. В. Колокольцевой-Воскобойник» о супруге первого руководителя Локотского самоуправления. Показания Анны Колокольцевой из уголовного дела позволили автору продемонстрировать эволюцию взглядов основателя Локотского самоуправления Константина Воскобойника: «Скорее всего, Константин Воскобойник спас себе жизнь тем, что в условиях начавшегося “большого террора” он вновь идет на фальсификацию документов и смену местожительства»¹⁰.

Выбранный автором формат статьи с обширными цитатами из уголовного дела подталкивает читателя к тому, чтобы самостоятельно делать выводы.

С этой целью Б. Н. Ковалев помещает заключительные слова признания Анны Колокольцевой: «Ведь когда перед собой и перед людьми

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ Там же. С. 104.

ты оправдывала свое сотрудничество с немцами, сотрудничество в момент войны, то единственным оправданием для меня служило то, что так нужно для народа. Когда же это оправдание отпало, то оставался один голый факт: ты — изменник Родины. Это трудно сказать, еще труднее написать, а прожить — еще страшнее»¹¹.

Ценны, на наш взгляд, исследования, основанные на архивных документах, хранящихся на Украине. Так, судьба начальника разведки Русской освободительной народной армии (РОНА) «майора Бориса Костенко» (Б. Я. Краснощекова) восстановлена по материалам архива Службы безопасности Украины в статье С. И. Дробязко «“Мне, как еврею, нечего было бороться за власовский манифест...”». Судьба особиста, или история начальника разведки РОНА “майора Костенко”. Автор отмечает, что «скорее всего, Краснощеков никогда не имел намерений изменить тому строю, которому начинал служить в СССР, однако желание выжить и выбор для этого наиболее удобного и выгодного пути привели его к неразрешимому конфликту с жесткой и беспощадной системой»¹².

Работа польского ученого Хуберта Куберского «Восточные добровольцы восточных частей вермахта, войск СС и полиции во время подавления Варшавского восстания (август–октябрь 1944 г.)» основана на широкой базе материалов из архивов Германии и Польши. Своей целью автор ставит отображение объективной картины участия русских и украинских формирований в подавление восстания в Варшаве. Куберский акцентирует внимание читателей на следующем: «При объективном описании восстания в Варшаве особое значение имеют немецкие документы, запросы, полученные из Третьего рейха, поскольку они составляют основу для изучения событий, происходивших в польской столице. Следует также учитывать, что самые чудовищные преступления против гражданского населения остаются для исследователей “тайной за семью печатями” из-за отсутствия желания у ветеранов немецкой полиции, СС и вермахта сознаваться в своих деяниях. Хуже того, практически ни один из немецких историков не попытался

¹¹ Пособники... С. 112. При цитировании сохранены особенности оригинала.

¹² Там же. С. 138.

спросить ветеранов о том, что конкретно происходило на улицах восставшей Варшавы»¹³.

Еще одну «болезненную» тему для российской истории — участие российской эмиграции Первой волны во Второй мировой войне поднимает исследователь А. А. Самцевич. В статье «“За Поглавника и Хорватию”. Русские и украинцы в Усташской войнице» на примере биографических данных автор показывает службу российских и украинских эмигрантов в составе вооруженных формирований Независимого государства Хорватии (НГХ) — одного из сателлитов Третьего рейха. Их послевоенная судьба была разной, некоторым удалось избежать наказания.

Огромную роль в поддержании духа коллаборационных сил играла периодическая печать, мощный инструмент пропаганды на оккупированных территориях. А. Н. Белков в статье «Ложь вместо лжи. К истории печатной периодики “Русской освободительной армии”», анализируя издания «Боевой путь», «Доброволец», «Боец РОА», доказывает, что эта печатная продукция разжигала ненависть к большевикам, призывала вести борьбу с ними и с партизанами, а военнотружеников — переходить в РОА.

Печать, выпускаемая пропагандистами РОА, была внешне схожа с изданиями Красной армии: «В целом данные издания использовали традиционный набор инструментов нацистской пропаганды: антисемитизм, апелляция к инстинкту самосохранения и создание атмосферы недоверия к собственному командованию»¹⁴.

И. В. Грибков касается темы распространения на оккупированной территории СССР русских коллаборационистских журналов. В своей статье «Журнальная измена. Русские коллаборационистские журналы на оккупированной территории СССР» автор приводит библиографические описания 98 изданий, которые позволяют представить масштаб работы подконтрольных немцам органов печати.

Многие архивные материалы до сих пор носят гриф секретности, и когда выходят исследования, основанные на недавно рассекреченных материалах, можно увидеть новые грани темы. Тому примером

¹³ Там же. С. 198.

¹⁴ Там же. С. 243.

служит статья С. А. Митрофанова «Цена измены. По материалам рассекреченных надзорных производств прокуратуры Томской области по делам о госпреступлениях». Через судьбы отдельных людей автор показывает мотивы их поведения: месть или помощь немцам.

Отдельный вопрос — это формирование системы преследования коллаборационистов. Автор приводит в пример большое количество дел женщин, которые жили с немецкими офицерами и в основном были расстреляны НКВД по 58-й статье.

Во второй раздел сборника вошли документы и материалы из российских и зарубежных архивов, которые затрагивают вопросы сотрудничества представителей российской эмиграции с нацистами во время Второй мировой войны и в довоенные годы.

Публикации документов снабжены вступительными статьями и комментариями. Подробные примечания восстанавливают именную состав участников описываемых событий, их краткие биографии.

Переписка генерал-майора В. В. Бискупского и А. Розенберга из фондов Мюнхенского института современной истории подготовлена независимым мюнхенским исследователем И. Р. Петровым. Содержание писем позволяет получить информацию об идеологических взглядах разных кругов российской эмиграции, которые симпатизировали нацизму. Ряд писем был переведен с немецкого языка.

О. И. Бэйда опубликовал воспоминания Дмитрия Ходнева, руководителя Русского общевойскового союза, «Месяц в германской армии» по оригиналу, хранящемуся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. В мемуарах Ходнева, написанных уже после окончания войны, в 1955, рассказано о работе переводчиком в 36-й мотопехотной дивизии вермахта летом 1941 (группа армий «Север»). «Сквозь толщу лет они доносят голос одного из тех белых русских, что пошли в чужих серо-зеленых колоннах, веруя в безвозвратно утраченную к лету 1941 Россию, но на деле борясь на стороне одного из самых преступных и антирусских режимов XX века»¹⁵, — эти слова О. И. Бэйдды предвзвешивают публикацию мемуаров Дмитрия Ходнева.

Воспоминания офицеров Русской национальной армии ближайших соратников Артура Хольмстона (настоящее имя — Борис

¹⁵ Пособники... С. 398.

Смысловский), работавших на абвер и СД, о пребывании в мае 1945 в Княжестве Лихтенштейн подготовлены к печати Д. А. Жуковым и И. И. Ковтуном. В одну публикацию с названием «“Иногда жутко становится вспоминать все прошедшее”» включены мемуары обер-лейтенанта Г. В. Клименко и подполковника К. Е. Истомина, близких к Смысловскому. Несмотря на угрозу выдачи советской стороне, офицеры РНА не отказались от своих взглядов, как отмечают авторы вступительной статьи: «Статьи Клименко и Истомина характеризуются идеологической убежденностью, решимостью продолжать антисоветскую деятельность, причем не только средствами пропаганды, но вооруженным путем»¹⁶.

Заключительным материалом сборника является письмо капитана В. К. Штрик-Штрикфельда бывшему поручику ВС КОНР и члену НТС М. В. Томашевскому (1961). Документ из архива Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына к публикации подготовил и снабдил вступительной статьей А. В. Мартынов. Он напоминает читателю о необходимости критического анализа опубликованного документа, утверждая, что «и воспоминания, и письмо Штрик-Штрикфельда, несмотря на глорификацию вермахта, попытку представить власовцев “жертвами” СС и желание скрыть их преступления, являются ценными источниками, как подтверждающие ранее известные страницы истории отечественного коллаборационизма, так и дающие новые факты, как, например, что школа пропагандистов в Дабендорфе была создана в качестве “противовеса” генералу Восточных войск»¹⁷.

Подводя итог, отметим, что сборник будет полезен и интересен не только исследователям, но и всем читателям, интересующимся темой Второй мировой войны. Опубликованные статьи и материалы намечают дальнейшие пути изучения проблем российского коллаборационизма. Включенные в книгу исследования отличаются методологическим разнообразием, демонстрируют разные оценки, освещают отдельные аспекты «сотрудничества с врагом». Они являются важным шагом в развитии знания и понимания столь сложного дискуссионного вопроса.

¹⁶ Там же. С. 431.

¹⁷ Там же. С. 453.



Раздел IV
ВТОРАЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ
И РЕЭМИГРАЦИЯ



РОДИОНОВА Надежда Александровна,
кандидат исторических наук, доцент
(Россия, Москва)

СЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ: ВОЙНА В ЖИЗНИ ЖЕНЩИН ВТОРОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Аннотация: В ДРЗ отложился массив воспоминаний эмигрантов Второй волны, которые, откликнувшись на призыв А. И. Солженицына, написали о жизни на оккупированной территории и причинах своей эмиграции. Воспоминания не предназначались для публикации, поэтому можно рассматривать их как попытку освободиться от травмы пережитого во время Второй мировой войны и предполагать высокую степень искренности их авторов. Исследование подобных эго-документов позволит лучше понять мотивацию людей, сделавших выбор жить вне родины.

Ключевые слова: Вторая волна эмиграции, биографический нарратив, женские судьбы, коллаборационизм.

Abstract: The Archive of the House of the Russian Diaspora contains a collection of memories of the Second Wave emigrants, who, responding to the call of A. I. Solzhenitsyn, wrote about life in the occupied territory and the reasons for their emigration. The memoirs were not intended for publication, therefore, they can be viewed as an attempt to free themselves from the trauma of the experience during World War II and assume a high degree of sincerity of their authors. The study of such ego-documents will allow a better understanding of the psychology of people who have made the choice to live outside their homeland.

Keywords: Second Wave of emigration, biographical narrative, women's destinies, collaboration.

Большое значение при исследовании Второй волны российской эмиграции приобретает «частная история» — изучение судеб её отдельных представителей, рядовых людей, попавших в жернова мировой войны.

В ДРЗ отложился массив воспоминаний женщин — эмигранток Второй волны, которые, откликнувшись на призыв А. И. Солженицына, написали воспоминания о жизни на оккупированной территории и мотивах эмиграции. Это, в частности, воспоминания Жедилягиной (в девичестве Выдриной; по первому мужу Маковой) Александры Ивановны¹, Тоцкой Валерии Павловны² и Лякав (урожд. Волконской; имя не указано).³ Жизненный путь этих женщин служит наглядной иллюстрацией трагедии пореволюционного периода 1920–1940-х.

Исследователи эпистолярных источников справедливо полагают, что «женские воспоминания реже, чем мужские, содержат упоминания о фактах общественно-политической значимости, однако история в них предстает не только в лицах, но и в подробностях быта, межличностных взаимоотношений, женщины более ориентированы на прошлое, реже пересматривают его негативные аспекты»⁴; благодаря яркости, эмоциональности, свойственной женским мемуарам, эти «исторические улики» больше передают неповторимый «аромат» эпохи и позволяют порой восстановить более глубокие пласты истории.

Методология исследования биографических нарративов не ставит вопрос о правдивости изложенных в нарративе историй жизни, поскольку «представления людей о реальности всегда множественны и всегда субъективны, люди говорят не столько об объективной истине, а о своем опыте переживания этих реалий»⁵. Исходя из того,

¹ См.: ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 85.

² См.: Там же. ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 281.

³ См.: Там же. ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 174.

⁴ *Рождественская Е. Ю.* Гендерные особенности воспоминаний // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой междунар. науч. конф. Росс. ассоц. исследователей жен. истории и Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН 4–7 окт. 2012 г., Тверь. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2012. Т. 1. С. 47.

⁵ *Цветева Н. Н.* Ценностные доминанты автобиографических нарративов: семейные корни, религиозные убеждения и другие ценности и смыслы // (Авто)биография как объект социологического анализа: материалы X чтений памяти В. Б. Голофаства, 3–5 апр. 2018 г. / под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Норма, 2018. С. 72.

что «исторический источник есть объективированный результат творческой активности человека»⁶, изучение биографических нарративов позволяет выявить жизненные стратегии и практики и определяющие их жизнедеятельность ценности и смыслы.

Цель исследования — проследить судьбы женщин — авторов воспоминаний и выявить конкретные мотивы их эмиграции в период Великой Отечественной войны.

Временные рамки ограничены их жизненными историями.

Данная работа опирается на парадигму жизненного пути как многоуровневого феномена, «связующего структурирующие процессы через социальные институты и организации с социальными траекториями индивидов и процессами их развития»⁷. Рассматривая мотивы эмиграции, мы анализируем их в контексте авторских биографий. Их биографии в целом и отдельные этапы и события, равно как индивидуальные установки, оказываются вписаны в исторический и социально-экономический контекст — история инкорпорируется в их биографии.

Мемуаристки относятся к категории так называемых «добровольных беженцев», таковых насчитывается примерно 1 млн советских граждан⁸. Будучи противниками советской власти или пострадавшими от нее в период репрессий, и, оказавшись на оккупированной территории, они бежали из СССР вместе с отступающими фашистскими войсками (В. П. Тоцкая и Лякав). А. И. Жедилягина добровольно отправилась на работу в Германию. В советской юридической практике того времени все категории вольных или невольных эмигрантов одинаково считались «пособниками врага» и «изменниками Родины»

⁶ Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука VS социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. С. 39.

⁷ Ежов О. Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 3. С. 23.

⁸ См.: Дробязко С. И. Восточные войска и Русская освободительная армия // Материалы по истории русского освободительного движения 1941–1945 гг. (статьи, документы, воспоминания): [сб.] / сост.: С. И. Дробязко, А. В. Окорочков; под ред. А. В. Окорочкова. Вып. 1. М.: Грааль, 1997. С. 81; Медведева Т. А., Бушуева С. В. Проблемы формирования второй волны российской эмиграции XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 31–39.

с неизбежным наказанием в виде ареста и пребыванием в лагерях⁹. 27 декабря 1941 ГКО принял Постановление № 1074-сс «О семьях лиц, сотрудничавших с германскими властями». Предполагалось репрессировать семьи не только лиц, сотрудничавших с оккупантами, но и «добровольно отступивших вместе с фашистскими властями»¹⁰.

Существует типология возможных мотивов и целей вовлечения граждан СССР в коллаборационизм в период Великой Отечественной войны¹¹. Автор выделяет три типа мотиваций.

Во-первых, психологические мотивы, обусловленные страхом перед жестокостью оккупантов, стремлением защитить свои семьи, спастись от тяжелейших условий плена. Цель — физическое выживание.

Во-вторых, низменные мотивы — тщеславие, алчность, месть. Стремление «выслужиться», сделать карьеру при оккупационной администрации, «улучшить» свое материальное положение за счет людей, репрессированных или уничтоженных оккупантами. Однако, как представляется, низменные мотивы можно также отнести к ряду психологических.

В-третьих, политические мотивы — неприятие советской власти, негативная реакция на социально-политические условия в СССР, в том числе коллективизацию и репрессии¹².

Социальные портреты всех трех авторов воспоминаний показывают их принадлежность к «бывшим» людям — слоям населения, пострадавшим от советской власти. Лякав (урожд. Волконская) — из обедневшей аристократии, В. П. Тощая — из мелкопоместного дворянства, А. И. Жедилягина (в девичестве Выдрина) — из семьи раскулаченного крестьянина. Их семьи к началу Октября 1917 обладали материальным достатком, однако в результате революции в течение 1918 все их привилегии и источники дохода были ликвидированы

⁹ См.: *Базанов П. Н.* Вторая волна русской эмиграции и лагеря Ди-Пи // *Нансеновские чтения*, 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 468.

¹⁰ Лубянка: Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946 / сост. В. Н. Хаустов и др. М.: Междунар. фонд «Демократия»; Материк, 2006. С. 324 (док. № 206).

¹¹ См.: *Синицын Ф. Л.* Коллаборационизм: политико-правовой анализ терминологии // *Государство и право*. 2019. № 12. С. 136–146.

¹² См.: Там же. С. 139–140.

декретами Совнаркома РСФСР, лишавшими граждан России прежнего социального статуса и права собственности. С утратой социального статуса и прежних доходов семьи утратили и возможности для продвижения своих потомков. В итоге вместо привилегированных и состоятельных общественных групп их семьи стали принадлежать к стигматизируемым новой властью слоям. Революция сильно повлияла на жизнь потомков репрессированных родителей: она вошла в их жизненный мир голодом, холодом, резким падением жизненного уровня. Тексты воспоминаний говорят о том, что их авторы не приняли социалистическую риторику.

Ни одна из женщин не указала свой год рождения, но, судя по воспоминаниям, Волконская и Тоцкая были примерно 1911–1912 года рождения, к началу Второй мировой войны уже побывали замужем и в силу возраста могли более трезво оценивать ситуацию и стратегию поведения в сложившихся обстоятельствах. А. И. Жедилягиной в начале войны было около 20 лет.

Источником дохода семьи Волконской было жалование отца, к которому она питала «особое обожание». Летом семья жила в имении, зимой — в Петербурге. После революции отец, князь и юрист, был объявлен вне закона и эмигрировал. Мать заболела черной оспой, и дети, двое младших братьев, и она сама, девочка-подросток, были отданы в детский дом. Несмотря на юный возраст, Волконская осознавала сложность своего положения: «Мы, воспитанные и выращенные послереволюционным временем, дети своей страны, любящие ее, не имевшие других влияний, вынуждены были сжаться в комочек, вдуматься в новое положение вещей, пронести его через свое сознание»¹³.

Во время войны Волконская с пятилетним сыном была вывезена из блокадного Ленинграда и оказалась на оккупированной позднее территории на Дону. Чтобы спасти сына, у которого в результате полученной травмы началось заражение крови, она обратилась за помощью к представителю немецкой администрации поселка по-немецки. Помощь была оказана: сын был доставлен в больницу, однако в результате Волконская была вынуждена начать работать перевод-

¹³ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 174. Л. 5.

чицей у немцев. Оправданием сотрудничества с оккупантами служило отсутствие восприятия немцев как врагов: «Может быть, на моем месте какая-нибудь героическая личность сказала бы: пусть погибну я и мой ребенок, но не пойду работать к врагу. Я не была этой личностью. А главное — не чувствовала ни в ком врага. Просто не дано мне было это при рождении. Уж не был ли врагом наш “отец народов”, истребивший столько невинных жизней, стерший с лица земли треть огромной страны»¹⁴. Поскольку насильно мобилизована Волконская не была, ее стратегия выживания в экстремальных условиях оккупации подпадает под определение «коллаборационизм»¹⁵.

Опасаясь возмездия за невольное сотрудничество с оккупантами (ср.: «Не мечтайте попасть на родину, пока царствует там Сталин. Вас, если не повесят, то уж наверняка пошлют в концентрационный лагерь. Даже совсем молоденьких девчонок-колхозниц, насильно вывезенных в Германию на самые тяжелые работы и с радостью ожидавших освободительную русскую армию, сейчас же арестовали как изменниц родины и врагов советского народа»¹⁶), Волконская ушла с отступающими немецкими войсками, перебралась в американскую зону оккупации и обосновалась в ФРГ¹⁷.

Решение покинуть родину далось ей нелегко: «Горькие мысли овладели мной. Вот, убегаем сломя голову, спасаемся от своих же соотечественников, покидаем свою страну, свои любимые просторы, родные поля и леса. Жизнь моя в Ленинграде до войны, совсем не легкая, показалась мне раем. У себя дома была в привычной обстановке, окружена людьми, одинаково чувствующими. Правда, из-за громкой фамилии нас изредка отталкивали с детства, но мы все-таки всегда чувствовали себя дома»¹⁸.

¹⁴ Там же. Л. 97.

¹⁵ Согласно определению Ф. Л. Синицына, «коллаборационизм — это деятельность гражданина (подданного), направленная на умышленное причинение ущерба своему государству путем оказания помощи другому государству, которое находится с первым в состоянии войны или вооруженного конфликта». Подробнее см.: Государство и право. 2019. № 12. С.144.

¹⁶ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д.174. Л. 102.

¹⁷ Там же. Л. 103.

¹⁸ Там же. Л. 104.

В годы Великой Отечественной войны и после нее власти СССР рассматривали психологические мотивы участия в коллаборационизме и обусловленную этими мотивами цель (физическое выживание) как имевшие наименьшую общественную опасность¹⁹.

В. П. Тоцкая происходила из семьи служащих. Семья жила в Западной Сибири с 1912. Революцию автор воспоминаний не помнила. Помнить и понимать начала с 1920, когда отца, мирового судью, расстреляли большевики. Оставшись с двумя малолетними дочками на руках, ее мать зарабатывала на жизнь акушеркой в больнице села Тальминка (между Новониколаевском, ныне Новосибирск, и Барнаулом). Снимали угол у крестьянской семьи, девочки учились в сельской школе. Запомнился голод 1920, когда разразилась эпидемия сыпного тифа и эшелоны с голодающими хлынули в хлебную Сибирь.

В 1927, по окончании В. П. Тоцкой семилетки, семья переехала из Сибири в город Судогду Владимирской губернии, так как надо было учиться дальше. Тоцкая поступила в «лесной и сельскохозяйственный» техникум. Стипендию она не получила, поскольку та полагалась только выходцам из семей рабочих, а ее мать — акушерка — относилась к категории служащих. Энтузиазм строителей нового общества девушке был чужд. Запомнилась жизнь в общежитии, голод и холод: студентов посылали на 2–3 месяца на лесозаготовки, жили впроголодь в нетопленых бараках. После окончания техникума в 1932, отказавшись от распределения (работа по специальности казалась тяжелой), она уехала в Киев, надеясь продолжить образование в институте. Но голод, сопровождавший проведение коллективизации и охвативший Украину в 1932, заставил Тоцкую похоронить мечты о высшем образовании и вернуться в Россию. Получив в Народном комиссариате лесного хозяйства (Наркомлесе) направление в Юрьевецкий леспромхоз Иваново-Вознесенской области, она сумела устроиться секретарем учебной части в техникуме. Здесь познакомилась и вышла замуж за Рихарда (фамилия в воспоминаниях

¹⁹ См.: *Синицын Ф. Л.* Указ. соч. С. 140–141. Тем не менее лишь 17 сент. 1955 Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», согласно которому амнистии подлежали лица, которые по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами.

не указана), немца по национальности, преподававшего в техникуме военное дело (кстати, отец мужа там же преподавал химию и немецкий язык). Семейное счастье продлилось недолго — муж и его отец были арестованы по делу Тухачевского и расстреляны в сентябре 1938. С работы Тоцкую заставили уйти, как жену репрессированного по 58-ой статье за измену Родине.

Инстинкт самосохранения подсказал ей срочно сменить место жительства. Уехав в Москву и сохранив девичью фамилию, она смогла избежать преследований как жена врага народа и получить работу во Всесоюзном научно-исследовательском институте лесного хозяйства. Вскоре удалось перевестись в Киев на работу в Центральную лесную опытную станцию, воссоединившись с проживавшими там родственниками. Жили в большой квартире сестры матери в центре Киева²⁰. Осуществлявшийся в то время грандиозный проект социалистического строительства никак не отразился в воспоминаниях Тоцкой. Ее выбор — позиция пассивного наблюдателя, свидетеля исторических изменений, что было характерно для большинства представителей интеллигенции того времени.

Тоцкая не пишет о своей профессиональной деятельности. Предвоенные годы запомнились ей лишь «длинными очередями за продуктами и арестами»²¹.

С началом войны Тоцкая трезво оценила происходящее и четко определила свою позицию: «Самое дорогое у человека — жизнь... Здесь борются два палача (Сталин и Гитлер. — Н. Р.). Какой из них сильнее, умнее и хитрее в этой войне, в наш цивилизованный век?»²²

Скептически оценивая оснащенность Красной армии танками и авиацией, она отмечает ее полный развал: «Войска <после начала немецкого наступления> сдавались в плен целыми соединениями. Красноармейцы забегали во дворы, умоляя спрятать их и дать штатскую одежду, чтобы скрыться»²³. Это взгляд человека, определившего свою позицию: сочувствия к «своим» у нее нет. Ни одного примера

²⁰ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 281. Л. 6–7.

²¹ Там же. Л. 7.

²² Там же. Л. 11.

²³ Там же. Л. 8.

героизма бойцов Красной армии Тоцкая не приводит, однако подробно описывает случаи грабежа магазинов и оставленных квартир, мародерство в связи с отступлением Красной армии, восхищается немецкой авиацией, явно ожидает прихода противника: вторгшиеся в город на мотоциклах немцы для нее «первые ласточки»²⁴ грядущего освобождения от большевистского режима. Подчеркивает, что радость встречи оккупантов разделяли с ней и «все» жители Киева, которые встречали пришельцев «криками “ура”, забрасывали машины цветами»²⁵. Немцы вели себя адекватно: «Войска шли с сияющими лицами, раскланивались народу, останавливали машины и пожимали людям руки»²⁶. Поведение оккупантов, которые «чувствовали себя хозяевами в чужих квартирах в городах и деревнях и располагались там как дома, с полным немецким комфортом»²⁷, не вызывает возмущения у автора воспоминаний. Сравнение не в пользу соотечественников, не привыкших к элементарным удобствам в мирной жизни и тем более на войне: «Русский солдат имел с собой лишь шинель и котелок для супа. Спал он на голых досках, укрывался шинелью, а под головой был свой кулак»²⁸. Психологи утверждают, что прежде всего человек испытывает теплые чувства к близким, к тем, кого считает «своими»²⁹. Свои для Тоцкой — оккупанты, они вызывают жалость и сочувствие. Суровой зимой 1942 «они были такие жалкие», «вид немецких солдат при таких жестоких морозах был отчаянным: на них были легкие шинели, шапки без наушников и на ногах кожаные ботинки»³⁰.

Тоцкая видит только то, что хочет видеть: киевляне «радостно встречали немцев», «просили работу у оккупантов»³¹. Однако они

²⁴ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 281. Л. 8.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 10.

²⁷ Там же. Л. 12.

²⁸ Там же. Л. 14.

²⁹ Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., «Ключ-С», 1999. С. 22.

³⁰ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 281. Л. 14.

³¹ Там же. Л. 9.

еще и оказывали сопротивление противнику: партизаны взорвали комендатуру, уничтожили списки людей, подлежащих отправке в Германию. Впрочем, эти действия Тоцкая не одобряет: перерезав водопроводные трубы, «партизаны оставили жителей города без воды»³². Ответные действия немцев по тушению пожара, возникшего в результате взрыва комендатуры партизанами, вызывают у нее восхищение: «Немцы не растерялись. Они умело организовали толпу. Немцы работали самоотверженно! Сколько их погибло в этом море огня!».³³

Однако надежды на восстановление порядка не оправдались: жизнь не налаживалась, и по мере перехода к рассказу о том времени, когда положение немцев на фронте ухудшилось, в воспоминаниях все чаще встречаются критические замечания по отношению к оккупационной администрации, которая «теряла доверие и уважение к себе»³⁴. Пытаясь оправдать свое сотрудничество с оккупантами, Тоцкая преувеличивает его масштабы, причисляя к коллаборантам все население городов: «В годы войны все работали у немцев»³⁵ (отнюдь не все — активно действовали партизаны, о которых она упоминает). Тональность ее записок указывает на то, что симпатии Тоцкой на стороне врага: даже спустя 30 лет после окончания войны, когда были написаны ее воспоминания, она не упоминает о своей стратегии выживания в период оккупации, в каком качестве она работала у немцев («все мы надеялись, что немцы принесут нам освобождение от советской власти, что они с нашей помощью дадут нам спокойную благополучную жизнь»³⁶), кто отец ребенка, родившегося у нее в оккупированном городе.

По сообщению автора воспоминаний, «боясь возмездия за сотрудничество с оккупантами, местное население из городов предпочитало эвакуироваться с отступающей немецкой армией»³⁷. При

³² Там же. Л. 10.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 12.

³⁵ Там же. Л. 11.

³⁶ Там же. Л. 14.

³⁷ Там же. Л. 13.

этом лексика Тоцкой выдает ее отношение к «своим» и «чужим»: если «немцы помогали, предоставляли транспорт»³⁸, то советские войска с помощью союзников продвигались на запад не освобождая, а «отнимая свои территории»³⁹, — пишет она.

В сентябре 1943 Тоцкая с родственниками оказалась в лагере в Гамбурге. Наступление союзников и освобождение города вызывает у нее недовольство: «Прожили два года под бомбами американцев и англичан, превративших город в сплошные руины»⁴⁰. Настроение жителей лагеря было различным: «Кто-то ликовал и радовался приближению конца войны. Кто-то со страхом думал о своей судьбе, когда кончится война»⁴¹. С появлением в лагере комиссий по набору рабочей силы у Тоцкой «затеплилась надежда на спасение, не быть выданной советчикам»⁴².

Летом 1945 в Управление уполномоченного СНК СССР стала поступать информация о том, что союзники ведут отбор полезных для себя перемещенных лиц, прежде всего — квалифицированных специалистов и ученых⁴³. Остальные вербовались на тяжелые работы — в шахты, на лесоповал, ткацкие фабрики. «Комиссии по набору рабочей силы отбирали лишь на черные и тяжелые работы», — пишет Тоцкая, однако воспринимает оскорбляющий и унижающий человеческое достоинство отбор как спасение и никак не комментирует его: «Отбирали как скот, предъявляя самые высокие требования в отношении здоровья: брали только молодых и физически крепких, не имевших в прошлом никаких серьезных болезней и со всеми здоровыми зубами во рту»⁴⁴.

Подводя итог своему жизненному пути, она вполне довольна судьбой: «Отработав два года по контракту, могли выбирать другую сферу деятельности. Через 5 лет получили австралийское граждан-

³⁸ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 281. Л. 14.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 16.

⁴³ См.: *Медведева Т. А., Бушуева С. В.* Указ. соч. С. 37.

⁴⁴ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 281. Л. 16.

ство. Прошло 30 лет нашей жизни в Австралии. Многие из нас побывали в гостях на родине, где мы стали уже чужими и для нас там стало все чуждо»⁴⁵. Ни тени сомнения в правильности сделанного выбора Тоцкая не высказывает. Сознание невозможности возвращения на родину ускорило ее адаптацию в эмиграции.

Если в судьбе Волконской преобладали психологические мотивы, то эмиграция В. П. Тоцкой в большей степени была предопределена соображениями политическими: неприятием советской власти и невозможностью простить ей репрессии в отношении семьи и расстрел мужа.

Самая юная из мемуаристок — Александра Ивановна Жедилягина (в девичестве Выдрина). Ее воспоминания привлекают своей искренностью, можно сказать, исповедальностью, и вызывают наибольшее сочувствие к трудной судьбе их автора. В обращении к А. И. Солженицыну, предваряющем ее мемуары, она писала: «Дорогой и многоуважаемый Александр Исаевич! Прошу прощения, что прихожу, не будучи званая. Запомнила Ваше воззвание: “Пишите, люди!” Я приняла Ваши слова к сердцу и написала сама. И вот набралась смелости и посылаю Вам»⁴⁶.

Автор воспоминаний родилась в селе Русское Поречье Суджанского уезда Курской губернии. В мемуарах рисует счастливое детство в достатке: дом под железной крышей, два амбара, большой сад. Отец был репрессирован и расстрелян во время коллективизации. Девическая фамилия Выдрина ей явно не нравится. Так семью звали в селе, где ее семья обосновалась после раскулачивания. Подчеркивает, что в селе, где она родилась, их называли по имени прадеда Левочкиными.

Мемуаристка хорошо владеет письменной речью и даже не лишена литературного таланта, под ее пером рождается образ ее малой родины: «в конце огорода протекала речка, за речкой шли сады, за садами большой широкий луг на два села»; слышатся звуки сенокоса, когда «луг оживал, звенели косы, когда их точили, разносились песни, женские и девичьи голоса». Чистый двор с мягкой травой, прият-

⁴⁵ Там же. Л. 17.

⁴⁶ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 85. Л. 74.

ной для босых ножек, также полон разных голосов: «кудахтали куры, кукарекал петух, шипел гусак»⁴⁷.

Идиллия детства была разрушена коллективизацией: «не стало ни сада, ни огорода, сад вырубил, дом сломали на постройку коношны»⁴⁸. Семья раскулачена, выслана. В колхоз раскулаченных не брали. Родители работали поденно, отца несколько раз арестовывали, в 1937 приговорили к 10 годам тюремного заключения без права переписки. Напрасно семья ожидала его возвращения: тогда еще не знали, что этот срок означал смертный приговор.

Любознательной девочке из семьи раскулаченных все-таки удалось поступить в мелиоративный техникум, не закончив который она попыталась стать студенткой педагогического института во Львове, но отсутствие документа о среднем образовании не позволило ей попасть в высшее учебное заведение.

С началом войны мать юной Александры остудила патриотический порыв дочери идти на фронт: защита родины означала для нее защиту советской власти, «которая их разорила и жить по-человечески не дает»⁴⁹.

Текст воспоминаний позволяет проследить изменение отношения автора к происходящему в родном селе и к войне в целом: патриотический порыв сменяется сравнением «чужих» оккупантов со «своими» красноармейцами, и это сравнение не в пользу своих. Враг уже не вызывает ненависти, напротив: «Немцы — высокие, статные, солдаты словно со страниц учебников»⁵⁰. Вызывает восторг амуниция врага: «Ты видела сапоги, ремни и всю форму?»⁵¹ Красноармейцы — «бедненькие, маленькие, форма мятая, ботинки с ужасными обмотками»⁵². Красноармейцы жалки, а тот, кто вызывает жалость, не способен быть героем. Стремление закончить десятилетку перевешивает этическую сторону поступления в открытую немцами

⁴⁷ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 85. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Л. 3.

⁴⁹ Там же. Л. 22.

⁵⁰ Там же. Л. 23.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 24.

гимназию в Сунже, а затем становится возможным и добровольно откликнуться на призыв врага поработать в Германии. Влияние родственников, рассматривавших работу в Германии в условиях войны как возможность повидать мир, привело к трагическим последствиям в судьбе юной девушки, не сумевшей выработать четкую нравственную позицию в отношении войны в защиту своего отечества и понимание того, что, работая на врага, она тем самым помогала ему проливать кровь ее соотечественников...

В Германии остарбайтеров распределяли помогать по хозяйству в те семьи, которые остались без мужчин, воевавших на фронте. А. И. Жедилягина (в то время еще Выдрина) работала на ферме, сын ее хозяйки фрау Мюллер был мобилизован в армию, воевал на Восточном фронте. Циркуляр о правилах содержания работника с Востока предписывал кормить остарбайтеров отдельно, не спать в одной комнате с ними, посылать на грязную и тяжелую работу. Однако хозяева не во всем следовали этому циркуляру: избегали садиться за один стол, но старались делать это неявно. Что касается работы, то дочка хозяйки работала наравне с «остовкой», которой под угрозой отправки в концлагерь запрещалось выходить на улицу без пришитой на одежду ленты ОСТ, что юная и проявлявшая независимость суждений и поступков Выдрина неоднократно нарушала.

Хозяева относились к работнице как к члену семьи, кормили хорошо, поили козьим молоком, работали наравне с ней, но, зараженные нацистской пропагандой о превосходстве арийской расы, лишенной необходимого ей жизненного пространства, мечтали о том, что после войны их переселят на русские плодородные почвы, а коренных жителей передвинут дальше в Сибирь⁵³.

На Рождество хозяйка вопреки запрету не побоялась взять «остовку» в церковь, объяснив, что «к Богу всем можно»⁵⁴. Невзирая на нацистскую пропаганду о неполноценности славян, фрау Мюллер мечтала женить сына на своей работнице-славянке и оставить им хозяйство после войны, но Александра мягко возразила, что хотела бы

⁵³ Там же. Л. 30.

⁵⁴ Там же. Л. 31.

вернуться в Россию. Мечте фрау Мюллер не суждено было сбыться: ее сын погиб на Восточном фронте⁵⁵.

Любознательная, привыкшая много читать, девушка очень скупала по книге, и хозяева выписали издававшиеся Комитетом освобождения народов России (КОНР) газету «Пашня» и журнал «На досуге» (оба издания: Берлин, 1943–1944). Из них Выдрина узнала о Власовской армии. Идея «Ни коммунистов, ни немцев» оказалась привлекательной, и она решила, что с Власовской армией ей по пути. Написала в редакцию газеты о себе и своем «попранном советской властью праве на достойную человеческую жизнь»⁵⁶. Ответом на письмо был приезд представителя Комитета освобождения народов России (КОНР) Сергея Яковлевича Куприянова (1918–после 1944). Из рассказов С. Я. Куприянова Жедилягиной было известно, что до войны он учился в Ленинградском университете на физико-математическом факультете⁵⁷.

О нем известно, что это был студент физического факультета, имевший отличные оценки по всем дисциплинам с 1 по 5 курс, призванный в РККА Октябрьским райвоенкоматом г. Ленинграда, служивший в звании рядового и пропавшем без вести в декабре 1941⁵⁸. Куприянов увез Александру в лагерь Санкт-Иоганн в местечке Маттигхофен недалеко от Зальцбурга, где она прошла курс в разведшколе «Цеппелин». Здесь готовили группы для диверсионной работы на территории Советского Союза. Она это воспринимала как подготовку к выполнению задачи «сбросить гнет советской власти»⁵⁹.

⁵⁵ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 85. Л. 32.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л.33.

⁵⁸ См.: [Электронный ресурс]. Сражающийся Университет: коллектив физ. ф-та. URL: <https://pobeda.spbu.ru/museum/item/1579-%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9-%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-1918-%E2%80%941941.html> (дата обращения: 05.09.2022). Со ссылкой на изд.: Университет в блокадном и осажденном Ленинграде, 1941–1944: сб. <...>. СПб.: Гиппократ, 1996. С. 67; Книга Памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, 1941–1945. Вып. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. С. 72.

⁵⁹ ДРЗ.Ф.1. Оп.2 Д. 85. Л.34.

Излагая содержание Пражского манифеста КОНР, она пишет, что в нем «по-своему» раскрывался смысл продолжаемых Красной армией военных действий за пределами СССР — «установить господство сталинской тирании во всем мире»⁶⁰. В этом обороте речи «по-своему» сквозит сомнение в истинности данного утверждения и предполагается и другая точка зрения, которая, возможно, ей ближе.

Лекции в разведшколе читали Г. С. Околович (1901–1980), В. М. Байдалаков (1900–1967), Р. Н. Редлих (1911–2005), входившие в руководство НТС. Энтеэсовцы тщетно пытались остаться над схваткой: отказываясь напрямую сотрудничать с гитлеровцами, тем более — служить сталинскому режиму, они подбирали сотрудников в соответствии с лозунгом «Против немцев и большевиков за свободную Россию» с целью использовать их позже для работы в «новой России», то есть стране, освобожденной с помощью гитлеровцев от большевиков⁶¹.

Здесь же Александра познакомилась со своим будущим мужем А. Маковым (?–1953), членом НТС, сыном священника из Николаева, пострадавшего от советской власти: священнику было запрещено служить и жить вместе с семьей, чтобы «не развращать своих детей»⁶². Маков во время оккупации в 1943 работал на фабрике в Кракове, вступил в НТС. По заданию НТС переехал в Берлин. Окончание войны встретил в лагере Менхегоф около города Касселя на западе Германии, где в опустевших бараках для иностранных рабочих обосновались Ди-Пи, «displaced persons», перемещенные лица⁶³. В лагере А. Маков и А. Выдрина обвенчались. В 1946 у них родилась дочь Наталья. Любовь к мужу, для которого не существовало

⁶⁰ Там же. Л. 37.

⁶¹ НТС. Мысль и дело: 1930–2000. М.: Посев, 2000. С. 20. (Б-чка россиеведения. Вып. 4).

⁶² ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 85. Л. 47.

⁶³ Численность перемещенных с территории СССР в Германию, по данным обвинительного заключения Нюрнбергского процесса, составляла 4 млн 979 тыс. человек. Большинство из них составляли гражданские лица, вывезенные для принудительного труда. Уцелело также 1,7 млн военнопленных, включая поступивших на полицейскую или военную службу к нацистам; к перемещенным лицам отнесены и десятки тысяч отступивших вместе с вермахтом гражданских лиц (часто с семьями) и пособники нацистов.

альтернативы невозвращению, предопределила дальнейшую судьбу Александры. Репатриации удалось избежать благодаря помощи лидеров НТС: в лагере было сосредоточено все уцелевшее после войны руководство организации. После закрытия лагеря в 1949 Маковы переехали в Бельгию, где муж Александры работал на шахте, а затем учился в различных разведшколах, финансировавшихся западными спецслужбами⁶⁴.

Руководство НТС переориентировалось: с началом Холодной войны, возлагая надежды на военный конфликт между СССР и США, оно приступило к устройству русских Ди-Пи на шахтах Бельгии, во Французском Марокко и в других странах, остро нуждавшихся в квалифицированных рабочих руках и специалистах, для создания «сплоченной национальной русской группы», которая смогла бы «при разумной американской политике послужить ядром для образования русской освободительной армии» и выполнила бы задачу, которую не смогла решить РОА⁶⁵.

В 1952 г. после окончания разведшколы в местечке Бад-Хомбург в Западной Германии А. Маков был переведен в разведывательно-диверсионную школу войск США в Бад-Висзее, недалеко от Мюнхена. Отсюда в ночь на 26 апреля 1953 он и ещё трое парашютистов были сброшены с американского самолета на территорию Винницкой области и задержаны в районе приземления. Через месяц, обвиненные в шпионаже, они были расстреляны. Попытки найти союзников в борьбе с советским политическим режимом среди врагов России обернулись изменой Родине.

В 1962 А. И. Выдрина-Макова с двумя дочерьми переехала в Париж и вышла замуж за Ю. П. Жедилягина (1921–2006), активного члена НТС. В 1992 старшая дочь Выдриной-Жедилягиной Наталья

⁶⁴ Б. В. Прянишников, один из основателей НТС, писал: «Система Островского (Е. Р. Романов (Островский) руководил НТС в 1984–1995. — Н. Р.) выжила благодаря неизменной поддержке со стороны ЦРУ. С конца 40-х годов не один миллион американских долларов поступил в казну Островского, разрушившего НТС и превратившего его в привесок американской разведки». См.: ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 3. Л. 29.

⁶⁵ Болдырев К. В. Менхегоф — лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 136. Подлинник хранится в ГАРФ (Ф. 10055. Оп. 3. Д. 286).

Макова (1946–2003) вернулась на родину, а в 1994 получила российское гражданство. Попытка добиться реабилитации расстрелянного отца успехом не увенчалась. Генпрокуратура, а затем Верховный суд РФ оставили приговор 1953 в силе.

Все три мемуаристки по-разному вели себя в период войны, реагируя на жизненные трудности в соответствии со своими ценностными установками. При этом хитрость и сокрытие деталей биографии — неотъемлемая часть их практик выживания.

Рассмотренные биографические нарративы показывают, что сотрудничество мемуаристок с противником в той или иной степени было спровоцировано и политическими мотивами — сталинской системой управления обществом, и психологическими, вызванными гитлеровской политикой геноцида, проводившейся по отношению к нашим соотечественникам, и низменными мотивами. Причинами эмиграции авторов воспоминаний был не только страх репрессий, но и нежелание испытывать трудности жизни на родине, из-за войны понесшей большие потери и разрушения. Идея поучаствовать в восстановлении порушенной фашистами страны их не воодушевляла. В любом случае, это были сломанные судьбы: так, Волконская подвела итог своего жизненного пути: «Большая мясорубка истории еще раз перемолола смолотую уже до нее в порошок судьбу»⁶⁶.



⁶⁶ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 171. Л. 78.

ТАЛАЛАЙ Михаил Григорьевич

кандидат исторических наук,
ассоциированный научный сотрудник
Института всеобщей истории Российской Академии наук
(Италия, Милан)

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ-«НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ» В ИТАЛИИ

Аннотация: В итальянском движении Сопротивления участвовало около 6000 советских партизан, которыми руководили их стремление к победе над нацифашизмом и мечта вернуться на Родину. Однако по окончании войны некоторые ветераны отказались от репатриации, перейдя на положение «невозвращенцев». Причинами таких решений были их опасения наказаний за «измену» и брачные узы с итальянками. После амнистии 1955 несколько бывших партизан вернулись-таки в Советский Союз.

Ключевые слова: итальянское Сопротивление, советские партизаны, нацифашизм, невозвращенство, репатриация

Abstract: About 6,000 Soviet partisans took part in the Italian Resistance movement, led by their desire to defeat Nazi-fascism and their dream of returning to their homeland. At the end of the war, however, some of the veterans refused to be repatriated, becoming 'non-returnees'. The reasons for these decisions were their fear of punishment as 'traitors' and their marital ties with Italian women. After the amnesty of 1955, several former partisans returned to the Soviet Union.

Keywords: Italian Resistance, Soviet partisans, Nazi-fascism, 'non-return', repatriation.

Партизанская война в Италии против нацифашизма¹, вне сомнения, рассматривалась ее советскими участниками как в том числе и

¹ Этот европейский, преимущественно итальянский, термин мало известен в отечественной историографии, хотя он четко отражает возникшую в 1943 реальность: (итальянский) фашизм и (германский) нацизм — это изначально разные идеологии; политическое сближение фашистов и нацистов началось только в конце 1930-х, а в сент. 1943, с приходом немцев на Апеннины, сформировалось военное их слияние.

борьба за возвращение на Родину. Мемуарная и прочая литература полна свидетельств о тоске бывших пленников и угнанных «остовцев» по родному краю, об их страстной мечте вернуться к оставленным семьям.

Советские партизаны, дождавшиеся победы, исполнили эту свою мечту, хотя их возвращение в СССР было трудным — через фильтрационные лагеря и, порой, после разных мер наказаний. Но вернулись не все... Несколько участников Сопrotивления предпочло, по позднейшей терминологии, невозвращенство. Их было совсем немного: около десятка на шесть тысяч человек. Однако эти случаи весьма показательны.

Главные причины невозвращения партизан установить нетрудно. Их было две:

1) появление в Италии новых семейных связей; 2) боязнь наказания. Думается, что эти причины почти всегда между собой переплетались.

Учитывая редкость и малую известность таких случаев, мы решили составить максимально полный список для Италии советских партизан-«невозвращенцев» (формально попадающих в категорию Второй волны эмиграции; полагаю, однако, что сами они себя к ней не относили).

Детально нами изучена биография партизана Александра Васильевича Улитина (1921–2016), имевшего боевое прозвище Горький, по родному городу (название Нижнего Новгорода в 1932–1990)². Оставив в стороне его героические действия в движении Сопrotивления в регионе Фриули, перейдем сразу к весне 1945, когда он оказался на распустье: его жена, итальянская связная Ида Пиччинин, не желала покидать Италию, сам же Улитин первоначально был настроен на репатриацию. Известно, что летом 1945 он был в репатриационном пункте в Бари, откуда шел главный поток бывших партизан в СССР. Однако, проведя там некоторое время, Улитин вернулся

² А. В. Улитину посвящена глава в нашей книге: *Талалай М.* Русские участники итальянской войны 1943–1945: партизаны, казаки, легионеры. М.: Старая Басманная, 2015. С. 99–106 («Александр Улитин, он же Йозеф Рудмик, иначе “Горький”»). Книга выложена в электронной библиотеке ImWerden; URL: https://imwerden.de/pdf/talalay_russkie_uchastniki_italjanskoj_vojny_1943-1945_2015__izd.pdf

к своей итальянской супруге и вскоре зажил как обычный семьянин (родилось двое сыновей). По официальной версии он ездил из Фриули в Бари (а это дальний путь) ради того, чтобы повидаться с боевыми товарищами. Однако мы можем предположить, что в Бари ему довелось участвовать в разного рода дискуссиях, зародивших у него сомнения в возможности «гладкого» возвращения на Родину. Об этом свидетельствует и тот факт, что он дождался кончины Сталина и очевидного смягчения советского режима ради серьезной попытки к репатриации. В самом деле, 17 сентября 1955 вышел Указ Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Отечественной войны 1941–1945 гг.», 7-й параграф которого гласил: «Освободить от ответственности советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях»³. В конце Указа заявлялось об облегчении въезда в СССР членам семей репатриантов «независимо от гражданства» (ранее советские власти не признавали браки своих граждан с иностранцами).

На следующий год после выхода Указа, в 1956, Улитин все-таки убедил жену уехать вместе с ним и двумя сыновьями в СССР. В советском генеральном консульстве в Милане им были выправлены необходимые документы, и семья отправилась в дальний путь. Однако в Вене произошел странный случай: жена Улитина вроде бы почувствовала себя плохо, и им всем пришлось вернуться в Италию. Что действительно произошло — неизвестно, нельзя исключить и сложный личный мотив: скорее всего, Ида знала, что у ее мужа в России осталась первая жена, долгие годы ждавшая его возвращения, и боялась возможных драм⁴. Фиаско с репатриацией Улитина было преподнесено местной прессой, писавшей в духе Холодной войны, как торжество разума над абсурдом, как окончательный выбор свободного мира в противовес тоталитарной системе. И действительно,

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17. Стб. 345.

⁴ О первом браке А. В. Улитина мне сообщила Т. Л. Грачева, председатель Нижегородского отделения Союза возрождения родословных традиций. Известно, как Улитину удалось урегулировать вопрос с разводом и с новым браком в 1946 в Италии.

Улитин более не предпринимал попыток к возвращению и посетил родные края уже только в 1992, после распада советской системы.

Некоторое время я полагал, что Улитин был единственным советским партизаном, оставшимся в Италии. Однако поиск открыл другие имена.

...Еще в 1985 газета города Брешия «Giornale di Brescia» опубликовала заметку о необычном местном жителе — Михаиле Иванове⁵. Ее автор заявлял, что Иванов, вероятно, единственный русский партизан, обосновавшийся в Италии. Название статьи, в хлестком журналистском стиле, гласило: «Когда русский партизан познакомился с Ноэми, он отложил винтовку и поселился в Маркено».

Расскажем подробнее об этом партизане. Михаил Яковлевич Иванов родился 7 ноября 1924 в деревне Сельцо (ныне Дедовичского района) Псковской области⁶. 17 февраля 1942 в возрасте 17-ти лет и трех месяце он был призван в Красную Армию, но вскоре, попав в плен, стал считаться пропавшим без вести⁷. Около года немцы содержали его в концлагере для военнопленных в Белоруссии, а в 1943, подавленный тяжелейшими условиями, он принял-таки предложение Организации Тодта⁸ работать в Германии. Из Берлина после фактической оккупации осенью 1943 немцами Северной Италии его перевели в Брешию, где бывшие пленные в униформе Тодт должны были патрулировать разного рода объекты. Они жили в охраняемых бараках, но по воскресеньям могли свободно перемещаться по городу. В один из таких воскресных дней Иванов познакомился с подпольщиками, которые в итоге и организовали его побег к партизанам — вместе с еще несколькими остовцами.

У гарибальдийцев, получив партизанское прозвание Миша (по сути, его уменьшительное имя), он вошел в состав т. н. «автономной русской группы» из 20-ти красноармейцев. После ряда акций летом

⁵ См.: Bernardelli Curuz M. Quando il partigiano russo conobbe Noemi lasciò il fucile e si stabilì a Marcheno // Giornale di Brescia. 1985. 25 apr.

⁶ По административному делению 1920-х д. Сельцо относилось к Великолукской обл.

⁷ См.: [Электронный ресурс]. ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57720769> (дата обращения 05.09.2022).

⁸ Нацистская военно-строительная организация Organisation Todt, названная по имени ее организатора (в 1938) Фрица Тодта (Todt, Fritz; 1891–1942).

1944 Иванов попытался уйти в нейтральную Швейцарию, но неудачно. Не исключено, что в отношении практического ухода из Сопротивления на него повлиял печальный конец его товарища Николая Панкова, командира «автономной русской группы»: тот был казнен итальянскими партизанами, посчитавшими его слишком самостоятельным и жестоким по отношению к местному населению⁹. Зимой 1944–1945 Иванов укрывался у крестьян-антифашистов, в том числе у Оресте Дзубани в селении Маркено, близ Брешии. Дочь крестьянина Ноэми и стала женой бывшего партизана.

По окончании войны Иванова тревожили сведения о том, что в СССР всех, кто оказался по другую сторону фронта, считают изменниками Родины. В случае Иванова, думается, сомнения усиливались тем обстоятельством, что в Италии он появился уже не как пленный, а как работник Организации Тодта, по сути дела — в немецкой униформе, пусть и не принимая участия в боевых операциях (как, например, казаки-красновцы, не говоря уже о власовцах). И его послужной партизанский список был невелик: в полученном в ноябре 1945 аттестате об участии в Сопротивлении стоял период «пять месяцев и семь дней». Естественно, Михаила мучила ностальгия — он переписывался с близкими (похоже, что именно они предупредили его о возможных репрессиях по возвращении), но с 1947 письма от них перестали приходить в Италию.

В августе 1945 Михаил женился на Ноэми Дзубани, и в 1946 родилась их первая дочь Надя (в Италии это и полная форма имени), а в 1946 — Алессандра. Михаилу удалось устроиться на оружейную фабрику в Брешии, где он проработал 35 лет — до выхода на пенсию. Первая его встреча с русскими соратниками произошла в 1974, в 1990-е встречи стали регулярными, но на Родину Михаил Иванов не возвращался. Он скончался 29 сентября 2008 в том же селе Маркено, где укрылся осенью 1944. Его внучку назвали в честь русского дедушки — Микела (при этом она носит фамилию Ivanov в форме мужского рода, так как в итальянском языке фамилии не изменяются по родам).

⁹ Казнивший его партизан Луиджи (Тито) Гуитти в 1946 предстал перед итальянским судом по обвинению в убийстве, но был оправдан.

Итальянской (узкой) публике Иванов-партизан был известен еще до газетной заметки 1985: о нем рассказывалось в посмертной книге ветерана Сопrotивления Леонардо Специале «Воспоминания сапера»¹⁰. Автор книги, сицилийский коммунист, был политруком 122-й Гарибальдийской бригады, в лоне которой действовала «автономная русская группа». Поведал он и о казни командира группы Панкова, но в искаженном виде. Недавно биографию Иванова детально реконструировал исследователь Сопrotивления в провинции Брешии Изайя Менси¹¹.

Еще двое русских партизан, оставшихся в Италии, выявилось после внимательного знакомства с воспоминаниями ветерана движения Сопrotивления Анатолия Марковича Тарасова (1921–1971), который сам работал в комиссии по репатриации и ездил по Италии, убеждая бывших пленных и остовцев вернуться в Советский Союз. Он называет два имени оставшихся. Первый — Виктор Пирогов: «Я все время звал его домой, доказывая, что мы на чужбине никому не нужны. Как бы ни было тяжело, а со своим народом все будет легче переносить... Виктор обещал подумать. Перед самым отъездом на Родину я снова заехал в Реджо. И тут понял, что мы пойдем разными дорогами»¹².

О Викторе Пирогове, партизанское прозвание Модена¹³, известно много — это был видный деятель Сопrotивления, участвовавший во многих отважных операциях. О нем часто упоминает Мауро Галлени в своей фундаментальной книге о советских партизанах¹⁴.

Виктор Павлович Пирогов родился в 1918 в Ростове-на-Дону¹⁵. После пленения и побега в Италии он становится команди-

¹⁰ См.: *Speciale L. Memorie di uno zolfataro*. Brescia: Luigi Micheletti, 1980.

¹¹ См. о нем в публикации «Profilo biografico di Michele Ivanov»: [Электронный ресурс]. Mensi I. Partigiani sovietici nella resistenza bresciana. P. 123–131. URL: <https://www.anpibrescia.it/wp-content/uploads/Partigiani-sovietici-nella-resistenza-bresciana.pdf> (дата обращения: 05.09.2022).

¹² *Тарасов А. Италия в сердце: записки рус. гарибальдийца*. [Л.]: Лениздат, 1976. С. 202.

¹³ По городу Модена — вероятно, там состоялось боевое крещение В. П. Пирогова.

¹⁴ См.: Galleni M. *I partigiani sovietici nella Resistenza italiana*. Roma: Editori riuniti, 1967. P. 182, 189, 190–191, 254. Ср. рус. пер.: Галлени М. Советские партизаны в итальянском движении Сопrotивления. М.: Прогресс, 1970.

¹⁵ См.: [Электронный ресурс]. ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=82471958&p=9> (дата обращения: 05.09.2022).

ром Русского батальона 144-й Гарибальдийской бригады, особенно отличившись в операции «Томбола»¹⁶. Операция была дерзкой — 4 марта 1945 итальянские и советские партизаны, действуя совместно с группой британских десантников-парашютистов, разгромили нацистский гарнизон в одном стратегическом месте, близ Модены. Один из десантников, будучи шотландским патриотом, приземлился в килте и дал сигнал атаки на вольтке: из-за этого нацистское командование посчитало сражение эпизодом регулярной войны и не провело позднее карательную акцию против местного населения: сотни итальянцев сохранили свои жизни. По окончании войны те же британцы-десантники должны были передать, согласно Ялтинским договоренностям, разоруженных партизан советской стороне, но потворствовали уходу тех, кто не пожелал вернуться в Советский Союз. Так и Пирогов, женившись на соратнице, партизанской связной Нальфе Бонини (р. 1923)¹⁷, некоторое время оставался в Италии, а затем чета уехала в Венесуэлу, где бывший партизан, получивший награду от итальянского правительства, скончался в 1990-е¹⁸.

Тот же Тарасов упоминает о Николае Леонтьевиче Данилевском, заместителе командира Русского батальона Пирогова. Скорее всего, эти два соратника по Сопротивлению приняли совместное решение о невозвращенстве. И Данилевский нашел себе итальянскую супругу и обосновался в городе Реджо-Эмилия, устроившись механиком на завод¹⁹. Тарасов, посетивший Италию на рубеже 1965–1966, встречался с четой Данилевских, Николаем и Джеммой, и тепло об этом написал²⁰.

¹⁶ См. об операции рассказ одного из главных ее участников, британского десантника: *Farran R. Operation Tombola*. London: William Collins, 1960.

¹⁷ Дочь антифашиста Эпимио Бонини (1889–1977). Ее отец и брат участвовали в партизанском движении с первых месяцев Сопротивления: прятали бежавших военнопленных, партизан, оружие, затем ушли в отряды. В начале 1944 их дом был сожжен нацифашистскими карателями, а Нальфа и ее мать были арестованы. См.: Улица Анатолия Тарасова / сост. Л. А. Королева. М.: Гелиос АРВ, 2021. С. 147.

¹⁸ О В. П. Пирогове см. также: *Эккли М. Советские партизаны в Италии*. М.: Вече, [2018]. С. 178.

¹⁹ См.: Улица Анатолия Тарасова. Указ. соч. С. 148–149.

²⁰ См.: Тарасов А. Указ. соч. С. 184. См. также: *Franzini G. Partigiani russi nel Reggiano*. Reggio Emilia: Tecnostampa, 1970. P. 30, 156; *Galleni M. Ciao, russi: partigiani sovietici in Italia, 1943–1945* / a cura di C. Isoppi. Venezia: Marsilio, 2001. P. 105, 118, 175.

В отношении Данилевского и Пирогова исследование неожиданно обратилось в актуальную хронику. Миланский историк Иара Мелони, собирающая диссертационный материал по административным действиям союзнических войск на освобожденных от нацифашистов территориях, обнаружила странный документ. 2 июля 1945 года русский партизан Николай Данилевский, пребывавший в г. Реджо-Эмилия, обратился в Союзническое военное управление (Allied Military Government) с просьбой разрешить ему жениться на местной жительнице Джемме Каноссини. Спустя два дня разрешение ему было дано.

Иара Мелони решила узнать подробности этого необычного эпизода, и к огромному своему удивлению, выяснила, что жена партизана Джемма до сих пор жива (ей оказалось сто лет). В феврале 2021 исследовательница встретила в Джеммой Каноссини и затем опубликовала найденные архивные материалы и результаты интервью в специальной статье²¹.

Оказалось, что Джемма и Николай познакомились в небольшом селении под Реджо-Эмилия — Веццано-суль-Кростоло, где родилась и где жила Джемма и куда Николай, вместе с другими военнопленными, был пригнан на принудительные работы. Немцы разрешали пленникам вечерние прогулки в роще и Николай, с помощью Джеммы, бежал к партизанам. Он и другие беглецы (4–5 человек) были зачислены в Русский батальон Пирогова – «Модены». По окончании войны Николай и Джемма, встретившись снова, решили обвенчаться (в Италии в то время гражданские браки не существовали), однако местная курия отказала им, без особых разъяснений, после чего Данилевский и обратился в Союзническое военное управление. Теперь курии пришлось согласиться и молодых людей обвенчали в приходской церкви Веццано-суль-Кростоло.

В послевоенное время у Николая возникли разного рода трудности из-за его решительного намерения остаться в Италии, но он, по свидетельству Джеммы, уклонялся от обсуждения ситуации в СССР, объясняя свой выбор исключительно семейными причинами. У супругов родился сын Павел, ныне здравствующий. Николай Данилев-

²¹ *Meloni I. Il permesso di sposarsi. Un documento, una storia // Ricerche Storiche. 2021. Vol. 132. P. 35–44.*

ский скончался в январе 1971 г.; за несколько месяцев до кончины он был награжден итальянским Крестом за военные заслуги.

Более драматично сложилась послевоенная судьба Виктора Пирогова. В отличие от Данилевского, он стал публично разоблачать репрессивную политику советских властей в отношении бывших пленных и остовцев, и, как полагает Джемма, именно за это попал в лагерь Ди-Пи, где находился до 1948 г. В тот год в Италии проходили исторические выборы, когда решалась судьба страны: за власть боролись две главные тогда партии, коммунистическая и демо-христианская. В Реджо-Эмилия, где позиции были особенно поляризованы, дело Пирогова попало в центр полемики. Через месяц после выборов, на которых победили демо-христиане, партизанка и политик Лина Чеккини призвала выступить за освобождение Пирогова, против которого «были выдвинуты ложные обвинения, вероятно, коммунистами, возмущенными тем, что партизан «Модена» совершенно не хотела вступать в их ряды»; цитировалось письмо Пирогова из лагеря, где он писал: «Вместо того чтобы вернуться в русский рай, я предпочитаю пойти на смерть»²². Местный священник дон Доменико Орландини также рассказывал о встречах с Пироговым, который признавался ему в проблемах из-за того, что отнюдь не является коммунистом, вопреки тому, что ожидали от него другие партизаны из-за его национальности²³.

После освобождения из лагеря Пирогов и его жена Нальфа Бонини в итоге решили эмигрировать в Южную Америку, вероятно, из-за политического климата в центральной Италии, где в местных органах власти традиционно доминировала компартия (регион Эмилия-Романья в то время называли «красным»).

...Исследование продолжалось: в итоге были обнаружены и несколько других советских партизан-невозвращенцев.

Грузин Лаврентий Варденович Джапаридзе (1919–2012), попав в плен²⁴, согласился на вербовку в восточные легионы, бежал в Ита-

²² Там же. Р. 40.

²³ *Giovanelli G.* Don Domenico Orlandini «Carlo». Prete e comandante partigiano. Felina: La Nuova Tipolito, 2013. Цит. по: *Meloni I.* Указ. соч. Р. 40.

²⁴ См. донесение «пропал без вести» о Л. Джапаридзе: [Электронный ресурс]. ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=58434850> (дата обращения: 05.09.2022).

лию, где влился в партизанское движение в пьемонтской долине Оссола. Во время войны он познакомился и сблизился с партизанской медсестрой Марией Перон. Когда после войны Мария Перон спросила его, почему он медлит с возвращением в Грузию, то получила ответ: «Я останусь и женюсь на тебе». Лаврентий и Мария поженились в августе 1945 и обосновались в Пьемонте. Джапаридзе стал старейшим членом секции Национальной ассоциации итальянских партизан (ANPI) г. Вербания²⁵.

Целая группа из трех советских партизан, сражавшихся близ Пармы, там и осталась после войны. О них первым написал в 2006 исследователь Марко Минарди в исследовании «Дезертиры в бегах. Солдаты немецкой армии в Пармском сопротивлении»²⁶. Наряду с ценным местным материалом и скрупулезным восстановлением биографий партизан-иностранцев автор книги, поставив в целом важную задачу показать их сложный путь в итальянское Сопротивление, увлекся опровержением «идеологических прославлений советских партизан» и ошибочно охарактеризовал их всех как бывших коллаборационистов, дезертиров из Вермахта. В то время это явление можно отнести лишь к «национальным меньшинствам», восточным легионерам и прочим: собственно русские в Италию направлялись преимущественно на подневольные работы — как «остовцы», а не как солдаты Вермахта. Эта этническая особенность в полной мере относится и к группе пармских невозвращенцев.

Больше всего известно про узбека Цихари Ергашева. Мне удалось разыскать его сына Рустама, который снабдил меня биографическими сведениями об отце. Ергашев родился в Фергане в 1920, в 19 лет был призван в Красную Армию и вскоре отправлен на советско-финскую войну. В немецкий плен он попал в начале Великой Отечественной, и из лагеря был отправлен в 1943 как восточный легионер в Геную. Во время бомбежки Генуи союзной авиацией ему

²⁵ См. публ. в газ. «La stampa»: [Электронный ресурс]. Ruberto F. Morto il partigiano Giapparize, era il marito di Maria Peron [2012. Agosto 22; updated: 2019. Giugno 29]. URL: www.lastampa.it/verbanio-cusio-ossola/2012/08/22/news/morto-il-partigiano-giapparize-era-il-marito-di-maria-peron-1.36386708 (дата обращения: 05.09.2022).

²⁶ См.: *Minardi M.* Disertori alla macchia: militari dell'esercito tedesco nella Resistenza parmense. Bologna: CLUEB, [2006].

с группой товарищей удалось бежать, и после партизанских операций в Лигурии партизан Дзакари (т. е. Захар), как его прозвали, оказался в центральной Италии, в районе Пармы. По окончании войны Ергашев решил воздержаться от репатриации. Союзники не торопились передавать его советской стороне, и он провел пару лет в лагерях беженцев. В лагере Сант-Антонио под Салерно познакомился с полячкой Ядвигой Кжаник, работавшей при немцах санитаркой, и женился на ней. Молодая чета, решившись покинуть Европу, ждала визу в Латинскую Америку, когда с ними связались из Пармы их бывшие соратники и предложили устроиться там... Учитывая отказ от репатриации и первоначальный статус беженца, Ергашев долгое время вел замкнутый образ жизни и лишь в 1960-е позволил себе впервые написать письмо родным. Связи с родным Узбекистаном восстановились, но, рано, в 1970, уйдя из жизни, на Родину он не успел вернуться²⁷.

Скорее всего, связь Ергашева с ветеранами из Пармы обеспечил его соратник, грузин Ваню (Иван Григорьевич) Нанобашвили (1914–1990). Перейдя из легионеров в партизаны, он получил боевое прозвище Джанни. О нем существуют две справки, с разными отчествами — Гигоевич²⁸ и Григорьевич²⁹, однако Гига — это грузинская версия имени Григорий. В конце войны Нанобашвили познакомился и затем женился на партизанской связной Анне Маркотти. Ему удалось остаться в Парме, у них появилась дочь Мариароза, которая любезно ответила мне на ряд вопросов. Среди прочего она назвала имя и третьего советского партизана, осевшего в Парме: Шакро Цкриалашвили. Он также женился на местной итальянке

²⁷ См. о нем также: [Электронный ресурс]. Ибрагимова Г. «Несколько месяцев они скитались по лесам»: как пленные красноармейцы бежали из концлагерей, чтобы волевать в партизанских отрядах по всей Европе. URL: https://lenta.ru/articles/2020/05/13/voyna_parodov (дата обращения: 05.09.2022).

²⁸ См.: [Электронный ресурс]. ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=60135812&p=8> («Сигнахский РВК», «проп<ал> б<ез> в<ести> февраль 1942»). Дата обращения: 05.09.2022.

²⁹ См.: [Электронный ресурс]. ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=82472167> (живет в Парме; «Встречи с офицерами избегает. 12.7.46»). Дата обращения: 05.09.2022.

Анне Претти, но не оставил потомства, и пока других сведений о нем не обнаружено.

С Пармой связана история другого грузинского партизана-невозвращенца Георгия Ясоновича Моралишвили (1921–2007)³⁰, который сам подробно рассказал о своем пути в итальянское Сопротивление и о мотивах решения «не вернуться» в книге на английском языке, написанной в США, под названием «Georgia — USA»³¹. Младший сержант Моралишвили в июле 1942 попал в немецкий плен под Харьковом. После разных лагерей он оказался на принудительных работах неподалеку от Пармы, где ему в апреле 1944 удалось сбежать и влиться в 143-ю Гарибальдийскую бригаду. В составе отряда советских партизан имени Ворошилова он участвовал в освобождении Пармы. В фильтрационном лагере в Австрии с ним обращались как с предателем, изменившим воинской присяге, и он бежал — опять-таки в Парму. В течение десяти лет он там жил и работал, мечтая вернуться в Грузию, но родственники сами отговорили его от этого намерения: им удалось как-то сообщить о продолжавшихся репрессиях, и в итоге Моралишвили подал заявление на эмиграцию в США. С 1956 он проживал в Нью-Йорке (в 1957 женился на сербской эмигрантке, у них родилось четверо детей). После получения Грузией независимости ему удалось побывать на Родине³².

Интересно, что в Парме после войны проживала целая группа «невозвращенцев», помимо указанных нами, это — Федор Яковлевич Банаканов, Константин Яковлевич Даминшкин, Василий Николаевич Денискин³³, Александр Александрович Контес, Александр Борисович Кузин, Николай Иванович Морозов, Александр Николаевич

³⁰ См. справку, где Моралишвили значится пропавшим без вести: [Электронный ресурс]. ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=61430176> (дата обращения: 05.09.2022).

³¹ Неизданная машинопись.

³² Благодарю Тамару Басилашвили (Тбилиси) за изложение содержания книги.

³³ Есть сведения о награждении в 1986 Василия Николаевича Денискина юбилейной наградой — Орденом Отечественной войны II степени. Если это тот же человек, то значит, Денискин все-таки репатрировался.

Полазов³⁴. В Италии никто из них не остался, об их участии в движении Сопротивления и дальнейшей судьбе нам не известно (это могли быть остовцы или же коллаборационисты).

Как мы видим, все оставшиеся в Италии советские партизаны имели на то веские «семейные причины» — итальянских жен. Это правило подтверждают истории холостых «невозвращенцев», которые при первой возможности покинули Италию.

Григорий Ильич Паншин, отказавшись от репатриации, оставил Италию ради Нового Света — Аргентины. Он родился 12 февраля 1920 в селе Леново Курской губернии (сейчас Сумская область, Украина). Попав в плен в самом начале войны, осенью 1943 Паншин был отправлен немцами на работы в Италию, бежал и как командир участвовал, с боевым прозвищем Гришка, в операциях «бригады итало-русского саботажа», а затем — в освобождении Генуи. Переданный американскими союзниками советской стороне и отправленный в фильтрационный лагерь в Австрии, после серии допросов Паншин бежал обратно в Италию, где, пользуясь связями с соратниками по Сопротивлению, сумел отправиться из той же Генуи в Аргентину. Там он женился на аргентинке Мерседес, работал на железной дороге, в семье появилось четверо детей. Те же итальянские соратники помогли получить ему государственные пенсию и знаки почести. На Родину Паншин не возвращался, однако 8 мая 1995 ему была присвоена медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945», а 8 мая 2005 — медаль «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945»³⁵.

Перебрался из Италии в Канаду гарибальдиец Мамед Алимamed оглу Мамедов (1923–?). Его племянница сообщила, что он присылал

³⁴ См.: [Электронный ресурс]. ОБД «Мемориал». Списки советских граждан, находящихся в различных лагерях и вне лагерей на территории Италии по состоянию на 01.08.1947 года. URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=82471958&p=1&fbclid=IwAR0ijwaedrf7nx_r0NLjOALgx2dWXCmrS-6szO7Q7T5b2jWSB7oOSUnllHU (дата обращения: 05.09.2022).

³⁵ См.: [Электронный ресурс]. Русская легенда итальянской Генуи — «команданте» Гришка. Призер международного конкурса «Русский мир — память сердца» в номинации «Солдаты Победы». URL: <https://russkiymir.ru/fund/projects/memory/articles/118713> (дата обращения: 05.09.2022).

родным посылки из Канады до 1968, видимо, скончался в то время³⁶. Его судьба в этой стране пока не установлена.

Вероятно, в контексте нашей темы можно вкратце упомянуть тех партизан, которые, женившись на итальянках, по окончании войны все-таки решились на репатриацию.

Об одном из них, бакинце Нури Алиеве, мне доводилось писать не раз³⁷. Обвенчавшись, после обряда крещения (в тот же день), в 1946 с Джиной Негрини в русской православной церкви в Милане, он решил остаться в Италии, но его жена, убежденная коммунистка, настояла на отъезде в СССР в 1947. После долгого пребывания в фильтрационном лагере в Лиенце она, надломленная неясной ситуацией (брак с иностранкой, тем более церковный, не признавали), вернулась домой, в то время как Нури отправился в Баку, где первое время жил без проблем. Затем он, однако, попытался вернуться в Италию, был арестован и осужден на 10 лет лагерей. После освобождения закончил свою жизнь в Костроме.

Более настойчивыми оказались бывший партизан Петр Васильевич Зеленин (1916–1990) и Кончетта (Кончеттина) Лакава (1920–1993), которым удалось-таки въехать в Советский Союз. Петр, попав в плен, был отправлен на принудительные работы в Верону, затем — в миланское фабричное предместье Сесто-Сан-Джованни. Там во время очередной авиабомбежки он познакомился с Кончеттой. В сентябре 1944 Петр совершил побег из лагеря, перейдя на подпольное положение и укрываясь в семье Кончеттины. В ноябре 1944 ему удалось уйти в 52-ю бригаду имени Гарибальди. После карательных операций отряд Зеленина был рассеян нацифашистами. Петру и его товарищам чудом удалось найти убежище в Швейцарии. В марте 1946 он вернулся в Италию за Кончеттой, у которой тем временем родился от него сын. В Милане они получили необходимые документы (думается, сыграло роль рождение сына). Затем их направили в Австрию в фильтрационный

³⁶ См.: [Электронный ресурс]. Гусейнов А. Азербайджанский партизанский отряд в составе бригады «Сiao» (Италия): поимен. список бойцов отряда. URL: <http://www.savash-az.com/plen/Italy%20Partizans/Ciao.htm> (дата обращения: 05.09.2022). — Благодарю за информацию Ильхама Аббасова (Баку).

³⁷ См., напр.: Талалай М. Нури и Джина: невозможная любовь // Литературная республика. 2014. № 3. С. 275–280.

лагерь № 300, где семья ждала четыре месяца, пока не было получено особое разрешение для Кончетты Лакавы. После этого их перевезли в г. Сегет (Румыния) в фильтрационный лагерь, откуда, наконец, они прибыли в Оренбуржье, на «малую родину» Петра³⁸. По нашим сведениям, это единственный случай, когда итальянской гражданке удалось приехать в СССР почти сразу после войны.

Ситуация изменилась после объявления вышеупомянутого Указа Верховного Совета 1955 «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Отечественной войны 1941–1945 гг.». В итоге после десятилетнего невозвращения в 1955 приехал из Италии с женой итальянкой Терезой Ладжи³⁹ азербайджанец Шихбаба Меджидов (1920–1994). В 1956 вернулся другой азербайджанский партизан Магаран (иначе Махаррам) Наджафов (1918–?), тоже с женой итальянкой Катериной Форгане⁴⁰. Нельзя исключить, что Меджидов каким-то секретным кодом сообщил Наджафову, что его возвращение прошло нормально: такие приемы были широко распространены среди земляков-репатриантов. Таким образом, три итальянские жены партизан стали советскими гражданками.

Подведем статистические итоги: в Италии после войны обосновалось семь советских партизан, все они имели итальянских жен. Четверо советских ветеранов Сопротивления отправились за океан. Воистину горстка «невозвращенцев»...

Однако не следует забывать, что речь в нашей статье шла только об исключительном сюжете — о воинах-антифашистах, отказавшихся от репатриации. Тысячи других бывших советских граждан, по разным причинам оказавшиеся на Апеннинском полуострове в конце Второй мировой войны, на Родину принципиально не вернулись⁴¹.

³⁸ Сведения предоставила внучка Петра Васильевича и Кончетты Павловны Галина Алексеевна Сердюкова. См. также: *Десятков Г. М., Шувалов Е. И.* Сквозь муки ада. Оренбург: ДИМУР, 1997. С. 114–117.

³⁹ По другим сведениям, ее фамилия — Касадио.

⁴⁰ Сообщено Ильхамом Аббасовым (Баку).

⁴¹ См. об этом: *Талалай М. Г.* Вторая волна русской эмиграции в Италии и проблемы репатриации // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения–2014: тр. Международ. науч. конф. СПб.: Фонд Слепухина, 2015. С. 409–425.

ТЕЛИЦЫН Вадим Леонидович,
ведущий научный сотрудник,
доктор исторических наук, профессор,
Институт всеобщей истории
Российской академии наук
(Россия, Москва)

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ШТРАНГЕ: НЕТИПИЧНАЯ СУДЬБА «ТИПИЧНОГО РЕЭМИГРАНТА»

Аннотация: В статье речь идет о судьбе русского эмигранта Михаила Михайловича Штранге, жившего во Франции, участвовавшего во Второй мировой войне и вернувшегося в СССР. Внимание автора акцентируется на деятельности М. М. Штранге в службе советской разведки в 1930-х, а также на его участии в движении Сопротивления. Рассмотрено его возвращение в СССР и научная деятельность в 1950–1960-х.

Ключевые слова: Русская эмиграция «первой волны», Михаил Михайлович Штранге, Западная Европа, 1930-е, Вторая мировая война, движение Сопротивления во Франции, реэмиграция в СССР.

Abstract: The article deals with the fate of the Russian emigrant Mikhail Mikhailovich Strange, who lived in France, participated in World War II and returned to the USSR. The author focuses on the activities of M. M. Strange in the Soviet intelligence service in the 1930s, as well as on his participation in the resistance movement. His return to the USSR and scholarly activity in the 1950s–1960s are considered.

Keywords: Russian emigration of the «first wave», Mikhail Mikhailovich Strange, Western Europe, 1930s, World War II and the Resistance movement in France, re-emigration to the USSR.

Михаилу Михайловичу Штранге давали совершенно противоположные характеристики. Одни отзывались о нем как о «принципиальном и исключительно скромном человеке»¹, чья «идейная убежденность, научная эрудиция, высокая культура способствова-

¹ М. М. Штранге: [некролог] // История СССР. 1969. № 1. С. 219.

ли росту советской исторической науки в международных научных кругах»². Другие считали его морально нечистоплотным, видели в нем провокатора³.

Многие называли Штранге «человеком-загадкой», и это было справедливо: так, например (как подсчитал мой коллега А. Вовк), сохранилось около 20 вариантов его автобиографий, каждая из которых не повторяла (слово в слово) предыдущую.

Он родился 30 сентября 1907 в Казани в семье военного. Его отец Михаил Николаевич Штранге (р. 1864) прошел все ступени офицерской службы: окончив Самарское реальное (1882) и Казанское пехотное юнкерское училища (1885–1889), был зачислен в чине подпоручика в 96-й пехотный резервный батальон. К началу Первой мировой войны стал подполковником, служил в 161-м пехотном Александропольском полку, в 162-м пехотном Ахалцыхском полку. С лета 1916 — командир 95-го пехотного запасного полка. После Февральской революции М. Н. Штранге, к тому времени уже полковник, был отстранен от командования. Он демобилизовался и вернулся в Казань к семье. Мать М. М. Штранге — Эмма Мельхиоровна (в девичестве Рам), дочь Мельхиора Яковлевича Рама, швейцарского гражданина, с 1863 основавшего в Казани весьма значительное по тем временам производство сельхозорудий, предметов благоустройства для дач. В 1918 Рам вернулся в Швейцарию. Пятеро его сыновей были кандидатами на пост консула Швейцарии в Казани, но консульство там так и не открылось⁴.

В семье М. Н. и Э. М. Штранге было семь (по другим данным восемь) детей: один сын, остальные — дочери.

В 1915 М. М. Штранге был принят в мужскую классическую гимназию Казани, но успел отучиться там только чуть более двух лет: революции 1917 и Гражданская война не позволили ему получить образование в России (о доэмигрантском периоде жизни Штранге-младшего мало что известно).

² Дудзинская Е. А. Международные научные связи советских историков. М.: Наука, 1978. С. 35.

³ См.: Гуль Р. Я унес Россию: апология эмиграции. Нью-Йорк: Мост, 1984. Т. 1. С. 324.

⁴ См.: *Mirsky D. S. Twenty Two Letters (1926–1934) to Salomeya Halpern; Seven Letters (1930) to Vera Suvchinskaya // Oxford Slavonic Papers: New Series. 1997. Vol. XXX. P. 89–120.*

Весной 1918 Штранге-старший был мобилизован в Красную армию и отправлен на западную границу советской России. Однако на советской военной службе он долго не задержался и при первом удобном случае дезертировал из воинской части, а затем тайно перешел границу с Польшей. Оттуда перебрался в Германию, после чего — во Францию. В 1921 он был принят на службу управляющим шато (замка) Арсин (Château d'Arcine) в местечке Сен Пьер-де-Рюмийи, что в департаменте Верхняя Савойя. В 1923 туда смогли выбраться из советской России его жена, а также сын (дочери остались на родине, позже эмигрировала только одна из них — Вера). Штранге писал — правда, гораздо позднее, — что во Францию он выехал «на учебу».

Среднее образование М. М. Штранге получил в лицее города Тоннон-ле-Бен (Thonon-les-Bains); в 1928 окончил технический колледж в Бонвилле (Collège de Bonneville), получив диплом конструктора-кораблестроителя. Некоторое время работал на кораблестроительном заводе в Антверпене. Но решил продолжить свое образование и в 1933 поступил в Парижский университет (Сорбонну) на математический факультет, а затем перевелся на историко-филологический. Уже в студенческие годы определились его научные интересы: он работал над историей русско-французских отношений, в частности культурных связей конца XVIII–начала XIX вв.⁵ Учителем был известный французский историк Ж. Лефевр. Нет точных данных о том, закончил Штранге университет или нет, но в 1939 его учеба там оборвалась.

Все 1930-е он жил на два дома — то в Париже, то в шато Арсин у родителей, помогая им по хозяйству, но официально нигде не служил.

Вот свидетельство одного из эмигрантов от августа 1926:

«От души порадовался, что Вы заинтересовались пансионом полковника Штранге. Писать полковнику можно по-русски, он чистый русский, жена его Эмма Михайловна, рожденная Рам. Эта семья жила много лет, вплоть до революции, в Казани, там они имели большое дело <...>.

Теперь о пансионе. В этом году весь дворец отремонтирован и меблирован хорошо. Кормят у них, как говорят наши гурманы,

⁵ См.: М. М. Штранге: [некролог] // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 216.

великолепно. Сейчас у них полно, но к 15 августа комнаты должны освободиться. Плата за пансион несколько высокая, 35 франков в сутки с лица...»⁶.

А вот как описывала посещение упомянутого пансиона Н. А. Кривошеина: «Мы, по совету проф<ессора> Рауля Курильского, уехали в горы в Савойю, недалеко от Швейцарской границы и попали (через знакомых, конечно) в чудный старинный замок, стоявший на высоте пятисот метров, с дивным видом на зеленую долину. Владельцы замка были русские, семья Штранге. Там было уютно, красиво, все было вкусно, — комнаты у нас были одна 45 кв<адратных> метров, другая — 25 м<етров>, подоконники шириной в метр, все за нами ухаживали, старались, чтобы нам было хорошо, весело, беззаботно <...>»⁷. Бывавший в Арсин Я. Б. Рабинович вспоминал о кулебяках, пирогах, пельменях и других «русских вкусностях», которые подавались у Штранге⁸.

В 1929 М. М. Штранге познакомился с семьей Цветаевых-Эфрон. Сначала — с С. Я. Эфроном. В своем письме от 25 декабря 1929 Марина Цветаева сообщала о поездке (первой) своего мужа к Штранге в Арсин, где он должен был провести два месяца⁹. (Всего С. Я. Эфрон бывал в Арсине шесть раз.) М. Цветаева была в Арсине дважды (с июня по октябрь 1930-го и в 1936)¹⁰. О Штранге в письме к А. Штейгеру (от 12 сентября 1936) она писала так: «У меня здесь есть друг — Миша. Все, что он хочет от жизни — он, здоровый, на редкость — сильный (пришлось!), Ваш сверстник, постоянно какой-нибудь одной, а иногда и несколькими сразу — любимый, все, что он хочет от жизни — трех свободных утренних часов для писания, и ради этого отдаст всё, вплоть до своей молодости. Уже — без них — отдает. (Работает на огороде, шоферствует, прислуживает, но каждая свободная минута — столу.) Он, в распоряжении которого весь Париж, со всеми его сборищами, зрелищами, ночами, встречами, остается на

⁶ Букреева Е. Письма из Женевы: ч. 2 // Наша газета (Женева). 2018. 4 апр.

⁷ Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. М.: Русский путь, 1999. С. 196.

⁸ Гуль Р. Я унес Россию: апология эмиграции. Т. 1. С. 324.

⁹ См.: Цветаева М. Письма. Т. 3: 1928–1932. М.: Эллис Лак, 2015. С. 313.

¹⁰ См.: Мнухин Л. «Мне Франции нету милее страны...» // Наше наследие. 2017. № 123. С. 44.

зиму — здесь, со старыми, добрыми, мало понимающими его родителями, и старым цусимским адмиралом, и еще с одним стариком садовником — чтобы писать»¹¹.

Но у М. М. Штранге была еще одна сторона жизни — он был сотрудником советской внешней разведки, а про шато Арсин говорили, что он «центр советских спецслужб». Есть (правда, неподтвержденные) данные о том, что завербовал Штранге сам Сергей Эфрон и он же координировал его деятельность.

Если судить по воспоминаниям очевидцев, по работам исследователей русской эмиграции и историков советских спецслужб, то М. М. Штранге мог быть замешан в деле А. И. Гучкова и Н. Н. Алексеева, в убийстве Игнатия Рейсса и в похищении генерала Е. К. Миллера.

Н. В. Вольский (псевд. Н. Валентинов) вспоминал (в середине 1950-х) об А. И. Гучкове как об «убежденном стороннике войны с СССР», который «еще задолго до появления Гитлера как диктатора доказывал, что война Германии с Россией неизбежна и что только в этой войне Россия может освободиться от диктатуры большевизма. Информация, которой обладал Гучков, была всегда очень обширная и свежая». По словам мемуариста, «Гучков имел связь не только с германским посольством в Москве, а и с рядом высших чинов немецкого Рейхсвера и чиновничества в Германии. Он вел с немцами огромную переписку, шла она не обычным путем, а через пути, которые он полагал “конспиративными”. Помощником у него в этой переправке писем в Германию, и через тамошних его агентов дальше в СССР, был журналист Н. Н. Алексеев. Путь этих переправок был таков: где-то недалеко от границы Франции и Швейцарии находилось chateau, принадлежавшее или управляемое неким Штранге <...>. Сын Штранге жил в Париже и считался добрым товарищем Алексеева. Пакеты от Гучкова Алексеев передавал Штранге, тот отсылал их своему отцу, и таким образом пакеты Гучкова якобы переправлялись за границу. Неизвестно, был ли агентом Советов отец Штранге (есть данные предполагать, что таковым он не был), но относительно молодого Штранге теперь уже точно знаем, что он задолго до войны принадлежал к сети советского шпионажа. Поэтому

¹¹ Цветаева М. Письма. Т. 4: 1933–1936. М.: Эллис Лак, 2016. С. 697.

можно считать установленным, что содержание “конспиративной” переписки Гучкова, попавшее в его, Штранге, руки, немедленно становилось известным парижскому представителю ГПУ. Мать Н. Алексеева предполагает, что тот же Штранге, донося на него французскому правительству (как на «немецкого шпиона»), добился ареста Алексеева и привлечения его к суду. (В защиту Алексеева вступился Керенский.) <...> Оглядываясь назад, нельзя не назвать трагическим положение Гучкова. Скоблин, дочь Гучкова, молодой Штранге, все следили за ним и о каждом шаге его доносили»¹².

А вот что известно о возможном участии М. М. Штранге в деле И. Рейсса: «В ночь с четвертого на пятое сентября 1937 на шоссе в Пюлли под Лозанной был обнаружен <...> труп неизвестного с фальшивым паспортом на имя чешского коммерсанта Эберхардта; настоящее имя убитого было Людвиг Порецкий, он же — Игнатий Рейсс. Польский еврей, коммунист, фанатик мировой революции, рано или поздно он должен был попасть в орбиту советской разведки (что и произошло), и Рейсс (под этим именем он фигурирует в прессе) стал советским резидентом на Западе. Постепенно прозревая, он убедился, что служит вовсе не мировой революции, а кровавой сталинщине. Летом он написал письмо в ЦК ВКП (так в тексте, правильно: ЦК ВКП(б). — В. Т.], где призывал к борьбе со сталинизмом, к новым боям за социализм и организации IV-го Интернационала. Письмо он по неосторожности передал в советское посольство, после чего предпринял шаги, чтобы скрыться с женой и ребенком. Нечего и говорить, что он был обманут и выслежен (семье удалось спастись). Слежкой руководил С. Я. Эфрон»¹³.

Об участии Штранге в деле похищения Е. К. Миллера сохранились только косвенные данные¹⁴.

После этих громких дел многим «добровольцам» советских спецслужб пришлось бежать из Франции. Среди последних оказался

¹² Цит. по: Берберова Н. Люди и ложи: русские масоны XX столетия. М.; Харьков: Прогресс-Традиция; Калейдоскоп, 1997. С. 258–259.

¹³ Саакянц А. Марина Цветаева: жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997. С. 212.

¹⁴ См.: Рюшты К. Тайны замка Арсин: Петр Иванович Паттон-Фантон де Веррайон, семья Странге, св. праведный Алексей Южинский, Марина Цветаева, Сергей Эфрон и другие жители и гости замка. М.: Лето, 2019. С. 99.

и С. Я. Эфрон. Его жена М. Цветаева была допрошена сотрудниками уже французских спецслужб. На допросе она показала, что «в конце лета 1936, в августе или сентябре, поехала на отдых с сыном Георгием <...> к <...> соотечественникам, семье Штранге, которые живут в замке Арсин в Сен-Пьер-де-Рюмийи (Верхняя Савойя). Супруги Штранге держат по указанному адресу семейный пансион. У них есть сын Мишель 25–30 лет, который занимается литературным трудом. Он живет обычно не в Париже, а у родителей. Не знаю, часто ли он бывает здесь, и не знаю, продолжает ли он поддерживать отношения с моим мужем»¹⁵.

М. М. Штранге повезло: ему не пришлось бежать из Франции, и французской полицией он не был арестован (несмотря на упоминание его имени Цветаевой на допросе). Видимо, французы не нашли необходимым его задерживать, а может быть, у них было недостаточно доказательств его шпионской деятельности. Так, до начала Второй мировой войны М. М. Штранге жил в шато Арсин (изредка бывая в Париже), помогая родителям и собирая материалы о влиянии Французской революции XVIII в. на русское общество.

В Гражданской войне в Испании он, в отличие от многих своих коллег по советской разведке, тоже не участвовал, но есть данные, что после поражения республиканцев предоставил Арсин (его еще называли «Красным замком») для нелегально проживания там испанских коммунистов, бежавших из страны. (В шато Арсин помещения были разделены на отдельные комнаты, где можно было разместить 43-х человек.)

Все эти данные о жизни и деятельности Штранге нам удалось почерпнуть из воспоминаний его современников. Сам же Михаил Михайлович в одном из многочисленных вариантов своей автобиографии (ноябрь 1952) отмечал: «Все мои бумаги довоенного периода были уничтожены <...>».

В сентябре 1939 началась Вторая мировая война. М. М. Штранге участвовал в ней на стороне антифашистского французского Сопротивления. Он оставил интересные воспоминания о действиях маки

¹⁵ *Huber P., Kunzi D.* Paris dans les années 30 sur Serge Efron et quelques agents du NKVD // *Cahiers du Monde russe et soviétique* (Paris). 1991. Vol. XXXII (avril–juin). P. 294.

(партизан) в Верхней Савойе, однако ни разу не упомянул свое имя¹⁶. О его участии в партизанском движении можно судить только по немногим сохранившимся воспоминаниям и исследовательским работам. Важно и то, что в своих воспоминаниях Штранге акцентировал внимание не только (и даже не столько) на противоборстве французских партизан и подпольщиков с германскими нацистами и французскими коллаборационистами, но и на противостоянии между различными группами французского Сопротивления (между теми, кого поддерживала Москва и Коммунистический Интернационал, и теми, кого поддерживал Лондон и правительство де Голля в изгнании).

В составе партизанского отряда Штранге одним из первых вошел в освобожденный от солдат Вермахта город Аннеси — древнюю столицу Савойи¹⁷.

Французское командование партизанских вооруженных сил отметило боевые заслуги М. М. Штранге орденом Военного креста.

Но русские эмигранты, пережившие войну во Франции, были очень удивлены, увидев Штранге в советской военной форме и в погонах старшего лейтенанта. Оказалось, что он получил назначение в советскую военную миссию во Франции.

Известный в будущем литератор и публицист М. М. Коряков (в 1945 находившийся во Франции при советском посольстве) вспоминал: «И заметив в дверях проходной низенького, толстенького, пожилого офицера, <генерал Вихорев> крикнул:

— Ну, и пропал ты, Штранге! Полчаса тебя дожидался...

“Штранге!” — метнуло мне в голову. Как раз мой приятель-эмигрант спрашивал меня, не знаком ли я с Михаилом Михайловичем Штранге, и рассказал мне странную историю. Жил-был во Франции некий Штранге — во время войны, при немецкой оккупации. Неизвестно, где работал, на какие средства жил. Держался скромно, одиноко. То появлялся в Париже, то куда-то уезжал. Все, кто знали его, принимали за старого эмигранта. Но тотчас же по освобождении

¹⁶ См.: Штранге М. М. Народное движение Сопротивления в Верхней Савойе в 1941–1944 гг. // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 113–121.

¹⁷ См.: Бурдей Г. Д. Историк и война, 1941–1945 / под ред. В. А. Муравьева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 139.

Парижа от немцев вдруг увидели: Штранге в кителе с золотыми погонами и тремя звездочками — в чине старшего лейтенанта. Несколько спустя прибыла военная репатриационная миссия — Штранге стал адъютантом генерал-майора авиации Вихорева (на самом деле: одного из руководителей военной контрразведки «Смерш». — В. Т.).

— В кафе на рю дю Бак папирос не оказалось, — пожал плечами Штранге, передавая генералу пачку “Честерфильда”. — Пришлось добежать до “Лютеции”.

— Вы, я вижу, хорошо знакомы с черным рынком в Париже? — улыбнулся я старшему лейтенанту.

— Да, Париж я знаю, — проговорил Штранге и кинулся, забегая перед генералом, открыть ему дверцу большого черного “паккарда”.

Несколько позже я узнал, что генерал Вихорев никогда не служил в авиации. Он был чекист, в НКВД сделал всю свою карьеру. Авиационную форму носил для близира, как и многие другие офицеры военной репатриационной миссии¹⁸.

В 1945–1946 М. М. Штранге занимал пост помощника начальника лагеря «Борегард» (под Парижем), занимался репатриацией русских заключенных. Это отдельная, совершенно окутанная туманом страница его жизни. Весной 1947 Штранге уехал в Советский Союз. «Я вернусь не ранее, чем через два года», — загадочно сказал он оставшимся в замке Арсин. Но он сюда уже не вернулся.

Его мать Эмма Штранге, страдая ностальгией по России и питая последнюю надежду увидеть своих детей, решила тоже вернуться в СССР. Отец же был непреклонен: он хотел закончить жизнь в Сен-Пьере и быть похороненным рядом со своим другом Петром Ивановичем Паттоном¹⁹, ушедшим из жизни в 1941 (похоронен на

¹⁸ *Коряков М.* Освобождение души / предисл. Бор. Зайцева. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 60.

¹⁹ Паттон-Фантон-де-Веррайон Петр Иванович (1866–1941) — контр-адмирал. Окончил Морской корпус. В 1904 участник Цусимского похода и сражения, старший офицер крейсера «Изумруд». Награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Принимал участие в спасении жертв землетрясения в Мессине и Калабрии. Во время Первой мировой войны начальник отряда судов обороны Северо-Западной части Черного моря. В 1918 временный председатель Русско-Дунайского пароходства. В 1919 эмигрировал. В 1920-е жил в Берлине. В конце 1920-х приехал во Францию. Жил в шато Арсин.

кладбище недалеко от замка. — В. Т.). И все же настал день, когда родительская тоска по детям позвала и его в далекий неведомый путь. Вот как описывают очевидцы прощальную сцену перед отъездом родителей Штранге: «Часов в семь вечера последние друзья и прислуга замка собрались вместе, Штранге прочитал прощальную молитву, затем выдержали традиционную минуту молчания. Господин Штранге перекрестил замок, и пожилая пара со всеми своими пожитками уехала в ночь в путешествие без возврата»²⁰.

После отъезда М. М. Штранге и его родителей в СССР пансионат еще год пыталась содержать сестра Михаила Михайловича Вера Михайловна Паттон (была замужем за сыном адмирала П. И. Паттона). Потом — двоюродная сестра Марина. В 1948 пансионат закрылся. Семья Штранге-Паттонов проживала там до 1950.

В СССР М. М. Штранге не только не был поражен в правах, как большинство эмигрантов, но жил в Москве в отдельной квартире. Служил главным библиографом Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. В 1954 защитил в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию «Отношение русского общества и к буржуазной революции во Франции 1789–1794 гг.», которая послужила базой вышедшей в 1956 монографии «Русское общество и французская революция, 1789–1794 гг.».

В этом исследовании Штранге предпринял попытку проанализировать ситуацию, сложившуюся в России после известий о Французской революции: «Использованный в настоящей работе материал, собранный в московских архивах и книгохранилищах, дает возможность глубже вскрыть социально-политические настроения дворянского населения России в тот период. Основная трудность заключалась в большой распыленности этого материала, а также в недостаточности обнаруженной документации, характеризующей общественные взгляды представителей разночинной интеллигенции, которая не создавала своих семейных архивов, как это делали дворяне»²¹.

²⁰ Рюшты К. Тайны замка Арсин... С. 20–21.

²¹ Штранге М. М. Русское общество и французская революция, 1789–1794 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 9.

Монография была переведена на французский язык (1960)²² и получила высокую оценку известного историка Французской революции Жоржа Лефевра.

С 1955 Штранге — научный сотрудник Института истории АН СССР. В 1965 защитил докторскую диссертацию, в качестве которой представил монографию «Демократическая интеллигенция России в XVIII веке» (М.: Наука, 1965). Одним из оппонентов была академик М. В. Нечкина²³. Докторская диссертация представляла собой очерк истории «ломоносовского племени, каждый шаг которого отмечен нуждой и самоотверженным трудом вчерашних выходцев из крепостного сословия»²⁴.

Как отмечали современники, уже в ходе работы над этой монографией М. М. Штранге «собирал материал и обдумывал пути дальнейшего развития русской разночинной интеллигенции, ее последующей общественной борьбы. Он успел написать лишь первые главы своего исследования, которое обещало стать новым вкладом в историческую науку. Исследованиям М. М. Штранге присущ особый творческий почерк. Он характеризуется глубокой продуманностью и прочувзованностью материала, пристрастием автора к своим героям, пристрастием, которое не ослепляет, а обостряет творческое зрение, ведет к полноте исследования»²⁵.

Как отмечали отечественные исследователи, на основе тщательных архивных исследований Штранге показал, что прослойка демократической, «разночинной» интеллигенции, которая стала столь важной общественной силой в истории России, появилась уже в середине XVIII в. Изучая формирование идеологии этой новой общественной прослойки, М. М. Штранге подчеркнул факт влияния на нее идей французского Просвещения. Еще до выхода в свет своей последней книги он опубликовал в русской и французской научной

²² См.: *Strange M. La révolution française et la société russe / trad. du Russ. par J. Champenois. Moscou: Editions en langues étrangères, 1960.*

²³ См.: «...И мучилась и работала невероятно»: дневники М. В. Нечкиной. М.: Рос. гос. ун-т, 2013. С. 406, 471, 731.

²⁴ Штранге М. М. [Некролог] // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 216.

²⁵ Там же.

печати ряд ценных этюдов: «“Энциклопедия” Дидро и ее русские переводчики», «Жан-Жак Руссо и его русские современники», «Дидро и русское общество». М. М. Штранге на основе многолетних упорных поисков удалось воссоздать фигуры распространителей французских просветительских идей — русских переводчиков Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, «Энциклопедии» (это М. М. Херасков, Д. С. Аничков, И. А. Третьяков, Я. П. Козельский, И. Г. Туманский и многие другие), а также их читателей, гораздо более многочисленных, чем принято было думать. Он же дал характеристику личных контактов Дидро с Екатериной II, а также представил анализ отношения российского образованного общества к его литературному творчеству. Штранге изучил данные о распространении произведений энциклопедистов в России. С 1767 по 1777 в России было переведено 480 статей из «Энциклопедии»²⁶.

Ю. М. Лотман отмечал, что при всей значительности существующей литературы тема «Французская революция и русское общество» не вышла дальше сбора и систематизации материала²⁷. А. В. Гордон дополнял: «Характерный образец — монография М. М. Штранге <“Русское общество и французская революция, 1789–1794 гг.”>, который был пионером в разработке темы и как пионер свою задачу выполнил»²⁸.

Кроме собственной исследовательской работы Штранге принимал участие в ряде коллективных трудов Института истории АН СССР, таких как «Всемирная история», «История СССР», «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма» и др. В течение ряда лет он состоял ученым секретарем Национального

²⁶ См.: Далин В. М. Памяти Михаила Михайловича Штранге // Новая и новейшая история. 1968. № 4. С. 188.

²⁷ См.: Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1965. Вып. 167. С. 3–32; также: Великая французская революция и русская литература: [сб. ст.] / отв. ред. Г. М. Фридлиндер. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. С. 55.

²⁸ Гордон А. В. Великая французская революция как явление русской культуры: (к постановке вопроса) // Исторические этюды о французской революции: памяти В. М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М.: ИВИ РАН, 1998. С. 219–220.

комитета историков СССР. Участвовал в деятельности франко-советского коллоквиума в Москве (1961), англо-советских коллоквиумов в Лондоне (1963) и в Москве (1966), XII международного конгресса исторических наук в Вене (1965).

В 1957 в СССР прибыл известный специалист по истории России профессор Ричард Пайпс. Он вспоминал: «В институте меня принимал некто М. М. Штранге, специалист по французской истории (все-го лишь кандидат наук. — В. Т.). Позднее я узнал, что во время войны он был высокопоставленным советским агентом в оккупированном немцами Париже. Он излучал дружелюбие, и не из-за какой-то личной или профессиональной симпатии, а просто потому, что, вероятно, ему было поручено завербовать меня в “органы”. <...> Было запрещено вывозить издания до 1917, но Штранге устроил для меня разрешение послать их почтой»²⁹.

Но работы Штранге подвергались и критике: «Начиная с момента выхода книги М. М. Штранге “Демократическая интеллигенция России в XVIII веке” (М., 1965), справедливо, но недостаточно критикованной в свое время М. Белявским³⁰, в историю русской интеллигенции вторгаются мифы, под обаяние которых волей-неволей попадают как профессиональные историки, так и широкие читательские массы. Здесь имеется в виду необоснованное возвышение роли разночинной интеллигенции в культуре и общественной мысли XVIII в. и ложный тезис о “правительственных преследованиях”, якобы обрушившихся на представителей “передовой разночинной интеллигенции”. Отсутствие других, более объективных монографий, посвященных интеллигенции XVIII в., создало своего рода монополию книги Штранге. Поспешно сформулированные им и некритически воспринятые многими историками тезисы пагубно сказались на литературе вопроса. Неудивительно, что специалисты по русской интеллигенции XIX в. полагают, что Штранге “рассмотрел политику царского правительства в деле подготовки интеллигентских кадров <...> во всей сложности

²⁹ Пайпс Р. Я жил: мемуары непримкнувшего. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2005. С. 141–142.

³⁰ Его рецензию на книгу Штранге см.: Вопросы истории. 1966. № 4. С. 136–139.

и противоречивости»³¹. Но с таким же опрометчивым доверием относятся к упомянутому автору и те, кто занимается XVIII в. Так, ошибочно рассматривать по большей части элементарно грамотное крестьянство как крепостную интеллигенцию (кто только не попал у Штранге в “разночинную” — вплоть до родственника “светлейшего” Потемкина). Говоря о “прогрессивных” литераторах из крестьянской среды, Штранге, замалчивает деятельность тех крепостных, чье творчество не укладывается в его концепцию. Основная причина заблуждений Штранге в том, что до недавних пор в науке отсутствовало сколько-нибудь цельное представление о процессе становления разносословной интеллигенции в России XVIII в. и о тех социальных и культурных перемещениях, которые происходили внутри этой сословно дифференцированной группы»³².

Я беседовал с теми немногими, кто еще помнит М. М. Штранге. Они характеризовали его как довольно скрытного, очень осторожного в высказываниях, но очень воспитанного и интеллигентного человека, невысокого роста, плотной комплекции, облаченного, как правило, в серый костюм.

Кстати, о скрытности и осторожности Штранге.

Литературовед А. А. Саакянц отмечала, что в начале 1960-х Ариадна Сергеевна Эфрон (дочь С. Я. Эфрон и М. И. Цветаевой) очень надеялась многое записать со слов М. М. Штранге: «Разговор все откладывался, покуда скоропостижная смерть Штранге не оборвала, к великому огорчению А. С. Эфрон, единственную надежду записать что-либо конкретное о деятельности отца <...>»³³.

Михаил Михайлович Штранге скоропостижно скончался в Москве в 1968. Он и в факте собственной смерти остался человеком скрытным. Согласно некрологу, он умер 30 марта (тогда как по данным Центрального архива службы «Ритуал», 3 апреля) от инсульта. Похоронен на Даниловском кладбище (участок 3, регистрационный

³¹ Хасанова С. И. Правительственная политика в области высшего образования и формирования интеллигенции в России (60–90-е годы XIX в.): автореф. дис. ... к. и. н. Казань: Казан. гос. ун-т, 1982. С. 12.

³² Севастьянов А. Н. Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса. М.: Книжный мир, 2009. С. 34.

³³ Саакянц А. Марина Цветаева: жизнь и творчество. С. 659.

номер 1362). Я пытался найти его могилу, но пока безуспешно. Отец его скончался в скором времени после возвращения в СССР, мать — в 1964. Детей у М. М. Штранге не было, следы его гражданской жены Коллет затерялись.



ШКАРОВСКИЙ Михаил Витальевич,
доктор исторических наук, главный архивист
Центрального государственного архива Санкт-Петербурга
(Россия, Санкт-Петербург)

СУДЬБА ЕПИСКОПА ИННОКЕНТИЯ (СОКАЛЯ): СЛОЖНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Аннотация: Одним из известных реэмигрантов в СССР после окончания Второй мировой войны был епископ Иннокентий (Сокаль). В 1920–1940-е тогда еще в сане протоиерея Иоанн Сокаль служил в храме Пресвятой Троицы в Белграде в составе Русской Православной Церкви за границей. В 1945 он перешел в юрисдикцию Московского Патриархата, принял советское гражданство, но около пяти лет не мог получить разрешение на переезд в СССР. Только в 1950 протоиерей смог вернуться на Родину.

Ключевые слова: Российская эмиграция, Русская Православная Церковь за границей, Югославия, Вторая мировая война, епископ Иннокентий (Сокаль), реэмиграция в СССР.

Abstract: One of the famous re-emigrants to the USSR after the end of World War II was Bishop Innokenty (Sokal'). In the 1920s and 1940s, while still in the rank of Archpriest, John Sokal' served in the Church of the Most Holy Trinity in Belgrade being a part of the Russian Orthodox Church Abroad. In 1945, he came under the jurisdiction of the Moscow Patriarchate, took Soviet citizenship, but for about five years could not get permission to move to the USSR. Only in 1950 the archpriest was permitted to return to his homeland.

Keywords: Russian emigration, Russian Orthodox Church Abroad, Yugoslavia, World War II, Bishop Innokenty (Sokal'), re-emigration to the USSR.

Будущий реэмигрант в СССР после окончания Второй мировой войны епископ Иннокентий (Иван Иванович Сокаль) родился 7 января 1883 в селе Корхов Люблинской губернии, окончил Варшавское духовное училище, в 1906 Холмскую духовную семинарию, а в 1910

— Киевскую духовную академию. 26 сентября 1910 он был назначен помощником инспектора Курской духовной семинарии в г. Рыльске, 24 сентября 1912 перемещен на должность инспектора параллельных классов в ней. Вскоре И. И. Сокаль был рукоположен во диакона и 14 октября 1912 — во иерея. В 1911 в Курске вышли две его брошюры: «Психологический анализ личности святого Иоасафа в связи с современным состоянием русского общества» и «Как должны жить христиане по учению святого Иоасафа».

В 1919 отец Иоанн оказался командирован в Палестину для приема от английских властей имущества Русской духовной миссии. В 1921 он эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1921 отец Иоанн служил преподавателем Призренской духовной семинарии, в 1922–1924 преподавал в семинариях в Сремских Карловцах и в Битоле, с 1921 по 1931 также состоял инспектором духовных семинарий в Югославии. В 1927 сербским правительством он был награжден орденом св. Саввы IV степени за духовно-просветительскую деятельность¹.

С 1931 отец Иоанн служил первым священником в важнейшем храме русской эмиграции в Югославии — церкви Пресвятой Троицы в Белграде. Она была построена в 1924–1925². Закладку храма 24 декабря 1924 произвели митрополит Антоний (Храповицкий) и Сербский Патриарх Димитрий. Однопрестольную церковь (на 300–400 человек), возведенную в псковском стиле XV в., освятил 5 июля 1930 новый Сербский Патриарх Варнава³. В правом притворе Свято-Троицкого храма 6 октября 1929 был погребен вождь Белого движения генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель⁴. До 1944

¹ См.: *Косик В. И.* Иннокентий (Сокаль), епископ // *Православная энциклопедия*. Т. 23. М.: Православ. энцикл., 2010. С. 23; *Он же.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. М.: Православ. Св.-Тихон. гуманитар. ун-т, 2008. С. 170–171.

² ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 127. Л. 1–2, 4–8; *Неклюдов В.*, прот. Церковная жизнь русских в Югославии // *Часовой (Брюссель)*. 1939. № 236–237. С. 10–12; *Косик В. И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). М.: Православ. Св.-Тихон. богосл. ин-т, 2000. С. 69.

³ См.: *Русские храмы и обители в Европе / авт.-сост. В. В. Антонов, А. В. Кобак.* СПб.: Лики Европы, 2005. С. 199–200.

⁴ См.: *Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г.* Белград, 1929. С. 5–82.

в церкви пребывали Одигитрия русского рассеяния — чудотворная Курско-Коренная икона «Знамение» Божией Матери, а также около 240 штандартов и знамен императорской и Белой армий, среди которых были знамена эпохи царя Алексея Михайловича.

В межвоенные годы при Свято-Троицкой церкви действовало благотворительное общество отца Иоанна Кронштадтского, в работе которого принимал участие отец Иоанн Сокаль. Общество содержало приют для безработных и общежитие для студенток; приход издавал брошюры и периодический журнал «Странник». Окормление многотысячного прихода шло довольно успешно: так, в 1931 было совершено свыше 200 литургий, общее же количество богослужений приближалось к 500. В храме совершались многочисленные епископские хиротонии, в богослужениях часто участвовало до 12 архиереев — русских и сербских⁵.

В 1932 определением Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей за свою многообразную деятельность в приходе протоиерей Иоанн Сокаль был награжден золотым наперсным крестом с украшением. В августе 1938 он участвовал в работе II Всезарубежного Собора в Сремских Карловцах. В том же году в Софии вышла еще одна книга пастыря — «Бытие Бога». Отец Иоанн был возведен в сан протоиерея и, по некоторым сведениям, награжден митрой.

При этом причт Свято-Троицкой церкви, включая отца Иоанна, находился в определенной оппозиции Архиерейскому Синоду, считал себя «хозяином храма», а русских епископов — «беженцами, живущими из милости в Сербской Патриархии, и поэтому лишь терпел, что они служили в белградской церкви»⁶. Причт платил взносы в Сербскую Патриархию, а в Синод лишь делал нерегулярные отчисления. Дело дошло до того, что белградский приход отказался вносить деньги на содержание Архиерейского Синода в тот момент, когда в югославской правительственной прессе началась инспириро-

⁵ См.: Царский вестник (Белград). 1930. № 82. С. 4.

⁶ См.: Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. Нью-Йорк: Сев.-амер. и канад. епархия, 1959. С. 99–100.

ванная русскими общественными кругами во Франции и США кампания против Синода.

Первым настоятелем Троицкого храма служил протопресвитер Петр Беловидов, скончавшийся 27 апреля 1940. В конце того же месяца отца Петра сменил протоиерей Иоанн Сокаль, остававшийся настоятелем церкви до отъезда в СССР в январе 1950⁷. По воспоминаниям одного из современников, отец Иоанн был «дипломат английской выправки», отличался склонностью к долгим и «мудреным» проповедям, которые зачастую были утомительны и трудны для понимания⁸.

В годы Второй мировой войны отец Иоанн записался в число желавших вернуться на Родину священнослужителей Русской Православной Церкви за границей, но германское командование не допустило их на оккупированную территорию СССР. В июле 1942 был создан Комитет по сбору средств в фонд при Архиерейском Синоде для приобретения и изготовления священных сосудов, богослужебных книг, церковной утвари, облачений, икон и крестиков для нужд Церкви в России⁹. Отец Иоанн активно включился в работу комитета, собирая благотворительную помощь среди своих белградских прихожан.

Накануне своего отъезда из Югославии — 7 сентября 1944 Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей издал указ о возложении на настоятеля Свято-Троицкой церкви протоиерея Иоанна Сокаля, как на старшего из оставшихся в Белграде священнослужителей, возглавление Епископского Совета и управление русскими церковными общинами в Югославии на правах благочинного. Через несколько дней — 12 сентября Сербский Синод письменно запросил отца Иоанна, на каких канонических основаниях и в каких условиях предполагается дальнейшее существование Русской Церкви на территории Югославии. Получив этот запрос, протоиерей 18 сентября созвал общее собрание Епископского Совета и приходского совета Троицкой церкви Белграда, на котором

⁷ См.: Там же. С. 98.

⁸ Косик В. И. Иннокентий (Сокаль), епископ. С. 23.

⁹ См.: Церковное обозрение (Белград). 1942. № 7–8. С. 4.

единогласно была принята резолюция: «Обратиться с просьбой к Св. Архиерейскому Синоду Сербской Православной церкви, чтобы он принял Русскую церковь в Югославии под свое покровительство и чтобы назначил одного из архиереев для дел, требующих епископской санкции»¹⁰.

На основании этого постановления отец Иоанн обратился с соответствующей просьбой к Сербскому Синоду. Обсудив каноническое положение Русской Церкви на территории Югославии, Синод принял временное распоряжение, посчитав, что окончательным разрешением этого вопроса займется в дальнейшем Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви. Оставшиеся без своей иерархии Епископский Совет и благочинный Русской Церкви в Югославии были временно взяты под покровительство Сербского Архиерейского Собора. Для дел, требующих архиерейской санкции, был назначен епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (Раич). 23 сентября Сербский Синод известил отца Иоанна о своем решении¹¹.

Получив письменное извещение от отца Иоанна Сокаля, находившийся в то время в Вене Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей на своем заседании от 30 сентября принял это решение к сведению¹². 2 октября председатель Синода митрополит Анастасий (Грибановский) написал Заместителю Патриарха митрополиту Иосифу (Цвийовичу), что принятое Сербским Синодом распоряжение отвечает тем указаниям, которые он оставил Епископскому Совету на случай перерыва нормальных сношений между ним и русскими общинами в Сербии. Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей выразил Владыке Иосифу глубокую признательность за заботу о русских приходах, проявившуюся в поручении временного управления ими епископу Владимиру¹³. В состав возглавленного Владыкой Владимиром Епископского Совета отец Иоанн вошел в качестве заместителя председателя¹⁴.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 23 — 23 об.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: СА. Д. «Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 — 18.09.1946».

¹³ См.: Там же. Д. 3/50.

¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

В конце ноября 1944 протоиерей Иоанн Сокаль отправил на имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Алексия (Симанского) письмо с ходатайством о возвращении на Родину и вхождении в состав Московского Патриархата: «От имени всех духовных лиц, оставшихся и ныне пребывающих в Белграде, и от лица всех русских церковных людей, поддерживающих тесную и постоянную связь с русской церковью, — выражаю искреннюю радость по случаю славных побед русского оружия, освободивших славянские земли от наших старых поработителей-врагов и давших нам, русским людям, в рассеянии сущим, возможность обратиться непосредственно к Вам, Ваше Высокопреосвященство, с покорнейшей просьбой исходатайствовать нам право возвращения на родину с тем, чтобы мы вошли в состав Русской Церкви, под непосредственным управлением Вашего Высокопреосвященства, и, честно работая на ниве Христовой, могли бы принести посильную пользу как церкви, так и своей родине»¹⁵.

В конце января — начале февраля 1945 протоиерей Иоанн Сокаль в составе делегации Сербской Церкви приезжал в Москву для участия во Всероссийском Поместном Соборе, выбравшем Патриархом Московским и всея Руси митрополита Алексия (Симанского). При этом он привез для передачи в фонд помощи детям фронтовиков золотой венец с бриллиантами с иконы Божией Матери Знамения (весом около двух с половиной килограммов), а также золотые и серебряные предметы в подарок Патриарху¹⁶. 6 февраля отец Иоанн Сокаль встретился с председателем Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карповым, обсудив с ним вопрос о настроении российских эмигрантов в Югославии. 7 февраля на совместной встрече у Карпова в присутствии Патриарха Алексия I также поднимались вопросы о положении Русской Церкви в Югославии и о возможности организации подворья Московского Патриархата в Белграде.

Еще в середине января 1945 Патриарший Местоблюститель митрополит Алексей известил председателя Сербского Синода митрополита Иосифа (Цвийовича) о предстоящей посылке в Югославию

¹⁵ Там же. Л. 23 — 23 об.

¹⁶ См.: Там же. Л. 12; Оп. 2. Д. 33. Л. 6.

делегации Русской Православной Церкви во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным) по «деловым вопросам, касающимся наших церковных взаимоотношений, и, в частности, по вопросу о переходе в наше ведение Мукачевско-Пряшевской епархии, а также тех русских приходов, которые находятся в ведении протоиерея Сокаля»¹⁷.

8 апреля эта делегация прибыла в Белград, и 10 апреля отец Иоанн Сокаль написал Патриарху Алексию: «Ваше Святейшество! Русская белградская церковная община с радостью узнала, что в Белграде предполагается открытие церковного подворья Московской Патриархии. Искренне желая скорейшего осуществления этого решения, сыновне просим Ваше Святейшество использовать для этой цели уже существующий в Белграде наш русский городской храм и кладбищенскую часовню со всем их церковным имуществом и ризницей. Вместе с тем мы ходатайствуем принять весь русский приход белградской церковной общины в юрисдикцию Русской Церкви, чтобы наша церковная жизнь в дальнейшем могла протекать под непосредственным архиерейским руководством Вашего Святейшества. Моральным основанием для нашего ходатайства служит то обстоятельство, что мы не принимали участия в общем направлении Карловацкого Синода и в его деятельности, направленной к обособлению от Московской Патриархии. И как только представилась возможность, мы и проявили свое настроение в том, что решили остаться на месте, дожидаться прихода Красной Армии и ходатайствовать о воссоединении нас с Русской Церковью»¹⁸.

Это прошение было удовлетворено. 13 апреля Сербский Священный Архиерейский Синод дал разрешение на канонический отпуск всем священникам Русской Православной Церкви за границей на территории Югославии, находившимся под покровительством Сербской Церкви, и, в соответствии с данными епископу Сергию полномочиями, причт и общины двух русских храмов Белграда (Свято-Троицкого и Иверского) приняли в каноническое и евхаристическое общение с Московской Патриархией. Чиноприем духо-

¹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 35.

¹⁸ Там же. Л. 37.

венства, в том числе протоиерея Иоанна Сокаля после принесения им покаяния, епископ Сергей совершил лично 13 апреля в малой часовне Сербской Патриархии. На следующий день он торжественно совершил литургию в переполненной прихожанами Свято-Троицкой церкви, которую предварительно освятил, что некоторые присутствовавшие расценили как кощунство¹⁹. Отслуженная позднее епископом Сергием панихида по скончавшемуся президенту США Франклину Рузвельту также вызвала удивление и даже возмущение у части прихожан.

Членам делегации подарили часть архива Свято-Троицкого храма, а на обеде, устроенном в их честь русской церковной общиной, протоиерей И. Сокаль произнес тост, в котором, сильно идеализируя советскую действительность, заявил: «На Родине нашей практически осуществляется христианство... Советский Союз и есть Святая Русь, осуществляющая Евангелие в жизни. Кому же мы обязаны созданием Советского Союза — Святой Руси? Кто осуществляет эту дивную гармонию жизни Государства и Церкви? Это сделал великий, гениальный Сталин. За его здоровье и благоденствие я поднимаю свою чашу»²⁰.

Указом от 19 апреля Владыка Сергей утвердил отца Иоанна Сокаля настоятелем Свято-Троицкой церкви и временно исполняющим обязанности благочинного русских приходов в Югославии, а также поручил «принимать в общение с Московской Патриархией клириков и монашествующих так называемой “Карловацкой группировки”, через принесение покаяния», о чем составлять акты и пересылать их в Управление делами Московской Патриархии²¹.

В виде исключения по личному указанию епископа Сергея без покаяния были приняты только священники Владимир Родзянко и Василий Коллюбаев. Позднее, в письме протоиерею Георгию Граббе

¹⁹ См.: *Косик В. И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). С. 152; <Анон.> Пятнадцать дней в Югославии // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 6. С. 23.

²⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 53 об.

²¹ *Кострюков А. А.* Принятие в юрисдикцию Московского Патриархата священнослужителей Русской Зарубежной Церкви в Югославии в 1945 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. № 2. С. 78.

от 3 февраля 1979 отец Владимир Родзянко описал эту историю так: «Мой тесть, отец Василий Колюбаев, и я наотрез отказались от такого кощунства. “Ты с ума сошел, — сказал мне отец Иоанн Сокаль, — у меня вчера дьякона расстреляли!” — «Пусть и меня расстреляют», — с юношеской запальчивостью ответил я. К чести отца Иоанна, он после долгой беседы с Епископом Сергием наедине вышел и сказал: “Отцу Василию и отцу Владимиру не надо, т<ак> к<ак> они — в сербской юрисдикции”. Это была натяжка, т<ак> к<ак> меня рукополагал Митрополит Анастасий (“запрещенный”) и оба мы, с отцом Василием, обслуживали русские приходы, входившие в Русскую Зарубежную Церковь, хотя и жили на сербских приходах. Канонической разницы между нами и всеми остальными не было никакой. Просто была жалость Епископа Сергия к нам»²².

30 октября 1945 Патриарх Алексей I ввел пост благочинного русских православных приходов в Югославии (им был назначен отец Иоанн Сокаль) и с согласия Сербской Церкви учредил подворье Московского Патриархата в Белграде. Вернувшийся вскоре из поездки в Москву епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (Раич) 25 ноября возложил на отца Иоанна митру, которой его наградил Патриарх Алексей²³. В 1946 протоиерей принял советское гражданство.

С момента назначения благочинным отец Иоанн Сокаль регулярно посылал Патриарху Алексею доклады о положении Сербской Церкви и русских общин в Югославии. В частности, в одном из них, от 8 февраля 1947, он писал: «Что же касается нашей русской жизни, то она по-прежнему течет мирно и спокойно. Почти все стали советскими гражданами и постепенно приобщаются к жизни своей Родины через литературу, лекции и кинематограф. Церковная жизнь оживляется пока сведениями из журналов Московской патриархии, которые с января поступают на мое имя и рассылаются во все концы». Протоиерей И. Сокаль также сообщал о том, что необходимо окончательно решить вопрос о подворье в Белграде и русских приходах²⁴.

²² Stanford University Special Collections Library. Grabbe (Grigorii) Papers. Box 6. Folder 2.

²³ См.: СА. Д. 47/44.

²⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 134. Л. 76–77.

Не все прихожане Свято-Троицкой церкви положительно оценивали позицию ее священнослужителей. Так, один из русских эмигрантов 27 октября 1950 с возмущением писал Первоиерарху Русской Православной Церкви за границей митрополиту Анастасию (Грибановскому), что отец Иоанн Сокаль, призывая принять советское гражданство, с церковного амвона «повествовал о милости отца народов», по оценке автора письма — «кавказского ишака»²⁵.

Эта реакция «скептиков» нашла некоторое отражение в письме отца Иоанна Сокала Патриарху Алексию от 11 августа 1947, в котором говорилось: «В нашей церковной жизни пока все благополучно. Прихожан не особенно много, но службы ведем ежедневно и согласно Уставу <...>. Приезд Троицкого [ездившего в Москву профессора Белградского университета С. В. Троицкого] и его удовлетворение всем, что он видел на родине, очень благоприятно повлияло на настроение неисправимых скептиков»²⁶.

В Московской Патриархии рассчитывали, что благочинный — протоиерей Иоанн Сокаль будет не только информировать, но и содействовать укреплению связей с Сербской Церковью, однако эти ожидания не слишком оправдались. Когда в апреле 1948 отец Иоанн, встретившись с посетившим Белград в качестве представителя Московской Патриархии епископом Мукачевским и Ужгородским Нестором, заявил ему, что митрополит Скопленский Иосиф — великосербский шовинист, Владыка Нестор констатировал: «Между Сокалем и русской церковью с одной стороны и Сербским Синодом с другой отношения довольно прохладные, хотя Сокаль и митрополит Иосиф были соучениками в Академии»²⁷.

В июле 1948 отец Иоанн Сокаль, сопровождая Сербского Патриарха Гавриила, приехал в Москву на Совещание глав и представителей Православных Церквей. В это время на встрече Патриархов Алексия и Гавриила обсуждался вопрос о возможном переходе русских приходов в Югославии в управление сербских епархиальных

²⁵ СА. Д. 36/43.

²⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 134. Л. 157.

²⁷ См.: Там же. Д. 422. Л. 45.

архиереев и было решено, что они останутся в юрисдикции Московского Патриархата²⁸.

В условиях послевоенного патриотического подъема многие священнослужители и прихожане хотели вернуться на Родину, но даже после предоставления советского гражданства им, как правило, отказывали во въезде в СССР. К 1949 часть русских эмигрантов из Югославии уже выехала в СССР, однако желавшим вернуться на Родину священнослужителям советские власти (не желая усилить Московский Патриархат) визы давали редко и с большим трудом. Так, например, протоиерей Иоанн Сокаль безрезультатно взывал о помощи в письме Патриарху Алексию от 14 июля 1948: «В Белграде все знают, что я несколько лет прошу перевода <...>. Если я не еду, то это объясняют тем, что я сам не хочу, так как нахожу, что на родине живется плохо, хотя я другим советую, или вообще тут священники не нужны, или меня считают недостойным, что унижает меня с моральной стороны. Дети мои — советские граждане и, при изменившихся политических условиях, как иностранцы, должны будут уйти со службы. Все это расстраивает нашу семейную жизнь и приводит к отчаянию <...>. Еще раз умоляю Ваше Святейшество принять меня на любую должность и в какое угодно место, главное — лишь бы в этом году»²⁹. Патриарх был бессилен оказать помощь в данном вопросе из-за противодействия советских властей.

В 1949 после фактического разрыва советско-югославских отношений (так называемого конфликта Сталин — Тито) в Югославии начались ожесточенные гонения на всех русских, особенно принявших советское гражданство, которых считали «троянским конем» СССР. Отец Иоанн, как советский подданный, также мог быть арестован.

В конце концов после долгих моральных мучений он смог выехать в Советский Союз. В письме митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу) от 9 декабря 1949 отец Иоанн в отчаянии взывал к Владыке о помощи: «После Владислава <Неклюдова> хотят погубить и меня; на днях вызывали дочь

²⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 149. Л. 12.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 422. Л. 89; *Косик В. И.* Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии) // *Славяноведение.* 1999. № 5. С. 104.

и сообщили, что нашу семью считают врагами югославского народа; это за все то доброе, которое мы оказали им, посвятивши лучшие годы нашей жизни, причем еще добавили, что нам здесь места нет. А когда мы сказали, что ждем визы, то на это представитель Мин<истерства> внутр<енних> дел — подполковник заявил: “Ее вы подождете в другом месте”. Положение очень тревожное, и по-сему сердечно прошу принять все возможные меры к ускорению визы»³⁰.

В результате виза все же была получена, и 25 января 1950 отец Иоанн вместе с семьей (женой и двумя детьми) приехал в СССР. В состоявшейся вскоре после возвращения — 28 января 1950 беседе отца Иоанна Сокаля в Совете по делам Русской православной церкви протоиерей так описал трагическое положение русских общин в Югославии (в изложении работника Совета): «В отношении Русской церкви титовцы добиваются ликвидации патриарших приходов в Югославии, как очагов русского влияния <...>. Духовенство Московской Патриархии арестовывается и уничтожается. Осужден на 11 лет священник Алексей Крыжко, на 8 лет заключения священник Родзянко Владимир. Протоиерея Владислава Неклюдова повесили в тюрьме <...>. После смерти Владислава осталась жена с ребенком, которым Сокаль помог материально <...> один пьяница и бродяга из числа русских попов был вынужден явившимися к нему агентами Тито к подаче заявления на Сокаль. Об этом пьяница-поп, раскаиваясь в своем поступке, сам рассказал протоиерею Сокаль. Дочь Сокаль вызывал представитель УГБ [Управления государственной безопасности] и заявил прямо, что “ваша семья является неприятелями нашего посольства” <...>. Ей грозили, что скоро наша семья очутится в тюрьме»³¹.

Уже через несколько дней после возвращения — 1 февраля 1950 протоиерей Иоанн Сокаль был назначен ректором Саратовской духовной семинарии, 9 февраля 1951 Совет Ленинградской духовной академии удостоил его степени магистра богословия. До приезда

³⁰ Там же. Д. 580. Л. 76; *Косик В. И.* Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии). С. 104–105.

³¹ Там же. Д. 734. Л. 4–7. Цитируется с сохранением особенностей оригинала.

в СССР и в первые годы после возвращения пастырь написал и опубликовал в «Журнале Московской Патриархии» целый ряд статей³². В 1953–1956 отец Иоанн служил ректором Минской духовной семинарии, а в 1956–1957 — ректором Одесской духовной семинарии.

20 июля 1957 протоиерей был назначен настоятелем смоленского Успенского собора и секретарем управляющего Смоленской епархией. Овдовев, 21 апреля 1959 в Троице-Сергиевой Лавре он принял монашеский постриг с именем Иннокентий, 25 апреля был возведен в сан архимандрита, а 10 мая 1959 — хиротонисан во епископа Смоленского и Дорогобужского³³. 15 октября 1964 по состоянию здоровья Владыка Иннокентий был уволен на покой. Он проживал в Смоленске, где скончался 14 мая 1965 и был погребен 16 мая 1965 на смоленском Тихвинском кладбище³⁴.



³² См.: Сокаль И., прот. Путешествие Югославской делегации из Белграда в Москву на выборы Патриарха Московского и всея Руси // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 4. С. 22–25; Он же. Приветствие от русских приходов в Югославии // Там же. 1948. № 9. С. 12–15; Он же. Покаянное чувство в молитвах и песнопениях св. Четырнадцатицати // Там же. 1950. № 3. С. 34–37; Он же. Возвращение на Родину // Там же. № 4. С. 60–61; Он же. Патриарх Сербский Гавриил: некролог // Там же. № 5. С. 22–25; Он же. Богослужения Великих Пятка и Субботы // Там же. 1951. № 3. С. 34–36.

³³ См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 149. Л. 1–10.

³⁴ См.: Павел (Максименко), иером. Епископ Иннокентий: (некролог) // Журнал Московской Патриархии. 1965. № 7. С. 18–19.

ИОФФЕ Элеонора,
независимый исследователь
(Финляндия, Хельсинки)

**НА ГРЕБНЕ ВТОРОЙ ВОЛНЫ.
«ОГОНЕК ВО МРАКЕ», ИЛИ ДОЛГИЙ ПУТЬ
ФИНСКОЙ ХУДОЖНИЦЫ
ИНГИ ДОННЕР-СОЛОНЕВИЧ**

Аннотация: В статье рассказывается о судьбе финской художницы, накануне Второй мировой войны уехавшей в Германию, чтобы воссоединиться с любимым человеком — Юрием Солоневичем, сыном известного публициста Русского Зарубежья. Принадлежность к семье Солоневичей определила жизненный маршрут Инги Доннер: из Финляндии в Аргентину — через десятилетие, проведенное в нацистской, а затем послевоенной Германии; и, наконец, в США. Статья основана на книге воспоминаний Инги Доннер-Солоневич и ее письмах, хранящихся в частном архиве в Финляндии.

Ключевые слова: Финляндия, Вторая мировая война, Германия, семья Солоневичей, беженцы, Аргентина, русские эмигранты, Толстовский фонд, Солола.

Abstract: The article is focused on a lifetime story of Inga Donner, a Finnish painter who moved to Nazi Germany on the eve of World War II, to reunite with her beloved man, Yuri Solonevich, who was the son of a prominent publicist of the Russian diaspora. Inga Donner's path was determined by her relationship with the Solonevich family: a decade spent in Nazi and, then, post-war Germany, followed by years in Argentina, and, finally, arrival to the USA. The article is based on a memoir by Inga Donner-Solonevich and her correspondence now kept in a private archive in Finland.

Keywords: Finland, World War II, Germany, Solonevich family, refugees, Argentina, Russian emigrants, Tolstoy Foundation, Solola.

В конце Второй мировой войны многие русские эмигранты, проживавшие в странах Прибалтики, в Польше и в Германии, влились в многомиллионный людской поток, уползавший от наступающих

советских войск. В январе 1945 в нескончаемой веренице повозок и пеших беженцев двигалась и горой нагруженная телега семьи Солоневичей. Лошадью умело правила молодая женщина, рядом с ней сидел пятилетний сын. Ее муж Юрий¹ и никогда не разлучавшийся с ним свекор Иван Солоневич², в семейном обиходе «Ва», шли возле телеги пешком. Этот побег, не первый и не последний в жизни «перманентных беженцев» отца и сына Солоневичей, разделила с ними жена Юрия, финская художница Инга Доннер³. Через сорок с лишним лет она рассказала об этом в книге воспоминаний «Lågan i mörkret» («Огонек во мраке»), написанной по-шведски и изданной в 1986 в Финляндии⁴. В 1988 вышел финский перевод книги⁵, а еще через три года Инга Доннер написала англоязычную версию воспоминаний, которую опубликовала в Вирджинии под названием «The Long Trek to Solola» («Долгий путь в Сололу»)⁶.

«Тема <книги> — обыкновенные люди, угодившие в тиски политики и чрезвычайной ситуации. Мы выжили. Но не благодаря какой-то особенной ловкости, а только потому, что удача была поразительно благосклонна к нам»⁷, — отмечает она в предисловии. Автор рассказывает о драматических событиях, опасных ситуациях, неудачах и болезнях с таким остроумием и теплым юмором, будто все трудности, выпавшие на ее долю, были на самом деле занима-

¹ Солоневич Юрий Иванович (1915–2003) — художник, публицист, писатель.

² Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — спортсмен-атлет, публицист, писатель, издатель и общественный деятель Русского Зарубежья. Бежал с сыном Юрием из советского лагеря в Финляндию в июле–авг. 1934, одновременно с братом Борисом. В эмиграции в Финляндии, затем — в Болгарии, где воссоединился с женой Тamarой, выехавшей в 1932 в Германию. После гибели жены с 1938 по 1947 жил в Германии, женился на вдове немецкого офицера Рут Бетнер. В 1948 эмигрировал в Аргентину, откуда был выслан в 1953 в Уругвай, где вскоре скончался.

³ Доннер-Солоневич Инга (1915–2012) — художник-анималист, скульптор.

⁴ См.: *Donner-Solonevich I. Lågan i mörkret*. Helsingfors: Schildt, 1986.

⁵ См.: *Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä*. Porvoo: WSOY, 1988.

⁶ См.: *Solonevich I. The Long Trek to Solola*: Roanoke, Virginia, 1986. [Blacksburg, Va., USA]: Pocahontas Press, [1991].

⁷ *Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä*. S. 5. Здесь и далее — перевод с финского автора статьи.

тельными приключениями. Но это — в воспоминаниях, написанных через несколько десятилетий. Тон ее писем в предвоенные и военные годы совсем иной, хотя и там встречаются меткие, порой иронические оценки людей и событий.

Инга Доннер родилась в 1915 в финском городе Тампере. Она была четвертым ребенком в шведоязычной семье инженера Артура Доннера⁸, технического директора текстильного завода. С детства увлекалась верховой ездой и умела обращаться с лошадьми. Это впоследствии очень ей пригодилось. Когда Инге было 13 лет, ее отец умер, и семья осталась почти без средств к существованию. Вдова и пятеро детей переехали в Хельсинки, где могли рассчитывать на помощь родных. Начавшийся вскоре мировой финансовый кризис усугубил и без того тяжелую ситуацию, и, хотя родственники материально поддерживали осиротевшую семью, мать в отчаянии пыталась покончить с собой. Ее, однако, спасли. «Я надеялась, что маме дадут спокойно умереть, но с ужасом обнаружила, что я единственная, кто этого желает, и чувствовала себя убийцей»⁹, — вспоминает Инга Доннер. Кажется, именно трудности закалили ее характер: «Внезапно мы стали бедны, как церковные крысы. Оставалось все-таки самое главное — воспитание, научившее нас твердо стоять на ногах и не сдаваться»¹⁰.

В 1932 Инга Доннер окончила лицей и поступила в художественную школу при музее изобразительных искусств Атенеум. Ее соучениками и друзьями были снискавшие впоследствии международную известность художники и дизайнеры, среди них — график Леа Яннес-Игнатиус¹¹, дружба и переписка с которой продолжалась до

⁸ Доннер Андерс Артур (Donner, Anders Arthur; 1884–1928) — в 1907 окончил высшую техническую школу. С 1908 — инженер на текстильном предприятии акционерного общества «Tampella» в Тампере, с 1926 — директор-распорядитель этого предприятия.

⁹ Op. cit. S. 29.

¹⁰ Ibid. S. 28.

¹¹ Игнатиус Леа Тойни Иоганна (Ignatius, Lea Toini Johanna; урожд. Яннес (Jännes); 1913–1990) — финская художница — портретист и график, ее работы имеются во многих музеях и частных коллекциях Финляндии и европейских стран. Училась в Финляндии, Австрии и Франции. Все письма Инги Доннер-Солоневич к ней переведены с шведского языка Б. Холмберг и автором статьи.

преклонных лет. Любительницу лошадей Ингу в дружеском кругу прозвали «Полле» (финск. «Лошадка»), и так она подписывала все свои письма. Там же в Атенеуме, сидя на своем излюбленном месте на подоконнике у входа, Инга Доннер впервые встретила Юрия Солоневича: «...я увидела приближающееся странное существо. У него была огромная шевелюра, очки и гигантский нос. Зрелище дополняли кожаная куртка и слишком короткие брюки»¹².

На вопрос, откуда он явился, юноша ответил: «Пешком из России». Языком их общения стал немецкий, которым Юрий овладел, когда подростком жил в Берлине с матерью, переводчицей советского торгпредства Тамарой Солоневич¹³.

История побега из советских лагерей в июле–августе 1934 в Финляндию троих Солоневичей — братьев Бориса¹⁴, Ивана и сына последнего, Юрия, — стала европейской сенсацией после выхода в свет книги очерков Ивана Солоневича «Россия в концлагере». Публикация очерков началась уже в январе 1935 в парижской эмигрантской газете «Последние новости»¹⁵. Первое издание книги осуществили в 1936 в Праге на чешском языке. В 1936 книга вышла на русском, в 1937 на немецком, в 1938 — на английском, французском и польском языках. Особенным успехом книга пользовалась в нацистской

¹² *Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä. S. 45.*

¹³ Солоневич (д. ф. Воскресенская) Тамара Владимировна (1894–1938) — журналист, переводчица; в 1928–1931 работала в советском торгпредстве в Берлине. Первая жена Ивана Солоневича, мать Юрия Солоневича. Погибла 03.02.1938 в результате теракта, организованного советскими спецслужбами, в квартире, где располагалась и редакция газеты «Голос России», издававшейся И. Солоневичем в Софии.

¹⁴ Солоневич Борис Лукьянович (1898–1989) — спортсмен-тяжелотлет и тренер, физкультурный врач, с 1912 — активный деятель скаутского движения в России. Публицист, писатель. Бежал в Финляндию из Свирлага одновременно с братом Иваном и племянником Юрием. В эмиграции до 1936 в Финляндии, в 1936–1938 в Болгарии, с 1938 по 1945 — в Германии. Сотрудничал с Всероссийской фашистской партией, прервал отношения с братом по политическим мотивам. В 1945 эмигрировал в Бельгию, где был осужден за коллаборационизм. После 1950 переехал в США. Отец Бориса и Ивана Солоневичей, их брат Евгений и жена Бориса Ирина Пеллингер, а также ее брат были расстреляны в СССР.

¹⁵ «Последние новости» — еженедельная русскоязычная эмигрантская газета либерального направления, выходившая в Париже с 1920 по 1940.

Германии: ее читали Геббельс, Геринг и Гитлер. Она стала действенным орудием антисоветской пропаганды в Германии, а с началом Второй мировой войны и на оккупированных территориях — несмотря на то, что ее автор в это время уже впал в немилость у нацистов и находился в ссылке на северо-востоке Германии под надзором Гестапо.

В самые первые дни после побега из СССР, находясь в полицейском карантине на севере Финляндии в городе Йоенсуу, Иван Солоневич адресовал финским властям памятную записку, касающуюся финнов, которые эмигрировали в начале 1930-х в СССР. Эти записки грифельным карандашом на нескольких листочках бумаги можно считать первыми набросками к будущей книге «Россия в концлагере». Приводим фрагмент из них:

«В тюрьмах Ленинграда, всегда переполненных, грязных и голодных, долгими месяцами, а то и годами сидят тысячи финских эмигрантов. Относительно всех их ГПУ наводит справки через свою агентуру в Финляндии. Затем их по этапу отправляют за Урал, преимущественно на лесные разработки в Западной Сибири или в шахты Караганды. Это делается для того, чтобы исключить возможность обратного бегства в Финляндию, где они стали бы рассказывать о том, что делается в “социалистическом раю” вне тех маршрутов, которые предназначены для показа иностранным гостям и туристам.

Здесь эмигранты попадают в обычные условия русского рабочего. 800 граммов хлеба в день, 800 граммов сахара в месяц, пустые капустные щи на обед. Все это по карточкам. Без карточек вы можете в государственных магазинах покупать сахар по 15 рублей килограмм, мясо — по 12 рублей килограмм, хлеб по 1 ½ — 3 р<убля> кило, но это только в крупных городах. В провинции, кроме молока по цене 3-5 рублей литр и картофеля — по 2-3 рубля кило, купить ничего нельзя. Средняя заработная плата рабочего — около 100-120 рублей в месяц. Это — голод.

Одну из таких групп финских эмигрантов я встретил в деревне Койкары, на реке Суне, километрах в 150 от Петрозаводска, поздней осенью 1932 года. Их было человек 30, и большинство из них просидело уже несколько месяцев в тюрьмах пограничной охраны. Они задали мне ряд наивных вопросов — скоро ли их выпустят и поставят на работу, оденут ли их, где можно достать колбасы, масла, сыру? Что

мог я ответить под взорами дюжины агентов ГПУ, — когда каждый неосторожный ответ мог стоить мне десятка лет Соловков. Это, быть может, было не очень мужественно, но я отвечал преимущественно междометиями. <...> Стоя на площадке грузовика (сесть было некуда), окруженные вооруженными чекистами, они уехали в петрозаводскую тюрьму, навстречу социалистическому раю»¹⁶.

Во время своего почти двухгодичного пребывания в Финляндии все трое Солоневичей жили в Хельсинки, работали грузчиками и разнорабочими, а Юрий какое-то время занимался даже шитьем плюшевых медведей в мастерской игрушек. Кроме того, братья читали лекции в эмигрантских организациях. Иван пытался получить разрешение на издание русскоязычной газеты, но безуспешно. Во-первых, финские государственные органы старались сохранить status quo в отношениях с СССР и не желали вызывать недовольство сильного соседа публикациями беглого лагерника. Во-вторых, советская разведка распространяла в эмигрантских кругах — не только в Финляндии, но и в Германии и Франции — слухи о сотрудничестве Солоневичей с НКВД. В результате и службы безопасности европейских стран, и эмигранты относились к ним с подозрением, как свидетельствует рапорт агента финской сыскной полиции¹⁷, написанный вскоре после отъезда Солоневичей в Болгарию:

«8/5–36 в 18 часов в отдел по предварительной договоренности пришли генералы Николай Скоблин¹⁸ и Северин Добровольский¹⁹

¹⁶ Досье Солоневичей // КА (НАФ). ЕК-Valpo I. XXI А. К. 434. Перевод с финского — автора статьи.

¹⁷ Органы внутренней безопасности Финляндии: в 1919–1938 Etsivä Keskuspoliisi / Центральная сыскная полиция (ЕК), в 1939–1948 Valtiollinen poliisi / Государственная полиция (VALPO), с 1949 Suojelupoliisi / Охранная полиция (SUPO).

¹⁸ Скоблин Николай Владимирович (1893–1937 или 1938) — участник Первой мировой войны. В Белом движении — в Добровольческой армии, командир Корниловского полка, затем — Корниловской дивизии. Эвакуировался из Крыма в Галлиполи. Муж известной русской певицы Н. В. Плевицкой. Супруги были завербованы советской разведкой, участвовали в похищении генерала Миллера в Париже в сент. 1937. После этого Скоблин был вывезен в Москву. Согласно одной из полуофициальных советских версий, погиб в 1938 при бомбежке Барселоны франкистской авиацией. По другой, был убит агентами НКВД при перелете из Франции в Испанию.

¹⁹ Доливо-Добровольский Северин Цезаревич (1881–1946) — окончил Псковский

на интервью. <...> Скоблина интересуют Солоневичи. — Добровольский рассказал, что во время своего пребывания в Хельсинки они успели так разворошить здешнюю русскую колонию, что теперь там мужчина против мужчины, а женщина против женщины. Он удовлетворен тем, что не вступил с ними в близкий контакт, отчасти благодаря предупреждению нижеподписавшегося, поскольку E<tsivä> K<eskuspoliisi> вообще принципиально считает всех перебежчиков из-за границы a priori посыльными большевиков.

Нижеподписавшийся сказал, что Солоневичи провели в стране слишком короткое время, чтобы можно было составить о них верное впечатление. По результатам наблюдения за ними ничего предосудительного пока не обнаружено. Оба генерала сочли все-таки очень странным одновременное появление братьев на границе, и Ск<облин> заметил, кроме того, что Югославия, где принц Павел²⁰ старается сохранять антибольшевистские традиции покойного Александра²¹, отказала им даже в транзитной визе. Были, однако, готовы признать литературный талант Ивана С<о-

кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Александровскую военно-юридическую академию. Во время Первой мировой войны прокурор военного суда, затем — в Северной белой армии, генерал-майор. С 1920 поселился в Выборге. Выступал с лекциями культурно-просветительского и политического характера. Был корреспондентом правых профашистских газет. Основатель и главный редактор журнала фашистского направления «Клич», издававшегося в Выборге с 1933 по 1935. После запрещения журнала в Финляндии издание перенесли в Брюссель, а с 1939 — в Белград. В 1945 арестован советскими органами безопасности, вывезен в Москву, расстрелян 26.01.1946.

²⁰ Принц Павел Карагеоргиевич (1893–1976) — правнук Авроры Карамзиной, двоюродный брат короля Югославии Александра I Карагеоргиевича. Регент Королевства Югославия с 1934 по 1941. После оккупации Югославии в 1941 эмигрировал под покровительством Великобритании в Египет. В 1943 переехал в Южную Африку. После 1948 в Женеве, затем — в Париже.

²¹ Александр I Карагеоргиевич (1888–1934) — с 1914 принц-регент, с 1921 — король Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 — Королевство Югославия). Окончил Пажеский корпус в Петербурге. Принял в страну десятки тысяч русских беженцев, благодаря чему Югославия стала одним из главных центров Русского Зарубежья. Убит террористами во время визита во Францию 09.10.1934 в Марселе.

лоневича>, хотя Ск<облин>, опять же, удивлялся той легкости и отсутствию всяческих ограничений, с какими ему можно заказать что угодно <...>.

11/5–36.

Я<лмари> С<иниваара>²².

В Хельсинки 19-летний Юрий поступил на вечерние курсы при художественной школе Атенеум, сразу же приобрел там друзей и довольно сносно выучил шведский, который в те годы был основным языком интеллектуальной элиты Финляндии. Уже через несколько встреч с Ингой Доннер решительный «Юра», усевшись рядом с ней все на том же подоконнике у входа в музей, объявил, что она станет его женой: «Никакие отговорки, вроде того, что я по уши влюблен в другого, не смогли поколебать уверенности Юры в том, что мы созданы друг для друга»²³. Инга тогда не приняла его предложение всерьез — он был для нее просто одним из молодых людей их веселой студенческой компании.

В мае 1936 года Солоневичи получили визу в Болгарию и поселились в Софии, где Иван Солоневич начал уже с 18 июня выпускать газету «Голос России». Имена многих авторов его газеты были широко известны в эмиграции: А. Ф. Керенский, В. В. Шульгин, В. В. Орехов, С. Л. Войцеховский, В. А. Ларионов. В газете сотрудничала вся семья. Статьи и очерки писали кроме Ивана его брат Борис, Юрий и жена Ивана Тамара, воссоединившаяся с семьей после недолгого брака с немецким коммунистом Бруно Пршевозны²⁴ (с целью выезда из СССР). Правда, брак этот, как оказалось, вовсе не был фиктивным: близкие отношения с Бруно начались у нее еще в годы работы переводчицей в Берлине. Тамара Солоневич приезжала в 1934 в Финляндию, чтобы встретиться с бывшим мужем и сыном, но

²² КА (НАФ). ЕК-Valpo I. K 113. Нпр. 11254. Перевод с финского — автора статьи. Синиваара Ялмари Николай (Sinivaara, Jalmari Nikolai; оперативный псевдоним Юрий Сикорский; 1892–?) — сотрудник разведки Генштаба Финляндии в 1918–1924, сотрудник политической полиции в 1924–1946.

²³ Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä. S. 52.

²⁴ Пршевозны (Przewozny) Бруно (1909–?) — немецкий коммунист, типографский рабочий, муж Тамары Солоневич с 1932 по 1936.

вскоре вернулась в Германию к Бруно. Покинуть его она решила гораздо позднее. Издательство «Голос России» публиковало и книги всех членов семьи: в 1937 воспоминания Тамары Солоневич «Три года в советском торгпредстве. Записки советской переводчицы», в 1938 — «Повесть о 22-х несчастьях» Юрия Солоневича и воспоминания Бориса Солоневича «Молодежь и ГПУ. Жизнь и борьба советской молодежи».

«Юра» Солоневич и в разлуке не забывал финских друзей. Он писал Лее и Инге шуточные послания на смеси шведского и немецкого, дополняя их приветами общим знакомым и юмористическими рисунками. Пожалуй, именно веселое жизнелюбие и склонность к ироничному взгляду на окружающее роднили Ингу и Юрия, таких разных по воспитанию и культурным корням. Но настоящая история их долгого и прочного союза началась летом 1938. Незадолго до того, в феврале, незаменимая помощница мужа Тамара Солоневич погибла в результате взрыва, организованного советскими спецслужбами в помещении редакции газеты «Голос России». Это было уже не первое покушение на Солоневичей, и оставаться в Болгарии было для них явно небезопасно. Все трое (включая Бориса) получили немецкую визу и переехали в Берлин, где автора «России в концлагере» приняли поначалу благосклонно. Иван Солоневич продолжал оттуда руководить выпуском русской газеты в Болгарии под новым названием «Наша газета»²⁵.

Весной того же года Инга Доннер, получив небольшое наследство от своего деда, отправилась в Германию в обществе двух кузин и тетушки, чтобы познакомиться с произведениями искусства. Они

²⁵ Газета выходила в Софии, формально главным редактором был Всеволод Константинович Левашов (после 1945 Дубровский; 1902–1966), офицер Добровольческой армии, в эмиграции живший в Болгарии. В 1941–1944 вел отдел по борьбе с коммунизмом в Болгарской Дирекции национальной пропаганды. Болгарский Народный суд в 1945 вынес ему заочный смертный приговор за антикоммунистическую деятельность. В это время он уже находился в Австрии в лагере Ди-Пи, где переименовал свою фамилию Левашов на Дубровский. Многолетний соратник и соредактор И. Л. Солоневича. Помогал ему в издании газеты «Голос России», а затем — «Нашей газеты». В 1948 переехал вслед за Солоневичами в Аргентину, где участвовал в издании газеты «Наша страна». После высылки И. Л. Солоневича в Уругвай продолжал издание этой газеты до своей смерти.

с Юрием встретились в Берлине и решили больше не расставаться. В воспоминаниях Инга с присущим ей юмором констатирует: «Итак, я могла поблагодарить бабушку за это чудесное путешествие и за Юру в качестве бесплатного приложения»²⁶.

В эти дни она пишет из Лейпцига подруге: «Солоневичи приехали из Софии, находятся под покровительством Геринга²⁷, но никак не могут получить нужные печати в паспорта. Вчера приходили из иностранного отдела полиции, разбудили рано утром, потребовали паспорта. Они были весьма невежливы, но Юра очень спокойно предложил позвонить прямо Герингу. После этого нас всегда кто-то охранял, и это весьма неприятно. <...> Юра теперь совсем взрослый, он взял на себя всю ответственность, устраивает все дела, читает лекции. <...> Германия — красивая страна, но каждый миллиметр организован до предела. В Саксонской Швейцарии нужно платить даже за то, чтобы подняться на гору. И везде — “Хайль Гитлер”»²⁸.

Они с Юрой живут в первоклассном берлинском отеле и собираются в Тироль на автомобиле, одолженном у приятеля. В свадебное путешествие с ними просится Иван Лукьянович, «Ва», молчаливый и мрачный, обвиняющий себя в гибели жены. К тому же он начинает крепко выпивать. «Упражняюсь в терпении», — пишет Инга в том же письме. Она тоскует по дому, по финскому лету, возвращается на несколько месяцев в Финляндию, но уже в ноябре, прижимая к груди прощальный подарок родных — щенка Муша, стоит на палубе парохода, отплывающего в Штеттин, где ее встречает Юра. Для Инги Доннер начинается жизнь жены русского эмигранта, полная трудностей, о которых она раньше не имела представления. Она пишет Лее Игнатиус: «Солоневичи хотят уехать в Югославию, ждут вида на жительство.

²⁶ *Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä. S. 54.*

²⁷ Геринг Герман Вильгельм (Göring, Hermann Wilhelm; 1893-1946) — один из наиболее влиятельных государственных и военных деятелей нацистской Германии. Рейхсминистр авиации, имперский лесничий, рейхсмаршал (1940), в 1941-1945 — вице-фюрер и вице-канцлер Германии. В 1946 признан военным преступником и приговорен Нюрнбергским трибуналом к смертной казни. Покончил с собой накануне приведения приговора в исполнение.

²⁸ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, 20 июня 1938 // Семейный архив Л. Игнатиус.

Юре дадут новый паспорт (нансеновский), и тогда получим нужные документы для бракосочетания. Не могу забрать из таможи своих вещей, пока нет свидетельства о браке. <...> Германия изменила свою политику (видимо, по отношению к СССР. — Э. И.), и семья боится, что они станут военнопленными. Когда поженимся, отправимся в Тироль. Плохо, что все наши деньги здесь и мы не можем их получить. Юра — самый веселый на свете парень. Все немецкие <квартирные> хозяйки — драконы, и наша отказала нам в квартире с марта, потому что Муш накакал на ее участке. Эта драконша заставляет десятилетнего приемного сына по три часа качать воду из колонки»²⁹.

Препятствия на пути к женитьбе возникали не только в таможене. В воспоминаниях Инга иронизирует: «К нашему несказанному удивлению, мы обнаружили, что не можем заключить брак без документов, удостоверяющих, что мы не евреи. Наверное, легко подтвердить, что ты кто-то, но доказать, что ты кем-то не являешься, труднее. Мне пришлось прибегнуть к помощи финского адвоката, который так глубоко зарылся в старые церковные метрики, что разыскал пять поколений предков, окрещенных по христианскому обряду. Юра нашел эстонского джентльмена, с которым раньше ни при каких обстоятельствах не встречался. Тот присягнул, что присутствовал при обряде крещения Юры в православие, и, стало быть, Юра ни в коем случае не мог быть евреем»³⁰.

В конце концов молодые зарегистрировали брак в январе 1939 в берлинском магистрате и осуществили давно задуманное свадебное путешествие в Тироль. Разумеется — втроем, ибо «бесплатным приложением» к мужу Инга получила и его отца, Ивана Солоневича. Это означало, помимо хозяйственных забот, постоянную тревогу за безопасность семьи: Иван Солоневич своими публикациями и выступлениями вызывал турбулентные потоки везде, где бы ни появлялся. Его нападки на эмигрантские организации и прессу восстановили против него и РОВС, и монархические объединения, и младороссов, и Национальный Союз Нового Поколения. Немецкие органы безопасности тоже не доверяли ему, да и охота НКВД на него

²⁹ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, осень 1938, недатированное // Там же.

³⁰ *Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä.* S. 57.

не прекращалась: «Когда нам однажды вечером понадобилось уехать из дома, кто-то заботливо пристроил под автомобилем бомбу; она должна была отправить нас на небеса сразу, как только машину начнут выводить из гаража. У Юры со временем развилось незаурядное чутье на подобные приветы. Он обнаружил бомбу вовремя. В другой раз по возвращении домой нам показалось, что произошло землетрясение. Все содержимое шкафов и ящиков было вывалено на пол и даже ковры сбиты в сторону, но ни вещей, ни денег не взяли. После этого у нас появился охранник, ходивший ночь напролет вокруг дома с овчаркой, что отнюдь не прибавляло уюта»³¹.

В целях безопасности Солоневичам предложили переехать из предместья Берлина, где они снимали виллу, в центр города: «Месяц назад мы переехали в типичную берлинскую квартиру: две комнаты выходят окнами на темную улицу без единой травинки, остальные — окнами во двор. Я поняла, как трудно быть русским, все хозяева хотят жильцов без детей и собак, и не иностранцев. Мы искали жилье целый месяц»³².

В письме Инга Доннер не упоминает, что эта квартира с дорогой мебелью, темными обоями и гнетущей аурой прежде принадлежала еврейской семье. Да и в воспоминаниях утверждает, что ни она, ни окружающие не знали, что происходит, и не слышали ничего о лагерях и газовых камерах. По крайней мере, весной 1939-го ей вряд ли хотелось размышлять о судьбе прежних хозяев квартиры: она ждала своего первенца. Через полгода началась Вторая мировая война. Для семьи Солоневичей это на первых порах означало лишь бытовые трудности: «У нас война. Это означает всяческие неудобства. Удивляешься, наверное, почему я не у вас в безопасности. Но тогда я оставила бы мужа в непредсказуемых условиях. Ему лучше быть здесь. Меня хотели спасти и отправить самолетом в Швейцарию, но мы только выпили много литров кофе в аэропорту, ожидая шведского самолета, а затем по громкоговорителю объявили, что рейс отменяется. Я была счастлива, что не буду сидеть одна в Швейцарии. Мы

³¹ Op. cit. S. 59.

³² Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, 23 марта 1939 // Семейный архив Л. Игнатиус.

пытались попасть туда в мирное время, но визу получил только Юра. Мы не можем оставить Ва. Можешь себе представить, никто не хочет нас принять в эти времена и что это значит для Ва и всех его достижений. Пытаемся продать все вещи здесь в Берлине. Это уже 4-й раз, когда Ва вынужден уезжать. У нас нет денег, 1 октября наша кухарка уходит: нечем платить. Мальчики и я — в черной тревоге. Придется оставить новую квартиру и переехать в меньшую. Продаем все возможное. Копали картошку в деревне, накопили 5 мешков»³³.

Тем временем Советский Союз тоже начал приводить в исполнение свою военно-политическую программу. Уже были оккупированы восточная часть Польши и страны Прибалтики. Оставалось захватить Финляндию, но финны оказались неуступчивыми, и переговоры финской делегации с советским руководством зашли в тупик. Солоневичи были в курсе событий, и накануне Зимней войны Инга Доннер в письмах подруге еще пыталась шутить, но тревога не оставляла ее: «Мы следим за вашей судьбой в ужасе, видим, что сейчас начинается. Я прошу семью продать все ценные бумаги, чтобы были деньги. Могу также посоветовать использование старых газет вместо туалетной бумаги. <...> Не позволяйте дьяволу перейти границу. <...> Юра ходил в министерство пропаганды, оставил голову в прихожей и на одном энтузиазме зашел в приемную. Предлагал планы для флота. Получил печать на свой рисунок и отправился в издательство продавать его. Рисует политические карикатуры. Финансовое положение улучшилось, и Юра теперь кормит всю семью. Он работает как собака, чтобы обеспечить мне отдельную палату в клинике»³⁴.

Рано утром 30 ноября 1939 советская артиллерия начала обстрел финской территории на Карельском перешейке. Накануне в берлинской клинике родился сын Инги и Юрия. Молодая мать сообщала Лее Игнатиус:

«5.12.1939 из клиники, Берлин.

<...> Все было бы хорошо, если бы не перевернутый мир. Врач запретил рассказывать мне, что началась <Зимняя> война. 29 ноября

³³ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, 19 сент. 1939 // Там же.

³⁴ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, 23 окт. 1939 // Там же.

у нас родился сын, и мы были бы очень счастливы, но я случайно узнала <о войне>, и с тех пор плакала не переставая, и у меня пропало молоко. Очень обрадовалась, когда Юра принес письмо от тебя — и молоко появилось»³⁵.

В феврале 1940 она писала из Берлина: «Жизнь не соответствует нашим с тобой мечтам. <...> Юра был в Хельсинки. Он много работает, получил за рисунки 3000 марок за 2 месяца. Теперь он содержит и отца, что угрожает его банковскому счету. С продуктами плохо. Картофель весь мороженный, мясо получаем раз в неделю, а овощи — никогда. Едим кашу, иногда по 3 раза в день, и много хлеба, отчего я растолстела и не помещаюсь ни в одну одежду. Нет горячей воды»³⁶.

В сентябре 1941: «Ва пишет круглосуточно, у него выпадают волосы и увеличивается плешь. Вдобавок, хотя у него нет работы, нужно заплатить налоги за предыдущие годы. Денежная ситуация безнадежная. Кухарка вновь появилась, она была два месяца больна. С ней нужно быть осторожными. <...> Ва сидит в Северной Германии в маленькой деревушке, ему необходимо попасть на операцию, у него катаракта. Юра замечательный, но грустный. Все же есть работа и надежда. <...> Глупые люди, хотят мальчиков... Зачем рожать пущечное мясо?»³⁷

Солоневичи ходатайствуют о выезде семьи в Швейцарию, но им отказывают. Осенью 1942 Инга Доннер получает разрешение на работу, а значит, и продовольственные карточки. В это время она много рисует — в основном животных: «В конце месяца меня приглашают в Зоо, где нужно нарисовать красивую лошадь. <...> Ва очень трогательный: готовит ужин, моет посуду, стоит в очередях. На следующей неделе в немецком журнале будет объявление: “Что ты собираешься

³⁵ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, 5 дек. 1939 // Семейный архив Л. Игнатиус.

³⁶ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, 28 февр. 1940 // Там же.

В янв. 1940, в разгар Зимней войны, Иван Солоневич в сопровождении Юрия прилетал в Хельсинки, чтобы представить финскому руководству свой план действий в отношении России. И хотя Солоневичи прибыли в Финляндию по приглашению правительства, сотрудничество не состоялось: премьер-министр отказался принять их, и через три дня обоих отправили самолетом обратно в Берлин.

³⁷ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, сент. 1941, недатированное // Там же.

подарить жене на Рождество? Подари портрет вашей собаки”. — Хорошая идея?»³⁸

До осени 1943 дела обстояли не так уж плохо: молодая семья жила в Берлине, у сына была няня, летом они выезжали в сельскую местность, откуда Юра регулярно возил свои антисоветские карикатуры в Берлин. Во время очередной подачи рисунков в цензуру министерства пропаганды он случайно оказался один в приемной. На письменном столе начальника лежали незаполненные бланки на гербовой бумаге и рядом — печать министерства. Жизнь в СССР и лагерный опыт сделали Юрия находчивым до лихости: быстро поставив печать на несколько бланков, он спрятал их под рубашкой. Это очень пригодилось впоследствии: сочиненные Юрой удостоверения с неразборчивой подписью и печатью министерства пропаганды с орлом и свастикой действовали на чиновников рейха гипнотически. Несколько раз в критической ситуации эти «документы» выручали Солоневичей, когда они в колонне беженцев продвигались на запад.

В 1943 Иван Солоневич получил от гестапо распоряжение выехать из Берлина на север страны под надзор полиции. Ему предложили выбрать место жительства, и он поселился в живописной деревушке Альт Драхеим в Восточной Померании³⁹. Юрий с Ингой и сыном вскоре «последовали за ним с багровыми от дыма и пыли бомбардировок носами»: Берлин регулярно бомбили⁴⁰. В ссылке Иван вскоре сошелся с молодой немкой Рут Бетнер, вдовой немецкого офицера, погибшего в 1941 на Крите. Каждую неделю Иван и Юра должны были отмечаться в полицейском участке. Чтобы как-то добывать средства к существованию, Юрию приходилось со своими карикатурами совершать дальние поездки в Берлин, в министерство пропаганды. Инга батрачила у соседей-фермеров — на покосе, в поле, на огородах. Иногда писала портреты деревенских жителей или их собак и лошадей. Платили ей продуктами. Осенью 1944 мест-

³⁸ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, предположительно осень 1942, не датированное // Там же.

Zoo (Zoo, то есть Zoologischer Garten Berlin) — знаменитый зоопарк в районе Берлина Тиргартен (Tiergarten).

³⁹ Альт Драхеим — ныне город Старе Дравско на территории Польши.

⁴⁰ *Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä.* S. 68.

ный полицейский объявил Инге, что она отныне является представителем враждебной страны, поскольку в сентябре 1944 Финляндия заключила сепаратный мир с СССР. Вскоре после этого ее послали на принудительные работы: рыть противотанковые рвы, тянувшиеся через всю Восточную Померанию и получившие в народе название «die pommersche Pissrinne» (померанский мочевого сток). После нескольких дней работы ей пришлось удалять нарывавшие ногти на руках и ногах, причем без анестезии: обезболивающие лекарства берегли для военных. «Не удивляюсь, что эта процедура была излюбленным методом инквизиции, — иронизировала Инга, — человек отнюдь не лишается чувств, а напротив, с каждым выданным ногтем становится все оживленнее»⁴¹.

В январе 1945, когда от канонады приближающегося фронта начали позванивать стекла в окнах, Солоневичи решили бежать. Семье, находившейся под надзором полиции, было не так просто втайне подготовиться к побегу. Мебель и прочее имущество, оставленное в их распоряжение Рут, подругой Ивана, которая уехала раньше, удалось обменять у знакомого фермера на лошадь, телегу и два мешка овса. Провизию на дорогу Инга запасала уже несколько месяцев: пекла хлеб, паковала крупы и консервы. Безлунной метельной ночью 15 января 1945 Солоневичи двинулись в путь, завернув заболевшего накануне сына Мишку в старый ковер. Их телега присоединилась к бесконечному обозу беженцев, медленно тянувшемуся на запад по одной половине обледенелого шоссе. По встречной полосе, на восток, шли машины с солдатами. Останавливаться можно было только ночью, днем Инге иногда приходилось одной рукой править лошадью, а другой — держать сынишку за шиворот над обочиной, если тому надо было справить нужду. Мужчины шли пешком; когда снег на дорогах растаял, ехали на велосипедах. Этот путь длился с перерывами более полугода. Солоневичи остановились было в Шлезвиг-Гольштейне в имении Ниендорф, где служил агрономом приятель Юры, русский эмигрант. Там к ним присоединилась Рут, и там же они узнали из передачи английского радио о капитуляции Германии. Вскоре выяснилось, что граница советской и американской

⁴¹ Op. cit. S. 72.

оккупационных зон проходит совсем рядом с Ниендорфом, и Солоневичи, опасаясь СМЕРШа, продолжили бегство. Летом добрались до окрестностей Гамбурга. Там больные тифом и гепатитом Инга и Рут надолго оказались в больнице. Мужчины в это время подрабатывали поденщиками на окрестных фермах и искали жилье. Юре удалось найти две комнаты в усадьбе Аппельбек и получить разрешение поселиться там, избежав пребывания в лагере для перемещенных лиц в Фаллингбостеле, где Ди-Пи⁴² ждали решения своей судьбы. В Аппельбеке Солоневичи провели более трех лет в ожидании виз. Иван и Рут за это время зарегистрировали брак, а у Инги и Юрия летом 1947 родилась дочь Улита. Контакты с финскими родственниками и друзьями, прервавшиеся на долгие месяцы, возобновились. Лея Игнатиус отправляла Инге посылки с одеждой, но те не всегда доходили по назначению в послевоенной неразберихе. Ва и Юра пытались получить визы в Латинскую Америку: «У нас готовы все бумаги для отъезда в Парагвай, но нет виз через Аргентину, и мы не можем уехать. Если будет неудача, опять придется уходить. У нас нет ни имущества, ни дома, а свежий воздух не повредит. Ва женился на молодой немке, на два года моложе меня. Это большое облегчение. Трудно с двумя мужчинами — у каждого свои привычки, и мусорят везде»⁴³.

В июне 1948 визы наконец были получены. Инга Доннер пишет Лее Игнатиус: «Дорогая моя калоша, старое любимое существо! Это, наверное, последнее письмо из этой страны. 28.6. убываем — чух, чух, чу, ту-ту — в Аргентину, через Брюссель и Париж. Пароход отправляется из Марселя. <...> Эти недели по июльской жаре в поезде с малышкой немного пугают. Мы принимаем все, что приносит судьба. Нужно купить мальчику пальто, он весь в заплатах. У нас нет ни гроша, но в каждом городе живем в лагере IRO»⁴⁴.

⁴² Ди-Пи (*англ.* displaced person, DP) — перемещенное лицо; общее наименование лиц, оказавшихся в результате Второй мировой войны в Германии (к Ди-Пи причислялась также часть гражданского населения Германии, бежавшая из мест проживания вслед за войсками вермахта).

⁴³ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, 3 марта 1948 // Семейный архив Л. Игнатиус.

⁴⁴ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, 17 июня 1948 // Там же. IRO (International Refugee Organization) — международная организация по делам

Путешествие на пароходе «Бразилия» через океан осталось в памяти Инги как время отдыха и ожидания: «Праздные дни следовали один за другим, как волны в безбрежном море. Наконец я уловила запах земли — прежде чем увидела ее: удивительный и экзотический аромат орхидей, вулканического туфа и пряностей. <...> Мы отчалили и двинулись на юг вдоль побережья Бразилии. Приближаясь к Аргентине, мы с изумлением обнаружили, что в воздухе неприятно похолодало, а месяц лежит на спине рожками вверх»⁴⁵.

Солоневичи прибыли в Буэнос-Айрес в июле, в разгар аргентинской зимы. Жизнь в новой стране начиналась трудно: «Погода казалась холоднее, чем зима в Финляндии. Ветер дул из Патагонии вниз, или все-таки вверх — в Аргентине всё наоборот. Наши вещи потерялись в дороге, так что мы были в летней одежде. <...> Юра искал работу, по-испански он еще не говорил, и все попытки были довольно безнадежными. Ва стремился получить ссуду, чтобы вновь основать свою газету»⁴⁶. Благодаря поддержке эмигрантов-старожилов усилия обоих вскоре увенчались успехом. Новая газета Ивана Солоневича, «Наша страна», начала выходить уже с 18 сентября 1948, через полтора месяца после прибытия семьи в Аргентину: «Ва сумел начать издание своей газеты, и двухмесячную тишину прервал уютный стук его русской пишущей машинки, которая верно следовала за ним сквозь все превратности судьбы. За пару лет до нашего приезда в Аргентину к власти пришел генерал Перон⁴⁷, и сейчас в голову его Эвиты⁴⁸

беженцев, учрежденная ООН 20.04.1946. Оказывала помощь миллионам беженцев в странах, где они оказались в результате Второй мировой войны, способствовала их репатриации (иногда насильственной) и эмиграции. Закончила работу в 1952.

⁴⁵ *Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä. S. 117.*

⁴⁶ *Op. cit. S. 118.*

⁴⁷ Перон Хуан Доминго (Perón, Juan Domingo; 1895–1974) — аргентинский военный и политический деятель, президент Аргентины в 1946–1955; провел значительные социальные и политические реформы. Предоставил убежище эмигрантам из послевоенной Европы, в том числе многим нацистским военным преступникам. С 1955 по 1973 находился в изгнании. В 1973 вернулся в Аргентину, был вновь избран президентом. Скончался в 1974.

⁴⁸ Перон Мария Эва Дуарте, де; также Эвита (Perón, María Eva Duarte, de; также Evita; 1919–1952) — вторая жена генерала Х. Д. Перона; своими радиопередачами способствовала его приходу к власти в Аргентине. В период с 1946 по 1952 оказывала зна-

пришла блестящая мысль основать шикарный журнал. Юре представился случай иллюстрировать его»⁴⁹.

Теперь у Солоневичей появились какие-то заработки, и они смогли арендовать кинту (ранчо) под названием «Эль Мистерио» в местечке Дель Висо в 40 км от Буэнос-Айреса. Юра курсировал между ранчо и столицей, занимаясь делами отцовской газеты. Кроме того, нужно было содержать семью: «Мы старались разбогатеть всеми возможными способами. Юра красил автомобили и дома. Мы расписывали для туристов кафельные плитки — цветами, листьями, изображениями гаучо и народных танцев. Однажды утром наше благосостояние материализовалось в образе лошади. Ньято (Плосконосый) был типичным маленьким коньком прерий — светлым, с короткой стоячей черной гривой и коротким черным хвостом. Мишка в первый же день обучился искусству гаучо: гарцевать сидя, стоя и задом наперед»⁵⁰.

Характер у десятилетнего сына был непростой: «...десять девочек лучше, чем один мальчик. Мой любимый Мигель доставляет мне много хлопот, и я его не понимаю»⁵¹.

Несмотря на все приятные стороны жизни на ранчо и симпатичных аргентинцев, Солоневичи во главе с Ва стремились переехать в США. Юра каждую неделю ездил в Буэнос-Айрес в консульство Соединенных Штатов, стоял в очереди с семи утра и заполнял многочисленные анкеты и бланки. Тем временем Иван Лукьянович, Ва, умудрявшийся в любой стране не только найти друзей и последователей в среде русской диаспоры, но и нажить влиятельных врагов, в результате стараний последних получил в июле 1950 предписание властей покинуть страну в трехдневный срок. Ва и Рут перебрались на другой берег залива Ла Плата, в Уругвай. Оттуда Иван Солоневич руководил изданием газеты, вновь оставлен-

чительное влияние на политическую и духовную атмосферу страны, пользовалась популярностью у простого народа.

⁴⁹ *Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä. S. 119.*

⁵⁰ *Op. cit.*

⁵¹ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, 11 июня 1949 // Семейный архив Л. Игнатиус.

ной на попечение давнего друга, верного сотрудника и соратника Всеволода Дубровского (Левашова).

В конце 1952 визы в США были наконец получены, и Инга Доннер с Юрой и детьми на грузовом пароходе «Альпака» отплыли из Буэнос-Айреса. Во время двухдневной стоянки парохода в Монтевидео они встретились с Ва и Рут, не предполагая, что видят Ивана Лукьяновича в последний раз. Через полгода он умер от рака желудка.

В Соединенных Штатах пришлось вновь начинать с нуля. На первых порах Солоневичей приютил Толстовский фонд⁵². Знакомый Ивана Лукьяновича русский изобретатель-миллионер Вадим Макаров⁵³ оплатил часть стоимости билетов Солоневичей в США и визит Юрия к врачу. Чтобы помочь им материально, не ставя при этом в неловкое положение, он заказал Инге Доннер два портрета своего пуделя и щедро заплатил за них: «Макаровский Панчо рекомендовал меня некоей китайской дворцовой собачке, которая в свою очередь рекомендовала меня ирландскому волкодаву. <...> И представьте мое изумление, когда я получила письмо от герцогини Виндзорской, Уоллис⁵⁴. Из письма следовало, что мне надлежало — у меня не спрашивали, хочу ли я — прийти в отель “Уилддорф Астория”, где герцогская чета занимала весь верхний этаж. Ей порекомендовал меня волкодав, и теперь она желала подарить бессмертие двум любимым мопсам»⁵⁵.

Инга с веселой иронией описывает работу над двойным портретом мопсов Уоллис и свое знакомство с бывшим королем Эдуардом, неожиданно появившимся во время второго сеанса в сильном под-

⁵² Толстовский фонд (фонд имени Льва Толстого) — благотворительная организация, созданная в 1939 по инициативе младшей дочери Л Толстого Александры Львовны для оказания помощи русским эмигрантам. В 1941 на частные пожертвования фонд приобрел ферму в 30 милях от Нью-Йорка, ставшую центром переселения русских беженцев.

⁵³ Макаров Вадим Степанович (1892–1964) — сын адмирала С. О. Макарова; окончил Морской кадетский корпус. Участник Первой мировой войны, в 1917–1918 помощник военного атташе России в США, в 1919 — в Камской флотилии генерала Колчака. В 1920 эмигрировал в США, где стал успешным изобретателем и бизнесменом. Один из основателей и спонсоров Толстовского фонда.

⁵⁴ Симпсон Бесси Уоллис; д. ф. Уорфилд (Simpson, Bessie Wallis, nee Warfield; 1896–1986) — супруга герцога Виндзорского, бывшего короля Великобритании Эдуарда VIII.

⁵⁵ *Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä. S. 142.*

питии и чуть было не испортившим всю работу художницы. Несмотря на приличные гонорары, карьера «собачьего портретиста» совсем не привлекала Ингу Доннер, и Солоневичи стремились как можно скорее уехать из шумного и беспокойного Нью-Йорка. Юрий брался за любую работу: копал канавы, продавал книги, нанялся даже на завод, но отупляющую работу у конвейера выдержал недолго. Все же они рискнули снять двухкомнатный домик неподалеку от усадьбы Толстовского фонда и купить подержанный автомобиль (развалину за 25 долларов, которую умелец Юра отремонтировал). Они мечтали в будущем приобрести земельный участок в местности с умеренным климатом и даже придумали имя для своей мечты, напомилавшее о Финляндии: их усадьба будет называться Солола⁵⁶. Юрий вскоре нашел арт-агента и стал получать заказы на иллюстрации к детским книгам. Инга работала на птицеферме, иногда по семь дней в неделю, получая доллар в час. Наконец, накопив к лету 1955 баснословные 3000 долларов, Солоневичи погрузили в машину детей и немногочисленные пожитки и отправились — в который уж раз — в неизвестное, на поиски своей мечты. Скитания семьи закончились в штате Вирджиния: Солола ждала их в предгорьях Аппалачей неподалеку от города Роанок (Roanoke), и хозяин усадьбы, старый садовник, продал ее за 3000 долларов наличными, которые у них как раз имелись. Чтобы описать дальнейшую жизнь семьи Солоневичей, приведем почти полностью первое письмо Инги Доннер из Сололы подруге в Финляндию в августе 1955: «Можешь поздравить нас, мы землевладельцы — у нас 130 акров земли!⁵⁷ И 4-х-комнатный домик, который мы сейчас ремонтируем: пол, крышу и стены. И яблоневый сад в 35 акров, мы радуемся ему как дети, но в этом году все яблони померзли зимой, так что сейчас нет ни одного яблока.

Наш рай — в небольшом кратере, и отсюда открывается вид на Blue Ridge, горный хребет Вирджинских Аппалачей. Наша долина — как кончик копы, дом — обычный деревенский дом, здесь две

⁵⁶ Названия населенных пунктов и крестьянских усадеб часто содержали имя владельца (Анттила — от имени Антти) или дохристианского божества: Тапиола происходит от имени лесного бога Тапио, Ахтиала — от имени бога воды Ахти.

⁵⁷ 1 акр равен 0, 405 га.

веранды и приятная кухня; вода течет из родника, где мы держим молоко. Все вокруг голубое, свет сияет, я влюблена в это место! Над домом – две розовые мимозы, затеняющие дом, они цветут круглый год. Я никогда не подозревала, что цветы могут цвести непрерывно. Сажу в седле на фанерном ящике на веранде. Здесь тоже деревья в цвету, вокруг вьются колибри.

Дом старый, но построен из хороших материалов: из тюльпанового дерева, которое не гниет, и ореха. Он требует покраски, и у Юры много работы со всем этим. Юра с Мишкой построили сортир без двери — оттуда прекрасный вид на долину! У нас новый диктатор: корова Тутти (финск. Соска. — Э. И.), она маленькая и резвая как черт, и всегда берет верх надо мной, но оправдывает деньги, которые мы за нее уплатили. Дядя Сам, живущий внизу, в долине, возмущенный тем, что люди, получившие хорошее воспитание, могут обходиться без коровы, продал нам ее, и мы теперь выпиваем десять литров молока в день. Дою ее, прижимаясь щекой к орехово-коричневому боку, и встает солнце, и ароматы травы и цветов, и ручьи увлажняют яблоневый сад. Через месяц у нас будет электричество и телефон, недалеко отсюда есть школа, и автобус собирает всех детей под горой. наших Юра по дороге на работу туда подвозит.

Самое замечательное, что Юра нашел работу в рекламном бюро в 25 мин<утах> езды отсюда и получает 550 долларов в месяц. По субботам у него выходной. В этих условиях у него приличный заработок. Мы заплатили тысячу долларов за это место, и теперь в течение двух лет платим по 90 д<олларов> в месяц — и после этого мы свободны! Мы подсчитали, что наших 2-х тысяч хватит на свет, телефон и какую-то мебель. Пока мы ремонтируем дом, у нас будет бульдозер, чтобы починить дорогу — это Ахиллесова пята. Это все мы планируем сделать в течение года, но все идет гораздо быстрее. Мы нигде не нашли бы места лучше, и оно в 20 минутах от современного города Роанок, где большой концертный зал, библиотека и прекрасные магазины, и сердечные жители-южане, свободомыслящие и с чувством юмора. Мы как Адам и Ева в раю и нуждаемся только в вашем благословении»⁵⁸.

⁵⁸ Письмо И. Доннер-Солоневич Л. Игнатиус, 20 авг. 1955 // Семейный архив Л. Игнатиус.

Инге и Юрию в это время всего по сорок лет. Впереди у них долгая жизнь, наполненная разнообразной творческой деятельностью. Солола со временем превратится в ферму с множеством животных, с посевами и покосами. Вдобавок к нескончаемым фермерским трудам и постоянной работе Юрия художником-иллюстратором оба находили время для живописи и даже организовывали выставки своих работ в Роаноке. Инга помимо живописи занималась скульптурой и керамикой. У них постоянно возникали новые проекты, один из которых — художественную школу или, точнее, курсы — удалось осуществить. Для школы они построили в живописном углу яблоневого сада двухэтажный дом с просторной, в 170 м² студией, многочисленными жилыми комнатами и большой гостиной, где предполагали проводить со студентами вечера у камина. Планировалось, что в летние месяцы к ним на курсы будут приезжать талантливые молодые художники со всех концов страны и это принесет солидный доход. Но их ждало разочарование: «У большинства художников дырка в той области головы, где должны находиться деловое чутье и цифры. Мы не являлись исключением. <...> Приезжие в большинстве были старые тети в теннисных тапочках, желающие отдохнуть в красивом месте и уверенные, что плюс к этому научатся живописи за неделю или две. Юра стоял в студии целыми днями и старался по мере сил их обучать. Я убирала комнаты и стелила постели, чертыхаясь, что у меня нет времени рисовать. Около года я готовила еду на всю компанию, в остальные лета приезжал студент, который оплачивал обучение работой на кухне. Иногда нам везло — как в тот раз, когда из Ричмонда прибыла группа молодых продвинутых гениев со своим преподавателем. Они изменили всю атмосферу, и мы почувствовали вокруг вибрацию жизни и таланта. <...> Миллионеров при помощи художественной школы из нас не вышло. Мечта с годами становилась все менее мечтательной. Доходы равнялись расходам. Слава Создателю, это было только летнее развлечение, зимой мы по-настоящему занимались живописью»⁵⁹.

Разумеется, за долгие годы, проведенные в демократической стране, мировоззрение обоих претерпело изменения. Тем не менее

⁵⁹ Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä. S. 172–176.

Юрий Солоневич до конца жизни оставался человеком жестко консервативных убеждений, во многом унаследовавшим взгляды своего отца, создателя идеи «народной монархии». Инга Доннер, более гибкая и толерантная, и в преклонном возрасте сохраняла чувство юмора и способность ценить позитивные стороны бытия. Сквозь мрак жизненных невзгод они пронесли свой огонек — взаимную любовь и общую мечту о земле обетованной, обретенной, наконец, в Сололе. Инга охарактеризовала свою новую идентичность признанием, завершающим книгу воспоминаний: «Часто скучаю по дому. Не знаю, при звуках гимна которой из двух стран — Финляндии или Соединенных Штатов — мне положено ощущать комок в горле? Со мной это происходит в обоих случаях»⁶⁰.



⁶⁰ Op. cit. S. 177.

БАЗАНОВ Петр Николаевич,
доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного института культуры,
член Совета Фонда Юрия Слепухина
(Россия, Санкт-Петербург)

ВОСПОМИНАНИЯ Л. А. ЛЬВОВА О ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НТС

Аннотация: Даются основы агитационно-пропагандистской работы Национально-Трудового Союза в начале 1950-х. Приводятся основные лозунги НТС, печатавшиеся в листовках для населения СССР. Показаны причины раскола НТС на «деловиков» и «духовников», способствовавшего реэмиграции Ю. Г. Слепухина. Публикуются мемуары спортсмена и инженера Л. А. Львова о пропагандистской деятельности НТС в Дании в 1953. Включена биографическая справка о Л. А. Львове. Показаны механизмы воздействия на советских людей и система контрпропаганды СССР.

Ключевые слова: Национально-Трудовой Союз, НТС, Ю. Г. Слепухин, Л. А. Львов, пропаганда, листовки, русская эмиграция.

Abstract: The fundamentals of agitation and propaganda work of the Natsional'no-Trudovoi Soiuz in the early 1950s are given. The main slogans of the NTS, printed as leaflets for the Soviet people, are presented. The reasons for the split of the NTS into "deloviki" ("those to act") and "dukhovniki" ("ideal searchers") are shown, which contributed to the re-emigration of Yu. G. Slepukhin. The memoirs of an athlete and engineer L. A. Lvov about the propaganda activities of the NTS in Denmark in 1953 are published. A biographical note about L. A. Lvov is included. The mechanisms of influence on the Soviet people and the system of counter-propaganda of the USSR are shown.

Keywords: Natsional'no-Trudovoi Soiuz, NTS, Yu. G. Slepukhin, L. A. Lvov, propaganda, leaflets, Russian emigration.

С 1947 журналист, будущий писатель Юрий Григорьевич Слепухин (1926–1998) жил в Буэнос-Айресе. Он был одним из руководите-

лей аргентинской местной организации НТС, одной из самых многочисленных в Южной Америке. Официально занимал должность руководителя молодежной организации НТС в Аргентине (или даже — во всей Южной Америке).

С конца 1940-х НТС вел активную агитационно-пропагандистскую работу антикоммунистического характера, ориентированную на граждан СССР. Еще в начале 1948 Советанием Совета НТС было принято решение: «Организовать переброску в Россию и, прежде всего, в оккупированные советской армией страны — нашей литературы...¹. Внимание солидаристов стало уделяться всем тем группам советского населения, которые были «выездными» в капиталистические страны: дипломатам, представителям советских торговых организаций, спортсменам, журналистам, туристам и более всего — морякам, для которых выходили даже специальные издания. Уровень организации зарубежной оперативной работы дошел до того, что любую группу туристов, делегацию из СССР и советский корабль встречали представители НТС, раздававшие листовки, брошюры, книги и все энтээсовские периодические издания, — как в обычном виде, так и в миниатюрном или ежеквартальном исполнении. Не была исключением и аргентинская организация НТС, которая также вела активную пропагандистскую работу.

В 1955 в НТС оформился уже давно длившийся раскол на два течения — «деловиков» и «духовников». «Деловики» были сторонниками активных действий, предлагали сосредоточиться на агитационно-пропагандистской и информационной работе, налаживать контакты с оппозицией в СССР и не останавливаться даже перед террористическими актами. Большинство из них составляли представители Второй волны эмиграции (прежде всего, лидер этого течения Е. Р. Романов-Островский), но его поддерживали и некоторые старые члены Союза (В. Д. Поремский, Г. С. Околович и др.). Против них выступали «духовники», призывавшие сосредоточиться на идеологической работе, разработке новых философских концепций, способных опровергнуть теорию и практику коммунизма. Хотя

¹ Рар Л., Оболенский В. Ранние годы (1924–1948): очерк истории Нар.-Трудового Союза. М.: Посев, 2003. С. 181.

среди них преобладали представители Первой волны эмиграции (лидерами были В. М. Байдалаков и Б. В. Прянишников), но их убеждения и принципы разделяли и некоторые эмигранты Второй волны (Г. А. Хомяков-Андреев, Н. И. Осипов и др.). К сторонникам «духовников» можно отнести и Ю. Г. Слепухина.

«Духовники» справедливо указывали на примитивность агитационной работы и пропагандистских материалов НТС. Любому стороннику солидаризма рано или поздно становилось ясно, что примитивные энтеэсовские лозунги и агитки не оказывают на советских граждан никакого положительного воздействия. Как писал известный историк Русского Зарубежья М. В. Назаров, даже «аббревиатура НТС все чаще расшифровалась, как “Несем тиранам смерть”, “Несем трудящимся свободу”². Подобные агитприемы привели к естественному тупику. Тот же автор признавал: «Причем, еще в середине 1970-х гг. на энтеэсовских листовках красовались “вилы гнева”, стояла подпись “Ревштаб НТС”, а из запасов 1950-х гг. порой выплывали лозунги “Несем тиранам смерть”... Правозащитникам этот барабанный бой из-за границы, естественно, казался нереальным анахронизмом, подпадавшим, впрочем, под реально действовавшие статьи Уголовного кодекса»³.

В этом отношении интересны публикуемые ниже воспоминания Л. А. Львова, почти ровесника Ю. Г. Слепухина. Разочарование в агитации и пропаганде НТС были еще одним весомым аргументом для возвращения Юрия Григорьевича на Родину.

Автором публикуемых воспоминаний, записанных П. Н. Базановым 12 августа 2005 в пос. Комарово, является спортсмен Лев Александрович Львов (1931–2010). Он был изобретателем, инженером и окончил Ленинградский государственный электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина) — ныне Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). В молодости Л. А. Львов серьезно занимался академической греблей и даже стал мастером спорта. В той

² Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. Т. I. М.: Родникъ, 1994. С. 366.

³ Там же. С. 393.

же команде спортклуба «Красное знамя» был его друг — художник, архитектор Юрий Сергеевич Тюкалов (1930–2018), один из самых известных спортсменов в советской академической гребле, почетный гражданин Санкт-Петербурга. Ю. С. Тюкалов стал первым советским олимпийским чемпионом в этом виде спорта. На хельсинкских Олимпийских играх 1952 он завоевал золотую медаль чемпиона и высшую награду гребного клуба Финляндии. Впоследствии Ю. С. Тюкалов стал и двукратным олимпийским чемпионом, шестикратным чемпионом Европы, заслуженным мастером спорта и заслуженным тренером по академической гребле.



*Л. А. ЛЬВОВ***ВОСПОМИНАНИЯ¹**

На Олимпийских играх 1952 в Хельсинки сборную СССР по академической гребле пригласили на первенство Европы. В 1953 по решению ЦК КПСС и Совмина СССР советская сборная была отправлена на соревнования в Данию с гарантией занятия <там> первого места. Принимающей стороной были датский «Лимбероклуб» («Клуб деловых людей»).

Попасть в капиталистическую страну было в начале 1950-х практически невозможно. Поэтому мы старались и заняли первое командное место. Жили в августе 1953 в пригороде Копенгагена в женском пансионате (ученицы которого были на каникулах) на первом этаже, так как здание находилось рядом с местом соревнований.

Инструктаж по поведению советских граждан за границей начали еще в Москве, потом продолжали на корабле «Кооперация», плывущем из Ленинграда в Копенгаген. Наиболее запомнилось выступление бывшего посланника в Дании (так как посла официально не было): «Бывшая императрица Мария Федоровна — датская принцесса, поэтому многие знают русский язык, датчане обслуживали международный телеграф в Российской империи, женились на русских и уехали после 1917. Также много власовцев, оставшихся после 1945. Наши моряки постоянно попадают в различные неприятные истории».

Сотрудники дипмиссии характеризовали представителей с датской стороны.

Действительно, датчане знакомились с советскими спортсменами. Один из них подошел к нашей восьмерке.

О работе НТС особенно предупреждали. Надо отдать должное: контрпропаганда была поставлена на высшем уровне. Заранее предупреждали: «К вам подойдет человек и расскажет свою легенду: “Ровесник Октября, родителями был увезен из России. Мечтает вернуться на Родину, женат на англичанке, учащей русский язык, у них

¹ Записано П. Н. Базановым 12 авг. 2005 в пос. Комарово.

дочь и т. д. Обожает игру на балалайке (что для моих ровесников, увлекавшихся джазом, было шокирующей стариной). Будут звать в гости, в ресторан, в другие места. Это провокация. Данный человек — власовец, предатель, воевал за фашистов». Последнее для подростков Великой Отечественной войны было худшей рекомендацией.

Так все и произошло. Жена была довольно симпатичная, хорошо говорила по-русски, показывала фотографии дочки и т. д. От них вежливо отбояривались — тренировки, режим, сами соревнования и т. д.

В момент соревнований бежали по парку, вдруг объявилась жена власовца, так как это был последний день. Она сказала, что хочет вручить <нам> виды Копенгагена, и подарила каждому из четырех спортсменов распашонку открыток столицы Дании, наклеенную на материю. Хотя у иностранцев было запрещено брать подарки, но мы взяли. В сгибах в середине «гармошки» были сделаны прорези-карманы, куда были положены листовки НТС. Листовки были с самым примитивным текстом антисоветского содержания: «Настоящая революция погибла. Власть захватили большевики», «Коммунисты — узурпаторы революции. Настоящие патриоты России сидят в тюрьмах» и т. д. Это то, что я легко вспомнил через 50 лет. Формат листовок примерно А-5, текст напечатан большим кеглем.

Также листовки оказались во всех вещах (в чемоданах, в одежде, в карманах), при этом деньги, документы не тронули. Хотя был выставлен специальный полицейский пост для нашей охраны. Вся наша спортивная команда выкинула листовки во двор. Представитель советской дипмиссии просил не бить в морду провокаторам в присутствии свидетелей. Когда грузили лодки-«скифы» (1, 2, 3, 4, 8 мест)² в деках, в носках тоже были засунуты разные листовки. Наше начальство (водно-моторного спорта) так перепугалось, что требовали вскрыть даже обшивку лодок. Причина волнения — чтобы ничего не осталось и ни одной листовки не попало в СССР.

После соревнований переселись в гостиницу «Балтик-отель» (самый дешевый, одноэтажный). В нем три-четыре дня ожидали паро-

² «Скиф» — спортивные узкие удлиненные легкие лодки с вынесенными за борта ключичинами (кронштейнами) для весел и подвижными сиденьями (банками), обшивались фанерой или шпоном ценных пород дерева.

ход «Вильнюс», каждое утро в открытые окна подбрасывали газету «Посев»³ и листовки. Газеты мы не читали, их сразу же выкидывали. Передовые «Посева» напоминали листовки, что сразу резко уменьшало к ним интерес.

Тем не менее одна из газет запомнилась. В номере в пол-листа А-5 был изображен человек в пенсне в фуражке с тульей, в погонах. Показалось, что это Гиммлер, поэтому невольно обратил внимание. Но на портрете было две звезды героя Советского Союза. Наверху было написано: «Погиб великий сын русского народа маршал Лаврентий Павлович Берия» и «Убит большевистской бандой»⁴.

Все эта агитация НТС на молодых советских спортсменов совершенно не действовала.



³ «Посев» (лагерь Менхегоф близ г. Касселя, 1945–1946; Франкфурт-на-Майне, 1947; Лимбург, 1948–1951; Франкфурт-на-Майне, 1952–1994; М., 1995–) до 1968 выходил как газета (формат 30,5 x 43,5), в 1953 — как «еженедельник общественной и политической мысли» под редакцией Е. Р. Романова (Островского). В Аргентине и Дании в это время были официальные представительства газеты.

⁴ В номерах газеты «Посев» за 1953 номер с такой передовицей отсутствует; скорее всего, речь идет о специальном выпуске. Ветераны НТС устно подтверждали автору публикации, что такой материал мог быть опубликован для привлечения сторонников Л. П. Берия в СССР и внесения раскола в коммунистическую элиту.



Раздел V
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ



ЩЕГЛОВА Евгения Петровна,

литературный критик, член Союза писателей Санкт-Петербурга,
председатель секции критики и литературоведения, редактор,
Российский институт истории искусств
(Россия, Санкт-Петербург)

ВОЕННАЯ ПРОЗА ЮРИЯ СЛЕПУХИНА КАК НОВАЯ СТУПЕНЬ В ПОЗНАНИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Тетралогия Ю. Слепухина рассматривается в контексте как мировой литературы о войне, так и антивоенной публицистики, в первую очередь Л. Толстого. Акцент сделан на преемственности самой идеи неприятия войны, пронизывающей лучшие произведения о мировой катастрофе XX века. Это прежде всего гуманистический пафос тетралогии, который роднит ее и с западно-европейской антимилитаристской литературой, и с отечественной, и отделяет ее от фальшивой литературы соцреализма.

Ключевые слова: война, гуманизм, Вечная женственность, София, милосердие.

Abstract: Yu. Slepukhin's tetralogy is examined in the context of both world literature about the war and anti-war journalism, primarily by L. Tolstoy. The emphasis is on the continuity of the very idea of rejection of war which permeates the best works about the global catastrophe of the XXth century. First of all, this is the humanistic pathos of Slepukhin's tetralogy, which makes it related both to Western European anti-militarist literature and to Russian literature, and separates it from the false literature of socialist realism.

Keywords: war, humanism, Eternal Feminine, Sophia, mercy.

...Интересно, наступит ли когда-нибудь такой момент, что все мы скажем: всё, тема Великой Отечественной исчерпана... Сказать о ней больше нечего, ветераны ее сделали всё, что смогли, сказали, точнее — даже выкрикнули, то, что сидело у них в памяти, что жгло их изнутри и даже терзало, — и ушли. Теперь читайте ими написан-

ное, проникайтесь их страшным опытом, который они вынесли из величайшей трагедии XX века, осознавайте его, даже вздрагивайте от тех подробностей войны, которые они вынесли на ваш суд...

Та война меж тем уходит от нас всё дальше и дальше, и свидетелей, видевших ее в сознательном возрасте, уже остались единицы. Так что вроде бы вполне можно подводить итоги литературного, точнее, глубоко человеческого ее осмысления, составившего уже целую библиотеку. Да еще какую! Огромную. Можно сказать, многоярусную, с массой книг, раскрывающих порой самые потаенные уголки войны, освещающих ее бытие во множестве аспектов, книг порой с очень непростой и даже трагической судьбой, внутренняя правда которых с куда как немалым трудом прорывалась сквозь цензурные рогатки, расставленные по всему ходу отечественной литературы.

Да, авторы этого колоссального массива литературы сами были или бойцами, или — если встречали войну в детстве либо ранней юности — свидетелями и поистине невольными участниками ее, что часто бывало не менее трагическим, чем оказаться солдатом на передовой. Что-то такое есть в той великой войне, что никак не дает какого-то никем не названного, однако незыблемого права — писать о ней тем, кто ее не пережил и не видел. Та война, вернее рассказ о ней, нипочем не терпит ни приблизительности, ни неточности, ни тем более фальши. К ней нельзя прикасаться кое-как, — сама ее природа, глубоко выстрадавшая всем народом, ее суть *не позволяют это сделать*.

В идеале, естественно. Но пусть именно идеал будет нашим камертоном в рассказе о той войне.

Конечно, ложью, и даже крайне зловредной, было бы утверждать, будто о Великой Отечественной писались только и исключительно правдивые книги. Хватало, даже с избытком, вещей и показушных, и шапкозакидательских (особенно в эпоху тоталитарную), и искажающих ее суть. Да и просто — фальшивых, можно даже сказать — бессовестных (если к литературе приложимо такое чисто психологическое определение. Однако очень даже приложимо). Достаточно вспомнить псевдоэпические «полотна» А. Первенцева, М. Бубеннова, А. Чаковского, Ф. Панферова, В. Кочетова, И. Стаднюка,

П. Проскурина — все же их имена Господи веши. Мало ли было таких творцов, безотказных прислужников, даже, можно сказать, верных псов режима, не стыдившихся лгать даже в святой теме войны? То была литература госзаказа, и неудивительно, что война подавалась в ней не столько трагически, сколько патетически. Соцреализм, что и говорить, накопил богатый опыт псевдореалистического письма.

Но не об этой, как бы миражной, литературе пойдет речь. Речь будет о книгах настоящих и выстрадавших. В принципе, только они и заслуживают весьма высокого звания — *подлинная правда о войне*.

Как знаменитая тетралогия Юрия Григорьевича Слепухина, охватывающая огромный период времени — с 1936 по 1945 годы. Почти целое десятилетие, да еще какое! Самое трагичное в истории страны. И отложившее самую долговременную в ней память.

...Война всегда оставалась в памяти писателя действительно словно бы никогда не затухающим костром. Она была его болью болей. Ю. Слепухин встретил ее мальчишкой, и — так получилось — два раза: первый — в июне 1941-го, вместе со всей страной, второй — летом 1942-го, когда в Ставрополь, где он, 16-летний подросток, жил с родителями и младшей сестрой, вошли немцы. По возрасту он мог попасть на фронт — чисто теоретически — лишь в последний год войны. Судьба же распорядилась иначе, сделав его свидетелем, участником и летописцем главным образом таких трагических ее страниц, как оккупация немцами юга Советского Союза, в частности Украины, и горькая, страшная жизнь оstarбайтеров — восточных работников, угнанных на каторгу в Германию.

Но тетралогия Ю. Слепухина вовсе не ограничивается рассказом о том, чему писатель был непосредственным свидетелем. Тетралогия, в сущности, — словно бы гигантская панорама войны, развертывающаяся на глазах читателя, и ей истинно что нет границ. Действие из оккупированного Энска (так назван в ней небольшой украинский городок в южной, степной части республики) переносится на передовую, где почти что с первых дней войны оказывается 20-летний Сережа Дежнев, ушедший на фронт добровольцем; оттуда читатель переносится в Германию, в ту ее часть, куда из Энска отправляют на немецкую каторгу Люду Земцеву, вторую героиню повествования;

а вот и сама ставка Гитлера, на которого готовится покушение немецкими антифашистами, в числе которых — человек, которого Людмила полюбила...

И там же, в Германии, в одном из многочисленных лагерей для восточных работников, оказалась и Таня Николаева, главная и несомненно любимая героиня писателя, натура удивительно чистая, открытая, цельная, девушка, сумевшая сохранить себя в самых бесчеловечных и страшных условиях. С ней вместе в атмосферу тетралогии словно врывается само дыхание правды и чистоты, окрашивая ее собой. Таня — истинный камертон всей тетралогии, по которому словно выверяется весь ее настрой. Чиста, ничем не замутнена ее любовь к Сергею, которому она хранит верность всю войну; и, даже полюбив другого человека, куда старше, мудрее и тоньше его, она отказывается от этой любви, вырывая ее из самого своего сердца, потому что предать свою первую и очень серьезную любовь для нее невозможно, невысказано...

Да ведь и ее самая близкая подруга Люда Земцева, угнанная в Германию и полюбившая там, на чужбине, совершенно для себя, в сущности, неожиданно, офицера вермахта, тяжело раненного под Сталинградом, антифашиста, не пожалевшего собственной жизни для того, чтобы попытаться спасти родную Германию от гитлеровского позора, — она ведь тоже олицетворяет собой ту самую всегда и везде живущую, словно в воздухе растворенную вечную женственность, про которую давно сказано: «квинтэссенция мирового духовно-исторического опыта»¹. Ту самую Софию, что в первородстве своем восходит к всепрощающей Богородице, одаряющий мир своей никогда не кончающейся любовью.

И эта *София*, растворенная в любимых женских образах писателя, подлинное олицетворение мудрости и просветления, что распростерла свои крыла над миром, словно своим существованием призвана противостоять тому зверскому, а точнее, бесовскому началу, на какое-то время одержавшему верх в вечной борьбе добра со злом.

Словом, мысль писателя будто бы реет над гигантским полем войны, где разворачивается катастрофа, поразившая буквально весь мир и едва-едва его не убившая. Железным, мертвящим катком

¹ Кантор В. О любви и нелюбви // Октябрь. 2003. № 11. С. 115.

прокатывается война по человеческим судьбам, и упрятаться от нее нельзя, невозможно. Она хоть где достанет несчастного, пусть даже возомнившего, что война не имеет к нему отношения и от нее можно хоть как-то, хоть где-то укрыться. Догонит его, настигнет, заставит ходить по самому краешку жизни, на котором она, жизнь, граничит со смертью, принудит почти непрерывно выбирать — где ты и с кем, убедит, наконец, что она не сора́тница и не друг жизни, а ее первый и главный враг.

Вот именно этот глубоко человеческий пафос есть ведущий лейтмотив знаменитой тетралогии Ю. Слепухина, своего рода центр ее нравственной тяжести. Ее, можно сказать, вечно болеющий нерв, никогда не умолкающая пронзительная, трепещущая нота, на чем и держится повествование.

Тут вроде бы для нашего народа, чьи потери в войне были настолько колоссальными (напомню — по последним оценкам, СССР потерял более 40 миллионов человек), что в здравом сознании вообще укладываются с трудом, не должно быть ничего удивительного. Как, спрашивается, может быть иначе: ведь не было и нет у нас в стране семьи, не затронутой войной, она унесла несметное количество жизней, истребила, почти что под корень, поколения, рожденные в первой четверти XX века, а стало быть, как бы убила и их нерожденных детей.

И эта гигантская *яма*, в которую провалилось несчастное человечество, лишенное естественной преемственности поколений, когда младшие учатся у старших и живут с ними бок о бок, прорастая в них всей своей плотью и кровью, а старшие живут своей природной, обычной жизнью, глядя на молодое поколение и радуясь ему, а порой огорчаясь, но *живя*, — проблема отнюдь не только демографическая, хотя и демографическая тоже. Это проблема глубоко психологическая, проблема человеческая, острота которой с годами лишь приглушается, но не исчезает.

Все это, на поверхностный взгляд, совершенно очевидные вещи, с которыми и спорить не будешь. Ведь еще Лев Толстой на пороге XX века, предчувствуя, как и положено гению, катаклизмы грядущего столетия, в беседе с французским журналистом Жоржем Анри Бурдоном сказал: «Я хочу, чтобы любовь к миру перестала

быть робким стремлением народов, приходящих в ужас при виде бедствий войны, а чтоб она стала непоколебимым требованием честной совести»².

А еще раньше, в романе «Война и мир», будучи, в сущности, совсем молодым человеком, великий писатель и мыслитель предельно точно и глубоко охарактеризовал войну как прежде всего «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие»³. Будто на целый век вперед смотрел...

И с немалым трудом верится, что эту мысль, вроде бы для всего человечества совершенно очевидную, советскому, русскому писателю пришлось, спустя полвека, утверждать заново, и на каком трагическом материале!.. Бесконечно страшном, пугающем, пронизанным глубочайшей тревогой.

Собственно, о чем бы ни рассказывал в своей тетралогии Ю. Слепухин, в какие бы части света ни перемещалось его повествование, — он говорит именно об этом. История Великой Отечественной в его сознании окрашена не столько даже в героические, в сущности *вынужденные*, тона, сколько в глубоко трагические. И это поднимает его тетралогия на уровень истинно мировой, гуманистический, предельно высокий. И — смыкает с такими выдающимися произведениями сугубо антивоенной, антифашистской направленности, как книги Ремарка, Бёлля, Дюрренматта, Макса Фриша.

И, в частности, противостоит в тетралогии Ю. Слепухина этой идее войны, преступной в самой своей основе, та самая Вечная женственность, о которой говорилось выше и которой писатель был совершенно особенно, очень тепло и человечно предан. Идея эта, скажем прямо, до Ю. Слепухина если и затрагивалась в литературе о войне, то довольно незначительно, как бы краем. Достаточно вспомнить пронзительную повесть В. Астафьева «Пастух и пастушка» или

² Французские посетители Толстого: из воспоминаний Т. Бензон, Жоржа Анри Бурдона, Анри Лапоза, Жюля Легра, Мориса Дени Роша и Рене Маршана / публ. и пер. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 75: Толстой и зарубежный мир. Кн. 2. М.: Наука, 1965. С. 49.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: [в 90 т.] / под общ. ред. В. Г. Черткова. Сер. 1: Произведения. Т. 11: Война и мир. Т. 3. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1940. С. 3.

книгу Василя Быкова «Альпийская баллада», в которых война напроць убивает саму *идею любви*, вместе, конечно, с теми, кто любит. Любовь и война — тема вечная, нескончаемая, глубоко трагическая, и нет у нее ни начала, ни конца.

Но только в тетралогии Ю. Слепухина, о чем бы ни велась в ней речь, в какой бы стране ни происходили ее события, впервые в военной (антивоенной) литературе эта философская тема обрела свое наиболее полное воплощение, как идея противостояния прежде всего самому бесовству войны. По Ю. Слепухину, именно женская, *женственная* природа мира, то, чему веками поклонялись лучшие умы человечества, есть не просто средоточие красоты и гармонии мира, а активная, наиболее гармоническая его сущность. То есть — квинтэссенция самого Мирового Духа.

И именно она в конечном счете способна облагородить и просветить мир.

Недаром ведь выдающийся философ В. С. Соловьев в своем знаменитом стихотворении «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887) написал:

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви⁴.

Вот на фронте, в самый разгар войны, беседуют двое: Сергей Дежнев и его друг, капитан Игнатъев. Из Сергея, как не странно, еще не выветрилась псевдоромантика войны, вынесенная им из всей предвоенной жизни, переполненной боевым, победоносным, шапкозакладательским духом. Куда, в самом деле, от этого деться, если все тогдашние мальчишки выросли на фильмах вроде «Если завтра война» или «Трактористы», с его разудалой, вдохновляющей песней «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...». Потому он и говорит Игнатъеву, что война, «по-моему, как раз в человеке все лучшее рас-

⁴ Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З. Г. Минц. [Л.]: Совет. писатель, Ленингр. отд-ние, 1974. С. 79.

крывает — в мирное время жил себе, ничем не выделялся, а тут вдруг идет на подвиг».

Однако Игнатъев оказывается куда разумнее двадцатилетнего парня, пусть даже успевшего повоевать, притом по-настоящему. Война, убежден Игнатъев, — это зло, даже если кажется справедливой. И далее: «...Война не только лучшее раскрывает в человеке, но и худшее тоже, она раскрывает его целиком, выворачивает наружу все, что есть у него в душе. Отдельно взятый человек может, пройдя испытание фронтом, стать лучше, честнее, научиться товариществу, самопожертвованию, это все так. Но в целом, как социальное явление, война не способствует подъему нравственности, и это тем заметнее, чем дольше она длится. В этом смысле затяжная война дороже»⁵.

Тут дело даже не только в гигантском числе погибших на войне, тут всё, куда ни копни, — одна сплошная, непрекращающаяся трагедия, способная — если ей ничем не противостоять — только к расширению и дальнейшему прорастанию почти что вглубь государства.

Она развертывается и в Германии, глубоко пораженной фашизмом, выкорчевать который из сознания людей оказалось делом мучительным и долгим. Этот глубоко трагический момент с огромной силой раскрывается, в частности, в романе «Ничего кроме надежды», где писатель с горечью рассказывает о судьбе 16-летней девочки-сироты Эрики, с малолетства отравленной гитлеровской пропагандой и покончившей с собой в советском плену. Вот она, бледная, до предела измученная, напуганная, стоит, прижавшись к стене, и с ужасом смотрит на вошедшего к ней в камеру добродушного солдата Еремеева, почти старика. Она, совсем юная, так напоминает ему собственных его дочерей, простецких деревенских девчонок... И он, видя ее, несчастную и голодную, «расстарался», щец ей принес, «в дорогу-то поесть надо, ферштейн?» А она, «словно поняв его слова, сделала неуверенный шаг к двери и пошатнулась. “Ну, вовсе девка сомлела”, — с жалостью подумал Еремеев и протянул руку, чтобы ее поддержать. И в этот миг — он ничего не успел ни разгля-

⁵ Сленухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. СПб.: Ладога, 2006. С. 478.

деть, ни понять, ни почувствовать — она со всего размаха швырнула гранату себе под ноги»⁶.

Эта страшная сцена двойного убийства, девочки и старика, двоих самых мирных людей, которым всегда в войну приходится как раз тяжелее всех, словно прямоком вытекает из того эпического полотна, которое названо в тетралогии «Сладостно и почетно» и повествует, в сущности, вовсе не только о неудавшемся покушении на Гитлера, одной из жертв которого стал Эрих Дорнбергер, возлюбленный Людмилы Земцевой. Главная мысль этого романа, чрезвычайно напряженного, глубокого, даже страстного, — это мысль о том, что понятие «патриотизм» может быть наполнено, в сущности, крайне противоречивым содержанием. Что значит «любить свою родину» — тогда, когда родина эта, Германия, которая для Эриха словно родная мать, стала воплощением зла? Нужно ли поддерживать ее, родную свою страну, — или с ней, точнее, с режимом, царящим в ней, нужно бороться? Но как, какими методами? Что значит «спасать свою родину» — когда ее, родину, родную твою землю, разъедает бацилла ненависти, разросшаяся уже до эпидемии, и поражает огромную массу людей (тут-то и вспоминается девочка Эрика, о которой речь пойдет в следующем романе тетралогии)? Какие меры освобождения страны от этого *заклятия* допустимы, а какие нет?..

С точки зрения именно гуманизма, христианского милосердия — ведущей, глубинной идеи Ю. Слепухина... Роднящей его прозу с лучшими произведениями мировой литературы о войне.

...Эта же мысль, правда, на совершенно другом материале, пронизывает и предыдущий роман тетралогии — «Тьма в полдень», вышедший еще в конце 1960-х. То есть — во времена самого глухого застоя, одной из составляющих которого стал и застой мысли, а во все не только экономики. Поразительно, как удалось Ю. Слепухину в этом романе, да еще в такие сложные времена, противостоять сталинизму, уже, казалось бы, похороненному в сравнительно короткую эпоху «оттепели». Впрочем, этот идеологический застой был прямым и даже естественным следствием того, что сталинизм именно тогда

⁶ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. СПб.: Ладога, 2006. С. 899.

не был до конца выкорчеван и, поразительно живучий и зловредный, стал давать свои ядовитые всходы.

Своего рода венцом которых в послевоенные времена стала «Молодая гвардия» А. Фадеева, изучавшаяся в школьном курсе литературы как эталон подхода к теме оккупации и подпольной борьбы.

Правда, как установил исследователь культуры сталинского периода Е. Добренко, то был не столько роман, сколько тщательно выпестованный пропагандой *миф*, идеальный «в смысле полной дереализации опыта, его замены идеальной версией пережитого во время войны, обретшей эсхатологическую завершенность»⁷. С реальностью он почти что не имел никаких точек соприкосновения. (Кстати, миф этот оказался поразительно живуч, даже по сей день. Е. Добренко пишет, что «за прошедшие три четверти века молодоговардейский миф вырос до огромных размеров — по сей день пополняющийся материалами интернет-сайт, посвященный “Молодой гвардии”, включает сотни страниц визуального архива»⁸.)

Принципиально иначе подошел к этой теме Ю. Слепухин. И дело не только в том, что оккупацию он пережил сам, и обмануть его, ослепить псевдогероикой подпольной борьбы было трудно. Да что там трудно — невозможно. Дело в том, что писатель, будучи плоть от плоти человеком антимилитаристских убеждений, подобно лучшим творцам этого рода литературы, естественным образом смещает фокус своего зрения *с государства на человека*.

И именно человек, хоть слабый, ничем не вооруженный, хоть сильный, поставленный волею судеб под ружье, к чему он, возможно, никогда и не стремился, оказывается у писателя истинным мерилом всего происходящего. Собственно, так, как это происходило, например, в книгах знаменитого писателя Курта Воннегута.

Нет, Ю. Слепухин в романе «Тьма в полдень» не дает никаких окончательных и бесповоротных решений относительно того, как нужно было жить тем несчастным людям, что *поневоле* остались под пятой врага и вынуждены были терпеть все ужасы этого дикого, аб-

⁷ Добренко Е. А. Поздний сталинизм: эстетика политики: в 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2020. Т. 1. С. 178.

⁸ Там же.

солютно противоестественного существования. То, насколько трудно было эвакуироваться мирным жителям (а не заводам и фабрикам), как преступно плохо была организована эта самая эвакуация, не смог скрыть в своем романе даже верный сталинский помощник А. Фадеев...

Но как быть с подпольной борьбой? Ведь и в самом деле — нормальному, тем более молодому человеку крайне трудно было смириться с тем рабским положением, в котором он оказался, живя в ежедневном ужасе оккупационного быта. Быт этот Ю. Слепухин называет *фантастическим*, ибо никто из этих несчастных людей не мог даже во сне предугадать, что его ждет сегодня, завтра, через пару дней... Могло быть — проживет он их относительно спокойно; а могло случиться и так, что какой-нибудь ошалелый подросток, взвинтивший себя героическими примерами (что, в общем-то, совершенно естественно в тех обстоятельствах), убьет первого им встреченного фашиста, какого-нибудь зазевавшегося полиция, а жертвами этого убийства, точнее, его заложниками, станут жильцы близлежащего дома, которых попросту расстреляют... Так, кстати, и происходит в романе. Каток совершенно дикого террора начинает катиться по всему Энску, и под ним оказываются абсолютно ни в чем не виноватые люди: женщины, старики, дети...

Про это ведь тоже нельзя забывать тем, кто привык любоваться героикой подпольной борьбы и того положения, которое лихими идеологами его названо было «земля должна гореть под ногами захватчиков»!.. Должна-то должна, тут спорить не будешь, но как смириться с тем, что вместе с землей сгорают и люди... Не причастные ни к партизанской борьбе, ни к подпольщине, ни к каким-нибудь случайным убийствам врага из-за угла, — просто мирные люди, родившиеся совсем не для того, чтобы с их помощью решались абсолютно им чуждые геополитические задачи, а затем, чтобы растить детей, собирать урожай, думать о будущем без страха и каждодневного трепета...

Недаром же Сережа Дежнев, уже в романе «Ничего кроме надежды», попав в Энск после освобождения города, и увидев, что его любимая Таня исчезла, иными словами — почти наверняка погибла,

с горечью размышляет: «Кто придумал эту “подпольную деятельность” в немецком тылу <...>? Послать девчонку во вражеское кодыло, заставить “афишировать”; — а что ей еще оставалось делать, раз она там работала <...>? <...> Ладно на фронте — там не приходится думать, кого на смерть посылаешь, солдат есть солдат, но здесь-то, здесь...»⁹

Нельзя, конечно, утверждать, что эти мысли убитого горем Сергея есть мысли самого автора. Тема партизанской борьбы в тылу врага, в условиях той войны, тотальной по своему характеру, когда на кон поставлено было не менее как существование СССР, — тема сложнейшая, и одним-двумя предложениями ее не решить. Эта тема вообще не решается на плоскостном поле — правды одной или другой стороны. Слишком она сложна, слишком чудовищной трагедией была обрушившаяся на человечество война, равно как чересчур трагичной была сама эпоха — самая, вероятно, страшная из всех, что довелось пережить человечеству.

И Ю. Слепухин подходит к размышлению на эту тему именно так, как и надлежит подлинному гуманисту, продолжая тем самым напряженные размышления выдающихся авторов не одного только военного поколения. Он не дает никаких прямолинейных рекомендаций, не говорит: — им, мирным жителям, — нужно было делать то-то и то-то, например, уходить к партизанам или, напротив, не делать вообще ничего, что не предписывалось оккупационными властями... Как будто последнее, например, вообще было возможно. Ведь в Энске, как и в любом другом оккупированном фашистами городе, сложилась такая ситуация, что несчастный человек, застрявший в нем, стал чем-то вроде камешка в камнедробилке. Неумолимые ее жернова крутятся и крутятся без устали, а человек, лишенный возможности выбраться на волю, словно зажат там в смертельном ужасе и не может выбраться на свободу, и единственное, что он может сделать, — это покорно ждать своей участи...

Того ли в действительности заслуживает человек, по мысли Творца, почти что венец всего живущего, задуманный Им по Своему

⁹ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 574.

образу и подобию? Наделенный, в отличие от прочих обитателей земли, разумом, совестью, глубокими чувствами, состраданием к несчастным, наконец? За что выпали на его долю неисчислимы страдания, которых он не заслужил? И как выйти из этого замкнутого круга, в который его, человека, бросила злая история?

Вот темы, на решение которых писатель не жалел сил. И вот мысли, напряженно бьющиеся во всех романах тетралогии, о чем бы ни шла в них речь.

Война, — это страшнейшее событие в мировой истории, как раз и влекущее за собой эти трагические, безвыходные для человечества коллизии, — вот, по мысли большого писателя

Ю. Слепухина, главная причина бед, обрушившихся на человечество. Война — это кровь, грязь и бессмыслица, и не пристало человеку, прикоснувшемуся к ее трагедии всерьез и глубоко, воспевать какие-то победы, прославлять полководцев, восторгаться ее мнимой красотой и вообще рассказывать о ней в мажорных тонах. То есть — играть в те же смертельные игры.

Рассказывая о войне и людях, невольно втянутых в нее, Ю. Слепухин словно взывал к человечеству — будьте же, люди, наконец милосердны друг к другу. Не забывайте поколений, трудившихся для вас, страдавших и погибших. Не повторяйте их ошибок. Ради Бога, не повторяйте! Не обольщайтесь прекраснодушными обещаниями и розовыми замками, если за ними стоит кровь. Учитесь уважать в человеке человека и попробуйте его наконец-то полюбить.

Потому что именно человек — главная ценность этого мира.



ПОГРЕБНАЯ Яна Всеволодовна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской и мировой литературы
и технологий обучения

Ставропольского государственного педагогического института

**БОМБАРДИРОВКА ДРЕЗДЕНА
КАК КУЛЬМИНАЦИЯ РОМАНОВ
Ю. СЛЕПУХИНА «СЛАДОСТНО И ПОЧЕТНО»
И К. ВОННЕГУТА «БОЙНЯ № 5,
ИЛИ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ»**

Аннотация: Предмет статьи — исследование типологических взаимосвязей романов из военной тетралогии Ю. Слепухина с зарубежным антивоенным и историческим романом К. Воннегута. Сравнительно-исторический анализ романов «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» и «Сладостно и почетно» осуществляется впервые и имеет целью определение роли и места творчества Ю. Слепухина в литературном процессе второй половины XX века.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение, типология, бомбардировка Дрездена, Слепухин, Воннегут, роман, кульминация.

Abstract: The subject of the article is the study of the typological relationships between the novels from the military tetralogy by Yu. Slepukhin and the foreign anti-war and historical novel by K. Vonnegut. A comparative historical analysis of the novels «Slaughterhouse-Five, or, The Children's Crusade» and «Sweetly and Honorably» («Sladostno i Pochetno») is carried out for the first time and aims to determine the role and place of Yu. Slepukhin's work in the literary process of the second half of the 20th century.

Keywords: comparative literary criticism, typology, bombing of Dresden, Slepukhin, Vonnegut, novel, culmination.

Возможность идентификации типологических параллелей между романом американского писателя Курта Воннегута (1922–1967) «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (1969) и россий-

ского писателя Ю. Г. Слепухина (1926–1998) «Сладостно и почетно» (1985) определяется уже выбором обоими писателями центрального события: сюжетным ядром романов выступает бомбардировка Дрездена во время Второй мировой войны Королевскими военно-воздушными силами Великобритании и Военно-воздушными силами США 13–15 февраля 1945. Необходимо подчеркнуть, что настоящее исследование ведется в русле сравнительного литературоведения и его автор не ставит своей целью установить степень соответствия исторической правде в романном описании события. При этом в отношении исторической истины необходимо указать на два важных обстоятельства: во-первых, остается открытым вопрос о целесообразности бомбардировки Дрездена союзниками¹, во-вторых, не установлено точное число жертв авиационного налета на Дрезден².

В статье анализируются художественные произведения, в которых оба писателя, хотя и основываются на исторических документах, создают посредством художественных образов собственную интерпретацию бомбардировки Дрездена, предлагая эстетически достоверный, выступающий выражением их гуманистической позиции, вариант понимания дрезденской трагедии. Однако это обстоятельство не означает, что оба автора отказываются от исторической точности в пользу художественного вымысла. В советской исторической науке указывается на 135 тысяч погибших³. Такое же число назвал британский историк Дэвид Ирвинг в ряде работ о бомбардировке Дрездена⁴. Аналогичную информацию приводит

¹ См. об этом: *Максимов М.* Война без правил // *Вокруг света.* 2004. № 12. С. 172–184; *Пархитыко Н. П.* Бомбардировка Дрездена: воен. необходимость или акт устрашения? // *Современная наука: актуальн. проблемы теории и практики.* Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 21–26; *Селиванов А. О.* Бомбардировка Дрездена 13–15 февраля 1945: причины и последствия глазами англ. историографии Тейлора, Фуллера, Эванса второй половины XX — начала XXI века // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2013. № 10. С. 117–120.

² См.: *Румф Г.* Воздушная война в Германии // *Титтельсхрих К., фон и др.* Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных. СПб.; М.: Полигон; АСТ, 1998.

³ См.: *Советская военная энциклопедия: [в 8 т.]* // М. : Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1976–1980. Т. 3.

⁴ См. об этом: *Ирвинг Д.* Преступление века: разрушение Дрездена / [пер. с англ.

в романе «Бойня номер пять» Курт Воннегут, опираясь на труды Д. Ирвинга и предлагая «подумать о судьбе Дрездена, где при воздушном налете с дозволенным оружием погибло сто тридцать пять тысяч человек»⁵. Ганс Румпф, генерал-лейтенант пожарной службы, в работе «Итоги Второй мировой войны» (1953) писал: «Количество жертв в Дрездене подсчитать невозможно. По данным Госдепартамента <США>, в этом городе погибло 250 тыс<яч> жителей, однако действительная цифра потерь, конечно, гораздо меньше; но даже 60–100 тыс<яч> человек гражданского населения, погибших в огне за одну только ночь, с трудом укладываются в человеческом сознании»⁶. В романе Ю. Г. Слепухина приводится кодовое название операции — «Удар грома»⁷, подробно анализируются причины выбора Дрездена: «Замысел “воздушного нокаута”» приобрел, таким образом, новый аспект: помимо чисто военных выгод, он сулил и политические. Во-первых, перед всем миром не лишне было рассеять заблуждение, будто главный вклад в дело разгрома нацизма сделали русские. <...> И в-третьих, — самое, может быть, главное, — пришло время показать Сталину, что Запад умеет не только производить средства разрушения, но и пользоваться ими»⁸. В меморандуме Королевских ВВС английским пилотам сообщалось в числе прочего: «Целью атаки является нанести удар противнику там, где он почувствует его сильнее всего, позади частично рухнувшего фронта <...> и заодно показать русским, когда они прибудут в город, на что способны Королевские ВВС»⁹.

Д. Шипилова]. М.: Яуза, 2006; *Он же*. Разрушение Дрездена: самая крупномасштаб. бомбардировка Второй мировой войны: 1944–1945 / [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. М.: Центрполиграф, 2005.

⁵ *Воннегут К.* Бойня номер пять, или Крестовый поход детей / [пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой]. М.: «АСТ», 2021. С. 195.

⁶ *Румпф Г.* Огненный шторм: стратег. бомбардировки Германии, 1941–1945 / [пер. с нем. А. Л. Андреева]. М.: Центрполиграф, 2010. С. 135.

⁷ *Слепухин Ю.* Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. СПб.: Ладога, 2006. С. 422.

⁸ Там же. С. 421–422.

⁹ *Longmate N.* The Bombers: the RAF Offensive against Germany, 1939–1945. London: Hutchinson, 1983. P. 333.

Сопоставлению сюжета романа К. Воннегута и исторических событий января–февраля 1945 посвящены статьи В. А. Нефедова¹⁰, И. А. Барковой¹¹, М. К. Ивановой¹², Б. Ю. Дурова¹³; в статье Н. В. Черныша¹⁴ осуществлен типологический анализ антивоенных романов К. Воннегута и А. Адамовича. На безусловную взаимосвязь военной тетралогии Ю. Слепухина не только с прозой писателей Второй волны эмиграции, но с лучшими отечественными образцами «изображения войны, присущих прозе В. Гроссмана, В. Быкова, К. Воробьева,» — указал В. В. Агеносов¹⁵. Ряд публикаций автора статьи посвящен сравнительно-историческому анализу романов Ю. Слепухина «Ничего кроме надежды» (2000) и современного американо-французского писателя Дж. Литтелла «Благоволительницы» (2006, рус. пер. 2013)¹⁶.

Осознавая важность и значимость соотнесения художественной правды обоих романов с исторической истиной, мы обозначим эту

¹⁰ См.: Нефедов В. А. Миф и реальность в романе Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3–1. С. 193–197.

¹¹ См.: Баркова И. А. Реалии войны через восприятие героя романа Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» // Наука и мир. 2016. Т. 3. № 6. С. 95–97.

¹² См.: Иванова М. К. Вторая Мировая война в поздней публицистике Курта Воннегута // МедиаАльманах. 2012. № 3. С. 64–71.

¹³ См.: Дуров Б. Ю. Война и повседневность в романах Курта Воннегута // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы в XXI веке: сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2020. С. 55–62.

¹⁴ См.: Черныш Н. В. Разоблачение войны как проекта разума в произведениях К. Воннегута и А. Адамовича // Молодой ученый. 2011. № 11. С. 207–210.

¹⁵ Агеносов В. В. Война в произведениях писателей Ди-Пи и второй эмиграции // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения–2014: тр. Междунар. науч. конф. СПб.: Фонд Слепухина, 2015. С. 61.

¹⁶ См.: Погребная Я. В. Роман Юрия Слепухина «Ничего кроме надежды» в аспекте типологических аналогий // Бюллетень науки и практики: электрон. науч.-практ. ежемес. журн. (Нижегородск). 2018. Т. 4. № 6. С. 421–438; Она же. Проблема разоблачения нацизма в романах Ю. Слепухина «Ничего кроме надежды» и Дж. Литтелла «Благоволительницы» // Вторая мировая война 1939–1945 гг. в исторических судьбах народов России и Кавказа: сб. ст. и материалов Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию окончания Великой Отечеств. войны 1941–1945 гг. Назрань, 2020. С. 173–179.

проблему, выделив ее в качестве самостоятельного предмета исследования, и обратимся к собственно художественной истине, представленной в обоих произведениях. Оба романа имеют сходную композицию: кульминация в обоих произведениях оттянута и фактически совпадает с развязкой: бомбардировка Дрездена как центральное событие показана ближе к финалу романов. Однако в реалистическом романе Юрия Слепухина концепция времени-пространства соответствует параметрам объективной реальности: повествование ведется линейно, события развиваются в хронологической последовательности, перенесение повествования из одного пространственного локуса в другой обусловлено логикой развития сюжета. В романе Курта Воннегута логика развития событий подчинена отражению нравственного поиска главного героя — Билли Пилигрима, который не может принять бесчеловечную реальность. Это приводит не только к хронологической аберрации, но и к конструированию фантастического мира, в котором утверждается иная концепция времени, способная снять оппозицию жизни и смерти.

Однако, основываясь на различных принципах продуцирования художественной реальности, обращаясь к отражению центрального исторического события — бомбардировки Дрездена, оба писателя избирают сходные художественные приемы. Оба автора обращаются к одному и тому же способу художественного отражения кульминационного события, которое дано через восприятие главного героя: Билли Пилигрима у Курта Воннегута и Людмилы Земцевой у Юрия Слепухина. Героев, избранных свидетелями дрезденской трагедии, объединяет их статус: оба они чужие в Германии, оба несвободны и бесправны, оба заняты подневольным трудом. Билли Пилигрим — американский военнопленный, размещенный на бойне номер пять и работающий на заводе, Людмила Земцева — восточная работница, угнанная на работу в Германию, которая только благодаря знанию немецкого языка попадает в качестве помощницы (фактически — прислуги) в дом профессора Штольница, в то время как ее подруги, товарищи по несчастью, — это заключенные в лагере. Выбор персонажей, чуждых Германии и Дрездену, притесняемых нацистами, обостряет трагизм ситуации. Герои, которые имеют все основания ненавидеть

немцев и желать им зла, проникаются сочувствием и сопереживают пострадавшим от бомбардировки дрезденцам, воплощая авторский замысел: масштаб трагедии настолько велик, что затрагивает самые основы человеческой жизни, ставит саму возможность человеческого существования и его продолжения под сомнение. Оба героя ассимилируют в героях-протагонистах автобиографический опыт: Курт Воннегут зимой 1945 воевал на Западном фронте, в январе попал в плен в Арденнах, был перевезен с другими военнопленными американцами в Дрезден и размещен в помещении бывшей скотобойни — бойни № 5. Юрий Слепухин, тогда еще Кочетков, был вместе со всей семьей угнан на работу в Германию из Ставрополя в ноябре 1943. Сначала семью будущего писателя отправили в заключение в лагерь Шарнхорст под Эссенем, затем остарбайтер Юрий Слепухин батрачил в помещицкой усадьбе на Нижнем Рейне.

Оба писателя прибегают к сходному приему отражения центрального события — бомбардировки Дрездена: Людмила и Билли находятся в центре событий, но самой бомбежки, огненного вихря не могут увидеть. Американский военнопленный Билли был на бойне № 5 «внизу, в холодном подвале, в ту ночь, когда разбомбили Дрезден. Наверху слышались звуки, похожие на топот великанов. Это взрывались многотонные бомбы. Великаны топали и топали. Подвал был надежным убежищем. Только изредка с потолка осыпалась известь. Внизу не было никого, кроме американцев, четырех человек из охраны и нескольких туш. Остальные четыре охранника, еще до налета, разошлись по домам, в семейный уют. Сейчас их убивали вместе с их семьями»¹⁷. Людмила видит, как «полюхнули к небу вспышки разрывов», «но тогда она даже не успела понять, что происходит, ей казалось, что небо расколосось и рухнет, а земля встает на дыбы...»¹⁸ Юрий Слепухин прибегает к выразительному многоточию, заканчивая описывать состояние Людмилы (собственно, это многоточие включает в себе то, что невозможно описать). Курт Воннегут прибегает к аналогичному приему: саму

¹⁷ *Воннегут К.* Бойня номер пять, или Крестовый поход детей. С. 184.

¹⁸ *Слепухин Ю.* Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 447.

бомбардировку, центральное событие романа, он не описывает и не показывает глазами своего героя. Билли выходит из подвала только в полдень следующего дня: мир, который он видит, не похож на человеческий мир, этот мир оставила жизнь: «Когда американцы и их охрана вышли наружу, небо было сплошь закрыто черным дымом. Сердитое солнце казалось шляпкой гвоздя. Дрезден был похож на Луну — одни минералы. Камни раскалились. Вокруг была смерть»¹⁹. Воннегут сравнивает створевший Дрезден с поверхностью Луны, тем самым подчеркивая неузнаваемость, опустошенность уничтоженного города: небо почернело, солнце уподобилось механической детали — «шляпке гвоздя». Юрий Слепухин пролонгирует умолчание: Людмила долго не может думать о той ночи, она слушает рассказы других, но «единственное, чего Людмила не узнала и ни от кого не могла узнать, — это каким образом ее спасли. Этого не знал о себе никто из спасенных дрезденцев»²⁰. Оба героя видят Дрезден уже после бомбардировки: Билли на следующий день, а Людмила через полтора месяца, накануне Победы. Курт Воннегут для воссоздания масштаба катастрофы сравнивает некогда мирный город с безжизненным ландшафтом. Людмила чуть не теряет сознание, когда понимает, во что превратился город: «А вот на Мюнхнерплац Людмиле стало нехорошо. Тут все вместе: и эти руины, квартал за кварталом истолченного и оплавленного кирпича, и смрад — за полтора месяца он несколько не ослабел, пожалуй, стал еще страшнее»²¹. Когда герои видят последствия бомбардировки, они приобретают знание о ней еще более полное и достоверное, чем то, которое бы приобрели, наблюдая собственно момент уничтожения Дрездена и его жителей.

Характеризуя особенности показа центрального события — бомбардировки Дрездена — в романе Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», Андрей Аствацатуров подчеркивает: «В романе “Бойня номер пять” войне соответствует проebel. Воннегут так и не показывает дрезденскую бомбардировку. Мы

¹⁹ Воннегут К. Там же. С. 185.

²⁰ Слепухин Ю. Там же. С. 448.

²¹ Там же. С. 462.

видим то, что происходило до нее, и то, что происходило после. Но сам эпизод бомбардировки, который должен был бы стать ядром романа, его главным событием в тексте отсутствует»²². Таким образом, дрезденская трагедия в обоих романах не вербализуется: Курт Воннегут опускает ее описание, а Юрий Слепухин ставит многоточие.

Однако и Юрий Слепухин, и Курт Воннегут, прибегая к фигуре умолчания, объективируют восприятие своих героев. Нельзя согласиться с А. Аствацатуровым в том, что описание бомбардировки Дрездена полностью опущено в романе Воннегута. Ее не видит Билли, но «один из охранников то и дело поднимался по лестнице — посмотреть, что там делалось снаружи, потом спускался и перешептывался с другими охранниками. Наверху бушевал огненный ураган. Дрезден превратился в сплошное пожарище. Пламя пожирало все живое и вообще все, что могло гореть»²³. Позже, уже выпав из реального линейного времени, постоянно возвращаясь в пережитый в Дрездене кошмар, Билли сам опишет последствия бомбардировки: «Дрезден был разрушен в ночь на тринадцатое февраля 1945 года. <...> На следующий день мы вышли из нашего убежища»; далее речь героя сменяется авторской: «Он рассказал ей о разрушении боен, где были снесены все ограды, сорваны крыши, выбиты окна, он рассказал ей, как везде валялось что-то, похожее на короткие бревна. Это были люди, попавшие в огненный ураган»²⁴. Людмила не видит обгоревшие тела на улицах города, ей рассказывает о них солдат, который везет ее обратно в Дрезден (Людмила хочет вернуться, чтобы понять, что случилось, хочет узнать и о судьбе жены профессора фрау Ильзе). Солдат долго щелкает зажигалкой, и начало его рассказа совпадает с появлением огонька. Солдат рассказывает о сгоревших заживо и задохнувшихся в подвалах, тела которых собирали военные: «Три недели собирали и жгли... Складывали посреди площади таким штабелем — метра

²² Аствацатуров А. Поэтика и насилие: (о романе Курта Воннегута «Бойня номер пять») // Новое литературное обозрение. 2002. № 6. Цит. по: [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/6/poetika-i-nasilie.html> (дата обращения: 05.09.2022). Курсив А. Аствацатурова. — Я. П.

²³ Воннегут К. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей. С. 185.

²⁴ Там же. С. 186.

два в высоту — и жгли. Сперва огнеметами, потом так просто. Бензин лили и жгли»²⁵. Юрий Слепухин прибегает к приему «чужого голоса», чтобы описать то, что Людмила видеть не могла. Солдат фактически проговаривает то, что находится у Людмилы в подсознании. Таким образом, оба писателя заполняют фигуру умолчания, делают материальными и реальными погибших в Дрездене как для Билли и Людмилы, так и для читателя.

Курт Воннегут редуцирует время бомбежки до одного дня, тем самым подчеркивая особенности восприятия времени героем, который не смог осмыслить произошедшее и поэтому не смог жить в современной исторической реальности. Так в романе Воннегута появляется мир, замещающий земную реальность: планета Тральфамадор. Выпадая из линейного хода времени, Билли непрерывно возвращается в реальность войны, плена, бомбардировки Дрездена, чтобы понять, что там произошло и, главное, почему. При этом на Земле о Дрездене Билли по-прежнему говорить не может. Отвечая на реплику профессора-историка, нужно ли ночью в госпитале говорить о бомбардировке Дрездена, Билли утверждает: «Об этом никогда говорить не надо»²⁶. В реальности мирной жизни он не находит слов, чтобы описать смерть, но в «реальности» Тральмафадора, где восприятие времени как одномоментности в условиях simultaneity всех событий, при отсутствии категорий длительности и векторности, Билли находит слова, чтобы рассказать о пережитом в Дрездене.

Иными способами реалист Слепухин иллюстрирует восприятие событий Людмилой Земцевой. Людмиле в госпитале рассказывают об уничтожении Дрездена при авиационным налете другие пострадавшие: «Ей были известны подробности, в которых сходились рассказчики: и о втором налете в ту ночь, более продолжительном, через три часа после первого; и о двух дневных налетах американцев, четырнадцатого и пятнадцатого; и о том, что Дрезден горел почти неделю — пока было чему гореть»²⁷. Юрий

²⁵ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 451–452.

²⁶ Воннегут К. Там же. С. 201.

²⁷ Слепухин Ю. Там же. С. 448.

Слепухин объективирует рецепцию событий Людмилой, вводя их в контекст общего коллективного народного рассказа о трагедии. Таким образом, воспоминания Людмила становятся частью общего целостного восприятия налета, уничтожившего город. Так, пройдя через этап приобщения к коллективной исторической памяти, Людмила воссоздает целостную картину произошедшего: «Если нельзя было соображениями “военной необходимости” оправдать — или хотя бы объяснить — оба английских ночных налета, то уж бойня, устроенная американцами на следующий день, вообще не укладывалась в сознании. Четырнадцатого около полудня их “крепости” появились над горящим городом в сопровождении целого роя истребителей, и, пока бомбардировщики волна за волной громили пожарище фугасками, истребители с бреющего полета расстреливали толпы беженцев на всех ведущих из Дрездена дорогах, на мостах, на набережных и в городских парках, топили лодки и катера на реке»²⁸. Именно такой обстрел переживают Билли и его товарищи в романе Курта Воннегута: «И американские истребители вынырнули из дыма посмотреть — не движется ли что-нибудь вниз. Они увидели Билли и его спутников. Самолет полил их из пулемета, по пули пролетели мимо. Тут самолеты увидели, что по берегу реки тоже движутся какие-то люди. Они и их полили из пулеметов. В некоторых они попали»²⁹. Воннегут намеренно показывает дрезденскую трагедию глазами героя-аутсайдера: Билли попал на фронт, будучи помощником капеллана, попал в плен, не имея оружия, видел смерть, но не убил ни одного врага. Билли чужды мечты о героизме, фронтовом братстве, наградах; разбогатев после войны, он не дорожит своим богатством. Билли Пилигрим движим одним стремлением: понять, почему возможны трагедии, подобные уничтожению Дрездена.

Юрий Слепухин избирает принципиально иного героя в качестве свидетеля бомбардировки Дрездена: Людмила Земцева — самая рассудительная и вдумчивая из центральных героев военной

²⁸ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 449.

²⁹ Воннегут К. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей. С. 187.

тетралогии. Она вспоминает, что «когда-то, раньше, в прежней жизни, там, дома, ее считали рассудительной, даже рассудочной»³⁰. Сначала она объективно оценивает свое собственное состояние и приходит к выводу, что смерть Эриха и казнь профессора Штольница все же объяснимы и «картины мироздания не искажают»³¹, а вот «уничтожение Дрездена перевернуло для Людмилы все ее представления о человеке — и, следовательно, о мире, в котором приходится жить»³². Людмила вспоминает расстрел беженцев американскими истребителями и никак не может это «согласовать со своими представлениями о человеке вообще — человек не мог сделать такого. Такое мог бы сделать только убежденный фашист... идейный...»³³. Однако путь, который избирает Людмила, и пространственно, и идеологически противоположен пути, которому следуют беженцы из Дрездена: немцы боятся русских и хотят сдаться американцам, а Людмила идет навстречу своим. Путь, которым следует Людмила, возвращаясь в Дрезден, продиктован не только ее стремлением оказаться на месте трагедии, которую она сама уже оценивает как военное преступление, не только желанием вспомнить пережитое, чтобы убедиться в правильности своих заключений, но и стремлением найти других людей, не тех, которые бомбили Дрезден. Именно этим стремлением определяется идеологическая установка Людмилы — найти тех людей, которые не были идейными фашистами, которых Людмила идентифицировала в бомбивших Дрезден пилотах.

Но восприятие огненного смерча в Дрездене главными героями в обоих романах, выступая основной точкой зрения на событие, не является единственным. Первый уровень объективации точки зрения Людмилы и Билли Пилигрима выражается в репликах других героев, которые рассказывают о том же событии: охранника в романе «Бойня номер пять» и пострадавших дрезденцев в госпитале в романе «Сладостно и почетно». Следующий уровень создается путем введения бомбардировки Дрездена в более широкий исторический

³⁰ Слепухин Ю. Там же. С. 448.

³¹ Там же. С. 449.

³² Там же.

³³ Там же.

контекст. В романе Юрия Слепухина седьмая, заключительная глава, в которой описана бомбардировка Дрездена, открывается исторической преамбулой, рассказывающей, как союзники разрабатывают план воздушных налетов, выбирают цели для воздушных ударов, оценивают их результативность. Началом налета на Дрезден становится радиограмма, отправленная У. Черчиллем в Лондон третьего февраля 1945 из Ялты, когда он находился на встрече глав стран-союзников: «Удар грома — Дрезден — нападение немедленное»³⁴. В романе Воннегута подруга профессора Лили читает заявление Г. Трумэна о ядерной бомбежке Хиросимы. Таким образом, одно событие войны — бомбардировка Дрездена — осмысливается в обоих романах как часть военной истории, причем истории, управляемой главами государств, которые преследовали комплексные цели, отдавая военные приказы. Юрий Слепухин, сообщая о радиограмме Черчилля, показывает уже исполнителей приказа: английских пилотов, которым командир эскадрона объясняет боевую задачу. План бомбардировки Дрездена показан в романе Слепухина с двух точек зрения: глав государств, разрабатывающих стратегию и принимающих решения, и английского лейтенанта Топпера, который находит странным выбор целей, не затрагивающих «ни одного из объектов, имеющих военную ценность»³⁵. На уровне индивидуального человеческого восприятия сразу становится очевидной преступность плана бомбардировки Дрездена.

Курт Воннегут, уже воссоздавая исторический контекст события, прибегает к приему субъективации исторического опыта: он показывает восприятие исторического труда Дэвида Ирвинга «Разрушение Дрездена» (1964), предисловие к которому написали генералы Икер и Сондби, в отличие Ирвинга полностью оправдывающие бомбардировку Дрездена. Позиции обоих генералов близки позиции героя романа Воннегута — историка Рэмфорда, убежденного, что скудость информации о бомбардировке Дрездена вызвана «страхом, что во многих чувствительных сердцах может возникнуть сомнение, что эта

³⁴ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 425.

³⁵ Там же. С. 427.

операция была такой уж блестящей победой»³⁶. Герой Воннегута абсолютно игнорирует возможность гуманистической оценки события, обращаясь как к трагедии уничтожения мирного населения Дрездена, так и к судьбе Билли Пилигрима. Глядя на Билли, молчаливого и безучастного ко всему, Рэмфорд, его сосед в госпитале, вопрошает: «Почему они не дадут ему умереть спокойно? <...> Ведь он уже не человек. А доктора существуют для людей. Надо бы его передать ветеринару или садовнику»³⁷. Герой Воннегута косвенно подтверждает мысль Людмилы из романа Юрия Слепухина о том, что совершить деяние, подобное уничтожению Дрездена и расстрелу с самолетов беженцев, а также полностью и безоговорочно оправдать подобные деяния, мог только «убежденный фашист»³⁸, лишенный всего человеческого.

Юрий Слепухин обращается к исторической преамбуле перед тем, как показать в восприятии Людмилы бомбардировку Дрездена, устанавливая ее истинные причины и цели и таким образом исключая возможность оправдания ее «чудовищной, <...> но в то же время обдуманной, хладнокровно-рассчитанной жесткости»³⁹. Курт Воннегут, приводя примеры интерпретации бомбардировки Дрездена в трудах историков, приводит исторически осмысленные, от-рефлектированные суждения о налете на Дрезден, тем самым показывая события ретроспективно. Юрий Слепухин, напротив, создает эпическую перспективу, показывая, как политические цели становятся военной стратегией, а та, в свою очередь, планом конкретной военной операции, который реализуют исполнители. Путем введения ретроспективного исторического осмысления этого события и его полемического восприятия Билли и профессором Рэмфордом в романе Воннегута ставится под сомнение уверенность в обретении исторической правды, в возможности установления истины. Организуя повествование иным способом, Юрий Слепухин утверждает, что историческая истина одна и не может быть противоположна

³⁶ *Воннегут К.* Бойня номер пять, или Крестовый поход детей. С. 199.

³⁷ Там же. С. 198.

³⁸ *Слепухин Ю.* Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 449.

³⁹ Там же.

истине гуманистической, она и есть гуманистическая истина. Именно эта уверенность в том, что правда не может идти вразрез с человечностью, дает возможность героям Слепухина жить и действовать, тогда как отсутствие этой уверенности заставляет Билли Пилигрима искать спасения в вымышленных мирах, поскольку в той исторической эпохе, на той Земле, где проходит жизнь Билли, это невозможно. Трагедия Людмилы определяется враждебностью исторических обстоятельств, но вопреки бесчеловечным условиям, установленных режимом, ее спасает человеческое участие, забота и любовь — все то, что так и не встретил в жизни Билли. И даже в фильтрационном лагере генерал Николаев почти готов помочь Людмиле своим вмешательством. Более того, в романе Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» описывается смерть героя, в то время как в романе Юрия Слепухина «Ничего кроме надежды» смерть Людмилы не изображена.

В интервью (1973) Воннегут, отвечая на вопрос об участии американских самолетов в бомбардировке Дрездена, сказал: «Когда мы вступили в войну, мы знали, что наше правительство с уважением относится к жизни, оно делает все для того, чтобы не пострадали мирные граждане. Так вот, Дрезден с точки зрения военной тактики не имел никакой ценности — это был город мирных людей. Однако союзники бомбили его, пока он не сгорел и не расплавился почти полностью. А потом началась ложь. И нас это буквально ошарашило»⁴⁰. Именно это жестокое разочарование и в собственном правительстве, и в идеалах американского общества лишает героев Воннегута уверенности в том, что они сражаются на войне на стороне добра.

Герои Слепухина и Воннегута принципиально по-разному понимают смысл и цели жизни. Персонажи романа Воннегута после того, как их страна приняла участие в бомбардировке Дрездена — жестокой и ничем не оправданной бойне, — перестают осознавать эти цели, поэтому столкновение с чудовищной ложью и цинизмом собственного правительства обесмысливает их жизнь. Для героев

⁴⁰ Воннегут К. Интервью журналу «Плейбой» // *Он же*. Вампитеры, фёма и гранфаллоны / [пер. с англ. В. Миловидова]. М.: АСТ, [2017]. С. 263.

Юрия Слепухина участие в войне — необходимость, обусловленная их свободным выбором, который они совершают, руководствуясь только одной целью — отстоять свою Родину. Именно эта цель определяет их поведение, их нравственный поиск и размышления о смысле своего участия в войне, являясь отправным моментом осознания своей цели. Трагедия, переживаемая Людмилой после бомбардировки Дрездена, имеет иное содержание. Если причины отчуждения героя Воннегута от действительности во многом идентичны тем, которые обусловили феномен «потерянного поколения» после Первой мировой войны (обман собственного правительства, разочарование в государстве), то Людмила переживает разочарование в человеке и человечности вообще. Она не может понять, как согласуется с ее представлениями о человеке то истребление мирного города, которое она пережила вместе с другими дрезденцами: она «пыталась заставить себя смотреть на все другими глазами... Но других глаз у нее не было, были те самые, что видели гибель Дрездена»⁴¹. Более того, Людмила начинает осознавать, что не всех военных преступников удастся привлечь к суду: «Останется (не будет наказан. — Я. П.) тот, кто приказал бомбить Дрезден, останутся пилоты “мустангов”, которые развлекались, пуская ко дну лодки со спасшимися из огня детьми и женщинами...»⁴². И поэтому, пытаясь вернуть себе веру в человека, в то, что безнаказанных военных преступников не останется, Людмила идет по пути, противоположному бегущим немцам, она идет навстречу другим людям, к советским солдатам, которые не принимали участия в уничтожении Дрездена.

Выбор бомбардировки Дрездена 13–15 февраля 1945 в качестве кульминационного события в романе «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» К. Воннегутом и в романе «Сладостно и почетно» Ю. Слепухиным обусловил типологическую идентичность композиции романов, способа показа центрального события глазами героя — свидетеля и участника трагедии, — а также способов

⁴¹ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 448.

⁴² Там же. С. 453.

объективации восприятия героя через точки зрения других персонажей и через исторические свидетельства. С позиций человечности и справедливости оба писателя, создавая художественную интерпретацию исторического события, утверждают гуманистическое понимание этого события, транслируя его через восприятие главного героя. В романе Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» эта гуманистическая правда находится в оппозиции правде исторической, в романе Ю. Слепухина эта правда подтверждает ту точку зрения на историческое событие — бомбардировку Дрездена, — которая выступает ведущей в отечественной исторической науке.



ЕГОРОВА Людмила Петровна,
доктор филологических наук, профессор

**АВТОРСКАЯ ЛИРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
ТОНАЛЬНОСТЬ В ОЦЕНКЕ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ
НА КАВКАЗЕ И В СТАЛИНГРАДЕ
(РОМАН ЮРИЯ СЛЕПУХИНА «ТЬМА В ПОЛДЕНЬ»)¹**

Аннотация: В статье подробно рассматривается описание военных действий в романе Ю. Слепухина «Тьма в полдень» через призму лирико-публицистического повествования, характерного для всех романов «военной тетралогии» писателя. Цитируемые фрагменты романа дают представление об особенностях стиля и мировоззрения Ю. Слепухина, сложившегося в результате личного жизненного опыта и глубокого изучения исторических событий периода Великой Отечественной войны 1941–1945.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ю. Слепухин, русская литература, XX век.

Abstract: The article examines in detail the description of military operations in Yu. Slepukhin's novel "Darkness at Noon" through the prism of lyrical and journalistic narrative, characteristic of all novels of the writer's "military tetralogy". The cited fragments of the novel give an idea of the peculiarities of Yu. Slepukhin's style and worldview, which was formed as a result of personal life experience and in-depth study of the historical events of the period of the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: Great Patriotic War, Yu. Slepukhin, Russian literature, XX century.

Юрий Григорьевич Слепухин (1926–1998) провел отрочество и раннюю юность в Ставрополе в 1937–1942, что получило отражение

¹ Печатается по тексту, подготовленному для изд.: *Егорова Л. П.* Авторская лирико-публицистическая тональность в оценке военных событий на Кавказе и в Сталинграде (Ю. Слепухин. «Тьма в полдень») // Великая Отечественная война и некоторые проблемы современности: материалы VI-й ежегод. науч.-практ. конф. преподавателей, молодых ученых и студентов Северо-Кавказ. федеральн. ун-та «Университетская наука — региону», 19 апр. 2018 г., г. Ставрополь. Ставрополь: ИП Светличная С. Г., 2018.

в его художественном творчестве² и публицистике. Наиболее значительное его произведение, над которым, по независящим от него обстоятельствам, автор работал всю жизнь, — так называемая «военная» тетралогия: «Перекресток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почетно» (1985), «Ничего кроме надежды» (1988) — роман, вышедший в свет уже после смерти автора. Документальной основой тетралогии стали исторические отечественные и зарубежные источники, которые писатель, современник и участник событий, изучал (как свидетельствовала приезжавшая в 2017 в Ставрополь его вдова Наталья Александровна Слепухина) глубоко и всесторонне.

Предметом нашего исследования является лирико-публицистическая тональность (основная эмоциональная настроенность) второго романа тетралогии, где, помимо прочего, речь идет о битве за Кавказ и Сталинградской битве. И если тема оккупированного города Энска раскрывается в романе во всей сюжетно-композиционной полноте в связи с судьбами таких главных героев тетралогии, как Людмила Земцева, Татьяна Николаева, Володя Глушко, Сергей Дежнев; секретарь комсомольской организации школы, где учились действующие лица романа «Перекресток», Алексей Кривошеин, — то тема борьбы за Северный Кавказ и Сталинград в романе «Тьма в полдень» раскрывается как выраженная в лирико-публицистической тональности, как авторская идейно-художественная концепция тяжелого, кровавого пути к победе России в Великой Отечественной войне. С основной сюжетной линией тетралогии она связана лишь отчасти — через фронтовика Сергея Дежнева, жениха Татьяны Николаевой. Оставшиеся в Энке, в оккупации, герои могут лишь обсуждать новости с театра военных действий, узнаваемые с риском для жизни по тайно хранимым приемникам, и из немецкой военной прессы с поправкой на пропагандистскую вражескую ложь. Но их диалоги и раздумья органически связаны с лирико-публицистическим развертыванием исследуемой нами темы.

При этом следует учесть, что город Энск в тетралогии с ее пространственными лирико-публицистическими отступлениями о событиях

² См.: *Егорова Л. П.* Ставрополь Юрия Слепухина // Ставропольский хронограф на 2016 год: краевед. сб. / отв. за вып. З. Ф. Долина. Ставрополь: СКУНБ, 2016. С. 195–202.

на Северном Кавказе и на Волге во второй половине 1942 выступает не только в значимых ставропольских реалиях, но и украинских. Их источником были дорожные впечатления Ю. Г. Слепухина и, главное, почти годичное пребывание будущего писателя с января по ноябрь 1943 в городе Проскурове (сообщено нам Н. А. Слепухиной), с 1954 именованном Хмельницким. Как и Ставрополь, Проскуров стал прототипом вымышленного города Энска. Несмотря на столь различные географические координаты, такое художественно-обобщающее решение имеет традицию в истории литературы: «Крушение республики Итль» Б. Лавренева, «Горы и люди» Ю. Либединского и др.

В основе лирико-публицистической тональности в освещении событий на Кавказе и в Сталинграде, особенно ярко проявившейся в третьей части романа «Тьма в полдень», лежит контраст картин двух летних отступлений советских войск — в 1941 и в 1942, с акцентом на особой трагичности событий 1942. «Лето сорок второго года, — пишет автор буквально в первых строках, — останется в памяти многих как самый тяжелый, самый горький период войны. Во второй половине мая почти одновременно с Керченского полуострова и из-под Харькова двинулись наши армии в страшный путь своего второго летнего отступления. Где-то в конце этого пути был Сталинград, и каждый километр, пройденный теперь на восток, приближал войну к ее географическому пределу, к тому неведомому еще рубежу, откуда ей суждено было повернуть обратно, на запад. Но все это было пока в будущем...»³. Однако к этой теме автор романа обращается не впервые: об этом же он говорил еще во второй части романа, ставя вопрос о необходимости проанализировать причины, приведшие к повторению пути Красной армии летом 1941, и мы вначале приведем обширные фрагменты из второй части романа: «В причинах разберутся позже. Пройдут годы, и военные историки проанализируют ход операции беспристрастно и неторопливо, тщательно, как под микроскопом, отыщут и зафиксируют каждую ошибку, каждый просчет, каждый из тех бесчисленных факторов поражения, которые, наслаиваясь и громоздясь, погребают под собой детально разработанные планы успеха.

³ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1: Перекресток; Тьма в полдень. СПб.: Ладога, 2005. С. 738.

Но все это будет не скоро. Много раз зацветет и опять порыжеет курганная северодонецкая степь, много раз будет мокнуть под осенними дождями и каменеть от стужи политая кровью земля, год за годом растворяя в себе смертную человеческую плоть — и тех, кто шел ее завоевывать, и тех, кто отстоял ее ценою собственной жизни; забудутся имена, и сотрутся могилы, и успеют вырасти и стать отцами сыновья, не увидевшие своих отцов, и война станет достоянием Истории, и люди научатся говорить правду о том, что было и чего не было. Все это будет еще не скоро»⁴. А пока, как подчеркивает писатель, солдатам «прочитали приказ», — и это был не просто один из тех приказов, которых так много в армии, а сформулированная в сухих официальных словах самая жгучая, самая насущная потребность каждого из бойцов: «И они пошли в наступление, по-солдатски беспрекословно доверив свою судьбу и судьбу операции тем, кто планировал ее там, наверху»⁵.

Шаг за шагом автор освещает подробности этой трагической для Красной армии операции, сочетая информационность публицистики с лирическим реквиемом. Двенадцатого мая 1942 громада трех армий двинулась на Харьков с Барвенковского выступа, оставляя у себя в тылу сжатые в кулак дивизии фон Клейста. И этот кулак был уже занесен для удара. Цитируем далее: «Прорвав фронт в первые же часы наступления, наши стрелковые батальоны продвигались вперед в хорошем темпе, километров по десять в сутки. К вечеру третьего дня они достигли железной дороги Харьков — Днепропетровск, выйдя левым крылом под Красноград; казалось, нужно было сделать еще один рывок, перерезать дорогу на Полтаву и где-то западнее Харькова соединиться с войсками северной ударной группировки, наступавшей из района Волчанска.

Вгрызаясь все глубже в немецкую оборону, пехота растягивала и удлиняла мешок своего оперативного пространства, у суженной и пока еще открытой горловины которого неподвижно ждали своего часа немецкие дивизии.

На исходе третьих суток наступления мешок этот вытянулся в длину почти на полтораста километров. Стрелковые батальоны

⁴ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1: Перекресток; Тьма в полдень. СПб.: Ладога, 2005. С. 667.

⁵ Там же. С. 668.

продолжали идти вперед, ожидая, что вот-вот их поддержат мотомехчасти, но тех не было.

В самый критический момент операции командование не решилось ввести в прорыв танковые корпуса; оно сделало это днем позже, когда гибель танков уже не смогла предотвратить гибели пехоты. С этого момента вся южная ударная группировка была обречена на разгром.

Конечно, сами бойцы ничего об этом не знали. <...> И они продолжали идти вперед, как, впрочем, шли бы и в том случае, если бы сложившаяся к тому времени обстановка была во всех своих зловещих подробностях ясна каждому рядовому пехотинцу. Ничего другого им не оставалось, и они шли, теперь уже из последних сил прогрызая каждый метр обороны, четвертые сутки, и пятые, и шестые.

Семнадцатого мая, обессиленная и обескровленная, не дотянув до окраин Харькова двух десятков километров, южная ударная группировка подползла к своей последней черте, линии Чугуев — Мереха, чтобы вписать в историю войны одну из самых ее трагических страниц.

В это же утро на наш левый фланг обрушился бронированный кадет фельдмаршала Клейста. Он ударил по стыку двух армий рассчитанно и хладнокровно, как бьет насмерть хорошо тренированный убийца»⁶. (По официальным источникам, в Харьковском сражении 12–29 мая 1942 советские войска потеряли около 230 тысяч человек)⁷.

Это обширное историко-публицистическое отступление стало как бы кульминацией второй части романа «Тьма в полдень», кульминацией, раскрываемой далее судьбой Сергея Дежнева, оказавшегося с остатками своей роты в окружении: «Огненный вал перекатился через них и теперь бушевал дальше; а они, покалеченные и оглушенные, остались в немецком тылу, в окружении. Это понимал каждый, но пока у них в руках было оружие, еще можно было на что-то надеяться. Пробираясь вот так, степными балками, можно было рассчитывать, если повезет, выйти к Северному Донцу. Неизвестно,

⁶ Там же. С. 668–669. Днепропетровск — ныне Днепр.

⁷ См.: Великая Отечественная война, 1941–1945: события; люди; документы: крат. ист. справ. М.: Политиздат, 1990. С. 95.

конечно, в каком направлении продвигаются немцы и какова их цель — только ли срезать выступ южнее Харькова или сразу ударить через Донец на Купянск и Старобельск...»⁸.

Открывающее третью часть романа «Тьма в полдень» развернутое лирико-публицистическое отступление также содержит краткую историческую справку об основных этапах предшествующих событий. Писатель вновь вспоминает горькие уроки летне-осенней кампании 1941, богатырскую пробу сил под Москвой, сотни освобожденных от нацистов деревень, победу под Ростовом. Красная армия рвалась в наступление. Лирический накал повествования крепнет: «<...> за плечами армии стояла мощь огромной страны, готовой отдать все для фронта, все для победы. И войска ждали побед так же, как ждала их вся страна, уже не первый год жертвующая на оборону все до последнего»⁹. Однако сразу же следует признание горькой правды: «Но вместо побед начались катастрофы»¹⁰. Не боясь повториться (ибо речь идет о важнейших причинах летнего отступления в 1942), автор вновь напоминает о преступной беспечности в Крыму, об армиях, бессмысленно брошенных в барвенковскую мясорубку, что находит подтверждение в исторических трудах¹¹. И вновь звучит скорбная нота прощания с родной землей: «И снова, как прошлым летом (1941. — Л. Е.), пылили обозы по бесконечным дорогам, снова падали с дымного неба хищные осиные тела “мессершмиттов” и чертовой каруселью крутились пикировщики над переправами, заход за заходом всаживая фугасные пятисотки в ревущую мешанину людей, повозок, понтонов, обезумевших лошадей и машин. И снова, как в сорок первом, вытаптывая неубранную пшеницу, наперегонки с отступающими катилась к востоку меченная траурными крестами и геральдическим зверьем железная армада вторжения, и размолотый тысячами колес сухой чернозем гробовым покровом висел над нею в знойном воздухе, затмевая солнце.

В июле немецкие танковые авангарды вышли к границам Северного Кавказа. <...> Несколько ночей огромное багровое зарево,

⁸ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1. С. 672.

⁹ Там же. С. 738.

¹⁰ Там же.

¹¹ Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы... С. 94, 65.

видное в степи за много километров, освещало переправы последним уходившим через Дон обозам пятьдесят шестой армии, а с первыми лучами солнца этими же степными шляхами уже ревели, ныряя в пыли, серые немецкие бронетранспортеры»¹².

Лирическая тональность слепухинского повествования подчеркивается строгим перечислением трагических фактов с обозначением точных адресов, но подчиненных музыкальности слепухинской фразы: «Горела кубанская пшеница, горела майкопская нефть (неточность: в Адыгее горели только газовые месторождения. — Л. Е.), горели склады и элеваторы в Краснодаре, Армавире, Ворошиловске, горели эшелоны в Тихорецке и кукурузные поля под Моздоком»¹³. Для них главное то, что «захваченная земля была богата: стеной стояла осыпающаяся пшеница, в станичных садах под тяжестью плодов гнулись деревья, на каждой бахче танкисты останавливали машины и “пополняли боезапас”, с рук на руки — по цепочке — перекидывая в открытые люки огромные полновесные арбузы и продолговатые, источающие нежнейший аромат шероховатые дыни. В каждой хате можно было организовать и млеко, и яйца, и крепчайший шнапс домашнего изготовления. Все это было хорошо. Приятно захватывать такую землю, еще приятнее будет жить здесь после войны»¹⁴.

Однако авторская хроника военных событий на Кавказе остается ведущей: «В конце августа немцы вырвались на Военно-Осетинскую дорогу у Алагиря, подошли к Клухорскому перевалу, альпийские стрелки дивизии “Эдельвейс” подняли флаг со свастики на вершине Эльбруса. К этому времени шестая армия Фридриха Паулюса уже вела бои на подступах к Сталинграду»¹⁵. И писатель оценивает тактику советского командования в сравнении с вражеской: «Готовясь применить свою обычную тактику массированного удара танками и авиацией с немедленным вводом в прорыв моторизованных частей для быстрого рассеяния и ликвидации окруженных группировок противника, немцы сосредоточили на Нижнем Дону две танковые

¹² *Слепухин Ю.* Избранное: [в 5 т.]. Т. 1. С. 738–739.

¹³ Там же. С. 739.

¹⁴ Там же. С. 441–442.

¹⁵ Там же. С. 739–740.

армии. Их огромная ударная мощь должна была проломить ворота Северного Кавказа и где-то в Сальских степях, на местности, идеально отвечающей условиям наиболее успешного использования крупных бронетанковых соединений, с ходу покончить с раздробленными остатками советских армий Южного фронта. <...>

Именно теперь, во время второго летнего наступления немцев, впервые сошло на нет их тактическое превосходство над Красной Армией. Если под оперативным успехом понимать не только захват определенной территории, но и выведение из строя возможно большего количества живой силы и техники противника, то в этом смысле кавказская прогулка оказалась совершенно бесплодной... <...> На Северном Кавказе, имея перед собой великолепное оперативное пространство, многократно превосходя Красную Армию в насыщенности техникой и, следовательно, в подвижности, они не сумели осуществить ни одного успешного маневра на окружение»¹⁶.

В лирико-публицистических выступлениях Ю. Слепухина впечатляет параллелизм картин природы в экстремальную августовскую жару 1942 и остервенелого движения врага: «Стоял небывало жаркий август, потрескалась прокаленная солнцем земля, пересохли степные речушки и колодцы; и, словно обезумев от непривычного зноя, словно уже ясно различая впереди свой последний рубеж и стремясь достичь его как можно скорее, мчались по дорогам мотоциклисты с засученными рукавами и мотающимися поперек груди автоматами, в высоких кузовах “бюссингов” тряслись черные от пыли мотопехотинцы, равнодушно поглядывая на пролетающие мимо белые и зеленые станицы; <...> день и ночь шли курсом на юго-восток серые граненые танки — напролом, через пшеницу, через черные выжженные поля, через виноградники, через высокую — по смотровые щели — кукурузу, через ковыльные пастбища предгорий»¹⁷. Их манила, подчеркивает писатель, вторая по значению житница России, а еще дальше — нефть, марганец, молибден; впереди лежала дорога в Индию, великий исторический путь к Тихому океану.

¹⁶ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1. С. 740–741.

¹⁷ Там же. С. 739.

Но отступление Красной армии летом 1942 было иным по своему характеру, и автор исподволь отмечает приметы его новизны: «Русские отходили, оставляя за собой вполне мирный пейзаж, местами лишь немного подпаленный в суматохе; проезжая только что захваченными местами, штабные офицеры посматривали по сторонам недоуменно и немного разочарованно: они не видели ни сгоревших танков, ни кладбищ брошенной техники, ни медленно бредущих навстречу бесконечных колонн военнопленных — ничего из того, что год назад было примелькавшимися деталями украинского пейзажа»¹⁸. И вновь имеет место не собственно прямая авторская речь: «Плохо было одно: этот богатый, изобильный ландшафт сильно проигрывал без трупов его защитников. Раз не видно трупов — значит, защитники еще живы. Они были упрямы, они не давали себя убить, прятались, выжидали. Это было плохо. Это — с чисто славянским коварством — отравляло победителям вполне заслуженное удовольствие»¹⁹.

Сделав необходимые пояснения из зарисовки, писатель переходит к сравнительному анализу характера отступлений 1941 и 1942, что подтверждают следующие фрагменты романа: «<...> именно в трагических событиях второго военного лета опытный наблюдатель мог уже видеть безошибочные приметы того, что близятся сроки великого перелома, что наступательный порыв немцев уже иссякает и соотношение сил начинает постепенно изменяться в нашу пользу. Были потеряны огромные территории, неисчислимы материальные ценности, но войска не были разгромлены. Они отходили, как до известного предела отходит назад постепенно сжимаемая пружина.

Казалось бы, обе летние кампании — первая и вторая — протекали в равной мере успешно для противника. Но сходство было чисто внешним, и сами немцы это чувствовали. <...>

Да, лето сорок второго года было для нас тяжелым испытанием. Отступление наше не было планомерным и обдуманым “стратегическим сокращением фронта”, — это было отступление, навязан-

¹⁸ Там же. С. 741.

¹⁹ Там же. С. 742.

ное нам более сильным врагом, отступление трагическое, стоившее стране большой крови и больших слез. Но вспомним: до самого своего конца — до Волги, до кавказских перевалов — это отступление ни разу не превратилось в бегство. Тут сказалось все: и более трезвая оценка силы и слабостей противника, и накопившийся за год боевой опыт, и — главное! — все глубже и глубже проникавшее в душу каждого солдата сознание того, что отступить дальше некуда, и что если еще можно было убежать от немца за Днепр, то за Волгу уже не побежишь. Как бы тяжело ни пришлось. <...>

Нам трудно осознать, что сверхчеловеческий подвиг был совершен самыми обыкновенными людьми, огромной массой людей, ничем не примечательных, не наделенных от рождения никакими сверхчеловеческими доблестями. <...> Чудовищное давление вражеского нашествия создало в нашей стране те критические условия, при которых начала изменяться сама природа человеческих возможностей; и эти изменения становились все более глубокими по мере того, как с каждым километром, пройденным вторгшимися в страну пришельцами, острее и безжалостнее вставал перед нашим народом вопрос: быть или не быть Отечеству?

Непрерывно возраставшее давление достигло красной черты к концу второго военного лета. Такой смертельной опасности, такой явной и совершенно реальной угрозы вообще исчезнуть с лица земли Россия не знала и во времена татарского нашествия. В августе сорок второго года, когда дивизии Паулюса вышли к Волге, эту опасность уже чувствовали, видели и во всем ее страшном объеме понимали все — от простого колхозника до академика.

Это всенародное осознание нависшей над Родиной беды и было тем главным, что отличало второе военное лето от первого, *несмотря на внешнее сходство обстановки*²⁰.

Вывод о том, что изменился сам характер войны варьируется писателем неоднократно: «Война принимала совершенно новый характер, но немцы еще ни о чем не догадывались, ничего не замечали. Уже обреченные на разгром — самый беспощадный, самый тотальный из всех известных военной истории нового времени, —

²⁰ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1. С. 740–743. Курсив автора статьи.

они продолжали слепо рваться вперед, упиваясь своими последними победами и подсчитывая недели и километры, оставшиеся до триумфального завершения Восточного похода»²¹.

Публицистические раздумья автора подтверждаются через призму восприятия фронтовика Сергея Дежнева. За час до Нового года гвардии лейтенант Дежнев «вышибал немцев из какого-то казачьего хутора в степи западнее Тормосина <...> дрались отдельно за каждую хату, как придется и чем придется, от гранаты до кулака. С обеих сторон были люди, доведенные до отчаяния.

Люди в серо-зеленых шинелях, обмотанные поверх стальных шлемов бабьими платками и мешковиной, были уже полубезумны от всех ужасов второй зимней кампании. Они бежали, бросив позади триста тысяч таких же, как они, гибнущих в сталинградском “котле” <...> они видели, как свирепая донская вьюга заметала на обочинах скрюченные тела раненых и обессилевших, как бежали за машинами отставшие — бежали, выкрикивая мольбы и угрозы, плача, заклиная Христом, Мадонной и всеми святыми, бежали, ковыляя на отмороженных ногах, судорожно цепляясь за борта грузовиков черными от начинающейся гангрены руками, бежали вшивые и заросшие, в рвани и невообразимом тряпье, потерявшие человеческий облик, — бежали те, кто шесть месяцев назад под сверкающий гром оркестров чеканил шаг по европейским асфальтам, отправляясь в “великий крестовый поход” против большевизма.

Они хотели сейчас одного — вырваться отсюда...

А те, кто оказался у них на пути, люди в валенках и ушанках, одетые в шинели другого цвета и другого покроя, тоже были измучены и доведены до предела человеческих возможностей. Они уже несколько дней находились в наступлении, воюя в условиях, внешне мало чем отличающихся от тех, в которые они поставили своего противника. Главное, и едва ли не единственное, отличие состояло в том, что немцы бежали, а они шли вперед, шли по своей, отбитой у врага земле, и окрыляющее сознание победы помогало им переносить нечеловеческие трудности этого наступления.

²¹ Там же. С. 743.

Они шли вперед, гонимые собственным наступательным порывом»²².

В романе «Тьма в полдень» военная хроника поражений и побед в лирико-публицистических отступлениях и, прежде всего, ее информационная составляющая поданы сквозь призму морально-этической позиции автора-повествователя. Этот эстетический принцип манифестируется уже в самом начале романа — в начале первой его части, где дается общая оценка античеловеческой морали геополитики Третьего Рейха. В сюжетно-композиционном плане это тоже обширное лирико-публицистическое отступление (таким образом автор прибегает к таким отступлениям в каждой части). Самое первое лирико-публицистическое отступление в романе сопровождает первоначальную картину разрушительной, абсолютно несоразмерной с общими целями войны бомбардировки маленького мирного города. В этом отступлении дана психологически точная характеристика (ее следовало бы привести полностью, но мы ограничены рамками статьи) гитлеровских солдат, бездумно исправлявших под руководством фюрера, как ему казалось, несправедливость геополитики: «Бомбить, разрушать — было их профессией; и они исполняли ее добросовестно, по-немецки»²³. Остальное их, мастеров «массового и высокомеханизированного убийства» мирных жителей, не касалось. Они воевали со спокойной совестью. Мало того — они гордились своей ролью в этой войне, ролью захватчиков (а не защитников своего Отечества от нападавшего на них внешнего врага). «И может быть, — размышляет автор, — самое страшное заключалось в том, что они не были ни зверьми, ни садистами — эти здоровые и чистоплотные молодые убийцы, одетые в щеголеватую униформу германских воздушных сил. Многие из них даже не проявляли никаких особенно враждебных чувств к тем, кто умирал под их бомбами. Они были любящими сыновьями, мужьями, братьями; в свободное от полетов время они писали домой нежные письма, непременно вкладывая в каждый конверт

²² Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1. С. 821–822. Курсив автора статьи. Тормосин — хутор в Чернышковском районе Волгоградской (в описываемый период Сталинградской) обл.

²³ Там же. С. 439.

серебристый листок полыни или аккуратно засушенный цветочек, предавались сентиментальным воспоминаниям»²⁴.

Таким образом, в яркой антивоенной направленности всей телологии, столь созвучной умонастроениям человечества в XXI веке, лирико-публицистические отступления в романе «Тьма в полдень» также играют важнейшую роль.

В заключение подчеркнем, что оценками поражения гитлеровских захватчиков на Кавказе и в Сталинграде лирико-публицистические раздумья автора романа «Тьма в полдень» не заканчиваются. Они сопровождают сообщения о беспрецедентном полуторамесячном рывке Красной армии от Волги к Северному Донцу. Армия шла, как подчеркнул автор, с непрерывными боями более четырехсот километров по разграбленной и опустошенной земле, скованной жестокими январскими морозами; по земле, где не было ни хлеба, ни фуража, ни пристанища; и прошла эти четыреста километров «буквально на одном дыхании, не задерживаясь ни для отдыха, ни для восполнения потерь»²⁵. И хотя контрудар Майнштейна в марте 1943 отбросил линию фронта от Харькова, русские войска сумели вовремя и организованно отойти на левый берег Донца, избежав окружения, а позже была Курская дуга. Автор-повествователь вместе со своим героем понимает, что «немецкая война пришла к последнему своему рубежу, она издыхала здесь, на курских полях»²⁶.

Органически соединяя лирико-публицистические отступления с основным сюжетом романа «Тьма в полдень», посвященного жизни оккупированного города, автор не преминет сказать, что еще в конце января 1943 первые волны сталинградского отступления перехлестнули за Днепр и, разливаясь по Правобережью, докатились до Энска: «Фронт был еще далеко, немцы еще держались в Ростове, в Ворошиловграде (ныне Луганск. — Л. Е.), в Купянске, а через Энск, впервые с августа сорок первого года, днем и ночью шли войска. Только теперь они шли в обратном направлении <...>»²⁷. И гражданам Энска, до ко-

²⁴ Там же. С. 440.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 943.

²⁷ Там же. С. 825.

торых и раньше доходили какие-то слухи, в том, что видели теперь их глаза, сомневаться не приходилось. Эти страницы были написаны на основе лично увиденного писателем в Проскурове и радостно им пережитого, им, видевшим остатки не только немецких дивизий, но и итальянских, венгерских и румынских, разгромленных в излучине Дона: «<...> деморализованные ошметки воинства “Новой Европы” уходили в глубокий тыл — зализывать раны, отдыхать и переформировываться. <...> Отбросы войны стекали на запад через Энск, и жители, поглядывая на них с опаской и тайным злорадством, начинали понимать истинные размеры того, что произошло под Сталинградом <...> Видимо, действительно что-то необычайное должно было произойти на далеких берегах Волги, чтобы в таком виде вернулись сюда гордые “освободители”, еще недавно казавшиеся несокрушимыми в своей невиданной материальной оснащённости. Где-то там, в бурных степях Приволжья, горами железного лома осталась лежать под снегом грозная боевая техника, которая жаркими июльскими ночами шла через Энск, перемалывая гусеницами и колесами остатки асфальта на магистральных улицах, с заката до рассвета сотрясая воздух бешеным ревом двигателей. Где-то между Доном и Волгой легли в незавоеванную землю парни в черных, серых и зеленых мундирах — те самые, что несколько месяцев назад загоняли свои машины в эти дворы, мылись у этих колонок, весело ощипывали, шпарили и жарили “организованных” по дороге кур и поросят и обещали через месяц быть в Баку и на Урале. Да, что-то сломалось в немецкой войне, сломалось внезапно и непоправимо, в тот самый момент, когда она, достигнув высшей точки своего размаха, уже готовилась обрушить на противника последний смертоносный удар»²⁸.

В истории русской литературы XX века нет другого произведения, в котором такое же большое место занимали бы лирико-публицистические отступления, как в «военной тетралогии» Ю. Слепухина, и прежде всего это относится к роману «Тьма в полдень». В этом проявилось его своеобразие и особый характер синтеза художественности с исторической достоверностью.

²⁸ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1. С. 825–826.

Раздел VI
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ.
СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ



АНДРЕЕВА Екатерина Николаевна,
доктор исторических наук,
Крайст Черч, доцент при кафедре истории
Оксфордского университета
(Великобритания, Оксфорд)

РАЗБОРКА АРХИВА Н. Е. АНДРЕЕВА (1908–1982) ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРХИВА

Аннотация: В статье сообщается об архиве Н. Е. Андреева. В основном архив состоит из переписки Н. Е. Андреева на русском языке с друзьями и коллегами на Западе и по ту сторону «железного занавеса».

Ключевые слова: русская эмиграция, русская культура.

Abstract: N. E. Andreyev's archive is discussed. The archive consists largely of his Russian correspondence with friends and colleagues both in the West and behind the Iron Curtain.

Keywords: Russian emigration, Russian culture.

В 2019 году в Петербурге при издательстве «Дмитрий Буланин» вышло новое издание мемуаров Николая Ефремовича Андреева¹. В этих воспоминаниях рассказывается о жизни автора до приезда в Англию в 1948. Он считал, что не может быть объективен, рассказывая о жизни в Англии, и не собирался продолжать воспоминания. Его архив был сформирован после 1948 и состоит главным образом из русских писем и материалов.

23 марта 2020 из-за вируса Covid-19 населению Великобритании велели сидеть дома. Мы могли выходить только, чтобы купить продукты или же если вдруг понадобится срочная медицинская помощь, и еще можно было час в день прогуливаться для здоровья. Так как наша дочь нам запретила ходить по продовольственным магазинам и сама делала наши покупки, я выходила лишь затем, чтобы прогуливать нашу собачку. Погода была хорошая, рядом с нашим домом есть

¹ См.: Андреев Н. Е. То, что вспоминается: из семейн. воспоминаний / под ред. Е. Н. и Д. Г. Андреевых. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.

лесок, где можно было наслаждаться свежим воздухом и любоваться природой.

Но я также решила, что так как я волей-неволей сижу дома, то мне надо заняться делом, о котором я уже много думала, которым я время от времени занималась, но которое еще не кончила, а именно: разборкой архива моего отца. Мне ясно представлялось, что если я сейчас это не сделаю, то я действительно никогда этим не займусь как следует, а во-вторых, если я не займусь этим делом, то никто другой не будет в силах разобрать архив, который может оказаться интересным для тех, кто занимается культурой русской эмиграции.

Мой отец, Николай Ефремович Андреев, сохранил главную часть своей русской переписки, но держал все это в беспорядке. Отчасти это было потому, что он всегда был очень занят. По приезду в Англию он сразу начал свою научную деятельность и преподавание в университете, в первую очередь на военных курсах. Так как начиналась холодная война, многие боялись, что все это может превратиться в войну «горячую». В Англии готовились кадры переводчиков², и моему отцу дали разрешение на въезд в страну³, так как университет нуждался в его знании русского языка, которое должно было помочь в обучении таких переводчиков.

У Андреева было много разных научных сфер интереса; в историческом плане он занимался вопросами, связанными с эпохой Ивана Грозного в истории России. Он переписывался со многими учеными, как на Западе, так и в Советском Союзе. На Западе, например, он переписывался с Г. В. Вернадским (1897–1973), с византологом

А. А. Васильевым (1867–1953) и с М. Ю. Шефтелем (1905–1986). В Советском Союзе он знал Н. К. Гудзия (1887–1965), и у него была обширная переписка с Д. С. Лихачевым (1906–1999), а также он пере-

² См.: *Elliot G., Shukman H. Secret Classrooms: an Untold Story of the Cold War.* London: St. Ermin's Press, 2002; *Cash T., Gerrard M. The Coder Special Archive: the Untold Story of Naval National Servicemen Learning and Using Russian during the Cold War.* Surbiton: Hodgson Press, 2012.

³ См.: *Андреева Е. Н. Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помощь русским ученым эмигрантам // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013.* М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. С. 84–86.

писывался с искусствоведем В. Н. Лазаревым (1897–1976) и с историком и литературоведом Я. С. Лурье (1921–1996) среди многих других.

Литература его тоже занимала, и не только в историческом плане, но и в современном мире. Он был знаком со многими писателями Русского Зарубежья и переписывался с ними. Например, он был другом Л. Ф. Зурова (1902–1971)⁴, был хорошо знаком с Б. К. Зайцевым (1881–1972), А. М. Ремизовым (1877–1957), Ю. П. Иваском (1907–1986), И. В. Чинновым (1909–1996), Л. Д. Ржевским (1903–1986) и Г. А. Хомяковым (Г. Андреевым; 1910–1984)⁵. Он переписывался не только с поэтами и писателями, но также с критиками, литературоведами и журналистами Русского Зарубежья.

В Кембриджском университете он читал лекции по истории России Киевского и Московского периодов, а также по истории общественной мысли XIX и XX вв. Помимо этого, он вел семинары по Толстому и Достоевскому. К этому надо еще прибавить то, что он был научным руководителем аспирантов, которые занимались самыми разнообразными темами, и все они нуждались в его поддержке. Один аспирант потом вспоминал, и я его цитировала во введении к последнему изданию воспоминаний Н. Е. Андреева: «С какими бы трудностями аспирант ни сталкивался в своей научной работе, он всегда уходил от Николая Ефремовича, вдохновленный его любовью к литературе, к истории и жизни, испытывая необыкновенный творческий подъем»⁶.

Когда аспиранты ездили в СССР заниматься научными исследованиями, он всегда давал им советы и старался связать их с людьми, которые могли бы им помочь. Он письменно знакомился с их руководителями и учеными в Советском Союзе. И к тому же у него была молодая семья. Так что не удивительно, что у него не было времени

⁴ См.: «Только Вы поймете следующий текст...»: переписка Н. Е. Андреева и Л. Ф. Зурова / [под ред. Е. Андреевой, И. Белобровцевой]. Tallinn: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2013. (Балтийский архив. [Т.] XIII).

⁵ См.: Переписка Н. Е. Андреева и Г. А. Хомякова, 1952–1982 гг. (подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Н. Андреевой и П. А. Трибунского) // Диппичы: материалы и исследования / отв. ред. П. А. Трибунский. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2021. С. 346–506.

⁶ Андреев Н. Е. Указ. соч. С. 6.

для приведения в порядок своей переписки и архива. К концу жизни мой отец почти ослеп, и переписка, которая и так была в беспорядке, от этого не стала более организованной.

После смерти моего отца моя мать начала разборку писем, но это была довольно грустная работа, и моя мать была далека от ее завершения, когда она сама умерла. Мы с братьями продали семейный дом, и бумаги отца оказались в различных ящиках. Мне всегда было неловко, когда ученые и коллеги ко мне обращались с просьбой посмотреть какую-то переписку, а я знала, что она лежит в ящиках неразобранная. Так что недавнее заявление, что нам нельзя выходить из дому, было для меня кстати: оно дало мне возможность наконец-то привести архив моего отца в порядок. Я решила, что надо разобрать всю переписку по папкам, чтобы для каждого корреспондента была своя. Но в конечном итоге на каком-то этапе понадобились некоторые папки, куда я собирала письма от разных людей вместе, например, от разных членов одного семейства. Появилась папка с открытками от английских студентов, довольно объемное собрание приветствий от советских ученых, куда я также прибавила какие-то оттиски, ибо было ясно, что многие посылали оттиски своих работ, чтобы поддерживать контакт, даже если и не прилагали письма.

В этом деле мне помогало то, что до меня моя мать разбирала переписку, так что с некоторыми лицами было яснее, от кого были письма. Надо отдать должное моему брату, Михаилу, который, когда узнал, что я занимаюсь разборкой архива, напомнил мне о том, что у отца была привычка класть письма в книги, особенно если он переписывался с автором в определенный момент и писал именно о книге. И хотя я сначала считала, что будет нелегко с этим разобратся, в конечном итоге я нашла несколько пачек писем, которые лежали в книгах.

Во-вторых, сохранились адресные книжки разных периодов жизни моего отца в Англии, и, хотя эти адресные книжки бывали иногда довольно потрепанными, часто случалось, что я могла по адресу, имени и отчеству расшифровать, с кем велась переписка. Так как мой отец был очень общителен, многие из его друзей гостили у моих родителей, и я была с ними знакома. К тому же, когда я, будучи

студенткой, путешествовала, я часто встречалась в разных городах и странах со знакомыми моего отца.

В деле разборки писем помогает то, что помнишь людей или знаешь отчасти, о чем идет речь. Все тогда становится более ярким и интересным. Кроме того, мой отец был великолепным рассказчиком, и многих я знала по его рассказам, даже если я их лично не встречала. Конечно, очень помогал Интернет, где можно было проверить разные подробности, чего не существовало в то время, когда моя мать пробовала заниматься этим делом.

Переписка была очень важна для моего отца. В самом начале его жизни в Англии он чувствовал себя одиноким и отрезанным от русской жизни. В Англии мало кто интересовался русской жизнью и вопросами русской культуры, а он посвятил последней всю свою жизнь, и ему необходимо было общаться с людьми, которые его понимали. Так что переписка была большая. Он обменивался письмами не только со специалистами в академическом мире. У него была налажена связь со старыми школьными друзьями из Эстонии, многие из которых разъехались по всему свету. Также он поддерживал переписку с друзьями и знакомыми и коллегами из Праги, куда он поехал учиться в 1927 и где он работал до ареста советскими органами в 1945. Некоторые из них остались в Чехословакии. Например, Петр Николаевич Савицкий, о котором я читала доклад на Слепухинских чтениях в 2016⁷, жил в Праге, а другие знакомые уехали в разные страны.

Надо сказать, что при разборке корреспонденции выяснилось, что труднее всего было понять письма, которые касаются его школьных друзей, ибо в них ничего не объясняется: для переписывающихся уже все и так ясно, и к тому же они пользуются прозвищами, шутками, которые мне теперь не всегда понятны. Когда мне удастся расшифровать прозвище, я очень довольна! Здесь хотелось бы прибавить, что если вы хотите доставить удовольствие архивариусам или просто таким дочерям, как я, которые занимаются подобным делом, то вам надо всегда подписывать письма ясно и без сокраще-

⁷ См.: *Андреева Е. Н.* Архив Н. Е. Андреева: письма П. Н. Савицкого 1957–1968 гг. и «Стихи» Востокова // *Зарубежная Россия. XX век: Слепухинские чтения–2016*: тр. Международ. науч. конф. СПб.: Фонд Слепухина; Ладога, 2018. С. 322–340.

ний. «Твоя Ляля» или «твой Вася» не годится! Сверх того, надо писать дату полностью, и, в общем, надо было бы писать и адрес, чтобы впоследствии можно было без трудностей понять, кто пишет и когда. Но, например, у меня есть большая коробка писем Сергея Милича Рафальского (1896–1981), с которым мой отец познакомился в Праге, ибо они оба были членами литературного содружества «Скит», или «Скит поэтов»⁸. Сергей Милич переехал потом в Париж и писал оттуда о литературных делах моему отцу, но, к сожалению, почти никогда не ставил дату. Иногда мой отец писал на письме: «Получено такого-то числа», но я боюсь, что эти письма останутся в коробке все вместе, и будет довольно трудно установить, когда именно они были написаны.

Интересно, что столько всего сохранилось. Несмотря на беспорядок и переезды из разных квартир и домов, письма к моему отцу даже с самого начала его пребывания в Англии сохранились. Некоторые его друзья, которые после войны сидели в лагерях для Ди-Пи — лагерях для перемещенных лиц, — писали ему на очень плохой бумаге, и все-таки письма сохранились до сих пор. Мы часто говорим о том, что люди переехали жить в Новый Свет и при этом забываем, что этот процесс переезда может длиться очень долго. В письмах, например, С. А. Левицкого, философа, который учился в Таллине, но, в сущности, подружился с отцом в Праге, им описывается этот процесс, который очень долго тянулся и в течение которого он не знал, сможет ли он вообще переехать вместе со своей семьей или же когда это может стать возможным. Он пишет из лагеря под городом Бремен: «Сегодня исполнится месячный юбилей нашего сидения. Сама наша поездка в Америку становится проблематической, вернее, сомнительной, или, еще вернее — фиктивной». А дальше он объясняет: «Главное, конечно, не в этом, а в гнетущем психологическом состоянии полной неизвестности, неопределенности и беспомощности».

Самым старым и самым близким школьным товарищем Николая Ефремовича Андреева был К. И. Гаврилов, биолог, который уехал в Аргентину из Праги в 1938. Его вылет из Чехословакии был задержан

⁸ См.: «Скит». Прага, 1922–1940: антол.; биографии; документы / [вступ. ст., общ. ред. Л. Н. Белошевской; сост., биографии Л. Н. Белошевской, В. П. Нечаева]. М.: Рус. путь, 2006.

из-за полета британского премьера Чемберлена, который летел в тот момент в Мюнхен для переговоров с Гитлером, но это выяснилось позднее. В своих ранних письмах Гаврилов старался утешать Андреева, ибо, видимо, Андреев ему писал, как трудно ему приходится в Англии. Я опубликовала часть писем Гаврилова моему отцу при содействии М. Ю. Сорокиной⁹, и, хотя мы пока еще не нашли письма Андреева Гаврилову, с помощью Интернета нам удалось связаться с сыном К. И. Гаврилова Игорем Константиновичем, и мы встретились с ним в Москве в мае 2019. Когда могла, я связывалась с детьми и внуками друзей моего отца, чтобы уточнить данные о месте пребывания, даты рождения и смерти или другие важные подробности.

У меня теперь стоит на полках несколько метров папок писем моему отцу, организованных в алфавитном порядке по имени писавшего человека. К тому же у меня есть целая серия коробок, отведенных под материалы тех, от кого приходило много писем, а также есть коробки для бумаг под разными другими наименованиями: например, черновики публикаций или неоконченные работы. Папка тех писем, где пока что невозможно определить автора, небольшая, и мне кажется, что большинство не совсем ясных писем — это письма от его английских студентов и учеников. Я собираюсь еще раз пересмотреть все папки, чтобы убедиться, что материалы распределены правильно. Я обнаружила, что, например, письма Флоровских, т. е. отца Георгия Флоровского, который жил в США, и его брата, профессора Антония Васильевича Флоровского, который остался в Праге, были в одной папке. Теперь они уже находятся в двух разных папках, как и должно быть. Существуют и другие академические братья, например, Зеньковские, где возможна маленькая путаница, но, в общем, я довольна. Мне гораздо яснее теперь, что представляет собой на сегодняшний день хранимый мной архив отца и что мне еще предстоит сделать.

⁹ См.: Российские ученые в Южной Америке: письма зоолога К. И. Гаврилова историку Н. Е. Андрееву (1948–1980) / предисл. Е. Н. Андреевой, М. Ю. Сорокиной; подгот. текста А. А. Жидковой; коммент. Е. Н. Андреевой, Н. Ю. Масоликовой, М. Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 608–652.

Я обнаружила, что у меня есть письма, написанные моей бабушке, Екатерине Александровне Андреевой, которая жила у нас с ноября 1958, когда она приехала к нам из Эстонии, по февраль 1961, когда она умерла. Мне еще предстоит просмотреть эти письма, и я надеюсь, что они мне помогут выяснить разные подробности о старых семейных друзьях, о которых я мало что знаю. В то же время среди бумаг моего отца я нашла с десяток послевоенных публикаций, часто печатавшихся под псевдонимом в разных эмигрантских изданиях; эти публикации не были включены в библиографии работ моего отца. Так что мне предстоит их тоже внести в список его трудов. Я очень рада, что мне наконец удалось навести некий порядок в сохранившихся отцовских бумагах, и я надеюсь, что мой труд также принесет пользу тем, кто интересуется Русским Зарубежьем и вопросами русской культуры.



АРРО Светлана Ефимовна,
независимый исследователь
(Германия, Франкфурт-на-Майне)

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ТОЧКА ОПОРЫ»:
«ДЕТИ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. СУДЬБЫ И ТРАГЕДИИ»¹.
СУДЬБА ВДП: ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА ПОРЕМСКОГО**

Аннотация: Небольшая презентация книги автора, посвященной судьбам членов Народно-Трудового Союза, в прошлом — Национально-Трудового Союза (НТС).

Ключевые слова: тетралогия, репатриация, саботаж, конспирация, переводчик, химик, Первая волна эмиграции, мемуары, мотоцикл.

Abstract: A small presentation of the author's book dedicated to the fate of members of the People's Labor Union, former National Labor Union (Narodno-Trudovoi Soiuz, former Natsional'no-Trudovoi Soiuz).

Keywords: tetralogy, repatriation, sabotage, conspiracy, interpreter and translator, chemist, First wave of emigration, memories, motorcycle.

Замысел этой книги родился при знакомстве с уникальными русскими людьми, которые пригласили меня в свой Штаб-клуб во Франкфурте-на-Майне в середине

1990-х. Это случилось вскоре после моего приезда в Германию, в Висбаден. Первым знакомством с Германией было посещение русского кладбища в Висбадене, я сразу же была им поражена, потому что это кладбище — сама История России. Поразил Новый участок кладбища, на котором покоятся вместе с прочими около 50 членов антисоветской организации НТС. Взволновала Братская могила солидаристов, как называли себя люди, ставшие взрослыми, а затем и состарившиеся в Европе. Почти у всех были двойные или тройные конспиративные имена, которые я увидела впервые обозначенными на Братской могиле.

¹ См.: Арро С. Точка опоры: «дети» рус. эмиграции; судьбы и трагедии: фрагменты истории Нар.-Трудового Союза росс. солидаристов (НТС) и его изд-ва «Посев». Франкфурт[-на-Майне]: Посев, 2020. — 698 с., ил. Изд. напечатано в г. Чебоксары.

Кто эти люди? Что делали? Как жили? Меня взволновали вопросы, которые я задавала себе, а потом оставшимся членам НТС. Многих я застала в живых. Они увидели мой интерес и доверились мне, когда я начала собирать материал для книги об НТС.

Книга собиралась и писалась 12 лет. В ней две неравные части: часть I «Краткая история “нового тайного ордена” НТС» и часть II «Судьбы и биографии» — 13 глав, посвященных биографиям наиболее крупных и ярких членов организации. Когда книга была закончена, ее боялись печатать еще 8 лет. Всячески оттягивали. Находили экспертов, которые уточняли многочисленные цифры. И вот наконец через 20 лет книга появилась. Это «кирпич» в 50 авторских листов, даже после некоторого сокращения. Держу в руках свою книгу и поражаюсь: неужели это я ее написала?

Мои герои — так называемая Первая волна эмиграции. Они были детьми или подростками, приехавшими или бежавшими с родителями, которые сидели на чемоданах и ждали конца революционных бед. Подростая за несколько лет молодежь решила действовать, бороться за Россию, о которой тосковали родители. В 1930 в Белграде они создали молодежную организацию «Национальный союз русской молодежи», которую после нескольких переименований в результате назвали Народно-Трудовой Союз солидаристов, кратко — НТС. Их кредо во время Второй мировой войны было продуманным: против Сталина и против Гитлера, за справедливую Россию. Через полвека с лишним вовсю уже гремела перестройка. НТС счел себя частью благодатных перемен.

Как человек, восторженно принявший перестройку начального периода, я вовсе не собиралась уезжать из России, но, полные любознательности, уехали дети. Я приехала к ним в гости в начале 1990-х, когда в Ленинграде — Санкт-Петербурге появились карточки, а с ними — громадные очереди в магазинах. Поэтому убежавших остроумно назвали колбасной эмиграцией. Я осталась в Германии с детьми. И с русским кладбищем, с русской церковью, и с прекрасными русскими людьми — членами НТС, многие из которых родились в Европе, но по-русски говорили изумительно хорошо, чище и лучше, чем многие приехавшие из России. На моих глазах они ста-

ли уходить из жизни. Вскоре я стала разбирать весьма большую библиотеку НТС. Приезжала из Висбадена во Франкфурт, где находился прежний главный штаб и издательство «Посев», уже переехавшее в Москву. Первыми моими знакомцами были Андрей Редлих, Михаил Славинский, его жена Татьяна Славинская, Ярослав Трушнович и еще несколько человек, которые рассказывали об организации и о себе. А я начала записывать их воспоминания.

Многие говорили мне о послевоенном председателе НТС, называя его за глаза ВДП: Владимир Дмитриевич Поремский (1909–1997). Думаю, не все знают этого яркого человека, судьбу которого хочу представить.

Когда в 1930 в Белграде создавался Национальный союз русской молодежи (с конца 1931 — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения; в дальнейшем для краткости я буду пользоваться позднейшей аббревиатурой: НТС), ВДП отсутствовал: сдавал экзамены в Сорбонне, будучи секретарем Союза молодых химиков; с 1934 он лидер французского отдела НТС. В 1930-е активность НТС окончилась клубком неприятностей. Поремский приезжал в Ригу к будущей жене Татьяне Рожанской, брат которой Георгий Рожанский погиб при темных обстоятельствах связи с РОВСом, с так называемой «внутренней линией» и «Братством Русской Правды», о чем подробно рассказал в одноименной книге профессор Петр Николаевич Базанов². РОВС надеялся на обновление Белого движения и ставил военные задачи, привлекая молодежь из НТС. Большевики в ответ создали контрплан уничтожения белых под названием «Трест». Фильм с таким названием многие помнят. В результате погибли люди, а НТС отодвинул и запретил террор как метод, перейдя на историко-политическое образование ради будущих действий и надежд.

Поремский совмещал политико-освободительную деятельность с научной. Он окончил в Европе три химических института и стал высококлассным и известным ученым. В довоенные годы Поремский вместе с женой осуществил единственный террористический акт: поджег в ангарах советские самолеты, готовые бомбить

² См.: Базанов П. Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013.

Испанию. Нам, бывшим советским, трудно оправдать эти действия, так как многие из нас поддались романтике Испании. Как забыть: «Над всей Испанией безоблачное небо!» и «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» А как мы жили? Как раз «на коленях». Наши иллюзии таяли постепенно.

Идея и кредо НТС были четки: «Ни Сталина, ни Гитлера». Это и был так называемый «третий путь». Молодежь НТС России не знала, и уже в 1930-е она начала пробираться в Россию, что было опасно, и многие погибли. А в 1941 уже все горело желанием попасть на оккупированную часть России. Позднее ВДП вспоминал: «Стремление идти в Россию охватило все союзные кадры. Множество из нас устремилось в Россию — правдами и неправдами; ехали по линии различных немецких фирм; немцы брали для работ инженеров, землемеров, других спецов. Гестапо путем арестов проверяло, действительно ли мы антикоммунисты. Я прошел ряд допросов в Париже, а в августе 1941 г. отправлен в Берлин под полицейский надзор. Руководство Союза находилось в Берлине. Гестапо подозревало, что, несмотря на запрет, белые русские проникали в Россию. Постепенно гестапо по допросам и сведениям накапливало информацию о деятельности НТС в лагерях, где мы в среде остарбайтеров и военнопленных вели пропаганду за создание независимой русской силы; поступали сведения о наших контактах с призывами: «Ни немцев, ни большевиков!», «За родину, на Сталина!». Вот тогда и начались повальные аресты членов НТС. Это были уже 1943–44 гг.»³.

Сильные позиции НТС имел в двух лагерях под Берлином — в Вустрау и Дабендорфе. Там готовили кадры для «независимой русской силы», армии генерала Власова. Она так и не возникла из-за яростного сопротивления Гитлера, боявшегося вооружить русских. НТС давал для лагерей в военнопленных программы обучения со своими целями. ВДП числился в Вустрау старшим переводчиком. НТС собрался в Берлине, о целях умалчивали, и, как антикоммунисты, они играли в прятки с немецкими властями. Руководил подпольной сетью НТС на оккупированных землях Георгий Околович, занимавший пост транспортного начальника при смоленском бургомистре

³ *Поремский В.* Долгий путь // *Посев.* 1984. № 4. С. 42.

Меньшагине. Околович и Поремский лавировали между немецкими властями и населением. Случаев выдачи не было.

На мой взгляд, их спасала вера. В подавляющем большинстве они православные. В этом глубинная внутренняя причина долголетия НТС. Была и внешняя: у них было немало немецких друзей, которые умело саботировали нацистские приказы и не раз вытаскивали «этих русских» из трудных положений. Это была немецкая оппозиция фюреру, его намерениям по отношению к СССР. Так называемое Восточное министерство приняло на работу большое число членов НТС в качестве переводчиков, не зная их истинной цели. А на руководящих постах сидели прибалтийские немцы, эмигранты из России времен Первой мировой войны. Работа членов Союза без них была бы невозможна. Министр Розенберг не представлял, что делалось у него под носом. Он тоже был прибалтом, но в семье не без урода. Новые возможности опрокидывали нацистские установки. Восточное министерство приступило к тайному отбору русских военнопленных для занятий различных постов на оккупированных землях. В комиссию попали члены НТС. Шкурников и стукачей отметали. Петр Столыпин (сын) считал, что эти военнопленные — не изменники, а русские патриоты, тайные помощники России. Хотя все, жившие «под немцами», зачислены были после войны в изменники Родины. Около 5 млн человек, у которых не было выбора... — изменники?

В это время в 1942 в лагерях появилась книжка, которую тайно распространяли солидаристы: «Европа и душа Востока». Автор — немец, Вальтер Шубарт. Книжка давала пленным моральную надежду. Кто же нашел уникальную книжку и перевел на русский? Все тот же ВДП, герой НТС⁴.

До сегодняшних дней жив неразрешенный вопрос: кто они, военнопленные... предатели родины, враги — или брошенные родной солдат? Обыватели, неудачники? Об отдельных людях судить

⁴ В «Хронологическом указателе изданий “Посева”, 1945–1995» отмечено 3-е изд. книги В. Шубарта «Европа и душа Востока» в «сокр. пер. с нем. В. Востокова (В. Васильева)», вышедшее в 1947 (125 с.); указано и ротаторное 2-е изд. 1946 (84 с.); при этом о первом «посевоком» издании на русском языке информации нет (см.: Свободное слово «Посева», 1945–1995 / [сост. М. В. Горбаневский]. М.: [Посев], 1995. С. 158). — *Ред.*

можно. А о целом народе — как? Россия пережила немало войн, но русские не отрекались от родины. Ни при каких царях. Или таковы были исключительные единицы. В немецком окружении русских в 1941 кто-то спрашивал: куда идем, за колхозы? Люди в ответ бросали оружие и сдавались в плен. Как их называть? Пленным и оstarбайтерам на помощь пришел НТС (максимум 2 тысячи человек) — это кучка предателей? Это люди, в абсолютном большинстве любящие родину, желающие видеть ее свободной, не колхозной, не коммунистической. Еще острее ставил этот вопрос член НТС философ Роман Николаевич Редлих, один из руководителей организации. Его вывод: нет никаких предателей. Есть брошенные и преданные властями СССР люди. Кстати, первым об этой коллизии сказал литератор и географ Павел Полян в книге «Жертвы двух диктатур»⁵.

В 1944 руководство НТС попало в гестапо, в тюрьмы. Поремский был приговорен к смертной казни, но предчувствие катастрофы заставляло немецких следователей тянуть время. На стороне заговорщиков графа Штауффенберга были Гелен и казненные вскоре Ренне и Тресков. Планам Гитлера сопротивлялись Бок, Браухич, Канарис, Гальдер и многие неназванные немцы. Среди них были и настоящие друзья НТС: капитан Штрик-Штрикфельд, его заместитель Деллингсхаузен, лейтенант Краузе, руководитель лагеря Вустрау Кнюпфер, руководитель отдела Восточного министерства Георг Лейббрандт, барон Дельвиг. Их поддержкой была прежде всего невыдача. Из тюрьмы их освободил ультиматум генерала Власова. Позднее ВДП писал, объясняя сложность ситуации: «С одной стороны, мы были антикоммунисты, с другой — русские патриоты». Г. Лейббрандт в форме гитлеровского партийца, встетившись с Поремским, сказал: «Владимир Дмитриевич, мысленно снимите с меня эту форму и будем говорить на равных». Нерассуждающее большинство уверено, что немецкую форму может носить только враг. А как же героические внедренные советские разведчики?.. Так кто же они, солидаристы НТС, герои или предатели? Конечно, знак равенства здесь вроде бы не подходит, но... если посмотреть глубже? Задачи были близки.

⁵ См.: Полян П. Жертвы двух диктатур: оstarбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. С. 48. В 2002 вышло 2-е изд., перераб. и доп., с изменен. подзаг.

Только вернувшиеся после войны солидаристы нередко получали 10 лет за измену Родине и клеймо «власовца». В немецких тюрьмах ВДП оставался верен себе. Вышел через два года больным в 37 лет. Врачи НТС его выходили.

Так кончалась самая страшная в истории человечества война: бра-
вурная музыка духового оркестра и всеобщая радость! Английский историк Кит Лоу написал серьезное исследование об этом страшном периоде. Автор предупреждает: кто считает конец войны радостью и ликованием, пусть не читает его книгу, исполненную правды, и остается в счастливом неведении. Автор ведет читателя по кругам ада. Лоу называет наивными мнения историков и государственных деятелей, которые считают, что после войны в странах Европы произошло историческое чудо, что Европа восстала из пепла. Его аргументы: «После войны волны мщения и возмездия прокатились по всей Европе. 10 млн мужчин, женщин и детей изгнаны из своих стран в ходе жесточайших этнических чисток. За сплошными руинами бывших городов многим авторам воспоминаний виделось большее: человеческая и нравственная катастрофа. Невозможно подсчитать с какой-либо точностью число погибших. Несмотря на празднества, Европа представляла собой место траура»⁶. Несмотря ни на что, за этими горькими словами следуют слова о надежде: надежда воскресила континент и позволила ему вновь подняться.

Интересен параллелизм между мнением английского аналитика и полным печали заключительным романом «военной тетралогии» бывшего члена НТС, писателя-реэмигранта Юрия Слепухина, названным в том же ключе: «Ничего кроме надежды». Увы, полностью тетралогия не переведена на иностранные языки, только роман «Сладостно и почетно», вышедший в Германии (ГДР)⁷. Эти четыре романа: «Перекресток», «Тьма в полдень», «Сладостно и почетно», «Ничего кроме надежды» — наши «Война и мир», лучшая панорамная русская эпопея о Второй мировой войне. Недостаточная извест-

⁶ Лоу К. Жестокий континент: Европа после Второй мировой войны / [пер. Л. А. Карповой]. М.: Центрполиграф, 2013. С. 20.

⁷ См.: *Slepuchin J. Tage des Zorns, Tage der Liebe: Roman* / [ins Dt. übertr. v. G. Jäniche]. Berlin: Verl. Neues Leben, [1988].

ность писателя имеет подковерные причины, объясняемые одним словом: реэмиграция. Или репатриация. Не пора ли разрубить заколдованный круг?

А Поремский после войны стал председателем НТС. Правда, не сразу члены НТС пришли в себя: два года они искали друг друга, учились, лечились, начали получать американскую помощь. Открыли издательство «Посев». ВДП повернул вектор НТС к мирному образованию и создал Книжный проект. Это знакомый всем Тамиздат.

Поремский и Слепухин не смогли лично познакомиться, география не позволяла. Оба были председателями двух разных по масштабу послевоенных групп НТС.

Трагедией организации стала смерть сына ВДП Алексея Владимировича Поремского. Он был невероятно талантлив, в отца. Звездный мальчик, член НТС, окончивший гимназию в лагере, потом три университета: Сорбонну, Гейдельберг, Франкфурт. Был учеником знаменитого философа Т. Адорно. Вскоре после женитьбы убит врагом, подпилившим ручку его мотоцикла. Об этом страшном факте в 2013 мне сообщила по телефону вдова Алеши Поремского Ольга Игоревна Троянова, дочь лозаннского протоиерея.



МАЖАРА Петр Юрьевич,

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

Центра изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера»

Российской национальной библиотеки

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ В ФОНДАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА¹

Аннотация: В последние годы в Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ) поступили материалы из коллекции общества «Родина». Эти материалы сохранились и дошли до наших дней благодаря деятельности Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке. Практически все документы, собранные моряками-эмигрантами, несут на себе отблески разгоревшегося из революционных искр пожара Гражданской войны.

Ключевые слова: русская военно-морская эмиграция, Общество офицеров Российского Императорского флота в Америке, история архивов, РГАВМФ, история революции и Гражданской войны.

Abstract: In recent years, the Russian State Naval Archives (RSNA) has received materials from the collection of the 'Rodina' ("Homeland") society. These materials have been preserved and survived till our days thanks to the activities of the Society of Officers of the Russian Imperial Navy in America. Almost all the documents collected by emigrant sailors bear the reflections of the fire of the Civil War that flared up from the revolutionary sparks.

Keywords: Russian naval emigration, the Society of Officers of the Russian Imperial Navy in America, archive history, the Russian State Naval Archives (RSNA), history of Russian revolution and Civil War.

Материалы по истории эмиграции, которые поступали в Российский государственный архив Военно-Морского Флота в последнее время, в основном сохранились и дошли до нас благодаря деятельно-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 19-09-00081).

сти Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке. Общество было учреждено 11 мая 1923 в Нью-Йорке группой русских эмигрантов — бывших морских офицеров, среди которых особенно выделялся георгиевский кавалер капитан 1 ранга Михаил Александрович Китицын. До 1953 организация так и называлась «Общество бывших русских морских офицеров в Америке», а с 1953 возникло название «Общество офицеров Российского Императорского флота в Америке». Именно события Второй мировой войны существенно способствовали тому, что организация активизировала свою работу по собиранию исторических документов. В 1943 Обществом была учреждена историческая комиссия во главе со старшим лейтенантом Сергеем Владимировичем Гладким (1886–1966).

Толчком к созданию комиссии послужило прекращение деятельности Военно-морского исторического имени адмирала Колчака кружка в Париже, который до Второй мировой войны и оккупации Франции имел реноме ведущего историко-интеллектуального центра русской военно-морской эмиграции. С 1940-х, когда дальнейшая судьба эмигрантских архивов в Европе оставалась неясной, началось формирование собственного архива исторической комиссии. Исторические документы и мемуары публиковались на страницах журнала «Морские записки», который также был учрежден в 1943. О поступавших в архив материалах регулярно сообщалось в «Бюллетене Общества бывших русских морских офицеров в Америке», выходявшем еще с 1934².

В течение долгого времени архив исторической комиссии хранился на частной квартире С. В. Гладкого в Нью-Йорке. В 1963 было заключено соглашение с культурно-просветительским и благотворительным обществом «Родина» (организация русских эмигрантов, возникшая в США в 1954³) об обустройстве музея, архива и библиотеки Общества офицеров Российского Императорского флота

² Из публикаций в «Бюллетене...» следует, что архив фактически начал складываться еще до 1943. В 1935 при Обществе открылась библиотека, основой которой стало книжное собрание М. С. Стахевича, присланное из Праги. Но систематическая работа по собиранию архива началась именно в 1943.

³ См.: Муромцева Л. П. Военные музеи и музейные коллекции российской эмиграции // Вопросы музеологии. 2014. № 2. С. 60.

в Америке в Лейквуде (штат Нью-Джерси) в здании, находившемся в собственности общества «Родина». Там 12 ноября 1967 был торжественно открыт объединенный Национально-исторический музей. Коллекция, собранная С. В. Гладким и его соратниками, стала основой для отдельного подразделения — Русского морского музея имени адмирала Степана Осиповича Макарова. Такое название было не только данью уважения памяти выдающегося моряка, исследователя и ученого, но и памяти его сына, Вадима Степановича (1892–1964), ревностного деятеля общества, обеспечившего, в частности, финансовую поддержку обустройству музея⁴.

В 1990-е началась передача материалов, собранных в музее общества «Родина», в Россию, что и должно было произойти, согласно уставу Общества, после падения власти коммунистов⁵. Однако сохранить при этом единство сложившихся архивной, библиотечной и музейной коллекций не удалось. некогда единое собрание оказалось рассредоточено по нескольким учреждениям культуры (Центральный музей вооруженных сил, Центральный военно-морской музей, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Центральная военно-морская библиотека, Российский фонд культуры и др.)⁶.

В РГАВМФ документы поступали при посредничестве различных структур и лиц в несколько этапов: в 1999–2004 были приняты на хранение документы, переданные Российским фондом культуры и Н. П. Рождественской; в 2005–2010 поступила большая часть документов при посредничестве Росархива и Росохранкультуры.

Материалы, переданные в 1999–2004, были описаны П. В. Петровым и составили опись № 1 фонда Р-2246 «Материалы по истории флота, поступившие из-за границы. Коллекция» (190 единиц хранения). В настоящее время завершаются работы по научному описанию

⁴ Участник Белого движения в Сибири, служивший у адмирала А. В. Колчака, в США В. С. Макаров сумел раскрыть унаследованные им от отца таланты изобретателя и основал свое предприятие, обслуживавшее нефтяную промышленность США и имевшее немалый коммерческий успех.

⁵ См.: *Леонидов В. В., Землякова О. К.* Княжна Вера Константиновна и общество «Родина» // Княжна Вера Константиновна: к 100-летию со дня рождения. СПб., 2007. С. 91.

⁶ См. подробнее: *Муромцева Л. П.* Наследие русской эмиграции: возвращение на Родину // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 185–187.

большей части материалов, поступившей позднее, составлена опись № 2 к фонду Р-2246 (более 500 единиц хранения). В число этих архивных документов входят материалы деятельности общественных организаций (это как собственно Общество офицеров Российского Императорского флота в Америке, так и другие организации — упоминавшийся уже Военно-морской исторический имени адмирала Колчака кружок в Париже, некоммерческая организация «Humanity Calls» («Человечество взывает»), Кают-компания в Праге, Харбинский кружок морских офицеров, Общество любителей русской военной старины, Русское историко-родословное общество в Америке, Русско-американская антикоммунистическая лига). Значительный массив документов составляют документы личного происхождения, присылавшиеся в Общество морскими офицерами. Пожалуй, большую часть документов составляет переписка, которую вели в эмиграции русские морские офицеры. Это более 2000 писем общим объемом более 5000 листов, а также фотографии морских офицеров и кораблей (в основном Российского Императорского флота) — около 6000 кадров.

Практически все документы, собранные моряками-эмигрантами, несут на себе отблески разгоревшегося из революционных искр пожара Гражданской войны. Ведь сама специфика феномена русской эмиграции (иными словами, зарубежной России)

в XX веке определяется расколом общества вследствие революционных процессов. Если обратиться к 1917 как к «прологу» Гражданской войны, то стоит отметить свидетельства архивных документов, обнажающих трагедию непонимания между представителями офицерской корпорации и нижними чинами. Некоторые из этих документов к настоящему времени уже опубликованы автором этих строк и коллегами из РГАВМФ⁷.

В составе эмигрантской коллекции сохранились документы 1917–1918 из личного архива Дмитрия Осиповича (Иосифовича) Дарагана

⁷ См.: «Мой частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия...»: документы из лич. арх. Д. И. Дарагана об обстоятельствах его ухода со службы на флоте / публ., вступ. заметка и примеч. П. Мажары // Звезда. 2017. № 3. С. 99–106; Кубе М., фон. На «голубом» Дунае / публ., вступ. заметка и примеч. Т. Пономаревой и В. Ципленкина // Там же. № 11. С. 149–187. № 12. С. 98–116.

(1884–1978), проливающие свет на обстоятельства ухода офицера со службы на флоте в конце 1917–начале 1918. Попытавшись покинуть ряды флота по собственному желанию, он в открытую бросил вызов новым революционным органам власти на флоте — в первую очередь Центробалту (ЦКБФ). После игнорирования первого заявления от 7 декабря 1917 об увольнении со службы Д. О. Дараган 21 декабря 1917 подал повторное заявление с жесткими и категоричными формулировками: «Позор и предательство, нависшие над Родиной, и непонятное для меня отношение к этому демократических организаций и лиц, мнящих себя законной властью, заставляют меня, не ожидая ничего более, отстраниться от своей бывшей службы и сдать корабль следующему по старшинству офицеру»⁸. Эти же слова повторялись им в приказе по находившемуся в его подчинении эсминцу «Автроил» от

22 декабря 1917. Резкие заявления Д. О. Дарагана были отражением чувств значительной части морского офицерства. Решения I Всероссийского съезда военного флота (18–25 ноября 1917) и распоряжения Верховной морской коллегии о полном переходе руководства флотами и флотилиями к центральным комитетам флотов и флотилий вызвали ответную реакцию у офицерства Балтийского флота, выразившуюся в резолюции от 4 декабря 1917 о непризнании решений демократических организаций на флоте с угрозой отказа от званий и занимаемых должностей⁹. Д. О. Дараган оказался в числе тех немногих, кто перешел от слов к действию, что и привело к его аресту. Следственная секция ЦКБФ потребовала от него предоставить письменные разъяснения к 10 января 1918. Как видно из машинописной копии составленного им ответа, резкость тона была им существенно сбавлена. Дараган пояснял, что «никаких определенных лиц в заговоре для “продажи родины и флота” не обвинял», высказывая, однако, свое мнение о том, что «многие мероприятия прави-

⁸ РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 78. Здесь и далее в ссылках на материалы 2-й описи не указываются листы, поскольку документы находятся в состоянии подготовки научного описания.

⁹ См.: Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота, 1917–1918 / под ред. Д. А. Чугаева; сост.: И. А. Лившиц, А. А. Муравьев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 25.

тельства <...> являются полезными для врага и вредными для родины». Завершались разъяснения не лишённой горькой иронии фразой о том, что его заявления — это «частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия, что, конечно, позволительно всякому гражданину свободной страны»¹⁰. 12 января 1918 Д. О. Дараган был все же уволен без права на пенсию. 16 января 1918 председатель следственной секции Центробалта Василий Андреевич Гнедин доложил о ходатайстве об освобождении офицера для преподавательской работы в штурманских классах¹¹. Предложение вызвало споры, но в итоге через некоторое время (по его воспоминаниям, через 2 недели¹²) Дараган был отпущен на свободу, после чего действительно устроился на службу по специальности.

Показательны мемуарные свидетельства старшего лейтенанта¹³ Максимилиана Оскаровича фон Кубе (1885–1955) о неприятии офицерской корпорацией ломки прежних общественных и иных отношений. Воспоминания «На “голубом” Дунае», написанные в 1940-е в лагере для перемещённых лиц Дабендорф, посвящены военной службе их автора в 1916–1917. Кубе описывал, как в марте 1917 начальник штаба Отдельного отряда обороны устьев Дуная и дунайских гирл Е. И. Доставалов прилюдно избил писаря за неуважительные отзывы об офицерстве. Не выдержав унижений, несчастная жертва застрелилась. Гарнизонный совет потребовал привлечения подполковника Генерального штаба Доставалова к ответственности за побои и доведение до самоубийства. Но, как писал фон Кубе, офицерская корпорация встала на защиту своего члена и не допустила никаких разбирательств в отношении него. При этом мемуарист указывает, что ему «до сих пор непонятно», почему не было ни одного покушения на Доставалова, чье поведение, по всей видимости, было демонстративно пренебре-

¹⁰ РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 78.

¹¹ См.: Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота... С. 368.

¹² Дараган Д. Из семейных записок / публ., вступ. заметка и примеч. П. Ю. Мажары // Звезда. 2019. № 9. С. 183.

¹³ По некоторым данным, в эмиграции был произведен в капитаны 2 ранга по Корпусу Императорских армии и флота (КИАФ). Сообщено канд. ист. наук А. Ю. Емелиным (РГАВМФ).

жительным по отношению к нижним чинам¹⁴. Из подобных искорок социального конфликта, начинавших тлеть на всем пространстве бывшей Российской империи в 1917, в самом скором времени и разгорелся полномасштабный вооруженный конфликт.

Вполне закономерным явлением представляется то, что документы, собранные Обществом офицеров Российского Императорского флота, связаны в первую очередь с историей Белого движения. Одним из самых ценных документов, попавших в РГАВМФ, представляется приходно-расходная книга военно-морского агента во Франции капитана 1 ранга Владимира Ивановича Дмитриева (1879–1965) за 1918–1921¹⁵. Ветеран Русско-японской войны 1904–1905, участник Цусимского сражения, Дмитриев занимал должность военно-морского агента во Франции с 1913. В годы Гражданской войны сеть военно-морских агентов стала одним из дипломатических и разведывательных инструментов Белого движения за рубежом. Особенно важно отметить тот факт, что это был один из каналов его финансирования. В этой связи подлинная приходно-расходная книга, в которую В. И. Дмитриев аккуратно записывал, от кого поступила та или иная сумма денег и на что она была потрачена, представляется ценнейшим источником по истории Белого движения.

Значительный массив документов, поступивших в РГАВМФ (более 200 единиц хранения и более 5000 листов), представляет собой переписку, которую вели моряки и члены их семей в эмиграции. Основателями и руководителями общества были ветераны Белого движения. Среди тех, чьи письма можно найти в фонде Р-2246, назовем имена контр-адмирала М. А. Беренса, капитана 2 ранга П. П. Веймарна, старшего лейтенанта Г. М. Веселаго, капитана 1 ранга П. В. Вилькена, капитана 2 ранга А. В. Витгефта, контр-адмиралов А. О. и Г. О. Гаддов, старшего лейтенанта М. Ю. Горденева, капитана 2 ранга Г. К. Графа, контр-адмирала Н. М. Григорова, упоминавшихся уже капитанов 1 ранга Д. О. Дарагана и В. И. Дмитриева, контр-адмирала Н. Н. Машукова, капитана 1 ранга И. В. Миштовта, вице-адмирала П. П. Муравьева, вице-адмирала Д. В. Ненюкова, контр-адмирала

¹⁴ РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 89.

¹⁵ См.: Там же. Д. 516.

В. К. Пилкина, контр-адмирала С. С. Погуляева, полковника Ф. В. Пухальского, генерал-майора М. Ф. Скородумова, капитана 1 ранга Я. К. Туманова, генерал-майора А. В. Туркула, старшего лейтенанта Д. Н. Федотова-Уайта, капитана 1 ранга П. О. Шишко, генерал-майора инженер-механика М. Н. Яненко¹⁶. Это имена людей, оставивших яркий след в истории Белого движения.

В собрании Общества офицеров Российского Императорского флота сохранилась переписка Бориса Петровича Дудорова (1882–1965) с женой (Ольгой Васильевной Непениной) и сослуживцами вице-адмирала Адриана (Андриана) Ивановича Непенина (1871–1917)¹⁷. Дудоров, первый биограф убитого в марте 1917 адмирала, вел эту переписку для работы над своей книгой, которая впервые увидела свет в качестве серии публикаций в журнале «Морские записки»¹⁸. Рукописи статей, присылавшихся для «Морских записок» С. В. Гладкому, его соратникам по работе в журнале — Юрию (Георгию) Корнельевичу Дворжицкому и Георгию Николаевичу Таубе, также сохранились в собрании материалов Общества, в том числе и по сюжетам, посвященным истории Гражданской войны¹⁹. Отметим также, что сохранились и списки гардемарин Морского училища в Бизерте, месте последней стоянки белогвардейского флота²⁰.

Есть еще один любопытный сюжет, о котором хотелось бы упомянуть, он связан с организацией учебной корабельной практики для воспитанников Морского училища, Отдельных гардемаринских классов, Корпуса гардемарин флота и Школы мичманов военного времени. В условиях Первой мировой войны заниматься обеспечением корабельной практики должна была Сибирская флотилия. После Октябрьского переворота 1917 практиканты и их наставники оказались фактически предоставленными сами себе, поэтому им

¹⁶ См.: РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 109–309.

¹⁷ См.: Там же. Д. 22. Есть и другая часть переписки: Там же. Оп. 1. Д. 77.

¹⁸ Подробнее см. нашу публикацию: *Мажара П. Ю.* Осмысление Первой мировой войны русской военно-морской эмиграцией (по материалам ответов на письма Б. П. Дудорова) // Русское Зарубежье. XX век. Мировые войны: Слепухинские чтения–2018: тр. Международ. науч. конф. СПб.: Фонд Слепухина; Ладога, 2020. С. 154–164.

¹⁹ См.: РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 20–21.

²⁰ См.: Там же. 2. Д. 33.

пришлось заниматься коммерческими перевозками между различными тихоокеанскими портами.

Судьбы участников учебного плавания на вспомогательном крейсере «Орел» сложились по-разному: так, флагман РККФ 2 ранга Иван Кузьмич Кожанов был расстрелян в 1938; агент Абвера и мичман врангелевского производства Сергей Сергеевич Аксаков окончил свои дни набожным стариком в Буэнос-Айресе в 1986, замаливая грехи²¹. Отметим, что разное понимание и чувствоваание происходившего проявилось еще во время плавания. Левацки настроенные гардемарины (в том числе и И. К. Кожанов) покинули судно в Гонконге практически на начальном этапе плавания. Оставшиеся на борту с преподавателями в дальнейшем в основном сделали выбор в пользу Белого движения. Но плавание 1917–1918, каким бы сложным оно ни было, навсегда запомнилось его участникам — как красным, так и белым. В коллекции Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке сохранилось много интересных фотографий, сделанных на борту вспомогательного крейсера «Орел», в различных портах и городах Азии. Некоторые из этих фотографий были опубликованы в изданном архивом фотоальбоме, посвященном истории Первой мировой войны²². Отметим, что в собрании РГАВМФ есть и фотографии плавания, сделанные гардемаринами, выбравшими сторону красных, — например, интересный фотоальбом в собрании инженер-контр-адмирала ВМФ СССР Владимира Аполлинарьевича Снежинского (1896–1978)²³.

Во время учебного плавания вспомогательным крейсером «Орел» командовал старший лейтенант Михаил Митрофанович Афанасьев (1884–1950). В составе фонда Р-2246 сохранились его отчет о пла-

²¹ См.: Кублицкая М. А. Русские могилы на Британском кладбище в Буэнос-Айресе, Аргентина // Михайлов день 2-й: журнал исторической России: издание Воинского братства во имя Святого Архистратига Божия Михаила. СПб.: б. и., 2010. С. 283; [Электронный ресурс]. Из записок С. С. Аксакова / публ. С. Г. Зирина // Белое дело: мемориал.-просветит. и ист.-культур. центр. URL: <https://beloedelo.com/researches/article/?272> (дата обращения 05.09.2022). В составе фонда Р-2246 «Материалы по истории флота, поступившие из-за границы» находятся и материалы из личного архива С. С. Аксакова, переданные его вдовой при посредничестве С. Г. Зирина (Оп. 5).

²² См.: Первая мировая война в фотографиях из фондов Российского государственно-го архива Военно-Морского Флота. Вып. 2: Коллекции. СПб.: Блиц, 2016. С. 276–280.

²³ См.: РГАВМФ. Ф. Р-2248. Оп. 1. Д. 186.

вании²⁴ и альбом с разными записями, относящимся к разным периодам его жизни, завершившейся в Китае²⁵. Афанасьеву пришлось нелегко в этом плавании, происходившем в экстраординарных условиях. Он был довольно строг к своим воспитанникам, поэтому в эмиграции они отдавали предпочтение капитану 1 ранга Михаилу Александровичу Кितिцыну (1885–1960), георгиевскому кавалеру, командиру подводной лодки «Тюлень», служившему у А. В. Колчака еще на Черноморском флоте. В дальнейшем Кितिцын стал наставником многих из участников плавания на «Орле» в Морском училище белого Владивостока²⁶. В архиве Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке сохранилась переписка и материалы, собранные для номера журнала «Морские записки», посвященного Кितिцыну²⁷.

Следует отметить, что среди описываемых материалов есть и документы, позволяющие пролить свет на историю Второй волны эмиграции. Это в первую очередь материалы некоммерческой организации «Humanity Calls» («Человечество взывает»), которую возглавлял эмигрант из России еврейского происхождения Лев Николаевич Кей. «Humanity Calls» много занималась помощью в обустройстве русских эмигрантов Второй волны в США, в частности — бывших чинов Русского корпуса на Балканах. О ней свидетельствует сохранившаяся обширная переписка, включающая в себя и обращения в Конгресс США²⁸. Также Кей и его организация оказывали помощь генерал-майору Антону Васильевичу Туркулу, который был не только ветераном Белого движения, дроздовцем, но и участвовал в формированиях вооруженных сил Комитета освобождения народов России в годы Второй мировой войны. Об этой помощи также свидетельствует сохранившаяся переписка²⁹.

²⁴ См.: Там же. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 9.

²⁵ См.: Там же. Оп. 2. Д. 56.

²⁶ См. номер журнала, делавшийся к 75-летию М. А. Кितिцына, но ставший по-смертным: Морские записки (Нью-Йорк). 1961. Vol. XIX. № 1–2.

²⁷ См.: РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 23.

²⁸ См.: Там же. Д. 37.

²⁹ См.: Там же. Д. 39.

История русской эмиграции в XX веке оказалась во многом предопределенной революционными событиями 1917 и последовавшей Гражданской войной. Вторая мировая война вновь привела эмиграцию в состояние движения и перемещения, что касалось в том числе и архивов. Хочется верить, что труды моряков-эмигрантов по собиранию исторических документов не останутся напрасными и послужат отечественной историографии для лучшего понимания трагической и грозной истории России минувшего столетия.



ПРИЛОЖЕНИЯ



СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва).

МРК — Музей русской культуры (Сан-Франциско).

СА — Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей (Нью-Йорк).

HDA — Hrvatski državni arhiv (Государственный архив Хорватии), Zagreb, Hrvatska.

КА (НАФ) — Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии), Helsinki, Finland.

LNA — Latvijas Nacionālais arhīvs (Национальный архив Латвии), Rīga, Latvija.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ РОМАНОВ И ПОВЕСТЕЙ Ю. Г. СЛЕПУХИНА

Перекресток. 1962, 1964, 1966, 1988, 2005, 2016, 2022, 2022 (аудиокнига), 2022 (электр. изд.).

Тьма в полдень. 1968, 1987, 2005, 2022, 2022 (аудиокнига), 2022 (электр. изд.).

Сладостно и почетно. 1985 (журн. вар.), 1985, 1988 (на нем. яз.), 2006, 2022, 2022 (электр. изд.).

Ничего кроме надежды. 1991 (журн. вар. под назв. «Час мужества»), 2000, 2007, 2022, 2022 (электр. изд.).

Джоанна Аларика. 1958 (журн. вар. под назв. «Расскажи всем»), 1959, 1960 (на нем. яз.), 1962, 2011, 2022, 2022 (электр. изд.).

У черты заката. 1961, 1980, 2011, 2022, 2022 (электр. изд.).

Ступи за ограду. 1965, 1980, 2011, 2022, 2022 (электр. изд.).

Киммерийское лето. 1978, 1983, 1985 (на латышском яз.), 2011, 2021, 2022, 2022 (электр. изд.).

Южный крест. 1980 (журн. вар.), 1981, 1982, 1983, 1984 (на укр. яз.), 1989 (на исп. яз.), 2011, 2022, 2022 (электр. изд.).

Частный случай. 1987, 2011, 2022.

Пантократор. 1991, 2011, 2022 (электр. изд.).

Государева крестница. 1998, 2011, 2022 (электр. изд.).

Не подводя итогов. 2001 (журн. вар.), 2011.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббасов Ильхам 261–262
Абдуллаев Н. А. 204
Абрамович Р. 23, 26–29
Авксентьев Н. Д. 53, 67
Агеносов В. В. 340
Адамович А. 340
Адорно Т. 383
Аксаков С. С. 392
Алданов (Ландау) М. А. 56,
Александр I Карагеоргиевич,
кор. 110, 297
Александров К. М. 63, 94, 158,
Алексеев Н. Н. 267–268
Алексий I (Симанский), митр.
283, 286
Алексий, прот. 81
Алиев Нури 261
Аллилуева С. 195
Анастасий (Грибановский),
митр. 152, 282, 286,
Андреев (наст. фам. Хомяков, др.
псевд. – Отрадин) Г. А. 179, 180,
317, 370, 374
Андреева А. Л. 339
Андреева Е. А. 375
Андреева Е. Н. 368–370, 372, 446,
447
Андреев Н. Е. 368, 369, 373, 374, 447
Андрушкевич И. Н. 35–37, 39, 40,
42–44, 46, 48, 49
Андрушкевичи, семья 35
Аничков Д. С. 274
Антоний (Храповицкий), митр.
106, 279
Антонов В. В. 279
Антошин А. В. 16, 24
Антощенко А. В. 156
Апро С. Е. 376
Архангельский А. А. 125–128,
151–153
Архангельский А. П. 55, 57, 62–64
Асеева К. Г. 121
Астафьев В. П. 329
Аствацатуров А. 343, 344
Аурилене Е. Е. 98
Афанасьев М. М. 392, 393
Ахматова А. (наст. фам.
Горенко А. А.) 188, 190–197
Бабичева М. Е. 168
Бажанов Б. Г. 57
Базанов П. Н. 69, 92, 156, 233,
315, 317, 319, 378, 415, 446
Базаров Б. В. 89
Байдалаков В. М. 245, 317
Бакшеев А. П. 64–65
Балабин Е. И. 62
Балакшин П. П. 95, 96, 98
Балмасов С. С. 61
Банаканов Ф. Я. 259
Баркова И. А. 340
Басилашвили Т. 259
Белков А. Н. 225
Бёлль Г. 329

- Беловидов П., протопр. 281
Белявский М. Т. 275
Бензон Т. 329
Берберова Н. Н. 268
Берггольц О. Ф. 196
Бердяев Н. А. 68
Беренс М. А. 390
Берлин П. А. 20
Бернсторф, фон 206
Бискупский В. В. 58, 59, 63, 226
Богаевский Н. Н. (наст. фам. Воробьёв Н. Н.) 102
Богоявленский К. 193
Бок Ф., фон 381
Болдырев К. В. 246,
Большакова 80
Боляновский А. 218
Бондарь П., свящ. 105
Бонини Н. 254, 256
Бонини Э. 254
Борисов А., свящ. 108
Борман М. 192
Бородин А. П. 153
Бортневский В. Г. 57
Бочарова З. С. 52, 59, 62
Браухич В., фон 381
Бребаков Н., свящ. 105
Брежнев Л. И. 48
Бубеннов М. С. 325
Будницкий О. В. 170, 171
Букреева Е. 266
Булгаков М. А. 199
Бунин И. А. 47, 56, 194
Бурдей Г. Д. 270
Бурдон Ж.-А. 328, 329
Бут Е. 132
Бут У. 132
Буяков А. М. 65
Быков В. С. 330, 340
Бэйда О. И. 159, 161, 226
Валентинов Н. см. Вольский Н. В.
Вальдтхаузен, фон 206
Варнава (Росич), патр. Серб. 279
Васильев А. А. 369
Васильева Т. 131
Веймарн П. П., фон 390
Вержбицкий Г. А. 90
Веселаго Г. М. 390
Ветелева О. А. 77
Вилан А. 431
Вилькен П. В. 390
Вирен Н. 131
Витгефт А. В. 390
Вихорев А. И. 270, 271
Вишняк М. В. 19–20, 54, 66, 70, 71
Владимир (Раич) 282, 286
Владимир Кириллович, кн. 54, 58
Власов А. А. 222, 379, 381
Вовк А. Ю. 264
Вовшина М. С. 143
Вовшина Ф. В. 141–143
Войков П. Л. 166
Войцеховский С. Л. 298
Волин (Эйхенбаум) В. М. 67
Волковский А., свящ. 105
Волконская (Лякав) 231, 233–
235, 241, 247
Вольский (псевд. Валентинов Н.)
Н. В. 67, 267

- Воннегут К. 333, 337, 339–346, 348–352
Вонсяцкий А. А. 91
Воробьев К. Д. 340
Воробьев Н. Н. см. Богаевский Н. Н.
Воробьева Т. А. 93
Воскобойник К. П. 223
Врангель П. Н. 60, 279
Вронская Е. 192
Выдрина А. И. 231, 233, 241, 243–246
Вышкварцев В. В. 67
- Гавриил (Джурич), патр. 152, 287, 290
Гаврилов К. И. 447
Гадд А. О. 390
Гадд Г. О. 390
Галкин А. А. 90, 91, 189
Галлени М. 253
Гальдер Ф. 381
Гантимуров В. И. 91
Гаража Н. А. 60
Геббельс Й. 188, 201, 295
Гейдрих Р. 104
Гелен Р. 381
Герасимов Н. И. 67
Геринг Г. В. 295, 300
Герман Л. 131
Гермоген (Максимов), патр. ХПЦ 104, 105, 107, 108
Гитлер А. 27, 53, 56, 58, 64, 67–69, 92, 95, 152, 160, 191, 192, 202, 204, 207, 212, 237, 267, 295, 300, 327, 332, 374, 377, 379, 381
- Гладкий С. В. 385, 386, 391
Гладких А. А. 97
Глазунов А. К. 153
Глебов Ф. Л. 95
Глинки М. С. 414–416
Гнедин В. А. 389
Гоголь Н. В. 198
Голдин В. И. 54
Голохвастов Г. В. 21, 22
Гонестов И. А., диак. 72–80, 424
Гонестова А. Е. 75
Гонестова Л. 73, 83, 425, 426
Гонестовы, семья 74, 77, 83
Горбачев М. С. 19
Гордеев М. Н. 98
Гордеев Н. В. 88
Горденев М. Ю. 390
Гордон А. В. 274
Горенко А. А. см. Ахматова А.
Горький см. Улитин А. В.
Готовский М., свящ. 106
Граббе Г., прот. 285
Граф Г. К. 390
Грачева Т. Л. 250
Гребенщиков Г. Д. 130
Гребенщиков Т. Д. 130
Гревениц Б. Н. 55
Греценко В. 131
Гречанинов А. Т. 129, 134, 135
Грибков И. В. 225
Григоров А. И. 165
Григоров Н. М. 390
Григоровы, семья 101
Гроссман В. С. 340
Гудима А. А. 206

- Гудима В. А. 206
Гудима М. А. 206
Гудима П. А. 206
Гудима Ф. А. 206
Гуитти Л. (Тито) 252
Гуль Р. Б. 264, 266
Гумилев Н. С. 190, 194
Гусейнов А. А. 261
Гучков А. И. 267, 268
Гучкова В. А. 268
- Дагер Х. Е. 214
Далин В. М. 274
Даминшкин К. Я. 259
Данилевская Дж. (Каноссини Дж.) 254
Данилевский Н. Л. 254–256
Данилевский П. Н. 255
Дараган Д. О. 387–390
Дворжицкий Ю. К. 391
Делевский Ю. (наст. фам. Юделевский Я. Л.) 21
Деллингсхаузен Э. фон 381
Дельвиг, бар. 381
Демидов К. 137
Денике Ю. П. 19, 20
Деникин А. И. 57, 64, 87, 95
Денисенко 37, 47
Денискин В. Н. 259
Десятков Г. М. 262
Джапаридзе Л. В. 256, 257
Дзубани Н. 252
Дзубани О. 252
Дзяма М., прот. 134
Дидро Д. 274
- Димитрий (Павлович), патр. Серб. 279
Дитерихс М. К. 89
Дмитриев В. И. 390
Добренко Е. А. 333
Добронравов В., свящ. 105
Доливо-Добровольский С. Ц. 296
Доннер А. 293
Доннер-Солоневич И. 291–294, 298–305, 307, 309–312, 314
Досифей, еп. 152
Доставалов Е. И. 389
Драгомыжский А. 153
Драценко Д., ген. 103
Дробязко С. И. 224, 232
Дубчек А. 19
Дудзинская Е. А. 264
Дудоров Б. П. 391
Думбадзе А. И. 157, 158, 160–166, 433–439
Думбадзе Г. И. 163
Думбадзе И. А. 165
Дуплевский 79
Дуров Б. Ю. 340
Дюрренматт Ф. 329
- Евлогий (Георгиевский В. С.), митр. 65, 81
Егорова Л. П. 353, 354
Екатерина II, рос. имп. 274
Ельцин Б. Н. 16, 49
Емелин А. Ю. 389
Ергашев Рустам 257, 443
Ергашев Ц. (партизан Дзакари) 257, 258, 443

- Ермолов И. Г. 221
Ефремов Н. Е. 447
- Жакота А. 69**
Жанна д'Арк, фр. св. 42
Жедедягин Ю. П. 246
Жедедягина А. И. 231–234, 241, 243, 244
Жеребков Ю. С. 62
Жуков В. Ю. 88
Жуков Д. А. 159, 220–223, 227
- Зайцев Б. К. 56, 370
Закатов А. Н. 69
Зеленин П. В. 261
Зеленина Г. С. 170, 171
Землякова О. К. 386
Зирин С. Г. 392
Зоценко М. М. 188, 191, 192, 195–200
Зуров Л. Ф. 447
- Иванов Г. 194**
Иванов М. Я. 251–253
Иванов Н. А. 95
Иванова И. Б. 115
Иванова М. К. 340
Игнатиус Л.-Т.-И. 293, 300–305, 307, 309, 312
Извольский Дм., свящ. 105
Икер А., ген. 348
Ильин И. А. 66
Ильинский П. Д. 157, 158
Иннокентий (Сокаль И. И.), еп. 278–290
- Иоанн (Алексеев), еп. 76
Иоанн (Поммерс) архиеп. 77, 82
Иоанн Кронштадтский (Сергиев И. И.), рус. св. 280
Иоанн Янсонс, протоиер. 76
Иоанн, еп. Роклендский 77
Йозеф Рудмик см. Улитин А. В.
Ионов А. В., прот. 81, 82
Иосиф (Цвийович), митр. 282, 283, 287
Иоффе Э. 291
Ипатов А. М. 85, 90
Ирвинг Д. 338, 339, 348
Истомин К. Е. 227
- Калик Н., свящ. 105
Каль А. Ф. 150
Каминский Б. В. 223
Камышев К. Д. 90
Камышников Л. 127
Камю А. 24
Канарис В.-Ф., адм. 381
Кантор В. 327
Карагеоргиевичи, серб. дин. 101
Карамзина А. 297
Карая Н. 131
Каргапольцев Д. С. 91
Карпов Г. Г. 383
Карпова Л. А. 382
Карташев А. В. 70
Кащенко Д., свящ. 105
Кей Л. Н. 393
Керенский А. Ф. 67, 268, 298
Керн Дж. В. 154
Кесслер, полк. 208, 210

- Кжаник Я. 258
Кибальчич В. Ф. 124–131, 133–135, 137, 145–156, 427, 428, 430, 432
Кибардин В. В. 98
Кирсанова (Ванер) Н. В. 123
Киселев А. Ф. 55
Кислицын В. А. 65, 89
Китицын М. А. 385, 393
Клименко Г. В. 227
Климович Л. В. 220
Кн. И. 135
Кнюпфер, д-р 381
Кобак А. В. 279
Коблянский Н. В. 154
Ковалев Б. Н. 170, 171, 188, 223
Ковтун И. И. 159, 220–223, 227
Кожанов И. К. 392
Козарский П., свящ. 105
Козельский Я. П. 274
Колокольцева-Воскобойник А. В. 223
Колчак А. В. 310, 385–387, 393
Колюбаев В. 285, 286
Конёнков С. Т. 129
Коновалова О. В. 54, 67
Константин Великий, имп. 49–50
Контес А. А. 259
Коретти 208, 209
Коряков М. М. 270–271
Косик В. И. 68, 100, 102, 108, 279, 281, 285, 288, 289
Костенко Б. А. см.: Краснощеков Б. Я.
Кострюков А. А. 285
Котляров Сергей П. 154
Котюков К. Л. 64
Коченко К., свящ. 105
Кочетов В. А. 325
Кошкин А. А. 89
Кравцов А. Н. 157
Краинский Н. В. 112, 119
Крамер Х. Ф., ген. 217
Красавченко Н. П. 137–142, 156
Красавченко С. Н. 156
Краснов П. Н. 62, 69, 70
Краснощеков Б. Я. (псевд. Костенко Б. А.) 224
Краузе, лейт. 381
Крейн Ч.-Р. 128
Крейтер В. В. 114, 116
Кривошеин А. 354
Кривошеина Н. А. 266
Кривошеина Т. 184
Кротова М. В. 98
Крыжко А., свящ. 105, 289
Кубе М. О., фон 387, 389
Куберский Х. 224
Кублицкий В. Б. см. Свен В. Б.
Кузин А. Б. 259
Куприянов С. Я. 224
Купчевский С., свящ. 105, 108
Курас Л. В. 88–89
Курильский Р. 266
Кусевицкий С. А. 147
Кусевицкий Ф. А. 147
Кусонский П. А. 60
Кучинский, С. И. 122
Лавренев Б. 137, 355
Ладжи (Касадио) Т. 262

- Лазарев В. Н. 370
Лазарева С. И. 96
Лайнер Л. 143
Лакава К. 261, 262, 445
Лампе А. А., фон 59, 60, 62, 63
Ланин А. В. 112, 116
Ланской Л. Р. 329
Лапоз А. 329
Ларионов В. А. 298
Легкая И. И. 77, 78
Легкий И. С., прот. 77
Легкий С., прот. 77
Легра Ж. 329
Лейббрандт Г. 381
Леонид (Поляков), архиеп. 76
Леонидов В. В. 386
Лермонтов М. Ю. 47
Лефевр Ж. 265, 273
Либединский Ю. Н. 355
Лившиц И. А. 388
Лисица Ю. Т. 66
Литвинский В. 26, 27, 33
Литтелл Дж. 340
Лихачев Д. С. 447
Лотман Ю. М. 274
Лоу К. 382
Лукша В. С. 124, 151
Львов Л. А. 315, 317, 319, 446
- Мажара П. Ю.* 384, 391
Мазуров И. В. 93
Майнштейн Э., фон 365
Макаров В. С. 386, 310
Макаров С. О. 202, 310, 386
Маклаков В. А. 55, 57, 66
- Маков А. Н. 245, 246
Макова Н. А. 231, 246, 247
Макото А. 65, 93
Макриди А. (псевд. Стенрос) 194
Максимов Г. П. 67
Максимов М. 338
Мальшенко Г. И. 90, 97
Мальгин В. А. 103
Мамед Алимамед оглу Мамедов 260
Мамуков 47
Маннергейм К.-Г.-Э. 56,57
Мансо 217
Манухина Т. И. 65
Маньков С. А. 63
Марков С. 163
Маркотти А. 258
Мартынов А. В. 159, 227
Маршан Рене 329
Массип М. 68
Матеюк А. 131
Матковский М. А. 98
Махно В. 207, 208, 218
Мачкич З. 102
Машуков Н. Н. 390
Меджидов Ш. 262
Мелони И. 255
Менси И. 253
Меньшагин Б. Г. 380
Мережковский Д. С. 47, 56
Мерцалов В. И. 88, 89
Мецлер К. Э. 95
Миклашевский О. П. 123
Миллер Е. К., ген. 60, 267, 268, 298
Милоградский М., свящ. 105

- Милюков П. Н. 54, 58, 71
Минаев В. В. 138
Минарди М. 257
Минц З. Г. 330
Миронова Е. М. 56
Митрофанов С. А. 226
Миштовт И. В. 390
Мнухин Л. А. 266
Модена см. Пирогов В. П.
Молотов В. М. 53, 55
Моралишвили Г. Я. 259
Морозов Н. И. 259
Мосейкина М. Н. 88
Мрачковский И., свящ. 105
Мрихин Д., свящ. 105, 108
Муравьев А. А. 388
Муравьев В. А. 270
Муравьев П. П. 390
Муромцева Л. П. 385, 386
- Н. К. 154
Наджафов М. 262
Назаров М. В. 317
Наземцева Е. Н. 97
Нанобашвили В. (Иван Григорьевич, Джанни) 258, 444
Нанобашвили М. 258, 444
Нарейкис см. Троицкий Н. А.
Нарубин А. 199
Негрини Дж. 261
Неелов Н. Л. 112, 115
Неклюдов В., прот. 279, 288, 289
Некрасов В. 128
Ненюков Д. В. 390
Непенин А. И. 391
- Непенина О. В. 391
Нестор (Сидорук), еп. 287
Нефедов В. А. 340
Нечкина М. В. 273
Николай Печерский (Лейсман) еп. 75–76
Николай, еп. серб. 152
Никон (Рклицкий), еп. 208
Нолан Д. 431
Норман см. Троицкий Н. А.
- Обатуров А. А. 112
Околович Г. С. 245, 316, 379, 380
Окороков А. В. 88, 91, 115, 160, 232
Онегина С. В. 97, 99
Орехов А. А. 91
Орехов В. В. 298
Орландини Д., свящ. 256
Орлов Н. Ф. 75
Ортега-и-Гассет, Х. 33
Осипов Н. И. 317
Осипова Л. (наст. фам. Полякова О. Г.) 186, 187
Остоя В. 131
Отрадин см. Андреев Г. А.
- Павел (Максименко), иером. 290
Павел Карагеоргиевич, принц 297
Павличенко (Белова) Л. М. 124, 137–141, 143–145
Павловский В., свящ. 105
Пайпс Р. 275
Палеолог С. Н. 111
Панина С. В. 129

- Панков Н. 252, 253
Пантелеев М. П. 124, 145, 431
Панферов Ф. 325
Паншин Г. И. 260
Парадиев А., свящ. 105
Пастухин Е. Н. 92, 96
Паттон-Фантон-де-Веррайон П. И. 268, 271, 272
Паулюс Ф. 359, 362
Пеллингер И. 294
Первенцев А. 325
Перехвальский Н. А., протопр. 80
Перон М.-Э.-Д. 257, 308
Перон Х.-Д. 27–28, 308
Песоцкий М., свящ. 105
Петен Ф. 87
Петров И. В. 72
Петров И. Р. 62, 226
Петров П. В. 386
Петрова М. В. 125, 148, 149
Петрушева Л. И. 62, 156
Пилкин В. К. 391
Пирогов В. П. (Модена) 253–256
Пихурик Ю. 62, 63
Плевицкая Н. В. 296
Погорецкий Евг., свящ. 105
Погребная Я. В. 337, 340
Погуляев С. С. 391
Полазов А. Н. 260
Полтавский И. (наст. фам. Просяник И. М.) 193
Полчанинов Р. В. 158
Полякова О. Г. см. Осипова Л.
Полян П. М. 169, 381
Пономарев Г. И., прот. 82
Пономарева Т. И. 387
Поол, фон 206
Попов А. (Аркадий Рус), авиат. 102
Попов П. Х. 70
Поремский А. В. 383
Поремский В. Д. 316, 376, 378–381, 383
Порецкий Л. см. Рейс И.
Претти А. 259
Проскурин П. Л. 326
Просьяник И. М. см. Полтавский И.
Пршевозны (Przewozny) Бр. 298
Прянишников Б. В. 160, 246, 317
Пу И, кит. имп. 88
Пухальский Ф. В. 391
Пушкарев В. А. 92
Пушкин А. С. 21, 44
Пчелинцев В. Н. 138–141

Рабинович Я. Б. 266
Рагозин С. Б. 155, 156
Радке 206
Райт-Ковалева Р. 339
Рам М. Я. 264
Рахманинов С. В. 56, 68, 129
Редлих А. 378
Редлих Р. А. 223
Редлих Р. Н. 245, 381
Рейсс И. (псевд.: Эберхардт, Людвиг Порецкий) 267–268
Ремарк Э.-М. 329
Ренне А., фон 381
Рерих Н. К. 68
Рерих С. Н. 68

- Ржевский (наст. фам. Суражевский) Л. Д. 178–180, 187, 370
Риббентроп И. фон 53, 55
Родзаевский К. В. 86, 91, 94–99
Родзянко В. 285–286, 289
Родионова Н. А. 230
Рожанская Т. 378
Рожанский Г. 378
Рождественская Е. Ю. 231
Рождественская Н. П. 386
Розенберг А. 189, 191, 226, 380
Романов (Островский) Е. Р. 246, 316, 321
Романовы, рус. имп. дин. 193
Романчук, братья 129
Рош М.-Д. 329
Рудинский В. А. 160
Руженцов Н., свящ. 105
Рузвельт Ф. 139, 141, 285
Румф Г. 338–339
Рус Аркадий см. Попов А.
Руссо Ж.-Ж. 274
Рутченко-Рутыч Н. Н. 160
Рушанов В. Е., свящ. 81–82
Рычков И. В. 112
Рюшти К. 268, 272
- Саакянц А. А. 268, 276
Саблин Е. В. 56–57, 66
Савицкий К. И. 447
Салтыков-Щедрин М. Е. 198
Самарин (наст. фамилия Соколов) В. Д. 170–171
Самцевич А. А. 115–116, 225
Сартр Ж.-П. 24
- Свен (наст. фам. Кублицкий) В. Б. 182
Севастьянов А. Н. 276
Севицкий Ф. 147–149
Селивановский С., свящ. 105
Семенов Г. М. 88–90, 94–99
Семилуцкий А., свящ. 105
Семченко Н., свящ. 105
Сергеев О. И. 96
Сергий (Воскресенский), митр. 76, 152
Сергий (Ларин), еп. 285
Сердюкова Г. А. 362, 445
Сережников Н. К. 95
Серов А. 153
Сикорский Ю. см. Синиваара Я. Н.
Симпсон Б. У., герц. 310
Симпсон Д. Х. 110
Синиваара Я. Н. (псевд. Ю. Сикорский) 298
Синицин Ф. Л. 222, 223
Скареда Н. 131
Скоблин Н. В. 268, 296, 297
Скорнякова Н. А. 91
Скородумов М. Ф. 111, 112, 116, 391
Скоропадский П. 206
Скрябин А. Н. 153
Славинская Т. 378
Славинский М. 378
Слепухин (Кочетков) Ю. Г. 16, 18, 20–26, 35, 36, 38, 47, 48, 98, 124, 182–185, 262, 315, 317, 324, 326, 328–336, 337–352, 353, 355, 358–360, 366, 372, 382, 383, 391, 414, 420–423

- Слепухина Н. А.* 35, 36, 39, 40, 42, 44, 46, 48–50, 354, 355, 415, 416
Слободчиков В. А. 96, 155
Смирнов С. В. 65, 93, 95, 96
Смирнов С. Н. 112
Смысловский Б. А. (псевд. Хольмстон А.) 227
Снежинский В. А. 392
Соколов В. Д. см. Самарин В. Д.
Соколов В., свящ. 105
Соколов Ю. С. 160
Соловьев В. С. 330
Солоневич (д. ф. Воскресенская) Т. В. 294, 298, 299
Солоневич Б. Л. 294, 299
Солоневич Е. 294
Солоневич И. 292, 294, 295, 298, 299, 301, 304, 305, 308, 309
Солоневич Ю. 291, 292, 294, 299, 314
Солоневичи, семья 291, 292, 294, 296–300, 302–311
Сондби, ген. 348
Сорока М. Г. 130, 131
Стаднюк И. Ф. 325
Сталин И. В. 40, 47, 53, 54, 57, 58, 66–70, 99, 137, 197, 221, 233, 235, 237, 250, 285, 288, 330, 339, 353, 377, 379
Стахевич М. С. 385
Стенрос см.: Макриди А.
Столыпин П. П. 380
Стравинская В. А. 149
Стравинский И. Ф. 126, 129, 149, 150
Строганова Е. Д. 90
Струве Г. П. 56
Струве П. Б. 56
Судейкин С. Ю. 129
Суражевский Л. Д. см. Ржевский Л. Д.
Сыроватский 80
Талалай М. Г. 248, 249, 261, 262
Танутров Г. Ф. 158, 159
Тарасов А. М. 79, 253, 254
Таубе Г. Н. 391
Телицын В. Л. 263
Терентьев В. О. 202, 204
Терзов А. С. 90
Терри Э. 132
Тито И.-Б. 102–104, 288, 289
Тодт Ф. 251, 252
Толстой Л. Н. 55, 128, 130, 310, 324, 328, 329, 370
Толстой М. Н. 124–126, 148, 149, 415, 416
Томашевский М. В. (псевд. Томашевский-Черный) 227
Томашевский-Черный см. Томашевский М. В.
Томсон М. 131
Тоцкая В. П. 231–234, 236–241
Тресков Х., фон 381
Третьяков И. А. 274
Троицкий (Норман, Нарейкис, Яковлев) Н. А. 180, 181
Троицкий С. В. 287
Троянова О. И. 383
Трубецкой Н., прот. 76, 77

- Трумэн Г. 348
Трушнович Я. 378
Туманов Я. К. 391
Туманский И. Г. 274
Туркул А. В. 56, 69, 391, 393
Турыгина Н. В. 88, 109
Тушин В. 78
Тюкалов Ю. С. 318
- Улитин А. В. (псевд. Йозеф Руд-
мик, Горький) 249, 251, 442
Урицкая Р. Л. 61
Урядова А. В. 56
- Фабрициус** 206
Фадеев А. А. 333, 334
Фармбахер В., ген. 213
Федотов Г. П. 58
Федотов-Уайт Д. Н. 391
Фесенко (урожд. Святенко) Т. П.
185–187
Филарет (Лебедев), архиеп. 76
Филдс Дж. 124, 135, 136, 144,
154
Фильд В. 431
Филиппов (наст. фам. Фили-
стинский) Б. А. 171, 181
Филистинский Б. см. Филиппов
Б. А.
Форгане К. 262
Фортъе Л. Дж., ген. 217
Франкьен И. 151, 156
Френсис А. 431
Фриш М. 329
Фромм Ф. 159
- Хасанова С. И. 276
Хелм Х. 104
Херасков М. М. 274
Хисамутдинов А. А. 96, 151
Ходнев Д. И. 159, 226
Хольмстон А. см. Смысловский
Б. А.
Хомяков см. Андреев Г. А.
Хорват Вс., свящ. 105
- Цветаева М. И. 192, 193, 231, 266,
269, 276
Цимбалист Е. А. 129
Ципкин Ю. Н. 65
Ципленкин В. П. 387
Цкриалашвили Ш. 258
Цурганов Ю. С. 59, 61
- Чаковский** А. Б. 325
Чапыгин И. В. 89
Чеккини Л. 256
Черкасова З. 150
Чернов В. М. 18, 19, 66, 67
Черныш Н. В. 340
Черчилль У. 348
Чугаев Д. А. 388
- Шамульский** П. И., свящ. 106
Шаронова В. Г. 95
Шеланкова Л. И. (в дев. Гонесто-
ва) 73, 74, 79, 80, 82–84, 425, 426
Шепунов Б. Н. 91
Шимченко А. 131
Ширяев Б. Н. 172–178, 182, 183
Шишко П. О. 391

- Шкаренков Л. К. 68, 99
Шкаровский М. В. 278
Шкуро А. Г. 69
Шмелев И. С. 70
Шнеер А. 159
Штауффенберг К., фон 381
Штейгер А. С. 266
Штейфон Б. А. 103, 114, 116, 118
Штейфон Б. А., ген. 103, 114, 116, 118
Штранге (Рам) Э. М. 264, 271
Штранге К. 277
Штранге М. М. 263–277
Штранге М. Н. 264
Штранге-Паттон В. М. 272
Штрандтман В. Н. 56, 57
Штрик-Штрикфельдт В. К. 227, 381
Шубарт В. 380
Шувалов Е. И. 262
Шульгин В. В. 298
Щупинский, 131
- Щеглова Е. П.** 324
Щербак И., прот. 106
- Эберхардт см. Рейсс И.
Эдуард VIII, кор. 310
Эфрон А. С. 276
Эфрон С. Я. 266, 269, 276
- Юделевский Я. Л.** см. Делевский Ю.
Юденич Н. Н., ген. 74, 78, 79
Юрченко В., свящ. 105
- Яковкин Е. В.** 90, 92–94
Яковлев см. Троицкий Н. А.
Янгиров Р. М. 128, 155
Яненко М. Н. 391
Янсонс И. 76
Янсонс И. И. 76
Ярушевич Н. 288

-
- Джурић В. 105
- Bernardelli Curuz M. 251
Bllumenson M. 217
Bunjevac St. 106
- Fields J. 125, 135
- Galleni M. 253–254
Giovannelli G. 256
- Halpern S. 264,
Haynes J. E. 143
- Ivanov M. 252–253
- Klehr H. 143
Krišto J. 105
- Lamphere R. J. 143
Longmate N. 339
- Mensi I. 253
Minardi M. 257
Mirsky D. S. 264
- Požar P. 107
- Shachtman T. 143
Shenfield Stephen D. 90
Slepuchin J. 382
Speziale L. 253
Štrbac D. 107
Suvchinskaya V. 264,
Zaloga S. J. 208, 212, 215–216
Zetterling N. 210



**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
МИХАИЛА СЕРГЕЕВИЧА ГЛИНКИ**



МИХАИЛА СЕРГЕЕВИЧА ГЛИНКИ НЕ СТАЛО НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ 8 СЕНТЯБРЯ 2022 ГОДА

В наши дни как-то стало обыденным выражение «уходит эпоха» — действительно, очень много невосполнимых потерь случилось в последнее десятилетие, раздираемое противоречиями и кризисами — именно тогда, когда так необходимо сохранить то общее гуманистическое начало, на основе которого создавалась великая русская культура, неотъемлемой частью которой является великая русская литература.

Свое неповторимое, доброе и честное слово сказал в ней и Михаил Сергеевич Глинка — ленинградский, петербургский писатель, проживший трудную, но очень интересную жизнь и отобравший из множества дней и событий, встреч и открытий самое важное, чем хотел поделиться со своими читателями.

Михаил Сергеевич был человеком на редкость замечательным: потомственный дворянин, никогда не подчеркивающий свое происхождение, но всегда соответствующий ему; невероятный эрудит, щедро делившийся своими знаниями и никогда не кичившийся ими; верный друг, всегда готовый подставить свое плечо и не требующий ничего взамен; труженик, выполнявший любую свою работу на самом высоком уровне как нечто само собой разумеющееся; и просто очень добрый и теплый человек, которого помнить будут очень многие, имевшие счастье общения с ним...

Член Всемирного клуба петербуржцев, член Союза писателей Санкт-Петербурга, лауреат литературных премий, моряк, — с 2011 М. С. Глинка был председателем Совета Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги — библиотекам». За эти более чем десять лет мы вместе провели множество встреч и мероприятий, и Михаил Сергеевич всегда был «у руля». В следующем году Фонду исполнится 20 лет, и мы планируем издать юбилейный сборник, где будут материалы и об этом прекрасном Человеке. А пока — несколько фотографий, несколько чудесных мгновений жизни...



*Михаил
Сергеевич
Глинка.
Слепухинские
чтения-2018.
Старая Ладога
(Архив Фонда
Слепухина)**

** Здесь и далее:
Публикуется
впервые*



*Слепухинские чтения-2016. В Институте русской литературы
(Пушкинский дом) РАН. Слева-направо: Н. А. Слепухина, М. Н. Толстой,
П. Н. Базанов, М. С. Глинка. (Архив Фонда Слепухина)**



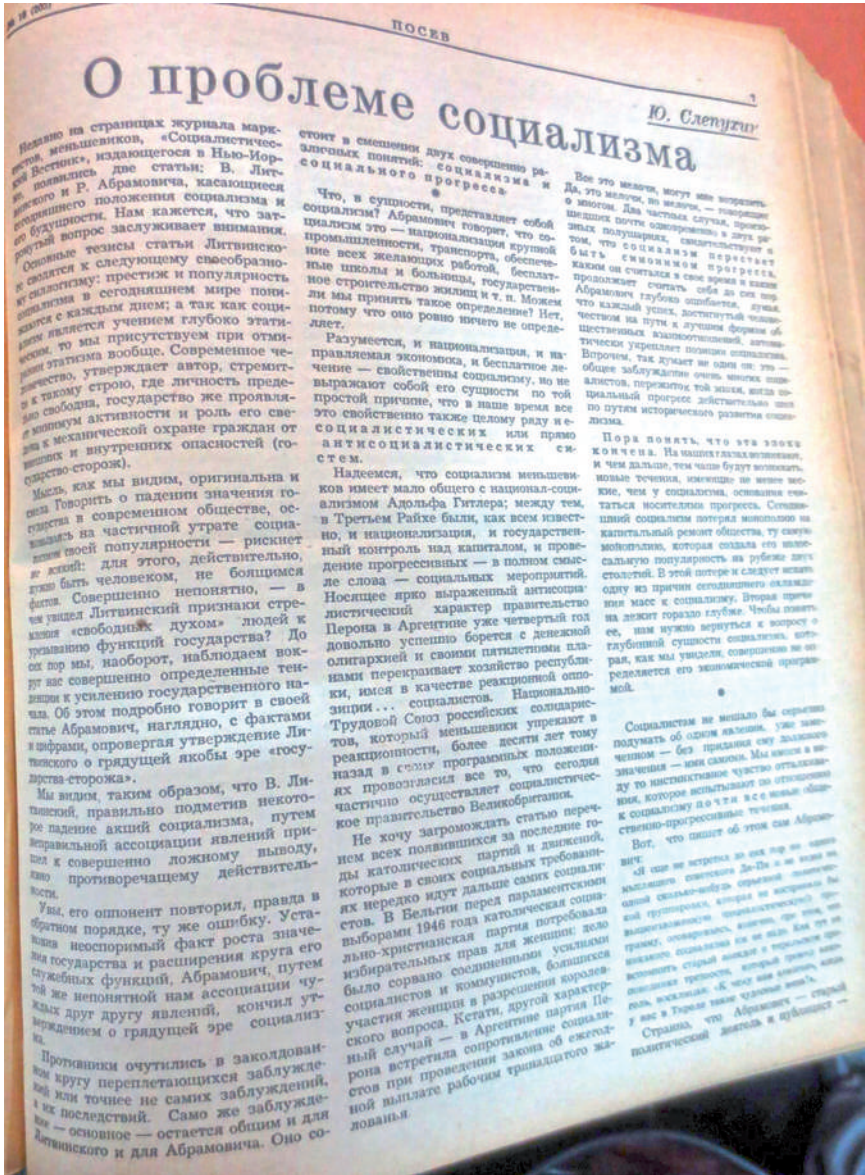
*Н. А. Слепухина,
М. С. Глинка.
Всеволожск,
2020
(Архив Фонда
Слепухина)**



*М. С. Глинка,
М. Н. Толстой.
Санкт-Петербур-
бург, 2022
(Архив Фонда
Слепухина)**

ИЛЛЮСТРАЦИИ





Первая страница статьи Ю. Слепухина «О проблеме социализма» // Посев (Лимбург). 1950. 23 апр. № 16. С. 7-9. (Личный архив автора)



*Н. А. Слепухина
и И. Н. Андрушкевич
в Доме русского
зарубежья. Москва,
2014
(Архив Фонда
Слепухина)**

** Здесь и далее:
Публикуется впервые*



*Слева-направо: А. С. Кручинин — заведующий отделом военно-исторического наследия ДРЗ, Н. А. Слепухина — генеральный директор БФ имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги — библиотекам», Т. А. Королькова — заместитель директора ДРЗ по библиотечной работе, В. А. Москвин — директор ДРЗ, И. В. Домнин — заместитель директора ДРЗ по вопросам культурно-исторического наследия, С. Л. Зайцев — заведующий отделом аудио- визуального наследия Русского зарубежья ДРЗ; Сидят: И. Н. Андрушкевич, А. А. Андрушкевич. Москва, 2014. (Архив Фонда Слепухина)**



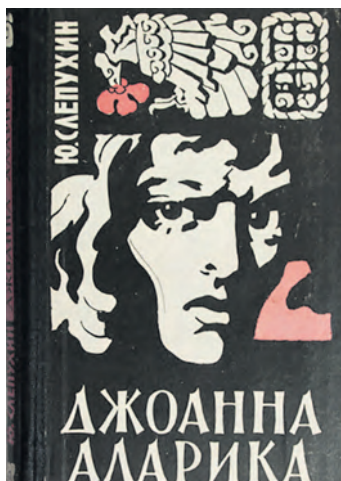
*Юрий Слепухин с матерью и сестрой Ириной.
Аргентина, Буэнос-Айрес. 1950*



*Юрий Слепухин с сестрами Андрушкевич: Людмилой(слева) и Еленой.
Буэнос-Айрес. 1953*



Ю. Слепухин на Родине. За любимой пишущей машинкой Remington в Ломоносове. 1963



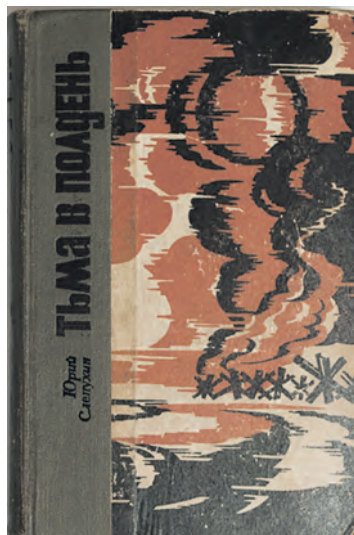
Обложка первого издания повести «Джоанна Аларика». 1959



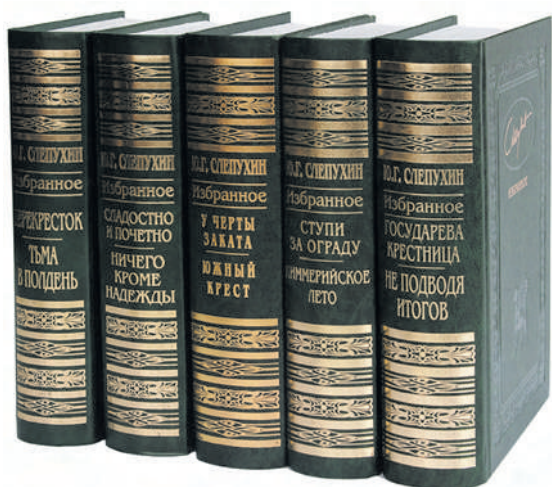
Обложка первого издания романа «У черты заката». 1961



Обложка первого издания романа «Перекресток». 1962



Обложка первого издания романа «Тьма в полдень». 1968



«Избранное»
Ю. Г. Слепухина
в 5-ти томах.
2005–2011.



*Диакон Иоанн Гонестов. Середина 1930-х.
Личный архив Л. И. Шеланковой*



Л. И. Гонестова. Конец 1930-х. Личный архив Л. И. Шеланковой



*Людмила и Нина (?) Гонестовы. Середина 1930-х.
Личный архив Л. И. Шеланковой.*

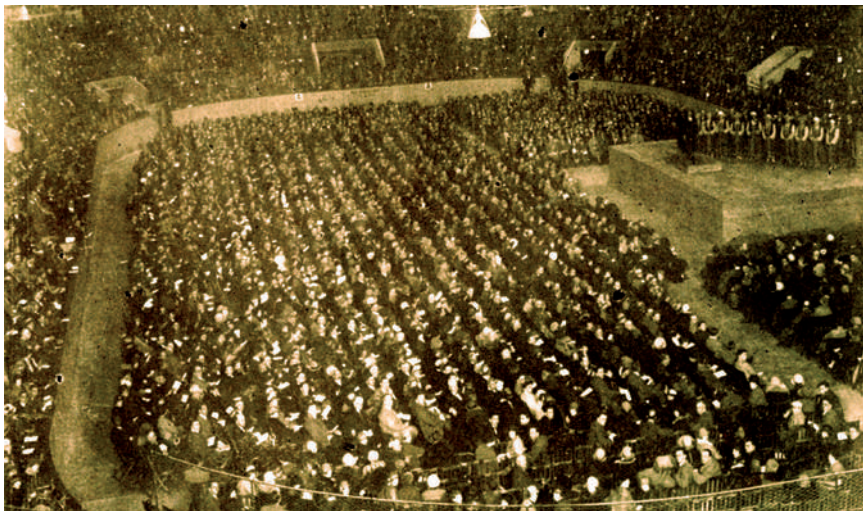


Рис. 1. Выступление хора В. Ф. Кибальчича на стадионе в городе Провиденс, штат Род Айленд (англ. — Providence, Rhode Island). Сезон 1926–1927 гг. Источник: *Russian Symphonic Choir. New York. Booklet* // МРК. Ф. 36 (В. Ф. Кибальчич). Оп. 1. П. 2. Ед. хр. 23.



Рис. 2. Выступление хора В. Ф. Кибальчича в городе Толедо, штат Огайо (англ. — Toledo, Ohio). 4 декабря 1930 г. Фото: Kaufmann & Fabry Co. Источник: *Musical Courier. New York. 1931. January 10* // МРК. Ф. 36 (В. Ф. Кибальчич). Оп. 1. П. 2. Ед. хр. 30.

S. HUROK presents the ENLARGED


RUSSIAN SYMPHONIC CHOR

BASILE KIBALCHICH, Director

in his

JUBILEE CONCERT

XXV Anniversary



BASILE KIBALCHICH
Sculpture by S. Kosenkov

ASSISTED BY
TALIA SARAKIEVA, soprano and EVELI RELOUSSOFF, Violist

CARNEGIE HALL
7th Avenue and 57th Street, New York

MONDAY EVENING, DECEMBER 27th at 8:30 P.M.

Tickets \$10, \$1.10, \$1.10, \$1.10, \$1.10 (not included)
How to order at Box Office and at Mr. M. Winterberg
1322 Madison Avenue, New York City, Telephone 9-1942

N. B. C. ARTISTS SERVICE VICTOR RECORDS

Sponsors Committee

Charles H. Cross, Chairman

MEMBERS:

Harvey W. Anderson
Mr. & Mrs. John N. Brown
Emil Dolozov (Guest)
C. J. Dehaen
Prof. V. N. Drosdoff
Vasil D. Dumboske
Emil K. Ellis
G. D. Grebenchikoff
A. T. Grechaninoff
Cresten S. A. Ignoffo (Guest)

Joan Inzhi
Mrs. Natalie N. Jacobson
Irene N. Kharoff
Mr. & Mrs. S. Kosenkov
Marka Levine
Mrs. John A. Manning
Miss Alice Messaryk (Guest)


M. M. Mezdin
Prince Serge P. Obolensky
Very Rev. S. Olski (Guest)

Prof. I. I. Ostroumiansky
Constant Scoble Famine (Guest)

Mrs. Tatiana Pollock
Vera Popova
Col. & Mrs. F. L. Robbins
Talia Sarakieva
Alexander Siloti
S. A. Sotnie
Mr. & Mrs. S. Soodestine
Igor Stevinsky (Guest)

George T. Strong (Guest)
Capt. & Mrs. B. Sergievsky
N. N. Tolstoupin (Guest)
N. M. Thonoff (Guest)

Prof. A. V. Tolstoupin
Samuel Yarnow
Eileen Zimbaloff
Mrs. Ludmila Wittenberg, Treasurer
George Novitsky, Secretary



... Prog

I.

1. Tantum Ergo _____ Gluck
2. Litany _____ Traditional
(Guests included)
3. Repent and Saved You'll Be _____ Love
4. Blessed Man (1st Psalm) _____ Archangelsky
(Guest solo by MICHAEL EIDOVICH)
5. Glory to the Lord's Name _____ Archangelsky
6. Credo _____ Grechaninoff
(Solo solo by EVELI RELOUSSOFF)
7. Lord, Have Mercy _____ Lovetsky

II.

8. Prelude in C Minor _____ Chopin
9. Varieg'd Aria from opera "Sadko" _____ Rimsky-Korsakov
(Guest solo by STEPHAN EIDOVICH)

M. WITMARK & SONS, MUSICAL PUBLISHERS

Рис. 3. Буклет-программа юбилейного концерта В. Ф. Кибальчича (первый лист буклета: лицевая и оборотная стороны). Нью-Йорк, Карнеги Холл. 27 декабря 1937 г. Оформление буклета — Сергей Судейкин. Благодарим директора Мемориального музея «Творческая мастерская С. Т. Коненкова» С. Л. Боброву за предоставление фото.

4135827 02649

REGISTRATION CARD—(Men born on or after April 28, 1877 and on or before February 16, 1897)		ORDER NUMBER
SERIAL NUMBER	1. NAME (PRINT)	
U 172	Basile (none) Kibalchich (last)	
2. PLACE OF RESIDENCE (PRINT)	Southbury New Haven Conn.	
(The PLACE OF RESIDENCE GIVEN ON THE LINE ABOVE WILL DETERMINE LOCAL BOARD JURISDICTION; LINE 2 OF REGISTRATION CERTIFICATE WILL BE IDENTICAL)		
3. MAILING ADDRESS	R.F.D. Southbury Conn.	
4. TELEPHONE	5. AGE IN YEARS	6. PLACE OF BIRTH
	58	Chernigoff
	DATE OF BIRTH	(Town or county)
	March 7, 1884	Russia
		(State or country)
7. NAME AND ADDRESS OF PERSON WHO WILL ALWAYS KNOW YOUR ADDRESS	Miss Mary Saraka Southbury, Conn.	
8. EMPLOYER'S NAME AND ADDRESS	Self	
9. PLACE OF EMPLOYMENT OR BUSINESS	Conductor of music	
	Southbury	New Haven Conn.
I AFFIRM THAT I HAVE VERIFIED ABOVE ANSWERS AND THAT THEY ARE TRUE.		
D. S. N. FORM 1 (Revised 4-1-42)	(over)	16-7100P-3 Basile Kibalchich (Register not a requirement)

Рис. 4. Карточка воинского учёта, согласно которой В. Ф. Кибальчич в 1942 г. проживал в городке Саутбери, штат Коннектикут (англ. Southbury, Connecticut). URL: www.ancestry.com (дата обращения: 12.12.2021).



Рис. 5. а) «Донат гёрлз» — девушки из Армии спасения, делавшие пышки для американских солдат во Франции во время Первой мировой войны. Плакат. 99x72 см. 1918. Художник – Ричардс Джордж Мазер (англ. – Richards George Mather) (1880–1958).

URL: <https://www.loc.gov/item/00652950/> (дата обращения: 12.12.2021).

Рис. 5. б) Обложка пластинки с песенкой об Армии спасения и о «Донат гёрлз». URL: <https://www.worldwar1centennial.org/index.php/communicate/press-media/wwi-centennial-news/3929-doughnut-girls-the-women-who-fried-donuts-and-dodged-bombs-on-the-front-lines-of-world-war-i.html> (дата обращения: 12.12.2021).

NATIONAL THEATRE

E STREET THEATRE CORPORATION, LESSEE
Edmund Fitch, Manager
Telephone, National 6031 - 62 - 63

WEEK BEGINNING MONDAY EVENING MAY 31, 1943

It is urged for the comfort and safety of all that theatre patrons refrain from light matches in this theatre.

MAYNERS WEDNESDAY AND SATURDAY AT 1:30 P.M.

MAX GORDON
presents
"THE DOUGHGIRLS"
A New Comedy by JOSEPH FIELDS
Staged by GEORGE S. KAUFMAN
Setting by Frederick Fox

CAST
(In the order of appearance)

EDNA	JOY HODGES
JULIAN CADMAN	THEODORE NEWTON
MR. JORDAN	JOHN CLARKE
COLONEL HARRY HALLSTEAD	BRUCE McEARLANE
A BELLBOY	MEL ROBERTS
MAIDS	LUCILLE BENSON ELEANOR KING
VIVIAN	MARIANNE O'BRIEN
ANOTHER BELLBOY	STEPHEN HADDON
A PORTER	DAVID TYRRELL
ANOTHER PORTER	DOUG. ALEXANDER
WAITER	DONALD FOSTER
NAN	BECKY BROWN
BRIGADIER GENERAL SLADE	NICHOLAS JOY
TOM DILLON	PHIL ARTHUR
JUDGE HONORIA BLAKE	DORRIT KELTON
NATALIA CHODOROV	ANN HUNTER
A STRANGER	BOBBY BARRY
ORDERLY	CHARLES PARSONS
WARREN BUCKLEY	RAY LARGAY
SYLVIA	MURIEL HUTCHISON
CHAPLAIN STEVENS	NEL FITZGERALD
ADMIRAL OWENS	REGINALD MASON
TIMOTHY WALSH	FRANK ROWAN
STEPHEN FORBES	JOSEF DREYER
FATHER NICHOLAI	BASILF KIRBALCICH
SAILORS, MARINES, HOUSE STAFF, MESSENGER, etc.	
DOUG ALEXANDER, STEPHEN HADDON, DAVID TYRRELL, LUCILLE BENSON, ELEANOR KING, ROGER DAVIS, WILLIAM MORGAN, HENRY COOPER	

The scene is a Washington hotel suite

ACT I
An August afternoon

ACT II
Two weeks later

ACT III
Four weeks later. A Sunday morning

All clothes under the supervision of Blanca Stroock
Lighting by Al Alloy

CREDITS

Scenery built by T. B. McDonald Construction Co. and painted by Triangle Scenic Studios, Inc. Clothes and hats for the Misses Hodges, O'Brien and Brown by Hattie Caraglio. Miss Hunter's uniform and men's character clothes by Brooks Costume Co. Military uniforms by Brooks Uniform Co. Uniforms for Nicholas Joy and Neil Fitzgerald by Rogers Post Co. Marine uniforms by Hayes Costume Co. Admiral uniform for Reginald Mason by Brooks Costume Co. Miss Nelson's suits by Kossini and Angala. Hats by Saks Fifth Avenue. Cosmetics and coiffures created by Charles of the Ritz. Jewelry courtesy of Lambert Brothers. Furson by Goldstein Bag Co. Gloves by Van Ralste. Lighting equipment from Davico. Furniture and furnishings from Newall, Art. Galleries. Pictures by Camilla Lucas. Special properties from Weidhas Studios. Draperies from J. Weiss and Sons. Shoes by J. Miller. Hosiery by Jesse Zimmerman. Lighting fixtures by Charles Winston Co. Carpet from Hotel and Theatre Carpet Co. Telephone courtesy of New York Telephone Co. Luggage by Wherry Trunk Co. Vacuum cleaner by Hoover Co. Typewriter and electric razor by Remington-Rand. Cigarettes courtesy of W. B. J. Reynolds Co.

REPRESENTING MR. GORDON

General Manager	Ben A. Boyer
Press Representative	Nat N. Diefman
Company Manager	John Henry Meiss
Stage Manager	Karl Nielsen
Assistant Stage Manager	Charles J. Parsons
Costing Director	Myra Hampton Syger
Chaperone	James Gregg
Property Man	Alva Brown
Electrician	Al Alloy

A nationally known woman's magazine, after a year of experimentation, issued a report that:

This New Vitamin Can Restore Original Color to GRAY HAIR

80% of the persons tested of both sexes and all age groups had gratifying results starting within a question. A newly discovered Vitamin B factor known as Pantothemic Acid plus Calcium was added to their regular diet. This vitamin product may now be obtained under the trade name of

"VITAPAN"

The true Calcium Pantothemate with full daily requirement of 533 U.S.P. Units Vitamin B1 added. Only 1 tablet per day required. 3 months' supply for complete test, \$4.50, each after, \$ for \$11.95

THE VITA HEALTH FOOD CO.
619 13th STREET N.W. 3450 14th STREET N.W.
Phone CO. 7280 for Free Delivery

Рис 6. Афиша спектакля «Доггёрлз», в котором дебютировал В. Ф. Кибальчич. 31 мая 1943 г. Вашингтон, Национальный театр (англ. — National Theatre).
Благодарим С. Б. Разозина за предоставление фото.

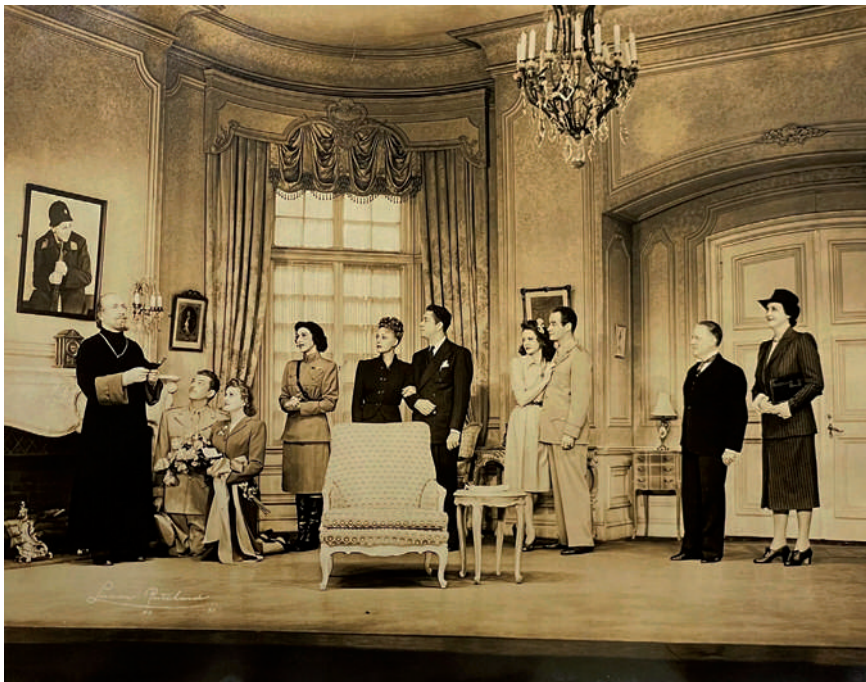


Рис 7. Финальная сцена из спектакля «Доугёрлз». Нью-Йорк, Театр Лицеум (англ. — Lyceum Theatre). Фото: Lucas-Pritchard.

В ролях: православный священник отец Николай — М. П. Пантелеев, снайпер — Арлен Френсис (Arlene Francis), венчающиеся девушки (три «доугёрлз») — Вирджиния Фильд (Virginia Field), Арлин Вилан (Arleen Whelan), Дорис Нолан (Doris Nolan). Источник: МРК. Ф. 85 (М. П. Пантелеев). Оп. 1. П. 3. Ед. хр. 13.



Рис. 8. Актёры театра Гэри (Сан-Франциско, Geary Theatre) глазами художника.

В. Ф. Кибальчич — слева в нижнем ряду.

Источник: *The San Francisco Examiner*. 1943. July 24. S. 6.

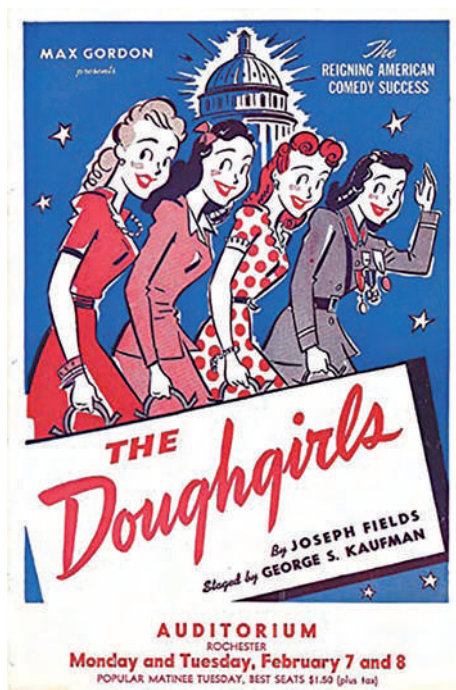


Рис. 9. Рекламная афиша спектакля «Доугёрлз» гастролирующей труппы.

Источник: <https://www.amazon.com/Lenore-Ulric-DOUGHGIRLS-Furness-Rochester/dp/B012BKVJN8> (дата обращения: 12.12.2021).



А. И. Думбадзе в 1922. AGR, Dossier étranger N° 1.230141. P. 2.



А. И. Думбадзе в 1930. AGR, Dossier étranger N° 1.230141. P. 6.



А. И. Думбадзе в 1949. AGR, Dossier étranger N° 1.230141. P. 104.



А. И. Думбадзе в 1954. AGR, *Dossier étranger*
N° 1.230141. P. 116.

DE BELGIE
RIJK BELGIE
DE LA JUSTICE
E VAN JUSTITIE
Algemeen Directeur
en -r Afdeling

BULLETIN DE RENSEIGNEMENTS
INLICHTINGSBULLETIJN

Ville de LOUVAIN
Stad LEUVEN

DE PUBLIQUE
RE VEILIGHEID

WO

seignements
de à établir
entrée de
Hingens ou de
sches: vant te
illen van

Nom et Prénoms Naam en Voornamen	Lieu et date de naissance (A) Plaats en datum der geboorte (A)	Résidence actuelle Huidige verblijfplaats	Nationalité (B) Nationaliteit (B)
Dumbadze, Alexis	Geboorte d. 24 Sticht 1899	van de koning N. a. Louvain	Russ.

3 Leuker
à te noemen
120 779 56 +
120 95 79 +
120 95 24 +
120 95 24 +

SURETÉ PUBLIQUE
12 JUL 1922
BRUXELLES

Lieu et date du mariage.

Plaats en datum van het huwelijk.

a) prénoms, lieu et date de la naissance du père, ainsi que son adresse.

a) Voornamen, plaats en datum der geboorte van den vader, en zijn adres.

b) Nom, prénoms, lieu et date de naissance de la mère, ainsi que son adresse.

b) Naam, voornamen, plaats en datum van de geboorte der moeder, en adres.

Profession.

Beroep.

Domicile légal à l'étranger.

Wettelijke woonplaats van den vreemdeling

Dernière résidence à l'étranger. (A)

Laatste verblijfplaats in 't buitenland. (A)

Date de l'arrivée en Belgique.

Datum der aankomst in België.

célibataire

jean, décédé en 1916 à l'âge de 81 ans.

Reyn, Sophie, décédé en 1905, à l'âge de 49 ans.



étudiant

Crimic-Yalta.

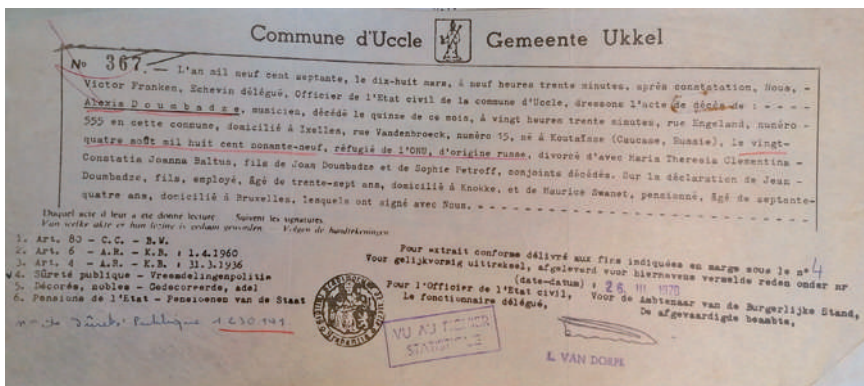
Constantinople

le 13 mai 1922.

Карточка регистрации иностранца на имя А. И. Думбадзе. 1922.
Стр. 1. AGR, Dossier étranger N° 1.230141. P. 1.

8° Résidences antérieures en Belgique. 8° Vroegeren verblijfplaatsen in België	<i>rien</i>
9° Date de l'arrivée dans la commune et adresse complète. 9° Datum der aankomst in de gemeente en volledig adres.	<i>Louvain, rue du Charriage 14, depuis le 13-5-19</i>
10° Nature des papiers, leur état, autorités qui les ont délivrés, lieu et date de leur délivrance. 10° Aard der papieren, hun staat, overheden die ze hebben afgeleverd, plaats en datum hunner aflevering.	<i>Un laissez-passer n° 4134, délivré à Combray (France) par le bureau d'immigration de Combray (France) (section française) vice sous le n° 245 à la chambre d'immigration de Combray (France) pour permettre au titulaire de séjourner en Belgique pendant une période illimitée en vertu d'une autorisation du Ministère des Affaires Étrangères de Belgique de carte d'identité n° 61964, délivrée à Louvain, le 1-7-22.</i>
11° Est il réfugié politique ?	<i>non.</i>
11° Is hij wegens staatkundig ver grijp uit zijn land geweken ?	
12° Antécédents. — Conduite et moralité. 12° Voorgaande. — Gedrag en zedelijkheid.	<i>Sans antécédents — est de bonne conduite et moralité. Louvain, le 10-7-22. L'Officier de police, G. Hanon</i>
13° Situation militaire. 13° Toestand in zake militie.	<i>//</i>
14°	  <p>Joindre au présent bulletin deux portraits photographiques de la personne qui en fait l'objet, dont un à coller dans la case ci contre.</p> <p>Men voege bij dit bulletin twee photographische portretten van den persoon die er het voorwerp van uitmaakt, waarvan een in hiernaaststaande vakje moet geplakt worden.</p> <p><i>Signature de l'intéressé. Handteekening van den belanghebbende.</i></p> <p><i>A. Dumbadze</i></p>
15° Avis des autorités locales, au sujet de l'opportunité de la délivrance du permis de séjour. 15° Bericht van de gemeentelijke overheden m aangaande de gelegenheid van het afleveren der verblijfskaart.	<i>rien de défavorable à signaler à ce jour. Louvain, le 10-7-22. L'Officier de police, G. Hanon</i>

Карточка регистрации иностранца на имя А. И. Думбадзе. 1922.
Стр. 2. AGR, Dossier étranger N° 1.230141. P. 2.



Свидетельство о смерти на имя А.И. Думбадзе. 1970. AGR, Dossier étranger N° 1.230141. P. 144.



281-й кавалерийский ост-батальон (украинский) на привале.
(Фото из общедоступных источников)



Боец 281-го кавалерийского ост-батальона (украинского).
(Фото из общедоступных источников)



Карта района боевых действий 281-го кавалерийского ост-батальона (украинского). (Фото из общедоступных источников)



*Американская бронетехника в боях за Лорьен.
(Фото из общедоступных источников)*



*Лорьен после американских бомбардировок в 1945 г.
(Фото из общедоступных источников)*



Партизан Александр Васильевич Улитин



«Удостоверение патриота» (т. е. участника Сопротивления), выданное Цихари («Дзакари») Ергашеву британским фельдмаршалом Х. Александром, Верховным Главнокомандующим союзными войсками в Центральном Средиземноморье. Архив Рустама Ергашева. Болонья.*



Удостоверение партизана, выданное после войны Ц. Ергашеву от командования Корпуса добровольцев свободы. Архив Рустама Ергашева. Болонья.*



*Вано Нанобашивили. Архив Мариарозы Нанобашивили. Болонья.**



Кончетта Лакава-Зеленина. Архив Галины Сердюковой.



Л. А. Львов (слева) и П. Н. Базанов. Комарово. 27 июля 1997.



*Е. Н. Андреева у полок с архивом Н. Е. Андреева. Оксфорд. 2021.
(Фото из архива автора)**



Документы из архива Н. Е. Андреева: поздравление Н. Е. Ефремову от Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. 1973. Первая подпись в списке — Д. С. Лихачева; слева внизу — открытка от Л. Ф. Зурова; на правой стороне письмо от К. И. Гаврилова. 1973; справа внизу письмо от П. Н. Савицкого

**«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ. XX век. ЛЮДИ И СУДЬБЫ:
СЛЕПУХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ–2020»**

Труды Международной научной конференции

Редакторы Н. А. Слепухина, А. Г. Тимофеев
Корректоры Н. А. Слепухина, А. Г. Тимофеев
Компьютерная верстка А. В. Александрова

Подписано в печать 07.11.2022 Формат 60x84/16
Гарнитура Minion pro. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 28,125
Тираж 200 экз. Первый завод 50 экз. Заказ № 127

ФОНД СЛЕПУХИНА

Благотворительный фонд имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги — библиотекам»
188645, Россия, Ленинградская обл., г. Всеволожск, пр. Достоевского, д. 11.
Тел. +7-921-976-58-54; e-mail: slepuhin@mail.ru; www.yslepukhin.ru

Отпечатано в ООО ИПП «Ладога»
197101, Санкт-Петербург, ул. Пестеля, д. 13–15, лит Б пом. 6Н
Тел. 272-05-66.
E-mail: ladoga.05@mail.ru
www.ladoga-print.ru



